

**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования**

**«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»**

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ
ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник статей

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2017**

УДК 343.13+343.98+343.2
ББК 67.99(2)93+67.99(2)94+67.99(2)8
О–13

Редакционная коллегия:

А. В. Булыжкин (председатель); С. А. Тишков,
В. Ф. Васюков, В. Н. Чаплыгина,
Д. А. Бадиков (ответственный секретарь)

**О–13 Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности
органов предварительного расследования : сборник статей / редкол.:**
А. В. Булыжкин [и др.]. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова,
2017. – 276 с.
ISBN 978-5-88872-183-4

Сборник научных статей составлен по материалам выступлений участников межведомственного круглого стола «Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов дознания и предварительного следствия» (19 октября 2016 г.) и всероссийского круглого стола «Актуальные проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений» (25 ноября 2016 г.).

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 343.13+343.98+343.2
ББК 67.99(2)93+67.99(2)94+67.99(2)8

ISBN 978-5-88872-183-4 © ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Агаева А. В. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ XX В.	8
Алехин Д. В. ОРГАНИЗАЦИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С БЕЗВЕСТНЫМ ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ГРАЖДАН.....	10
Алехин Е. В. ТАКТИКА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА	14
Белицкий В. Ю. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОДСУДИМОГО РАССМОТРЕНИЮ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О МОШЕННИЧЕСТВЕ, СОВЕРШЕННОГО ПО ПРИНЦИПУ «ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ», И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ	19
Болотова А. А., Бадиков Д. А. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВЕДЕТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ.....	23
Булыжкин А. В., Чаплыгина В. Н. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА КАК ПОЛНОПРАВНЫЙ УЧАСТНИК СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....	27
Вахмянина Н. Б., Казаков А. А. СПЕЦИФИКА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПОСТУПИВШИХ ИЗ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ.....	31
Вдовцев П. В., Каркошко Ю. С. К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ ГЛАВЫ 40.1 УПК РФ.....	34
Воробей С. Н. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СРОКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ОЗНАКОМЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ	38
Гаврилова Н. В., Бадиков Д. А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	40
Галкина У. В. ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НЕЗАКОННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА.....	45
Грохотова Е. А. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА У МИРОВЫХ СУДЕЙ.....	48
Гущев М. Е., Изосимов В. С. УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО- РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ЖИЛИЩЕ.....	51
Дёмин К. Е. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	54
Дронова О. Б. ИЗУЧЕНИЕ СВОЙСТВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ТОВАРА КАК КОМПЛЕКСНОГО ОБЪЕКТА ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	59
Еремченко В. И., Эюпова А. А. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ФАКТОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	63

Жак В. И., Клевцов В. В. СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ И СРЕДСТВ ЭЛЕКТРОННОЙ СВЯЗИ.....	67
Земзикова Е. Ю., Бадиков Д. А. ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ	70
Ильин Н. Н. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАМЕР СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ И ВИДЕОИЗОБРАЖЕНИЙ, ОТОБРАЖАЮЩИХ ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА, В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ.....	73
Илюк Е. В. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНЦЕСТНОЙ СЕМЬИ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ.....	80
Ирбаев Э. Т. ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	88
Исакова Т. В. О ПОНЯТИИ ИНТЕРЕСА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	90
Казачек Е. Ю. ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	94
Калюжный А. Н. НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ	99
Ким Е. П., Киселев Е. А., Гамалей А. А. К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ В РОЗЫСКЕ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	102
Клевцов В. В. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО РАЗЛИЧНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ	109
Ковалев С. А., Вехов В. Б. ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ МОДЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НОВЫХ ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ.....	112
Коновалов Г. Г., Прокофьева Е. В. РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ МИКРОСКОПИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЭТАПЫ.....	118
Коновалов Г. Г., Кирюхина-Цешке К. П. О НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	122
Крючкова В. Ф. ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ВОЗНИКШЕГО НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ПЕРЕЕЗДЕ	129
Кудряшов Д. А. К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ, ОБЪЕКТЕ И ЗАДАЧАХ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	132
Курин А. А. ИНТЕГРАЦИЯ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	137
Курин А. А., Рыжков И. В. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ ЧЕЛОВЕКА.....	139

Курнышева Е. А. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ.....	142
Лушин Е. А. НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ.....	145
Малышева Н. А., Васюков В. Ф. ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ УСТРОЙСТВ.....	147
Марковичева Е. В. НАПРАВЛЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ.....	153
Мишенина А. А., Родионова Ю. В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	156
Моисеев Н. А., Новоселов Н. Г. ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ «ЛИЧНОГО СЫСКА» ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОВД В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СЕТИ ИНТЕРНЕТ	162
Морозова Н. В., Бадиков Д. А. ГРАБЕЖ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	167
Мотина Л. В. ИЗЪЯТИЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ...	170
Муллахметова Н. Е. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА.....	173
Омельченко В. А., Сезонова Т. В. О РОЛИ МИКРООБЪЕКТОВ ВОЛОКНИСТОЙ ПРИРОДЫ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	177
Осипова Т. В. РОЛЬ СОТРУДНИКОВ «СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ» В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	179
Петрова Т. Н. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	182
Пимакова О. Г., Бадиков Д. А. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА.....	187
Политыко О. Е. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ПРИСМОТРА ЗА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМОМ ИЛИ ОБВИНЯЕМОМ.....	191
Попова Е. И. ПАМЯТКА ПО РАССМОТРЕНИЮ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ И ПРИНЯТИЮ ПО НЕМУ ИТОГОВОГО РЕШЕНИЯ	194
Ретюнских И. А. ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ГРАБЕЖАХ И РАЗБОЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ.....	200
Решняк О. А., Ковалев С. А. ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	205
Ростовцев А. В. К ВОПРОСУ КОМПЛЕКСНОСТИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	208
Сибилькова А. В. ПРИМЕНЕНИЕ ФОТОГРАФИИ И ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	211

Скобелин С. Ю. ВИДЕОЗАПИСЬ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.....	214
Соломатина Е. А., Трошанович А. В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	218
Стольников П. М. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ С СУДЕБНЫМ КОНТРОЛЕМ.....	223
Сретенцев А. Н., Морозова Н. В. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ.....	226
Тишков С. А., Замуруев А. В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	228
Файзрахманов Н. Ф. ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ ИВАНОВОЙ ЕЛЕНЫ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ НА ТЕМУ: «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОПАСНЫМИ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ВЕЩЕСТВАМИ».....	232
Федосеева Е. Л., Литвин И. И. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ.....	235
Харатишвили А. Г. К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕРШЕННЫХ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ	238
Хмелева А. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ И НАВЫКОВ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБОБЩЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ)	244
Храмцова В. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ФАКТА НАЛИЧИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО ОТСТАВАНИЯ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ, НЕ СВЯЗАННОГО С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ.....	247
Часовской Ю. П. ВОЗМОЖНОСТИ ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ КОЖНОГО ПОКРОВА ЧЕЛОВЕКА С РЕЛЬЕФНЫХ ПОВЕРХНОСТЕЙ.....	251
Чухнин Д. А. ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МОБИЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ.....	254
Шеметов А. К. ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДАННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В АППАРАТАХ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ.....	257
Шувалов М. Н., Шувалова А. М. ОБНАРУЖЕНИЕ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ.....	260
Шутько С. А. АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСА О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРОИЗВОДСТВА О НАЗНАЧЕНИИ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	265
Шутько С. А. НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК ОДНА ИЗ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ.....	268

Яшков С. А. К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ НЕЗАКОННОЙ ОПЛАТЫ ЗАКАЗЧИКОМ ТОВАРА, СОВЕРШЕННОЙ ДО ЕГО ОТГРУЗКИ.....	270
--	------------

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ XX В.

Агаева Альбина Владимировна,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории государства и права,
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева,
302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95*

В статье раскрывается эволюция уголовного судопроизводства в России в XX в. Предлагается изучить исторический опыт, чтобы определить перспективы реформирования современного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

В начале XX века в России сформировался особый порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В его основу был положен принцип повышенной охраны несовершеннолетних правонарушителей и воспитательной направленности процесса.

Нормативная основа для такого воспитательно-охранительного подхода к подросткам, совершившим преступления, была заложена судебной реформой 1864 г. и принятием Закона 1897 г. «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых» [1]. Таким образом, определенная специфика производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних первоначально нашла свое отражение в Уставе уголовного судопроизводства, а позднее в специальном законе, свидетельствующем о первой попытке создать специализированное правосудие по делам несовершеннолетних правонарушителей [2].

К сожалению, с момента принятия указанного закона прошло более десяти лет, прежде чем в России появились специализированные суды, рассматривающие уголовные дела в отношении несовершеннолетних. Первый суд по делам несовершеннолетних был открыт в Санкт-Петербурге в 1910 г, а в течение нескольких лет такие суды появились во многих крупных городах: Москве, Томске, Саратове, Екатеринбурге, Киеве, Харькове, Одессе, Риге, Либаве.

Уголовное судопроизводство в таких судах имело ряд особенностей. В первую очередь, дела рассматривались судьей только единолично. Форма судопроизводства в определенной степени была упрощена. Перед судьей стояли задачи не только вынесения решения в отношении несовершеннолетнего правонарушителя, но и принятие мер по предупреждению его дальнейшей криминализации. В этой связи к мировому судье такого суда предъявлялись дополнительные цензовые требования: наличие знаний в области педагогики и медицины. В силу этого обстоятельства судьями по делам несовершеннолетних становились врачи или учителя.

К отличительным чертам уголовного процесса применительно к производству в подобном суде следует отнести участие в судебном разбирательстве законных представителей, применение специальных мер пресечения в виде попечительского надзора, наличие процедуры по установлению с разумением ли несовершеннолетний совершил преступление. Отказ от формальной процедуры и закрытость судебного разбирательства имели своей целью снижение травмирующего воздействия системы уголовного судопроизводства на несовершеннолетнего.

В целом, по заключению Э. Б. Мельниковой, «российский суд для несовершеннолетних времен 1910–1918 гг. отличали и признаки, относящиеся к уголовному процессу: широкая предметная подсудность, включающая и преступления, и мелкие пра-

вонарушения; закрытый характер судебного разбирательства; отсутствие формальной судебной процедуры; упрощенное судопроизводство, сводившееся в основном к беседе судьи с подростком в присутствии его попечителя; отсутствие формального обвинительного акта; в основном применение попечительского надзора в качестве меры воздействия (по данным статистики этих судов, примерно в 70 % случаев)» [3].

К сожалению, на волне революционных преобразований данная модель уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних была утрачена и в 1918 г. ювенальную суды, показавшие свою эффективность, были заменены комиссиями по делам несовершеннолетних. Фактически рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних перешло к юрисдикции специального административного органа, которому в ряде случаев был обязан подчиняться даже суд. Уголовное дело в отношении подростка могло быть передано в суд, только если комиссия по делам несовершеннолетних приходила к выводу о неэффективности применения мер медико-педагогической реабилитации.

Определенный шаг на пути к возвращению к уголовно-процессуальным процедурам при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних был сделан с принятием УПК РСФСР 1922 и 1927 гг. К концу двадцатых годов прошлого века удалось восстановить институт законного представительства, предусмотреть возможность выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет. Следует отметить, что появилась и специальная процедура медицинского освидетельствования с целью установления возраста несовершеннолетнего [4].

Карательная политика государства в тридцатые годы двадцатого века сказалась и на положении несовершеннолетних обвиняемых, поскольку был снижен возраст уголовной ответственности и прекращена деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, а самим подросткам все чаще стали назначать наказание в виде лишения свободы [5]. В военные годы данная тенденция сохранилась. В этой связи И. А. Коновалова обоснованно отмечала, что «в связи с обусловленной военными действиями разрухой, голодом, упадком функционирования промышленной и сельскохозяйственной инфраструктуры, нарушением внутрисемейных отношений возросла преступность, безпризорность и безнадзорность среди несовершеннолетних. Ответной реакцией законодателя на данные негативные явления стало усиление уголовного преследования в отношении подростков» [6].

Знаменательным этапом в развитии отечественной модели уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних стали законодательные новеллы конца пятидесятых и начала шестидесятых годов прошлого века. В первую очередь, речь идет о появлении в УПК РСФСР 1961 г. специальной главы, аккумулирующей нормы, регулирующие порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. УПК РСФСР не только закреплял охранительную направленность уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, но и вводил реальные процессуальные механизмы для реализации данного принципа: механизм прекращения уголовного преследования, особенности производства отдельных следственных действий, обязательность участия защитника и т. д. Несмотря на непроработанность целого ряда вопросов, в целом данный нормативный акт сыграл важную роль в формировании теоретических представлений о сущности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, а практика его применения подтвердила жизненность и востребованность многих процессуальных механизмов.

Предпосылкой к созданию современной нормативной модели производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, которая нашла свое отражение в действующем УПК РФ, стала ориентация на необходимость возрождения ювенальной

юстиции, которая нашла свое отражение в Концепции судебной реформы в России, разработанной в 1991 году [7]. С сожалением приходится отмечать тот факт, что многие предложения, сформулированные в концепции не получили своего дальнейшего развития.

Краткий исторический обзор эволюционирования в XX вв. норм, регулирующих производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних позволяет сделать важный вывод: потеря преемственности между идеями ювенальной юстиции начала прошлого столетия и нынешними представлениями о системе уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних тормозит как теоретическое осмысление многих проблем, так и их решение на практике. На наш взгляд, наступило время переосмысления исторического опыта при определении современных ориентиров реформирования российского уголовного процесса.

1. О малолетних и несовершеннолетних подсудимых: Закон // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1900. Т. 17. Ст. 14233.

2. Марковичева Е. В. Эволюция производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: от Устава уголовного судопроизводства до Уголовно-процессуального кодекса РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1433.

3. Мельникова Э. Б. Будет ли в России ювенальная юстиция? Научно-практический комментарий // Рос. юстиция. 1998. № 11. С. 39.

4. Голубева Л. М. Судопроизводство по делам несовершеннолетних в системе советского уголовного процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1985. № 6. С. 52–54.

5. Марковичева Е. В. Несовершеннолетний в системе уголовного судопроизводства в России первой половины XX века // История государства и права. 2009. № 6. С. 35.

6. Коновалова И. А. Тенденции развития корыстной преступности несовершеннолетних и меры борьбы с ней: ретроспективный обзор // Адвокат. 2008. № 4. С. 85.

7. О концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ювенальный суды, уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

ОРГАНИЗАЦИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С БЕЗВЕСТНЫМ ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ГРАЖДАН

Алехин Дмитрий Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,

125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

В статье анализируется практика использования постоянно действующих следственно-оперативных групп в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан, приведены примеры из положительного опыта их деятельности.

Успешная работа следователей по уголовным делам, возбужденным по сообщениям о безвестном исчезновении граждан, в первую очередь, и во многом, зависит от согласованности действий с другими службами, входящими в структуру правоохранительных органов, на которые возложены задачи приема и регистрации сообщений о пропавших лицах, организации их розыска. В деятельности следственных подразделений СК России активно применяется практика организация раскрытия и расследования преступлений постоянно действующими следственно-оперативными группами с учетом специфики региона, способных оперативно реагировать на сообщения об убийствах и других особо тяжких преступлениях, в том числе связанных с безвестным исчезновением людей и представляющих особую общественную значимость.

В состав таких групп на постоянной основе прикомандировываются следователи районного (межрайонного) звена (иногда из отделов по расследованию особо важных дел), имеющие большой стаж и опыт следственной работы, а также следователи-криминалисты, оперативные работники соответствующих служб органов внутренних дел. В некоторых регионах встречается практика включения в состав таких групп представителей экспертно-криминалистических подразделений. Необходимо отметить, что участие на постоянной основе оперативных работников не является обязательным, они могут привлекаться в зависимости от специфики расследования того или иного дела для оперативного сопровождения.

На практике деятельность подобных групп довольно эффективна, особенно на первоначальных этапах расследования. Есть много примеров успешного раскрытия убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан и закрепления доказательств «по горячим следам». В кратчайшие сроки (2-3 дня) удастся собрать основной массив доказательственной базы по уголовным делам и на указанной основе уже определится с квалификацией преступления.

Так, при осуществлении поисковых мероприятий пропавшей 6-летней девочки, в овраге, на окраине села, был обнаружен ее труп, на котором имелись телесные повреждения, характерные для насильственной смерти в виде удушения и совершения насильственных действий сексуального характера. После получения сообщения об обнаружении тела девочки на место выехали сотрудники постоянно-действующей следственно-оперативной группы, в том числе специалист-полиграфолог.

Сразу после прибытия на место было организовано проведение дополнительного осмотра места происшествия. Было установлено, что место, где была обнаружена погибшая, может быть известно только жителям села, поскольку посторонние лица, из-за удаленности от общеизвестных путей передвижения не могли быть о нем информированы. Исходя из этого факта, были запланированы и дальнейшие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Поскольку на трупе имелись признаки сексуального насилия, сотрудникам органов внутренних дел было дано поручение об установлении мужчин из числа жителей села, имеющих отклонения в психическом и сексуальном поведении. Было установлено 6 таких лиц.

На основании данных осмотра места происшествия совместно со специалистом-полиграфологом был составлен опросник и установленных лиц сразу же доставляли для проведения полиграфного опроса. Одежда доставленных изымалась для проведения судебно-медицинской экспертизы и экспертизы КЭМВИ. При проведении экспертизы трупа погибшей было установлено, что с ней был совершен половой акт в задний проход, при этом половой орган, по мнению эксперта, имел небольшие размеры. В связи с этим в отношении всех доставленных лиц было проведено освидетельствование с участием судебного медика. У трупа были взяты соответствующие мазки на наличие спермы. Также на экспертизу была направлена одежда погибшей. Внимание сотрудни-

ков привлек узел, с помощью которого была задушена девочка. Узел был подробно описан в протоколе осмотра и сфотографирован.

К утру следующего дня были допрошены большинство жителей деревни, которые могли обладать какой-либо информацией. Опрос на полиграфе возможных подозреваемых результатов не дал. По информации, поступившей от экспертов, следов спермы на одежде потерпевшей обнаружено не было, на основании чего была выдвинута версия о том, что данное преступление могло быть совершено женщиной. Внимание привлекла 17-летняя жительница села, которая обнаружила труп девочки. Она путалась в своих показаниях, вела себя неадекватно. После того, как с ней была проведена беседа с участием психолога, она призналась в совершенном преступлении. Незамедлительно ее показания были зафиксированы с участием защитника, социального педагога с использованием видеозаписи. Подозреваемая на статисте продемонстрировала узел, повторив тот, который она использовала при удушении. Впоследствии проведенная трасологическая экспертиза подтвердила идентичность способа, которым были завязаны указанные узлы. Судебный медик подтвердил, что повреждения в области заднего прохода потерпевшей могли быть причинены пальцем руки человека. Проведенный в дальнейшем комплекс экспертиз подтвердил первоначальные выводы следствия. Таким образом, в течение 4 дней убийство было раскрыто «по горячим следам».

Общее руководство работой рассматриваемых групп, процессуальный контроль за законностью производства следственных действий, рассмотрение обращений граждан по уголовным делам, находящимся в производстве группы, может быть возложено на заместителя руководителя следственного органа. На руководителей территориальных следственных органов следует возложить обязанность по незамедлительному уведомлению руководителя и следователя-криминалиста постоянно действующей следственно-оперативной группы о совершенных на территории района особо тяжких, имеющих повышенную общественную значимость преступлениях.

Сотрудники группы, в соответствии с графиком дежурства, разрабатываемым руководителем и следователем-криминалистом, совместно со следователями районных (межрайонных) следственных отделов принимают непосредственное участие в выполнении первоначальных следственных действий при выезде на места происшествий. При этом во избежание процессуальных коллизий, постановление о возбуждении уголовного дела выносится следователем территориального подразделения.

Что касается дальнейшего расследования, то в зависимости от сложности, уголовное дело остается в производстве следователя районного (межрайонного) следственного отдела, уголовные дела повышенной сложности и общественной значимости, а также нераскрытые преступления, передаются для расследования в постоянно действующую следственную группу. Таким образом, следователи постоянно действующей следственной группы могут работать по уголовным делам с момента их возбуждения и до направления в суд.

Еще одним ключевым направлением в деятельности рассматриваемых структур, должны стать нераскрытые преступления о безвестном исчезновении людей, труп которых не обнаружен. Как правило, по таким делам имеется определенная информация о лицах совершивших преступление, но вину которых не удалось доказать. Причиной этого, как показывает анализ изученных уголовных дел, является недостаточный профессионализм следователей первичного звена, загруженность другими текущими делами. Примером этого может служить раскрытие и расследование уголовного дела о безвестном исчезновении женщины и ее двух сыновей. Расследование осложнялось тем, что потерпевшие являлись членами одной семьи, вели антиобщественный образ жизни, злоупотребляли спиртными напитками, вследствие чего заявления об их безвестном

отсутствии от родственников поступили в органы внутренних дел спустя 4 года с момента пропажи без вести.

В ходе проводимой оперативно-розыскной работы было установлено, что к исчезновению указанных лиц может быть причастен зять пропавшей женщины, у которого были неприязненные отношения с родственниками жены из-за аморального поведения последних. Он был задержан, дал признательные показания, но затем от них отказался, заявив, что они были даны под воздействием оперативных сотрудников, и, нарушив избранную в отношении него подписку о невыезде, от следствия скрылся.

Уголовное дело было изъято из производства следователя и передано для расследования в постоянно действующую следственно-оперативную группу. Подозреваемый был объявлен в розыск, параллельно устанавливались свидетели, показания которых косвенно подтверждали его причастность к совершению убийств, проводились обыски по месту прежнего проживания. Проверкой сведений о телефонных переговорах, было установлено местонахождение подозреваемого, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Задержанный дал признательные показания об обстоятельствах убийства, но место захоронения останков убитой им женщины указать не смог ввиду произошедших на местности изменений.

Зато указал места захоронения двух мужчин. Были обнаружены скелетированные останки, установлены дефекты с обугливанием костной ткани, которые могли образоваться в результате термического воздействия пламени. Судебно-медицинской экспертизой установлен пол, примерный возраст и рост потерпевших. Заключение медико-криминалистической экспертизы установлено, что скелетированные трупы неизвестных людей может происходить от потерпевших ввиду наличия сходства по полу, возрасту, в строении и пропорциях лица, без существенных различий.

Одним из доказательств вины явился протокол допроса судебно-медицинского эксперта. Эксперт допрашивался с учетом обстоятельств и механизма совершения преступления, изложенных обвиняемым. Так, обвиняемый показал, что убийство женщины совершил путем нанесения ей ударов по голове крупным круглым булыжником. Затем в течение около 12 часов сжигал ее труп в металлической емкости у себя в саду. Золу и остатки костей, объемом около трех ведер, он ссыпал в металлический ящик, который закопал рядом с кладбищем. Протоколом допроса эксперта установлено, что при ударах в область головы достаточно крупным булыжником, имеющим округлую форму, обычно образуются ушибленные раны мягких тканей головы, а также переломы костей свода и основания черепа, разрывы оболочек головного мозга, ушибы и размозжения вещества головного мозга. Указанные повреждения относятся к черепно-мозговой травме и по признаку опасности для жизни соответствуют тяжкому вреду здоровью. При подобных травмах головы смерть обычно наступает от разрушения головного мозга и находится в прямой причинной связи с травмой головы. При наличии достаточного количества горючего материала, в том числе дерева, возможно полное сжигание трупа в течение 10-12 часов до зольных останков. Наряду с золой возможно наличие мелких обугленных костных фрагментов.

Протоколы допросов судебно-медицинского эксперта о механизме образования телесных повреждений при удушении и утоплении, их локализации (либо отсутствии) на отдельных частях тела, мышечной и костной ткани, также явились дополнительным доказательством вины Шакирова в совершении убийств двух мужчин.

Таким образом, создание постоянно действующих следственно-оперативных групп позволяет решать задачи по организации целенаправленной работы по раскрытию и расследованию убийств, совершенных в условиях неочевидности с использованием научных и методических рекомендаций и применением криминалистической техники, имеющейся в распоряжении следователей-криминалистов; по привлечению к

расследованию сотрудников других правоохранительных органов, экспертов, технических специалистов из различных отраслей.

Ключевые слова: следователь, без вести пропавшие, раскрытие, расследование, неочевидные убийства.

УДК 343.98

ТАКТИКА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА

Алехин Егор Владимирович,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел,*

*Дальневосточный юридический институт МВД Российской Федерации,
680000, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15*

В статье раскрываются особенности, а также даются рекомендации по планированию и проведению проверки показаний на месте применительно к процессу расследования организации экстремистского сообщества. На основании проведенного исследования приводятся ситуации, в которых возникала необходимость проведения данного следственного действия, раскрываются мотивы, побуждающие обвиняемого дать согласие на участие в нем, меры безопасности, которые при этом целесообразно соблюдать.

Тактике проведения проверки показаний на месте посвящено немало исследований. Вместе с тем, как показывает практика, по делам об организации экстремистских сообществ задачи, решаемые данным следственным действием, имеют определенную специфику, обусловленную характером противоправного деяния, его механизмом, видом экстремистского сообщества, групповым характером деяний. Проверка показаний на месте является самостоятельным следственным действием, состоящим в показе лицом, правдивость показаний которого проверяется, определенного места, связанного с событием преступления, рассказе о совершенных действиях, их демонстрации, исследовании указанного места и сопоставлении сведений, сообщенных лицом ранее, с объективной обстановкой на месте.

При расследовании организации экстремистских сообществ данное следственное действие проводится в тех случаях, когда:

1) допрошенный затрудняется подробно рассказать о местонахождении каких-либо объектов (например, на которые наносились надписи экстремистского характера), расположении места (где происходил сбор членов экстремистского сообщества), пути к нему или от него, но в состоянии указать все это при выходе на место;

2) необходимо проверить или уточнить применительно к обстановке на месте способ или последовательность тех или иных действий допрошенного лица или других лиц;

3) имеются противоречия в показаниях нескольких участников экстремистского сообщества по поводу одних и тех же обстоятельств, касающихся определенного места, пути движения к нему, расположения участников события, отдельных их действий и т. п.

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что по рассматриваемой категории дел проверка показаний на месте проводилась в 17 % случаев. При этом необходимость в ее проведении возникала для:

- обнаружения вещественных доказательств (когда подозреваемый мог показать местонахождение тайников, спрятанных либо выброшенных предметов, орудий преступления и т. д.);

- уточнения обстановки места происшествия (при возникновении затруднений в детальном описании обстановки в целом либо готовности дать дополнительные сведения об особенностях самой обстановки и действиях остальных членов сообщества);

- выявления и исследования мест сбора членов сообщества, печати экстремистских материалов (установление новых помещений, зданий, территорий).

При расследовании организации экстремистских сообществ проверка на месте позволяет решить следующие задачи, имеющие непосредственное значение, а именно:

- обнаружить место происшествия, о котором члены сообщества затруднялись сообщить точные данные, позволяющие следователю его отыскать;

- обнаружить следы преступления или вещественные доказательства, которые ранее не были выявлены или о которых следователь ничего не знал;

- установить потерпевших или свидетелей, ранее не известных следствию;

- установить маршрут, не известный следователю, по которому члены сообщества прибыли на место происшествия или удалились с него;

- определить место проживания, работы соучастников преступления;

- выяснить или уточнить отдельные обстоятельства, связанные с действиями членов экстремистского сообщества на месте происшествия или маршруте следования, когда эти обстоятельства имеют значение для дела, а другими способами выяснить или уточнить их не представляется возможным;

- установить действительную обстановку на месте происшествия в момент происходивших там событий;

- выяснить степень осведомленности лиц, проходящих по делу, относительно места происшествия, отдельных объектов, маршрутов, действий соучастников, изложенных в показаниях;

- выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Эффективность проверки показаний на месте при расследовании организации экстремистских сообществ находится в прямой зависимости от целенаправленной подготовки к ее проведению, планирования подготовительных мероприятий, которое включает:

- 1) анализ материалов уголовного дела, сбор информации, необходимой для целенаправленного проведения следственного действия;

- 2) изучение личности субъекта, чьи показания надлежит проверить;

- 3) проработку оптимальных условий производства следственного действия;

- 4) определение времени проведения следственного действия;

- 5) подбор и приглашение лиц, обеспечивающих процесс проведения следственного действия;

- 6) подготовку технических и информационных средств;

- 7) обеспечение реальной безопасности лиц, принимающих участие в следственном действии;

- 8) инструктаж участников проверки показаний на месте.

При подготовке к проведению проверки показаний на месте следователь должен проанализировать протоколы допросов лица, чьи показания надлежит проверить, и протоколы допросов других лиц, протокол осмотра места происшествия, заключения экспертов, результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с предстоящим

следственным действием. Если в ходе такой работы следователь придет к выводу о необходимости выяснения новых обстоятельств, не выясненных предыдущими допросами, то принимает решение о проведении допроса лица, чьи показания проверяются.

Исходя из анализа изученных уголовных дел, допрос названных лиц проводится и в тех случаях, когда ранее не уточнялись отдельные обстоятельства, имеющие существенное значение для результативности и объективности проверки показаний на месте.

В процессе анализа материалов уголовного дела, а также оперативно-розыскных данных следователь должен четко представлять, какие обстоятельства и в какой последовательности необходимо проверить, что нужно исследовать (расположение объектов на местности, в пути следования, на самом месте происшествия и т. п.).

Для того чтобы успешно осуществить перечисленные мероприятия, следователь должен обратиться к показаниям свидетелей и соучастников исследуемого преступления [1; 4, с. 73–74]. При этом особое внимание следует обратить на противоречия в их показаниях.

Изучение свойств личности субъекта, чьи показания надлежит проверить, должно осуществляться предельно целенаправленно и всесторонне. Анализ практики расследования рассматриваемого вида преступления показал, что, давая согласие на проверку показаний на месте, обвиняемый может руководствоваться такими мотивами, как:

- а) стремление оказать помощь органам расследования в установлении истины по делу (18 % случаев);
- б) желание ускорить расследование для того, чтобы быстрее быть этапированным в учреждение исполнения наказаний (9 % случаев);
- в) желание затянуть следствие или ложными сведениями, сообщаемыми при проверке показаний на месте, направить его по ложному пути (24 % случаев);
- г) желание сориентироваться в обстановке и состоянии расследования (8 % случаев);
- д) намерение установить связь с соучастниками или просто увидеться с ними (11 % случаев);
- е) намерение подготовить нападение на участников следственного действия (прежде всего на работников правоохранительных органов) и совершить побег из-под стражи (16 % случаев);
- ж) намерение уничтожить следы преступления, не обнаруженные следователем при осмотре места происшествия (14 % случаев).

В процессе изучения личности субъекта, чьи показания предполагается проверить на месте, следователь должен владеть информацией о его близком окружении. Это особенно значимо при расследовании организации экстремистского сообщества, так как оно носит групповой характер, совершается лицами молодежного возраста, поведение которых порой сложно прогнозируемо. Информация о намерениях поможет следователю в принятии соответствующих мер, способных нейтрализовать негативное поведение проверяемого лица или его близкого окружения.

Для проработки оптимальных условий производства следственного действия иногда осуществляется предварительный выход следователя на место для ознакомления. При таком выходе следователь имеет возможность лично убедиться в существовании определенных объектов, их расположении, сориентироваться на местности или в маршруте следования, сопоставить показания проверяемого лица с действительной обстановкой. В процессе реализации данного подготовительного мероприятия следователь выясняет, что может помешать или, наоборот, способствовать проведению проверки, определяет узловые ориентиры, а также места, где «проверяемый» может подать

условный сигнал соучастникам или их близкому окружению, попытаться установить контакт с соучастниками, организовать эксцесс или нападение на участников следственного действия.

Проверку показаний на месте при наличии благоприятных погодных условий целесообразно начинать утром, поскольку обычно она занимает много времени. Определение времени всякий раз обусловлено необходимостью уменьшения опасности вмешательства в ход ее проведения посторонних лиц, создания безопасных условий для участников следственного действия. К примеру, если проверка должна проводиться на месте, где имеется большое скопление людей и интенсивное движение транспорта, то ее проведение будет затруднено или невозможно: движение транспортных средств будет создавать опасность для жизни и здоровья участников следственного действия, а большое скопление людей создаст ряд неудобств и будет оказывать психологическое воздействие на них.

Подбор и приглашение лиц, обеспечивающих процесс проведения следственного действия [6, с. 87–90], находятся в прямой зависимости от того, чьи показания проверяются (свидетель, обвиняемый), его намерений, особенностей места проведения следственного действия, характера процессуальной деятельности, которую предполагается выполнить при его проведении, и т. п. Например, если по ходу следственного действия возникает необходимость осуществить поисковые действия с применением технических средств, производить раскопки грунта, выявлять закрашенный или загроможденный текст («уничтожение» надписи экстремистского содержания) и т. п., то необходимо подыскать и пригласить соответствующих специалистов, а также лиц, способных выполнить трудоемкие работы, если в этом возникнет необходимость.

Для участия в проверке показаний на месте всякий раз желательно приглашать специалиста-криминалиста, а в случаях, когда это диктуется необходимостью – педагога, переводчика, защитника и др.

Как показывают обобщения практики расследования организации экстремистских сообществ, при проверке показаний на месте используются разнообразные технические и информационные средства. В одних случаях это средства связи и освещения, в других – фиксации хода и результатов следственного действия, в третьих – разнообразные средства поиска, в четвертых – средства измерения, в пятых – аналитические приборы исследования в невидимых лучах спектра, в шестых – информационно-технологические средства, способствующие получению сведений на месте проведения следственного действия, их передаче, проверке, фиксации в протоколе, и т. д. Так же, при проверке показаний на месте, целесообразно использование автоматизированного рабочего места следователя с целью ведения и фиксации результатов данного следственного действия.

При проведении анализируемого следственного действия следует принимать меры обеспечения реальной безопасности лиц, принимающих в нем участие. Выделяют [2, с. 70–71; 3] три уровня обеспечения безопасности: «1-й уровень: меры охранного характера: а) личная охрана, охрана жилища и имущества; б) использование технических средств контроля и прослушивания телефонных и иных переговоров; в) выдача оружия и специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; г) замена номера телефона; д) замена номерных знаков автотранспорта; е) временное помещение в места, обеспечивающие безопасность; ж) изменение внешности без хирургического вмешательства.

2-й уровень: меры, предусматривающие: а) переселение на другое место жительства; б) изменение места работы или учебы; в) изменение фамилии.

3-й уровень: меры, предусматривающие: а) изменение анкетно-биографических данных, данных о родственниках и супругах; б) замена документов (паспорт, диплом

об образовании, свидетельство о рождении, справки о получении специальности, водительское удостоверение и т. п.); в) изменение внешности, связанное с хирургическим вмешательством».

Рекомендации по безопасности участников следственного действия конкретизируются всякий раз в зависимости от обстоятельств, связанных с его проведением (проверяются показания организатора или члена экстремистского сообщества; специфика свойств личности; особенности личности лица, которое будет изобличено в результате проведения проверки; позиция лиц, проходящих по делу, и т. п.).

Наибольшей значимостью для расследования организации экстремистских сообществ обладает проверка показаний на месте сбора его членов. В результате ее проведения велика вероятность обнаружения новых вещественных доказательств (поскольку следователь, как правило, впервые оказывается на месте проведения следственного действия) и может быть уточнена имеющаяся у следствия информация о количестве участников собраний, действиях каждого из них. Например, в результате проведенной в ходе расследования организации экстремистского сообщества в г. Барнауле проверки показаний на месте следствию стало известно о месторасположении штаба и одного из мест сбора членов сообщества – «капище», где был обнаружен деревянный идол для проведения славянских обрядов, тем самым был устранен ряд противоречий в показаниях подозреваемых и выявлен организатор [5].

Проверка показаний на месте по делам об организации экстремистских сообществ не требует специальной реконструкции обстановки, обвиняемому предлагается определить маршрут движения, дать развернутые пояснения относительно обстановки и происшедших событий. При этом существенное значение имеет акцентирование внимания обвиняемым на изменениях, происшедших в обстановке, экстремистской символике, объяснение их значения. Проведенное исследование свидетельствует о том, что при проведении данного следственного действия допускается ряд процессуальных и тактических ошибок. Наиболее распространенными являются изложение обвиняемым ранее данных на допросе показаний, в результате чего проверка его показаний проходит без реального показа им своих действий; маршрут движения указывается сотрудником правоохранительного органа, а не обвиняемым; в протоколе отсутствует указание на маршрут движения; проверка показаний на месте проводится с одновременным участием двух и более членов экстремистского сообщества. Указанные упущения при проведении проверки показаний на месте приводят к тому, что следствием не устанавливается полный объем доказательственной информации, а собранные доказательства признаются недопустимыми.

Изучение материалов уголовных дел и юридической литературы позволяет сформулировать некоторые рекомендации по проведению данного следственного действия при расследовании организации экстремистских сообществ. В случае, если при проведении проверки показаний на месте обвиняемые показывают одни и те же места и объекты, рекомендуется применение видеосъемки из одной и той же позиции, что позволит наглядно подтвердить совпадения в показаниях членов экстремистского сообщества, окажет тактико-психологическое воздействие на других привлекаемых к уголовной ответственности и на внутреннее убеждение субъекта расследования, а также составлять план-схему, используя в каждом случае одни и те же условные обозначения.

1. Давыдов М. В. Проверка показаний на месте: перспективы совершенствования: монография. Орел: ОрЮИ МВД России, 2013. 103 с.

2. Марченко С. Л. Некоторые проблемные аспекты применения уголовно-процессуальных мер безопасности участников процесса в стадии предварительного рас-

следования // Научный вестник Тюменского юридического института МВД России: сб. науч. тр. Тюмень: Изд-во ТЮИ МВД России, 2003. Вып. 2. С. 70–71.

3. Марченко С. Л. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.09. М., 1994. 182 с.

4. Токаренко Е. С. Процессуальный порядок установления новых обстоятельств в ходе проверки показаний на месте // Закон и право. 2013. № 4. С. 73–74.

5. Уголовное дело № 2-60/2008 // Архив Алтайского краевого суда.

6. Чаднова И. В. Тактический план производства проверки показаний на месте // Уголовная юстиция: научно-практ. журнал. Томск: ООО «Изд-во научно-технической литературы», 2013. № 1 (1). С. 87–90.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистское сообщество, проверка показаний на месте, тактика, расследование.

УДК 343.98

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОДСУДИМОГО РАССМОТРЕНИЮ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О МОШЕННИЧЕСТВЕ, СОВЕРШЕННОГО ПО ПРИНЦИПУ «ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ», И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Белицкий Владислав Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса,

Барнаульский юридический институт МВД России,

656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49

В статье выделены виды противодействия со стороны подсудимого рассмотрению судом первой инстанции уголовных дел о мошенничествах, совершенных по принципу «финансовой пирамиды» и предложены возможные пути его преодоления.

Проблемы противодействия подсудимого рассмотрению уголовного дела судом ещё не стали предметом широкого научного обсуждения. В целом, следует констатировать, что возможность и необходимость криминалистического обеспечения судебного разбирательства, является одним из дискуссионных вопросов. Разделяем мнение авторов (Ш. В. Аутлев, В. К. Гавло, В. Д. Зеленский, А. Ю. Корчагин, Д. В. Ким, Г. М. Меретуков и др.), которые говорят о необходимости разработки криминалистического обеспечения, методики судебного разбирательства, в том числе разработки приемов и методик нейтрализации и преодоления противодействия судебному разбирательству конкретных видов преступлений [1].

Судебные ситуации противодействия не дублируют ситуаций противодействия предварительному расследованию, в связи с чем, в суде не могут быть применены криминалистические рекомендации о мерах по преодолению противодействия, разработанные для стадии предварительного расследования. Сказанное обуславливает необходимость исследования как форм (видов) противодействия подсудимого рассмотрению и разрешению уголовного дела судом первой инстанции, так и мер по его преодолению.

Первой работой, непосредственно посвященной изучению противодействия в ходе судебного следствия по уголовным делам и мерам по его преодолению, стала диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук Ш. В. Аутлева (Ростов-на-Дону, 2011) [2].

В своем диссертационном исследовании автором предложено определение понятия противодействия судебному следствию при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, раскрыта его сущность, содержание, формы и методы, приведена классификация форм (видов) противодействия, а также предложена система мер по его преодолению. Диссертантом обоснованно отнесены к субъектам противодействия не только подсудимый, его защитник, но и потерпевший, свидетели, иные лица: представители государственных и общественных организаций, представители средств массовой информации, коррумпированные сотрудники правоохранительных органов, непосредственное или вышестоящее руководство, коллеги судьи, сотрудники судебного департамента, сотрудники других служб органа (ведомства).

Результаты проведенного Ш. В. Аутлевым исследования, имеют научную и практическую значимость и могут быть использованы при формировании мер преодоления противодействия судебному разбирательству в рамках частных методик предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел о преступлениях различных видов, в частности, мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид».

Анализ уголовных дел о мошенничествах названного вида, результатов проведенного анкетирования судей, рассматривающих уголовные дела данной категории, позволяет говорить о том, что типичной ситуацией является не признание подсудимым своей вины в совершении преступления. Наличие данной ситуации обратили внимание 70 % проанкетированных судей; 20 % респондентов отметили, что подсудимые признавали вину частично.

Результаты проведенного анкетирования, в целом, согласуются с результатами изучения уголовных дел о мошенничествах рассматриваемого вида. Таким образом, по большинству уголовных дел подсудимые не признают свою вину в совершении преступления.

Только 30 % проанкетированных судей указали на отсутствие противодействия в судебном разбирательстве со стороны подсудимых. 30 % судей обратили внимание на наличие противодействия со стороны подсудимого и 40 % отметили, что такое противодействие встречалось иногда. Таким образом, в большинстве случаев подсудимые оказывали противодействие рассмотрению уголовного дела судом (всегда или иногда).

Прежде чем выделять виды противодействия судебному разбирательству со стороны подсудимого важно ответить на вопрос о том, как оценивать действия подсудимого, связанные с реализацией его процессуальных прав, но препятствующих рассмотрению и разрешению уголовного дела судом. Например, полный или частичный отказ от дачи показаний, заявление необоснованных ходатайств и пр. Считаем, что разграничение противодействия судебному следствию и действий по реализации процессуальных прав имеет важное теоретическое и прикладное значение. Сказанное обусловлено тем, что одни и те же действия подсудимого могут быть рассмотрены как реализация его процессуальных прав или как противодействие судебному разбирательству. Например, заявление ходатайств. Очевидно, что подсудимые могут заявлять ходатайства, способствующие полному, всестороннему и объективному установлению обстоятельств преступления, для вынесения судом законного, обоснованного и справедливого приговора. Вместе с тем, когда речь идет о злоупотреблении подсудимым предоставленным им правом [3; 4], что может иметь место в случаях неоднократного заявления необоснованных ходатайств с целью воспрепятствования объективному рассмотрению и разрешению уголовного дела судом, следует говорить о воспрепятствовании именно судебному разбирательству.

Таким образом, разграничение противодействия судебному разбирательству и действий по реализации подсудимым его процессуальных прав, следует проводить ис-

ходя из цели этой деятельности. Если целью является воспрепятствование объективному рассмотрению и разрешению уголовного дела судом для того, чтобы избежать уголовной ответственности и наказания за совершенное преступление, необоснованного смягчения наказания, то следует говорить о противодействии судебному разбирательству.

В связи со сказанным, как противодействие подсудимого судебному разбирательству, считаем, следует считать ложные показания подсудимого по существу рассматриваемого уголовного дела. Разделяем мнение ученых Я. О. Мотовиловкера, который считал, что право на защиту вовсе не нуждается в праве на ложь и отсутствие уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний для подсудимого не дает ему право давать ложные показания, так как отсутствие ответственности не равнозначно предоставлению права на ложь. Заведомо ложные показания подсудимого, также справедливо отмечает О. И. Андреева, могут нарушать права и законные интересы других участников уголовного судопроизводства [6].

Именно как противодействие задачам судебного следствия О. А. Сычева называет, в частности, склонение подсудимого к отказу от признания своей вины, обжалование действий и решений суда, заявление необоснованных ходатайств [7].

Переходя к противодействию со стороны подсудимого рассмотрению судом первой инстанции уголовного дела о мошенничестве, совершенном по принципу «финансовой пирамиды», основываясь на результатах проведенного анкетирования судей, изучения уголовных дел, отметим, что основными видами такого противодействия являлись:

- заявление в суд необоснованных, надуманных ходатайств (о проведении дополнительных следственных действий, о признании доказательств, полученных в ходе досудебного производства недопустимыми и пр.) и жалоб;
- неявка подсудимых по неуважительным причинам, срыв судебных заседаний;
- дача ложных показаний подсудимыми;
- воздействие на свидетелей и потерпевших (оказание психологического, а равно иного воздействия с целью дачи ими показаний выгодных подсудимому или с целью их отказа от дачи показаний);
- сокрытие и фальсификация доказательств;
- болезнь подсудимого, а равно имитация душевного расстройства.

Полученные результаты анкетирования, в целом, согласовываются с результатами изучения уголовных дел. Однако, в ходе анкетирования, судьями не был выделен такой, хотя и редко, встречающийся вид противодействия как привлечение средств массовой информации к освещению хода судебного разбирательства для создания имиджа выгодного для подсудимого [8, с. 88].

Рассматривая ситуации противодействия рассмотрению уголовного дела судом первой инстанции, считаем, заслуживает внимания позиция И. В. Румянцевой, которая предлагает судье уже на стадии подготовки дела к судебному заседанию, при проведении предварительного слушания, моделировать общую характеристику судебного следствия, в том числе, поведение подсудимого [9, с. 108–111].

Предложение И. В. Румянцевой развивает Ш. В. Аутлев, который отмечает, что для комплексного преодоления противодействия судебному разбирательству важно, чтобы модель судебной ситуации отражала не только имеющийся конфликт, но и предвещала его развитие, что позволит судье изменить ситуацию в благоприятную сторону для осуществления правосудия. Для этого, следует смоделировать возможную конфликтную ситуацию противодействия для определения предмета возникающего конфликта, определения комплекса тактических приемов для управления ситуацией, а равно мер преодоления конкретного вида противодействия [2, с. 11].

В числе мер по преодолению выделенных видов противодействия подсудимого рассмотрению судом уголовного дела о мошенничестве, совершенном по принципу «финансовой пирамиды», следует назвать следующие:

- активная роль государственного обвинителя в судебном разбирательстве по моделированию возможных ситуаций противодействия судебному разбирательству и применению «контрмер»;
- использование помощи оперативных служб (оперативное сопровождение по уголовному делу, вплоть до принятия решения судом);
- изменение судом меры пресечения подсудимому на более строгую;
- применение судом мер безопасности в отношении свидетелей (потерпевших).

Использование помощи оперативных служб как средство преодоления противодействия судебному разбирательству является недостаточно разработанным в теоретическом плане. Вместе с тем, ряд ученых, в частности В. К. Гавло, С. Э. Воронин [11, с. 25], Д. В. Ким [12, с. 99–101], Я. М. Мазунин [13, с. 175–178, 210–211] и другие, обращают внимание на возможность обращения за содействием к оперативным службам в ходе судебного следствия.

Как отмечают А. С. Александров, А. А. Кухта, Я. Д. Абдуллаев «сотрудники оперативных подразделений должны быть нацелены на оказание содействия прокурору в поддержании обвинения, а с другой стороны – на противодействие незаконным, безнравственным попыткам защиты разрушать дело обвинения» [10, с. 61–70]. По мнению О. А. Сычевой следует законодательно решить вопрос о возможности привлечения к данной деятельности также судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, причем как для стороны защиты, так и для стороны обвинения в силу процессуального равенства сторон в судопроизводстве [7].

В завершении отметим, что результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что в большинстве случаев в ходе судебного разбирательства судом первой инстанции уголовных дел о мошенничествах, совершенных по принципу «финансовых пирамид», со стороны подсудимых оказывается противодействие судебному разбирательству. В рамках данной статьи, предпринята попытка выделить основные виды противодействия со стороны подсудимого рассмотрению судом первой инстанции уголовного дела о мошенничестве, совершенном по принципу «финансовой пирамиды», а также предложены возможные пути преодоления данного противодействия.

1. См., напр.: Меретуков Г. М. Методика судебного разбирательства [Электронный ресурс] // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. 2014. Выпуск 5. URL: <http://www.consultant.ru/http://kriminalisty.ru/stati/metodika-sudebnogo-razbiratelstva.html>.

2. Аутлев Ш. В. Противодействие в ходе судебного следствия по уголовным делам в суде первой инстанции и меры по его преодолению: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 258 с.

3. Калинкина Л. Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. № 4. 2010. С. 5–9.

4. Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 26 с.

5. Мотовиловкер Я. О. Обвиняемый не несет ответственность за ложные показания, но право на ложь не предоставлено // Проблемы доказывания по уголовным делам: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. С. 24–28.

6. Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использова-

ние для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 443 с.

7. Сычева О. А. Тактика судебного следствия: монография. Ульяновск: Вектор-С, 2012. 240 с.

8. Белицкий В. Ю. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного разбирательства мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид»: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2008. 239 с.

9. Румянцева И. В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004. С. 108–111.

10. Александров А. С., Кухта А. А., Абдуллаев Я. Д. Оперативное сопровождение поддержания государственного обвинения в суде // Практическое законоискусство. № 1. 2007. С. 61–70.

11. Гавло В. К., Воронин С. Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: учеб. пособие. Барнаул: изд-во Барнаульский юридический институт МВД России, 2000. 42 с.

12. Ким Д. В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2008. 196 с.

13. Мазунин Я. М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2005. 504 с.

Ключевые слова: противодействие, судебное разбирательство, мошенничество, «финансовые пирамиды».

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВЕДЕТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Болотова Анна Андреевна,

слушатель факультета подготовки следователей,

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Бадиков Дмитрий Алексеевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры

криминалистики и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассмотрены проблемы обеспечения прав и законных интересов граждан, в отношении которых ведется проверка сообщения о преступлении, проанализированы проблемы участия адвоката-защитника на стадии возбуждения уголовного дела и возможные пути разрешения законодательной неурегулированности участия адвоката.

Возбуждение уголовного дела является первоначальной самостоятельной стадией уголовного судопроизводства, которая начинается с момента получения и регистра-

ции информации о преступлении, а завершается вынесением следователем либо дознавателем соответствующего постановления.

Вопросы, касающиеся участия адвокатов на данной стадии долгое время надлежащим образом не были нормативно урегулированы, что пагубно влияло на обеспечение прав граждан, в отношении которых ведется проверка сообщения о преступлении. Однако законодатель предпринял прогрессивный шаг в этом направлении и в Федеральном законе от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в ч. 3 ст. 49 УПК РФ предусмотрел возможность участия защитника в уголовном процессе с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

Это вполне обоснованно в связи с тем, что возможность участия защитника на данной стадии уголовного судопроизводства объясняется, в первую очередь тем, что полученные в ходе доследственной проверки сведения могут быть использованы в качестве доказательств. Единственным, кто может отслеживать процесс собирания первоначальной доказательственной базы в интересах подзащитного, на наш взгляд, является адвокат.

Но в настоящее время адвоката среди участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела законодатель не упоминает. Кроме того, полагаем необходимой корректировку ч. 1 ст. 49 УПК РФ, дающую определение понятия «защитник» в такой редакции: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов лиц, в отношении которых ведется проверка сообщения о преступлении, подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь в ходе уголовного судопроизводства».

Однако предлагаемые В. Ф. Васюковым формулировки ч. 3 ст. 49 УПК РФ «защитник участвует в уголовном деле с момента...» и ч. 1 ст. 53 УПК РФ «с момента допуска к участию в уголовном деле защитник вправе...», вовсе исключают адвокатов из числа участников первоначального этапа судопроизводства, поскольку в период доследственной проверки уголовного дела еще нет, поэтому, полагаем, правильное словосочетание «в уголовном деле» заменить на «в уголовном судопроизводстве» [1].

Верно отмечают А. Н. Калюжный и В. Н. Чаплыгина, что «...камнем преткновения является еще условность и неконкретность понятия «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении» [2]. УПК РФ косвенно упоминает о таком лице, не конкретизируя данное понятие. Однако данная позиция законодателя может повлечь за собой негативные последствия, в частности, когда проверка проходит по факту происшествия, вероятно имеющего признаки преступления, в допуске защитника к участию в проводимых следственных и процессуальных действиях может быть отказано по формальным причинам [3]. Ведь даже если органами предварительного расследования прорабатываются конкретные версии о причастности тех или иных заподозренных лиц в совершении преступления, в процессуальных документах сведений о конкретном лице, в отношении которого ведется доследственная проверка, может и не быть.

Небольшой новеллой рассматриваемого закона, является право на пользование услугами адвоката закреплено за всеми лицами, участвующими в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, независимо от их процессуального положения.

Из чего вытекает, вероятно, что право лица, в отношении которого ведется проверка, на получение квалифицированной юридической помощи гарантировано. Однако очевидно, и мы согласны с суждением Е. А. Новиковой и С. Ф. Шумилина, что права и

обязанности адвоката, представляющего интересы рядового участника проверки и оказывающего ему квалифицированную юридическую помощь, не могут быть полностью идентичны по объему правам и обязанностям защитника, если провести аналогию между ст. 45, ст. 53, ч. 3 ст. 86, ч. 5 ст. 189 УПК РФ и др., поскольку прямых указаний о распространении полномочий адвоката (защитника), вытекающих из перечисленных статей, на первоначальную стадию в законе нет [4].

Показателен и тот факт, что законодатель никак не скорректировал нормы, касающиеся порядка приглашения лицом, в отношении которого ведется предварительная проверка, адвоката для оказания квалифицированной юридической помощи. Думаем, что данное законодательное «упущение» неслучайно, ведь абсолютно схожая ситуация сложилась в отношении формально провозглашенного права иметь защитника с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, поскольку законом не предусмотрен механизм реализации этого права и сам порядок фактического задержания законом также не регулируется [5].

Безусловно, можно выделить и положительные тенденции в раздумьях законодателя по рассматриваемому вопросу. Так, претерпела изменения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в которой нашла отражение возможность лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, среди других прав – пользоваться услугами адвоката, но в том случае, чтобы эти права обеспечивались возможностью их осуществления в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Таким образом, адвокат выступает субъектом доказывания в досудебном производстве, не только благодаря способности формирования и собирания доказательств, но и потому что ему принадлежит право оценивать и принимать определенные решения.

На стадии возбуждения уголовного дела, да и в осуществлении последующей защиты адвокату необходимо быть предельно внимательным: проследить, не менялись ли показания опрашиваемых лиц, и если менялись, то чем это можно объяснить; тщательно ознакомиться с вещественными доказательствами на предмет их допустимости и достаточности.

Во-первых, адвокат может добыть информацию, свидетельствующую о непричастности доверителя к делу, это, конечно, алиби, или предъявление обвинительным органам данных о том, что данное лицо не могло совершить данное преступление, ими могут служить. Во-вторых, выявленные адвокатом сведения, которые свидетельствуют об отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела. Собранные доказательства, связанные с невиновностью лица, адвокату следует представить правоохранным органам, проводящим проверку.

Деятельность адвоката на стадии возбуждения уголовного дела дает возможность лицам, чьи права и законные интересы могут быть нарушены решениями и действиями, принимаемыми до возбуждения уголовного дела, защитить себя с помощью адвоката, который, в свою очередь, постарается защитить его от вероятных ошибок или даже злоупотреблений правоохранных органов.

Подводя итог рассмотренным выше положениям, приходим к выводу, что они являются спорными в связи с отмеченной выше неурегулированностью в законодательном порядке участия адвоката на стадии возбуждения уголовного дела. Именно поэтому права и законные интересы граждан, в отношении которых ведется проверка сообщения о преступлении, не реализуются в полной мере ввиду отсутствия представителя в лице адвоката-защитника.

Однако полагаем, что при реализации такого принципа уголовного процесса, как состязательность, было бы неплохо видеть адвоката среди участников уголовного про-

цесса на этапе доследственной проверки. Ведь абсолютно очевидно, что действуя в интересах, например, пострадавшего лица, адвокат способствует выявлению и закреплению следов преступления и лиц, совершивших его. С другой стороны, привлечение адвоката является дополнительной гарантией исключения нарушений законных прав и интересов граждан, чьи права и интересы затрагиваются проводимыми в порядке ст. 144 УПК РФ процессуальными действиями. И трудно оспорить значение правомочий защитника по собиранию доказательственной и ориентирующей информации, которая может быть получена в стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, на данной стадии, равно как и на иных стадиях уголовного судопроизводства, адвокат имеет возможность наблюдать за деятельностью органов, возбуждающих дело, выявлять различные процессуальные нарушения или даже злоупотребления должностных лиц, которые в дальнейшем могут служить основанием для обжалования.

1. Васюков В. Ф. Проблемные вопросы производства предварительной проверки по сообщению о совершенном преступлении // Наука и практика. 2015. № 4 (65). С. 24–26.

2. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lex Russica. 2015. № 7. С. 37–42.

3. Чаплыгина В. Н. К вопросу об участии адвоката на стадии возбуждения уголовного дела: терминологический подход // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сборник научных трудов. Уральский юридический институт МВД России, 2015. С. 108–114.

4. Новикова Е. А., Шумилин С. Ф. Правовое регулирование возбуждения уголовных дел в российском законодательстве: вопросы истории // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 10–14.

5. Беляева А. А., Чаплыгина В. Н. О некоторых проблемах реализации адвокатского расследования на досудебных стадиях уголовного процесса // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник Всероссийской научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. С. 55–60.

Ключевые слова: обеспечение прав и интересов граждан, проверка сообщения о преступлении, адвокат-защитник, участие, возбуждение уголовного дела, адвокатское расследование.

УДК 343.1

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА КАК ПОЛНОПРАВНЫЙ УЧАСТНИК СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Булыжкин Александр Викторович,

*кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье рассматриваются основные аспекты реализации процессуального статуса представителя гражданского истца на стадии предварительного расследования.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства, в том числе на стадии предварительного расследования, в первую очередь, заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Одним из важнейших интересов пострадавшего является возмещение причиненного преступлением вреда. Гражданский иск в уголовном деле является одним из наиболее существенных процессуальных средств защиты нарушенных имущественных или моральных прав и интересов потерпевшего и гражданского истца.

Несмотря на то, что еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. говорилось о возможности рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного дела, специфика его реализации до сих пор остается законодательно не урегулированной, в связи с чем, возникают определенные трудности при разрешении данной категории дел. Еще И. Я. Фойницкий указывал на то, что «Гражданский иск в уголовном судопроизводстве представляет собой своеобразный «продукт», имеющий базовые элементы уголовного процесса, но и сохранивший черты гражданского процесса» [1], называемый в науке «соединённым процессом».

По поводу существования «соединенного процесса» в науке уголовно-процессуального права сложились две противоположные точки зрения. Так, С. В. Позднышев, И. Я. Фойницкий, М. А. Чельцов, П. П. Гуреев, А. Т. Мазалов, Э. Ф. Куцова, Ф. М. Кудин, В. В. Владимирова допускают существование гражданского иска в уголовном процессе, обосновывая свое мнение тем, что при доказывании виновности лица в совершении преступления одновременно устанавливается, кому, в каком размере и какой именно вред был причинен. Таким образом, нет необходимости проводить два отдельных процесса по доказыванию одного и того же, т. е. «...реализуется принцип процессуальной экономии» [2].

Противники данной точки зрения полагают, что гражданскому иску противоречит характер публичности, присущий уголовному процессу, а диспозитивность гражданского иска противоречит сущности уголовного процесса. Кроме того, существование в уголовном процессе гражданского иска, по его мнению, нарушает принцип состязательности и равноправие сторон, т. к. подозреваемый становится зависим от предъяв-

ленных ему исковых требований и, соответственно, от мнения потерпевшего о нем в связи с выполнением или не выполнением данных требований [3].

По мнению Н. И. Сretenцева и Д. Н. Сretenцева, «...данные доводы не вполне обоснованы и не являются достаточным основанием для устранения гражданского иска из уголовного процесса, т. к. гражданский иск, представляя собой процессуальные отношения по восстановлению нарушенных прав потерпевшего, является уголовно-процессуальным институтом» [4].

Полагаем, что при недопущении соединенного процесса потерпевшему придется вынести тяжесть двух процессов уголовного и гражданского, а в этом нет необходимости, т. к. в порядке уголовного судопроизводства устанавливаются все обстоятельства, в том числе касающиеся причиненного ущерба. Повторное рассмотрение в судебных органах обстоятельств того же правонарушения, влекущего как уголовно-правовые, так и гражданско-правовые последствия является излишним.

В. В. Владимирова по этому поводу пишет, что «...бесспорным плюсом «смешанного процесса» является то, что потерпевший «освобождается от необходимости дважды участвовать в судебном разбирательстве и, следовательно, подвергаться дополнительным переживаниям, вызываемым исследованием обстоятельств совершенного преступления. Подсудимый также не должен дважды предстать перед судом: сначала по уголовному делу, а затем в качестве ответчика в гражданском процессе. Свидетели, переводчики, эксперты и другие лица не отвлекаются вторично от своих обычных занятий» [5].

Кроме того, при рассмотрении гражданского иска в рамках уголовного дела гражданский истец освобождается от оплаты государственной пошлины, а также от доказывания своих исковых требований, как того требует гражданское судопроизводство. В уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования процесс доказывания, в том числе и исковых претензий гражданского истца, возлагается на лицо, осуществляющее производство по уголовному делу.

С одной стороны, это большой плюс для потерпевшего, с другой – это связано с дополнительной работой, затратами сил и времени следователя (дознателя), осуществляющего производство по уголовному делу. Поэтому, как верно указывает Е. А. Новикова «...в соответствии с ч. 2 ст. 44 УПК РФ появление в уголовном деле процессуальной фигуры гражданского истца возможно с момента возбуждения уголовного дела до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции, он, как правило, не желает возлагать на себя бремя доказывания исковых требований» [6]. Потерпевший (пострадавший) в данном случае либо оказывается совсем не уведомленным о праве заявить гражданский иск, либо получает искаженное уведомление о возможности заявить его не на стадии предварительного расследования, а в суде. В связи с этим гражданские иски, в рамках уголовного дела, заявляются крайне редко.

Исковые заявления о возмещении морального вреда вовсе отсутствуют. С целью повышения эффективности применения данной нормы закона, целесообразно ввести норму, закрепляющую обязательное принятие искового заявления на стадии предварительного расследования в случае, если потерпевший (пострадавший) либо его представитель желает возместить причиненный ущерб и хочет заявить гражданский иск.

Мы полагаем, что нельзя исключить гражданский иск из уголовного процесса, т. к. это может дать определённые привилегии подозреваемому (обвиняемому) и лишить лицо, пострадавшее от преступления некоторых конституционных прав и гарантий. Поэтому институт гражданского иска в уголовном процессе необходимо в полной мере исследовать и надлежащим образом закрепить в нормах уголовно-процессуального закона.

В процессе развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства изменялся и институт гражданского истца в уголовном процессе. Так, как мы

указывали выше, гражданским истцом в современном уголовном процессе является физическое или юридическое лицо, которое: заявило о возмещении причиненного ему вреда (морального, материального); данный вред причинен непосредственно данным преступлением; в отношении данного лица вынесено следователем (дознавателем) постановление о признании его гражданским истцом (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Кроме того, в уголовном процессе гражданскими истцами являются лица, к которым переходят права умершего потерпевшего и гражданского истца, т. е. их правопреемники, а также законные представители несовершеннолетних лиц и лиц, признанных недееспособными.

Законное требование потерпевшего о возмещении ущерба, причиненного преступлением, выражается в заявлении гражданского иска, который в большинстве случаев подлежит рассмотрению при постановлении приговора, однако Е. Г. Тарло придерживается иного мнения: «лицо еще не признанное потерпевшим по уголовному делу, имеет право заявить гражданский иск» [7].

В уголовно-процессуальном законе нет прямого указания на то, что гражданский истец является потерпевшим. Норма ч. 1 ст. 44 УПК РФ содержит лишь указание на то, что гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда. В соответствии с ч. 3 данной статьи несовершеннолетние, лица, признанные недееспособными либо частично дееспособными, не могут быть гражданскими истцами. Полагаем, что несовершеннолетний потерпевший, несмотря на отсутствие у него дееспособности, вправе лично участвовать в уголовном деле в качестве гражданского истца, «исходя из наличия у него гражданской правоспособности».

В соответствии с ч. 1 ст. 42 и ч. 2 ст. 44 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен сразу после возбуждения уголовного дела, т. е., как верно указывают Е. В. Марковичева и В. Ф. Васюков, «...гражданский истец и его представитель может начать участие в уголовном деле раньше, чем потерпевший и его представитель» [8]. Кроме того в ряде уголовных дел потерпевший и гражданский истец являются разными лицами. Следовательно, на наш взгляд, нельзя отождествлять потерпевшего и гражданского истца, т.к. объемы их прав и обязанностей не одинаковы.

Представителями гражданского истца физического лица согласно ст. 45 УПК РФ могут быть адвокаты, а юридического лица – иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. Кроме того, по постановлению мирового судьи, в качестве представителя гражданского истца может быть допущен один из его близких родственников либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует гражданский истец, по доверенности, выданной и оформленной в соответствии с федеральным законом.

Законные и договорные представители гражданского истца – самостоятельные участники уголовного судопроизводства и обладают достаточным процессуальным статусом, имеющие те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. Равенство в правах представляемых и их законных представителей в некоторых случаях носит абсолютный характер. В частности, ст. 25 УПК РФ позволяет прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон как на основании заявления потерпевшего, так и на основании заявления его законного представителя, если их мнения совпадают. В противном случае закон остается на стороне представляемого.

Представитель гражданского истца не может осуществлять права, которые носят личный характер, – давать показания, отказаться от иска. Полагаем, что по аналогии с правом представителя потерпевшего прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон, представитель гражданского истца может отказаться от гражданского иска в случае согласия на то представляемого.

Проблемы реализации прав данных участников на стадии предварительного расследования схожие. Так, несмотря на то, что согласно пп. 5 и 7 ч. 4 ст. 44 УПК РФ представитель гражданского истца имеет право давать показания на родном языке или языке, которым владеет, и эти показания будут использоваться в качестве доказательств, отсутствует установленная форма допроса представителя гражданского истца.

Так, Д. А. Бадиков полагает, что деятельность представителя гражданского истца опосредованно связана с обвинением, равно как и деятельность самого гражданского истца [9]. Данный участник уголовного процесса не обязательно должен осуществлять уголовное преследование лично. Исходя из положений пп. 47 и 55 ст. 5 УПК, уголовное преследование осуществляется в отношении установленного лица, т. е. пока нет подозреваемого или обвиняемого, нет и уголовного преследования. Иными словами, данный вид деятельности никем не осуществляется, несмотря на то, что гражданский истец (его представитель) в это время уже есть. С момента появления в уголовном процессе подозреваемого или обвиняемого в отношении указанных лиц начинается уголовное преследование. Деятельность по уголовному преследованию может осуществляться и без существенного вклада пострадавшего, потерпевшего и гражданского истца. Однако, цели данных субъектов совпадают с целями и задачами предварительного расследования, что позволяет отнести гражданского истца и его представителя к стороне обвинения.

Резюмируя сказанное, отметим, что именно на досудебных стадиях уголовного процесса испытывается наибольшая потребность в представительстве и, вместе с этим, наиболее отчетливо видна неспособность этого института в его нынешнем виде обеспечить надлежащую защиту их прав и законных интересов.

1. Кудин Ф. М. Сущность и структура предмета уголовно-процессуального регулирования // Два века юридической науки и образования в Казанском университете: материалы юбил. Всерос. научн. конф. Казань, 2014. С. 380–385.

2. Щербакова Л. Ю., Чаплыгина В. Н. Реализация законным представителем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших (в порядке постановки проблемы) // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: материалы Всерос. научн. конф. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова. 2015. С. 380–385.

4. Сретенцев Н. И., Сретенцев Д. Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина на стадии предварительного расследования // Ученые записки Орловского государственного университета Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 362.

5. Владимирова В. В. Гражданский иск в российском уголовном процессе [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecrime.ru/arhiv/10_okt_2005/topic107_grajdanskii_isk_v_rossiiskom_ugolovnomprocesse.html.

6. Новикова Е. А. Проблемы производства следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2009. № 1. С. 72–75.

7. Тарло Е. Г. Профессиональное представительство в суде: монография. М.: Известия, 2004. С. 254.

8. Марковичева Е. В., Васюков В. Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография. Москва: Проспект, 2016. С. 57.

9. Бадиков Д. А. Гражданско-правовые сроки в предпринимательских отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 49.

Ключевые слова: законный представитель, физическое лицо, юридическое лицо, потерпевший, гражданский истец, гражданский иск, смешанный процесс.

УДК 343.1

СПЕЦИФИКА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПОСТУПИВШИХ ИЗ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ

Вахмянина Наталья Борисовна,

*кандидат юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики,
Второй факультет повышения квалификации
(с дислокацией в городе Екатеринбурге) Института повышения квалификации,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18*

Казаков Александр Алексеевич,

*кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса,
Второй факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбурге)
Института повышения квалификации,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18*

В статье изложены уголовно-процессуальные проблемы возбуждения уголовных дел на основе материалов, поступивших из органов дознания, и криминалистические особенности их оценки.

При поступлении сообщения о налоговом преступлении из органа дознания в первую очередь необходимо соблюсти требования, предусмотренные чч. 7–9 ст. 144 УПК РФ:

1) в случае отсутствия оснований для отказа в возбуждении уголовного дела следователь в трехсуточный срок с момента поступления соответствующего сообщения направляет его копию с приложением необходимых документов и предварительного расчета предполагаемой суммы недоимки по налогам и (или) сборам в вышестоящий налоговый орган по отношению к инспекции, в которой состоит на налоговом учете налогоплательщик (налоговый агент, плательщик сбора);

2) налоговый орган не позднее 15 суток с момента получения материалов от следователя направляет ему (в зависимости от конкретной ситуации): а) заключение о нарушении законодательства о налогах и сборах и о правильности предварительного расчета суммы предполагаемой недоимки по налогам и (или) сборам в случае, когда обстоятельства, указанные в сообщении о преступлении, были предметом исследования при проведении ранее назначенной налоговой проверки, по результатам которой вынесено вступившее в силу решение налогового органа, а также информацию об обжаловании или о приостановлении исполнения такого решения; б) информацию о том, что в отношении налогоплательщика (налогового агента, плательщика сбора) проводится налоговая проверка, по результатам которой решение еще не принято либо не вступило в законную силу; в) сведения об отсутствии данных о нарушении законодательства о налогах и сборах в случае, если указанные в сообщении о преступлении обстоятельства не были предметом исследования при проведении налоговой проверки;

3) получив и оценив заключение налогового органа (но не позднее 30 суток со дня поступления сообщения о преступлении), следователь обязан принять итоговое процессуальное решение по результатам доследственной проверки.

Примечательно, что в силу ч. 9 ст. 144 УПК РФ следователь вправе возбудить уголовное дело о преступлении, предусмотренном ст. 198–199.1 УК РФ, до поступления заключения или информации из налоговой инспекции. Это означает, что уголовное преследование в связи с совершением деяний рассматриваемой категории не обуслов-

лено позицией налогового органа. Аналогичное мнение высказано в научной литературе [1, с. 27; 2, с. 119]. Однако соблюдение обозначенных требований закона, предъявляемых к направлению соответствующих документов в налоговый орган, обязательно. Выполнение данного порядка действий также позволит выяснить, не установлены ли в порядке иного судопроизводства обстоятельства, препятствующие возбуждению уголовного дела.

В силу п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» в случае проверки законности и обоснованности решения следователя, принятого в порядке п. 1 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, суды обязаны выяснить, реализованы ли положения чч. 7 и 8 ст. 144 УПК РФ [4]. Вместе с тем не совсем ясно, каковы последствия нарушения этих норм. В разъяснениях высшей судебной инстанции говорится лишь о предполагаемой юридической судьбе постановления о возбуждении уголовного дела о налоговом преступлении, вынесенного при отсутствии достаточных данных, указывающих на его признаки [4]. Однако основания для принятия такого решения могут присутствовать независимо от того, поступили ли из налогового органа предусмотренные законом сведения.

Фактически предоставленная им информация носит ориентирующий характер и не обязывает следователя действовать определенным образом. В то же время Конституционный Суд Российской Федерации позиционирует сообщение налогового органа как один из видов доказательств, которое хотя и не имеет преимуществ перед другими, но не может игнорироваться должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, и подлежит проверке и оценке по общим правилам [5].

Соглашаясь в целом с указанным определением природы документов, поступивших следователю в соответствии с ч. 8 ст. 144 УПК РФ, необходимо отметить, что не каждый такой материал подтверждает или опровергает обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу о налоговом преступлении. В частности, сообщение о том, что налоговая проверка не проводилась или осуществляется в данный момент, никакого доказательственного значения не имеет.

Статусом доказательства будет обладать заключение налоговой инспекции о нарушении законодательства о налогах и сборах и о правильности предварительного расчета суммы предполагаемой недоимки по налогам и (или) сборам. Однако оно составляется лишь в случаях, когда по интересующим следствие обстоятельствам проводилась налоговая проверка и решение, принятое по ее результатам, вступило в законную силу. Только в таких ситуациях следователь, не получивший сведения из налогового органа, рискует возбудить уголовное дело, не приняв во внимание значимые данные, установленные в ходе осуществления налогового контроля.

Правда, эти сведения не носят обязательный характер. Поэтому их отсутствие не может само по себе свидетельствовать о незаконности возбуждения уголовного дела. В связи с этим несоблюдение процедуры получения заключения или сообщения из налогового органа как таковое не следует рассматривать в качестве основания признания постановления следователя неправомерным. Однако оно будет таковым, если принято при отсутствии исследования оперативного органа или заключения специалиста, эксперта, т. е. соответственно данных, указывающих на размер недоимки, который является конструктивным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 198–199.1 УК РФ.

Аналогичным образом суд, рассматривающий жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, полномочен признать постановление о возбуждении уголовного дела незаконным, приняв во внимание обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда.

На этапе возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении, помимо выполнения требований чч. 7–9 ст. 144 УПК РФ, следовательно необходимо проанализировать наличие следующих основных документов:

- свидетельства о постановке на налоговый учет и снятии с него; регистрации юридического лица в Едином государственном реестре юридических лиц или индивидуального предпринимателя в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей;

- учредительные документы налогоплательщика, лицензии на право осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности либо их заверенные копии;

- документы, истребованные в финансово-кредитных учреждениях, в том числе юридические дела, формирующиеся банком по счетам клиента, сведения о дате открытия и закрытия расчетных, лицевых и иных счетов, выписки об операциях по счетам. В таких делах хранятся: документы и сведения, представляемые клиентом (его представителем) при открытии счета и в случае изменения указанных сведений; договор (договоры) банковского счета, вклада (депозита), депозитного счета, изменения и дополнения к ним, а также другие договоры, определяющие отношения между банком и клиентом по открытию, ведению и закрытию счета; документы, касающиеся направления банком сообщений налоговому органу об открытии (закрытии) счета; переписка банка с клиентом по вопросам открытия, ведения и закрытия счета; утратившие силу карточки; иные документы, касающиеся отношений между клиентом и банком по вопросам открытия, ведения и закрытия счета [3];

- декларации с недостоверными сведениями, а при необходимости определения доли неуплаченных налогов от всех видов налогов и сборов, которые подлежат уплате в пределах трех финансовых лет, – декларации и учетные документы, являющиеся основанием для исчисления налогооблагаемой базы каждого налога;

- копии, выписки из нормативных актов (Налогового кодекса РФ, приказов, писем и др., разъяснений Министерства финансов РФ, ФНС России, иных ведомств), содержащие сведения о том, в каком порядке и в какие сроки налогоплательщик должен был их предоставить;

- сведения о наличии либо отсутствии авансовых платежей;

- черновые записи, обнаруженные и изъятые в ходе проверки;

- объяснения лиц, заподозренных в уклонении от уплаты налогов (сборов) или сокрытии денежных средств либо имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов (сборов), а также их контрагентов и иных участников проверяемых событий, обладающих информацией о механизме совершения налогового правонарушения;

- иные материалы, позволяющие предполагать совершение нарушений законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки преступления.

Копии перечисленных документов должны быть заверены тем должностным лицом, которым они направляются. Копии документов первичного учета, предоставленные налогоплательщиком, удостоверяются его подписью и печатью [6, с. 166–168].

После оценки всей совокупности материалов необходим анализ каждого документа в отдельности с целью выявления нарушений в оформлении, наличия признаков интеллектуальной или материальной подделки.

Необходимо отметить, что документы с признаками подлога, а также отражающие выполнение способа налогового преступления, подлежат изъятию и приобщению к делу обязательно в подлинниках.

1. Аширбекова М. Новый порядок возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям // Законность. 2015. № 1.

2. Жидкова Е. Новая редакция УПК РФ: возврат к прежнему порядку производства по уголовным делам о налоговых преступлениях // Уголовное право. 2015. № 2.

3. Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов [Электронный ресурс]: Инструкция Банка России от 30 мая 2014 г. № 153-И. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

4. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 // Рос. газ. 2016. 24 нояб. № 266.

5. По запросу Железнодорожного районного суда города Рязани о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 1 Федерального закона от 22 октября 2014 года № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 сентября 2016 г. № 2153-О // Рос. газ. 1997. 30 янв. № 20.

6. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В. Н. Карагодина. 2-е изд. доп. и перераб. Екатеринбург: Универсальная типография «Альфа Принт», 2016.

Ключевые слова: налоговые преступления, орган дознания, проверка сообщения, судебный контроль, возбуждение уголовного дела.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ ГЛАВЫ 40.1 УПК РФ

Вдовцев Павел Викторович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса,

Второй факультет повышения квалификации

(с дислокацией в городе Екатеринбург) Института повышения квалификации,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,

620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

Каркошко Юрий Сергеевич,

доцент кафедры уголовного процесса,

Второй факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург)

Института повышения квалификации,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,

620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

В статье рассматриваются некоторые проблемы применения положений института досудебного соглашения о сотрудничестве, анализируются существующие по этим вопросам мнения ученых-процессуалистов. Автор высказывает предложения по оптимизации практики применения главы 40.1 УПК РФ.

По-прежнему спорными остаются многие вопросы применения положений института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Так, не наблюдается единства мнений в разрешении вопроса о возможности заключить названное соглашение с подозреваемым, обвиняемым, совершившим преступление единолично, без соучастников. Например, О. Я. Баев, признавая возможность сотрудничества в приведенной ситуации, отмечает, что в п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ («в

представлении указываются: ...преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым») речь идет о тех преступлениях, в совершении которых сам обвиняемый непосредственного участия не принимал и по уголовным делам о которых в отношении его уголовное преследование не осуществлялось [2, с. 45]. Подобное толкование п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ, на наш взгляд, не учитывает положения уголовного закона. Так, в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ говорится о явке с повинной, активном способствовании раскрытию и расследованию *преступления*, изобличению и уголовному преследованию других соучастников *преступления*, розыску имущества, добытого в результате *преступления*, – представляется, речь идет только о преступлении, совершенном подозреваемым, обвиняемым или с его участием [3, с. 85]. Сообщение подозреваемым, обвиняемым о преступлениях, совершенных иными лицами, неслучайно не нашло отражения в содержании данного пункта, поскольку подобного рода сообщения, как представляется, не влияют на степень общественной опасности совершенного лицом преступления, ничего не говорят о его личности (не относятся к его личности). А именно подобной направленностью должно отличаться любое смягчающее наказание обстоятельство.

Кроме того, подобное прочтение положения, закрепленного в п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ, ставит его в противоречие с положениями, содержащимися в других нормах уголовно-процессуального закона. К примеру, неясно, каким образом следователь должен оценить значение сотрудничества с обвиняемым, если речь идет о его способствовании раскрытию совершенного другим лицом преступления, уголовное дело о котором подлежит самостоятельному расследованию (в том числе другим следователем, дознавателем)? Получается, материалы последнего должны будут использоваться для оценки сотрудничества с обвиняемым, ведь доказательства (например, показания сотрудничающего обвиняемого) будут «появляться» в результате реализации досудебного соглашения, но реализовано оно будет уже в ходе расследования уголовного дела о новом преступлении, совершенном другим лицом. Однако УПК РФ не содержит положения, позволяющего использовать материалы расследования этого уголовного дела для оценки сотрудничества. Можно было бы предположить, что в таком случае следует соединить эти уголовные дела в одно производство, но в ст. 153 УПК РФ нет такого основания соединения уголовных дел (и вряд ли имеется необходимость закрепления в законе оного). Думается, с подобной проблемой при оценке значения сотрудничества с обвиняемым столкнется и прокурор. И суд: исследование судом материалов уголовных дел о преступлениях, совершенных другими лицами (а как иначе суд может оценить значение сотрудничества с подсудимым?), не согласуется с требованием уголовно-процессуального закона о проведении судебного разбирательства только в отношении обвиняемого и только по предъявленному ему обвинению. Иными словами, подобное исследование выходит за пределы судебного разбирательства.

В ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый или обвиняемый указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ).

В этой связи возникает вопрос: достаточно ли в досудебном соглашении просто перечислить названные действия? Например, подозреваемый, обвиняемый обязуется назвать своих соучастников, показать места, в которых сокрыто похищенное, и т. д. Или же данные сведения должны быть максимально конкретизированы. С одной стороны, такого рода конкретизация уместна и необходима: без нее затруднительно определить, представляют ли имеющиеся у лица сведения интерес для следствия. С другой, не исключено, что признательные показания этим лицом будут даны, а в заключении с

ним досудебного соглашения будет отказано. Поэтому конкретизация, детализация подобной информации – вплоть до персоналий соучастников обвиняемого, изложения содержания обстоятельств неизвестной следствию преступной деятельности этих лиц – должна иметь место, представляется, уже в ходе реализации заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве [2, с. 96; 4, с. 126–127].

Согласно пп. 4, 5 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ в досудебном соглашении должны быть указаны: описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а также пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление (причем так, как они установлены на момент составления досудебного соглашения). Не исключено, что в дальнейшем в ходе следствия будут выяснены обстоятельства, указывающие на совершение обвиняемым (подозреваемым) преступления более тяжкого, чем то, что описано в досудебном соглашении. Представляется, установление подобных обстоятельств и, как следствие, изменение обвинения в сторону, менее благоприятную для обвиняемого (например, с ч. 1 на ч. 3 ст. 209 УК РФ), не должно влечь необходимость заключения нового соглашения и признания юридически ничтожным предыдущего (или внесения соответствующих изменений в досудебное соглашение), как полагают некоторые авторы [1, с. 137], поскольку квалификация содеянного подозреваемым, обвиняемым не является предметом обсуждения сторонами обвинения и защиты при заключении досудебного соглашения.

Неоднозначно разрешается в правоприменительной деятельности, а также на страницах процессуальной печати и вопрос о необходимости согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением в качестве обязательного условия заключения досудебного соглашения.

По мнению ряда авторов, до получения согласия с обвинением невозможно говорить о заключении досудебного соглашения. Распространен названный подход и среди практических работников. Практике известны случаи отказа в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения (а также возвращения уголовных дел прокурорами в порядке ст. 221 УПК РФ) ввиду несогласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением (полностью или в части).

Подобный подход представляется ошибочным. Необходимо различать условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и условия рассмотрения уголовного дела, в ходе которого имело место заключение такого соглашения, в особом порядке. Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением как раз и выступает условием рассмотрения уголовного дела в особом порядке. Если же обвиняемый с предъявленным обвинением не согласился, то данное обстоятельство должно служить основанием рассмотрения такого уголовного дела в общем порядке (с сохранением для обвиняемого возможности назначения наказания с учетом положений чч. 2, 4 ст. 62 УК РФ), а не признания заключенного соглашения о сотрудничестве невыполненным [6, с. 88].

Спорным является и вопрос о возможности заключить досудебное соглашение при производстве расследования в форме дознания. По данному вопросу высказаны различные суждения. На наш взгляд, следует согласиться с теми из них, что подчеркивают допустимость и целесообразность сотрудничества при производстве дознания: расследуемые в этой форме деяния зачастую совершаются в соучастии и далеко не всегда носят очевидный характер [5, с. 29]. По буквальному же смыслу ст. 317.4 УПК РФ досудебное соглашение можно заключить только при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия. На этот же вариант ориентирует правоприменителя и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при за-

ключении досудебного соглашения о сотрудничестве», согласно п. 3 которого досудебное соглашение может быть заключено с обвиняемым (подозреваемым) при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия, в том числе и в случаях, предусмотренных в ч. 4 ст. 150 УПК РФ. То есть в случае заявления подозреваемым в ходе дознания ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное дело должно быть передано по письменному указанию прокурора для производства предварительного следствия. Однако последовательность действий дознавателя в такой ситуации не определена. Представляется, механизм его действий следует уподобить механизму действий следователя, закрепленному в ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ: дознаватель, получив указанное ходатайство, в течение трех суток с момента его поступления либо направляет его прокурору вместе с согласованным с начальником органа дознания (начальником подразделения дознания) мотивированным постановлением о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым досудебного соглашения о сотрудничестве, либо выносит постановление об отказе в удовлетворении указанного ходатайства подозреваемого. Действия прокурора, получившего данные документы, должны быть аналогичны указанным в ст. 317.2, 317.3 УПК РФ. После заключения с подозреваемым досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное дело должно быть передано прокурором для производства предварительного следствия.

Реализация в практической деятельности высказанных замечаний, как представляется, будет способствовать оптимизации применения института досудебного соглашения о сотрудничестве.

1. Абшилава Г. В. Уголовно-процессуальная сделка как результат конвергенции частного и публичного права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. Вып. 3 (4). 2012.

2. Баев О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их решения. М., 2013.

3. Великий Д. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2.

4. Головинский М. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011.

5. Коновалов С. И., Кондратова В. А. Общие положения института досудебного соглашения о сотрудничестве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013.

6. Чаплыгина В. Н. Процедура сокращенного порядка дознания по УПК РФ: противоречия и перспективы // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2016. № 19-4. С. 87–93.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, досудебное соглашение о сотрудничестве, содействие, расследование.

УДК 343.1

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СРОКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ОЗНАКОМЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

Воробей Светлана Николаевна,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры,
Дальневосточный юридический институт МВД России,
680020, г. Хабаровск, Казарменный пер., д. 15*

В статье рассматриваются вопросы законодательного регулирования сроков предварительного расследования и ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Анализируется правоприменительная практика, выделяются проблемные вопросы, и перспективы развития в данной области.

В правоприменительной практике вопросу исчисления сроков расследования всегда уделялось особое внимание. Установление законодателем срока предварительного расследования и процедуры его продления вызвано необходимостью ведомственного контроля с целью предупреждения бездействия со стороны следователя и дознавателя при расследовании уголовных дел. Потенциальная возможность обосновать, для чего необходимо дополнительное время при производстве по уголовному делу дисциплинирует следователя (дознавателя), стимулирует его к активизации работы, создает условия для производства расследования дела в разумные сроки, а не по произвольному усмотрению. При этом предполагается, что следователь (дознаватель) обязан соотносить и сроки расследования, и качество расследования.

Необходимо отметить, что в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года не предусматривался сроков следствия и дознания, исходя из принципа добросовестности следователей (дознавателей) [1]. Однако необходимо учитывать реалии сегодняшнего времени, которые включают в себя комплекс проблем, связанных с недостаточной квалификацией и, к сожалению, не всегда надлежащей добросовестностью следователей (дознавателей), а также недоукомплектованность подразделений предварительного расследования, либо недостаточная штатная их численность и т. д.

Законодатель установил фиксированный срок предварительного расследования исходя из следующего, что это «способствует быстроте и активности расследования, не допускает волокиты и медлительности при производстве по уголовному делу» [2].

Однако отметим, что процессуальный порядок исчисления начала сроков предварительного расследования носит скорее теоретический, чем практический характер. Ведь зачастую фактически действия, направленные на уголовное преследование лица, заподозренного в совершении преступления, начинаются еще до возбуждения уголовного дела (осмотр места происшествия, изъятие предметов, вещей и документов, проведение экспертизы и др.). Объективным подтверждением этому являются изменения, внесенные в статью 144 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3], расширяющие перечень действий, которые может производить следователь или дознаватель до возбуждения уголовного дела. Поэтому с практической точки зрения должно возбуждаться не уголовное дело, а должно начинаться уголовное производство. Причем моментом его начала производства могут являться конкретные действия, направленные на установление обстоятельств произошедшего, в том числе на изобличение лица, совершившего преступление. Права же участников уголовного судопроизводства могут быть обеспечены путем законодательного закрепления момента их информирования о процессу-

альных правах и обязанностях и необходимости обеспечения соответствующих прав с фактического начала уголовного производства. Относительно сроков, то действительно, что потерпевшему, что обвиняемому безразлично, какое время затрачено на стадии проверки сообщения о преступлении, а какое на стадии расследования возбужденного уголовного дела.

Основополагающим фактором при оценке такого критерия, как разумность, здесь будет являться общий срок работы органа расследования на досудебной стадии, который может начинаться с момента производства конкретных действий следователем (дознавателем) по поступившему сообщению о преступлении и оканчиваться направлением дела прокурору с обвинительным заключением (актом, постановлением), прекращением производства по делу. Кроме того, отпадет необходимость в дублировании по сути одних и тех же действий: неоднократных опросе, а затем допросе потерпевших и свидетелей, неоднократном производстве экспертизы (что следует из нововведений в статью 144 УПК РФ), и других следственных действий.

В теории уголовного процесса некоторые ученые в своих авторских концепциях реформирования досудебного производства [4] считают излишней процедуру продления срока предварительного следствия, так как это каким-то образом может облегчить работу следователя. У нас по этому вопросу сложилось совсем иное мнение, нельзя пускать сроки следствия на самотек, тем самым давая следователю предпосылки затягивания сроков, и допустить чтобы сроки были «резиновыми». Отметим, что согласно пункту «b» части 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления обладает правом «иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты». Следовательно, такое право он может реализовать лишь при предоставлении заблаговременной, до начала судебного заседания, возможности ознакомления с доказательствами, выдвинутыми стороной обвинения. Причем механизмы защиты принципа состязательности сторон и защиты прав и обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в действующем уголовно-процессуальном законодательстве существуют. Это и возможность сохранения в тайне данных о личности допрошенных свидетелей, государственная защита потерпевших и свидетелей, это и предоставление материалов дела стороне защиты для ознакомления лишь после закрепления доказательственной базы и завершения расследования дела. В данном случае необходимо обратить внимание на то, что срок ознакомления обвиняемого с материалами дела входит в срок следствия и срок содержания под стражей. Это, безусловно, еще раз подтверждает то, что создаются предпосылки для злоупотреблений со стороны защиты, зачастую использующей такой институт для затягивания сроков следствия, ставящей конечной целью освобождение обвиняемых из-под стражи. И поэтому пускать в свободное плавание сроки расследования нельзя.

Представляется целесообразным исключить время ознакомления обвиняемых с материалами дела из сроков следствия и содержания под стражей, поскольку, в первую очередь, как показывает практика, соблюдение разумности сроков ознакомления с материалами дела в 99,9 % процентах случаев зависит от стороны защиты. Достаточно лишь сопоставить количество фактов, когда следователи обращаются в суд с ходатайствами об ограничении сроков ознакомления стороны защиты с делом, и когда сторона защиты ходатайствует об обязании стороны обвинения не затягивать возможность ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела. Случаев о таких ходатайствах со стороны защиты не припомним.

Поэтому считаем, что здесь вопрос не столько в стадии, сколько в сроках. При этом эффективным механизмом обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и принципа равноправия сторон может являться, как возможность ограничить

обвиняемого в сроках ознакомления с делом (например, если обвиняемый затягивает время направления дела в суд и тем самым нарушает права потерпевшего на доступ к правосудию), так и возможность стороны защиты обязать в судебном порядке следователя не затягивать период ознакомления с делом обвиняемого и его защитника.

Помимо судебного контроля, в данном случае, гарантией от бесконтрольности и произвола со стороны обвинения, будет являться, как ведомственный контроль, так и прокурорский надзор за законностью содержания обвиняемых под стражей и за соблюдением прав потерпевших. Возможно, что в случае внесения изменений в законодательство в данном направлении, потребуется скорректировать механизм такого контроля при реализации права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела.

1. Маслов И. В. Процессуальная форма дознания и предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Уголовное судопроизводство. 2007. № 4. С. 15.

2. Томин В. Т., Поляков М. П. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ. М., 2012.

3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

4. Халисов А. Н. Вопросы оптимизации досудебного производства // Рос. юстиция. 2006. № 9. С. 13.

Ключевые слова: срок предварительного расследования, продление срока расследования по уголовному делу, ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела, разумный срок уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Гаврилова Наталья Викторовна,
курсант,

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Бадиков Дмитрий Алексеевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются проблемы защиты свидетелей и потерпевших от противоправного воздействия со стороны преступников и их окружения, а также предлагаются пути их решения.

Проблемы, связанные с обеспечением защиты прав лиц, содействующих правосудию, всегда привлекали внимание ученых-процессуалистов. Во Всеобщей деклара-

ции прав человека, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН [1], а также в законодательствах развитых стран закреплено положение о том, что права и свободы человека и гражданина, его честь и достоинство являются высшей ценностью общества и государства. Во многих развитых странах накоплен опыт создания и функционирования системы институтов и механизмов, направленных на защиту прав и законных интересов личности и иных лиц, в том числе потерпевших и свидетелей.

Отметим, что Россия, получив официальный статус члена Совета Европы, обязана признавать принцип верховенства права и принцип, согласно которому все лица, находясь под его юрисдикцией, должны пользоваться правами и основными свободами. Так, наша страна, сотрудничая с европейскими партнерами, расширяет возможности цивилизованного и эффективного осуществления правовых преобразований. Этой организацией вырабатывались руководящие принципы, которые были рекомендованы правительствам государств для пересмотра национального законодательства и практики его применения. Из всех принципов следует выделить такие, как повышение профессионального уровня полиции, который будет позволять обращаться с потерпевшими и свидетелями конструктивно, и проявляя сочувствие; доведение информации сотрудниками полиции потерпевшему о возможности получить содействие, помощь, как практической, так и правовой, а также о получении компенсации от правонарушителей и государства и результатах проводимого сотрудниками расследования; производство допроса потерпевшего, учитывая его личное положение и уважая права и достоинства; освобождение правонарушителя только тогда, когда будет решен вопрос о компенсации потерпевшему; доводить судом потерпевшему информацию о дате и месте проведения судебного разбирательства и о возможности получить возмещение и компенсацию в ходе уголовного процесса, о возможности получить правовую помощь; обеспечение повышенного уровня защиты потерпевшего от разглашения каких-либо фактов, которые способны затронуть его жизнь или оскорбить достоинство; а также реализовать эффективную защиту потерпевшего и его близких и родных от давления со стороны преступника, который способен запугивать или мстить.

Стоит заметить, что употребленный термин «запугивание» представляет собой прямую или потенциальную угрозу, которая создает помеху свидетелям давать показания.

С принятием нового УПК РФ [2] в российском законодательстве появились меры процессуального характера, направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. С появлением указанных мер можно говорить о создании специального института государственной защиты указанных лиц.

Однако одних лишь мер процессуального характера для защиты интересов потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, оказывающих ему содействие, было явно недостаточно. Лицам, испытавшим на себе противоправное воздействие или находящимся под угрозой такого воздействия, целесообразно обеспечивать безопасность и мерами, применяемыми за рамками уголовного процесса. Необходимо обеспечивать их социальную защиту со стороны государства. Для обеспечения надлежащей государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, многие ученые и работники правоохранительных органов считали целесообразным принятие специального закона, в котором будет предусмотрен комплекс соответствующих мер и механизм их реализации. Эта точка зрения поддерживалась и представителями власти. Так, в 2002 году был разработан законопроект «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» – в Главном государственном правовом управлении Президента РФ, в 2004 году данный закон был принят. Принятый Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников

уголовного судопроизводства» [3] определяет правовой статус и порядок защиты свидетелей и потерпевших. Но по настоящее время проблема безопасности свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве не является до конца разрешенной. Данную позицию можно подтвердить высказыванием Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой: «ежегодно в России свидетелями по уголовным делам становятся около десяти миллионов человек, из них примерно 2,5 миллиона подвергаются противоправному воздействию со стороны преступников и их окружения, а от 150 до 300 тысяч – становятся объектом прямого насилия» [4].

Также, по некоторым данным, можно сделать вывод о том, что не каждый обратившийся за помощью в правоохранительные органы свидетель или потерпевший, по факту оказания на него какого-либо воздействия, а именно физического или психического, в связи с производством по делу, обеспечивается защитой. Лишь 30 % из обратившихся следователь обеспечивает защиту. В остальных случаях, принятые меры защиты не гарантировали обеспечение безопасности, и противоправное воздействие все же оказывалось указанным выше лицам. В специальном докладе Уполномоченного по правам человека в РФ [4] содержатся данные, которые указывают на то, что в ряде случаев, около 60 % лиц, которые пострадали от преступлений, воздерживаются от обращений в правоохранительные органы, так как уверены в отсутствии защиты. А в некоторых случаях, потерпевшие вообще не являлись в суд или в ходе судебного разбирательства отказывались от данных ими ранее показаний.

В статье 6 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [3] закреплён перечень таких прав как:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
- 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- 4) переселение на другое место жительства;
- 5) замена документов;
- 6) изменение внешности;
- 7) изменение места работы (службы) или учебы;
- 8) временное помещение в безопасное место;
- 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Законодательное закрепление данных мер указывает на прогресс в развитии института защиты потерпевших и свидетелей. Но проблема по-прежнему остается нерешенной, так как реализация всех этих мер в полной мере невозможна вследствие недостаточного финансирования и отсутствия навыков их применения. По этой причине такие способы защиты, как личная охрана, охрана имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения о безопасности, изменение места работы или учебы, замена документов и переселение в другое место жительства, крайне редко используются сотрудниками правоохранительных органов. Последний способ является особенно затруднительным из-за не разработки соответствующих этому нормативно-правовых актов.

Также, необходимо отметить, что перечисленные выше меры защиты действуют лишь на время следствия и рассмотрения уголовного дела. После завершения судебного разбирательства комплекс мер защиты отсутствует. Исключительным случаем является такая мера защиты, которая учитывает мнение потерпевшего лица при освобождении

нии осужденного, чтобы не возникло ситуации с целью отомстить со стороны освобожденного лица.

В связи со сложившейся проблемой, связанной с защитой прав потерпевшего и свидетеля, следует заметить, что одного закона о защите указанных лиц недостаточно. Данную проблему можно рассматривать как проблему всего цивилизованного сообщества, а не только Российской Федерации.

Зарубежные меры защиты являются примерно одинаковыми и имеют общую цель, направленную на защиту прав потерпевшего и свидетеля. В таких странах, как США, Австралия, Новая Зеландия, Германия и Австрия, существуют свои особенности, заключающиеся в применении ограничительного приказа, иными словами, судебного решения, выносимое при причинении защищаемым лицам какого-либо беспокойства со стороны обвинения. Также, следует отметить Францию, Австрию и Великобританию, в которых введен запрет на посещение определенных мест преступниками, где есть вероятность встретиться с защищаемым лицом. В Италии и Германии применяется запрет доступа отдельным лицам на судебные заседания при открытом судебном процессе. А в США и Великобритании защищаемые лица уведомляются о побеге преступника с места отбывания или из-под стражи.

В России используется такая новелла, как участие потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве под псевдонимом. Но и в этом случае имеются пробелы. Поскольку невозможно использовать псевдоним на стадии возбуждения уголовного дела в соответствии с чч. 2, 3 ст. 141 УПК РФ: «Письменное заявление о преступлении должно быть подписано заявителем. Устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. Протокол должен содержать данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих личность заявителя» [2]. Следует отметить, что в Польше и Белоруссии данное обстоятельство было учтено законодателем, а вот в России нет. Пункт 9 статьи 166 УПК РФ [1] устанавливает необходимость обеспечения защиты потерпевшего и свидетеля, не указывая данных о личности этих лиц. Но возможны и другие способы обеспечить безопасность лиц, которые участвуют в процессе под псевдонимом. Было предложено следующее:

- предусмотреть обязательные случаи участия в следственных действиях под псевдонимом;
- сформировать единообразную практику и критерии угроз, что позволит своевременно решить вопрос об использовании псевдонима;
- создать порядок выделения материалов уголовного дела в отдельное производство, если возникнет опасность, связанная с рассекречиванием сведений о лице под псевдонимом и другое.

Затронутый вопрос о проблеме, связанной с защитой прав потерпевшего и свидетеля еще больше становится актуальным в свете Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5]. В данном документе одним из главных направлений политики государства и его задачей является усиление его роли в качестве гаранта безопасности личности.

В настоящее время, в Федеральном законе, УПК РФ и других документах правительства не говорится о максимальной защите лиц, пострадавших от преступления. Но следует отметить в России процесс создания механизмов их ограждения от каких-либо угроз и психического или физического воздействия. Необходимость совершенствования законодательства и практической деятельности правоохранительных органов в данной области есть и сейчас. Проанализировав мнения многих специалистов в данной сфере, следует отметить предложенные ими варианты решения некоторых проблем. Так, к примеру, дополнить п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ словами: «и с Федеральным зако-

ном «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». А также внести такое же изменение в ч. 3 ст. 11. Также использовать в качестве примера нормы в УПК Республики Беларусь и Республики Казахстан, заключающиеся в установлении обязанности органа уголовного преследования, независимо от того, какие меры защиты применяются и при наличии к тому оснований возбуждать уголовные дела в результате возникшей угрозой, которая состоит в совершении в отношении потерпевшего и его родных и близких запрещенного деяния [6]. Еще одним примером защиты свидетелей и потерпевших можно использовать ограничение материалов уголовного дела, которые предъявляются обвиняемым и их защитникам для ознакомления, то есть не вручать постановление следователя, в котором указываются данные о лицах, принимающие участие в уголовном судопроизводстве под псевдонимом. Также, предлагается закрепить в УПК РФ норму, которая предусматривает возможность не вручать список лиц, являющийся приложением к обвинительному заключению, которые подлежат вызову в суд, в том случае, если в нем есть информация о лицах под псевдонимом.

В связи с изучением определенных статей УПК, возникли предложения внести изменения и поправки. Так, например, добавить слово «потерпевшему», после слова «свидетелю» в п. 3 ст. 97 УПК РФ. В ч. 1 ст. 108 УПК РФ добавить пятый пункт, который будет представлять случаи угроз потерпевшему, свидетелю и иным участникам уголовного судопроизводства [7].

Еще одной проблемой является то, что, зачастую, свидетели затрудняются реализовывать предоставленные им права, поскольку устное их разъяснение сложно запоминается. Решить данную проблему предлагают составлением отдельного процессуального документа, а именно протокола разъяснения прав и обязанностей. Данный способ использовался УВД Ставропольского края, где была разработана памятка с правами и обязанностями, которая в дальнейшем вручалась свидетелю [8].

Стоит отметить, что в 2013 году была принята Государственная Программа по обеспечению безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы [9], на реализацию которой было выделено 1405,55 млн рублей. Изучив бюджет программы, можно сделать вывод, что чаще всего были применены меры по личной охране защищаемых, а также меры по обеспечению специальными средствами защиты и оповещения об опасности защищаемых лиц. Также, стоит отметить такие меры как изменение документов, внешности, места жительства, места работы и учебы. Данные меры включены в программу защиты участников уголовного судопроизводства, но из-за отсутствия финансирования на 2014–2018 годы вряд ли будут применены. Неразрешенных вопросов в данной программе в настоящее время очень много. Одним из таких вопросов является замена документов и переселение лица в другое место жительства, так как нет понимания кто, как и на основании каких актов должен внести изменения в документы защищаемого.

Каждый год выявляется большое количество преступлений, которые создают угрозу потерпевшим и свидетелям. Чтобы обеспечить защиту одному лицу, требуется около десяти сотрудников, включая его близких и родных [8]. Надо учесть, что количество сотрудников в подразделениях, оказывающих физическую защиту, не хватит на всех лиц, которые подлежат защите. А также, стоит отметить, что данные подразделения существуют не везде.

Таким образом, рассмотрев актуальные проблемы, связанные с защитой потерпевших и свидетелей, можно сделать вывод о наличии пробелов в законодательстве. Для разрешения проблем были рассмотрены и предложены различные пути их решения. Преодоление проблем реально путем издания специальных ведомственных ин-

струкций органов, которые занимаются осуществлением отдельных мер безопасности или же путем толкований Пленума Верховного Суда РФ.

1. Всеобщая декларация прав человека: принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
4. Москалькова Т. Н. У нас свои методы борьбы с преступностью [Электронный ресурс] // Парламентская газ. 2004. 13 янв. Вып. 4 (777). URL: <http://index.org.ru/turma/ic/2004/4/777-4.htm> (дата обращения: 12 мая 2014 г.).
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Епихин А. Правовое регулирование мер безопасности участников процесса // Законность. 2003. № 5. С. 46–51.
7. Клевцов В. В. Некоторые особенности производства следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений различных категорий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 157–161.
8. Шолохов С. В., Коргин А. В., Васюков В. Ф. К вопросу о роли использования технико-криминалистических средств в доказывании по уголовным делам // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Всероссийской конференции, 15–16 октября 2015 г. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. С. 343–349.
9. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 13 июля 2013 г. № 586: ред. от 13 августа 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: защита, безопасность, свидетель, потерпевший.
УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НЕЗАКОННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА

Галкина Ульяна Викторовна,
*преподаватель кафедры предварительного расследования,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты защиты наименования места происхождения товара, в результате его незаконного использования. Освещаются проблемы раскрытия и расследования преступлений данной категории. Проводится анализ норм гражданского законодательства, регламентирующего возникновение, использование и защиту наименования места происхождения товара.

Диспозиция ст. 180 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное использование средств индивидуализации, в том числе наименования места происхождения товара. Судебно-следственная практика по уголовным делам, где предметом преступного посягательства было бы наименование места происхождения товара, отсутствует. В чем же проблема выявления, раскрытия и расследования данного преступления. Без подробного анализа норм гражданского законодательства невозможно понимание указанной проблемы.

В соответствии с нормами гражданского законодательства наименование места происхождения товаров (далее НМПТ) это обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, либо обозначение, производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами (п. 1 ст. 1516 ГК РФ). Правообладателями исключительного права на НМПТ могут быть юридические лица или индивидуальные предприниматели, иностранные юридические лица, иностранные граждане и лица без гражданства (абз. 2 п. 1 ст. 1518; пп. 3 п. 2 ст. 1536 ГК РФ). Для возникновения исключительного права на наименование места происхождения товара требуется государственная регистрация (п. 1 ст. 1517, п. 1 ст. 1518 ГК РФ). Свидетельство о государственной регистрации, является документом, подтверждающим факт приобретения лицом исключительного права на НМПТ (п. 2 ст. 1518 ГК РФ).

Одно и то же наименование места происхождения товара может быть зарегистрировано как одним, так и несколькими субъектами предпринимательской деятельности (абз. 2 п. 1 ст. 1518 ГК РФ). Владельцы таких исключительных прав являются самостоятельными, каждый по отдельности может реализовать (использовать) свое право и защищать его от нарушителей. Исходя из вышеуказанного, можно резюмировать – юридическая монополия на использование одного и того же наименования места происхождения товара отсутствует [1].

Данная позиция гражданского законодательства вызывает дискуссии. Так, по мнению Э. П. Гаврилова и Е. А. Данилиной [2], возможность использования аналогичных наименований мест происхождения товара различными правообладателями вызовет массу проблем у последующих заявителей наименования места происхождения товара.

Производя проверку или расследуя уголовное дело о незаконном использовании НМПТ, дознаватель может столкнуться с проблемой, когда одно обозначение принадлежит нескольким правообладателям. Согласно данным ФИПС, на территории Российской Федерации по состоянию на январь 2017 года только российских НМПТ зарегистрировано 163. Например, НМПТ «Гжель» было зарегистрировано 13 правообладателями. В настоящее время 5 свидетельств прекратило действие, по 2 свидетельствам истек срок действия. Такое распространенное НМПТ как «Минеральная вода Ессентуки» зарегистрировано 53 правообладателями, из которых на данный момент действует 43 [3]. Осуществляя процессуальную деятельность, дознаватель должен запросить актуальную информацию о правообладателях в Федеральном институте промышленной собственности (далее ФИПС) [4]. ФИПС осуществляет государственную регистрацию НМПТ, а также действия, по прекращению и возобновлению действия правовой охраны в отношении объектов интеллектуальной собственности. Данное государственное учреждение обладает информацией о всех НМПТ и ее правообладателях. Установив весь перечень правообладателей, дознавателю необходимо выяснить, производится ли

каждым из правообладателей НМПТ товар, на котором незаконно используется НМПТ, правообладателем которого он является. Причем правообладатель, в соответствии с гражданским законодательством, наделен правом использования НМПТ любым не противоречащим закону способом, в том числе размещать НМПТ:

- 1) на товарах, этикетках, упаковках товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации;

- 2) на бланках, счетах, иной документации и в печатных изданиях, связанных с введением товаров в гражданский оборот;

- 3) в предложениях о продаже товаров, а также в объявлениях, на вывесках и в рекламе;

- 4) в сети Интернет, в том числе в доменном имени и при других способах адресации.

Далее перед правоохранительными органами возникает вопрос: ущерб в крупном размере должен быть причинен каждому из правообладателей или в совокупности? Некоторые цивилисты рассматривают право использования наименованием места происхождения товара как коллективное право, объясняя это открытым перечнем субъектов, способных производить один и тот же товар, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами [5]. На наш взгляд, данная точка зрения не вполне обоснована и это подтверждается правовой нормой (ст. 1519 ГК РФ) указывающей на то, что право использования получает конкретное лицо, зарегистрировавшее соответствующее наименование. Правообладатель может самостоятельно осуществлять защиту принадлежащего ему права, а так же прекращение действия одного или нескольких свидетельств на право пользования наименованием места происхождения товара не влечет прекращения правовой охраны данного наименования в целом и прекращения действия других свидетельств, удостоверяющих право пользования этим же наименованием. Каких-либо уголовно-процессуальных разъяснений по данной проблеме нет.

Кроме того, при раскрытии и расследовании уголовного дела дознавателю следует учитывать, что одной из особенностей исключительного права на НМПТ выступает его неотчуждаемость: право использования этого наименования не может быть отчуждено или предоставлено другому лицу (п. 4 ст. 1519 ГК РФ). В рамках правового поля НМПТ механизм распоряжения исключительным правом не имеет как юридического, так и экономического смысла, ведь любое лицо, производящее товары в данной местности, может самостоятельно получить свидетельство на право пользования, а не приобретать это право на возмездных началах у первого обладателя свидетельства. Поэтому предоставление правоохранительным органам различного рода договоров, является способом сокрытия преступления.

Так же следует учитывать, в отличие от самого наименования места происхождения товара, исключительное право на него действует в течение установленного срока (п. 2 ст. 1521 ГК РФ). Согласно ст. 1531 ГК РФ свидетельство об исключительном праве (о регистрации) действует в течение 10 лет со дня подачи заявки на регистрацию. Этот срок может быть продлен еще на 10 лет неограниченное число раз (ч. 5 п. 2 ст. 1531 ГК РФ). Единственным условием для такого продления является заключение уполномоченного органа о том, что товар, производимый правообладателем, все еще имеет особые свойства, указанные в Государственном реестре наименований (п. 2 ст. 1531 ГК РФ). В случае истечения срока действия свидетельства о регистрации и от-

существовании поданной заявки о продлении срока действия свидетельства о регистрации, правообладатель утрачивает исключительное право на НМПТ.

Проведенный анализ позволяет резюмировать, что без разъяснения уголовно-правовых норм ст. 180 УК РФ, в частности правоприменительной практики по делам о незаконном использовании наименований мест происхождения товаров, данные объекты интеллектуальной собственности останутся без надлежащей уголовно-правовой защиты.

1. Галкина У. В. Правовой режим исключительного права на наименования места происхождения товара // Правовые проблемы охраны и защиты средств индивидуализации: сборник статей / отв. ред. д. ю. н., профессор Л. А. Новоселова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. С. 176.

2. Гаврилов Э. П., Данилина Е. А. Комментарий к закону Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»: Подзаконные нормативные акты. М.: Изд-во Экзамен, 2004. С. 126.

3. ФИПС // Информационные ресурсы // Открытые ресурсы // Реестр наименований мест происхождения товаров (НМПТ) Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fips.ru>.

4. Галкина У. В. Проблемы возбуждения уголовного дела о незаконном использовании средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Молодой ученый. 2016. № 25-1 (129). С. 14–15.

5. Горленко С. А., Еременко В. И. Комментарий к Закону Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // Комментарий к законодательству об охране интеллектуальной собственности / под общ. ред. В. И. Еременко. М., 1997. С. 158; Охрана интеллектуальной собственности в России. С. 468.

Ключевые слова: уголовное дело, дознаватель, наименование места происхождения товара, незаконное использование, правообладатель.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА У МИРОВЫХ СУДЕЙ

Грохотова Елена Александровна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,

Юго-Западный государственный университет,

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Автор анализирует роль отечественной мировой юстиции для уголовного судопроизводства в отдельные исторические периоды. Выделяются особенности производства по уголовным делам у мирового судьи, закрепленные в российском законодательстве.

В рамках судебной реформы 1864 г. мировой судья виделся как особая процессуальная фигура, которая выполняла бы функции вершителя правосудия и примирителя спорящих сторон, обладающая высоким авторитетом среди простого населения. Особая роль отводилась мировому судье как примирителю, в том числе и в уголовном судопроизводстве. Примирительное разбирательство у мирового судьи состояло в склонении сторон к примирению, причем мировой судья должен был изыскивать для

этого все возможные способы. К сожалению, со временем значение данной функции стало умиляться, что выразилось в отмене 21 мая 1891 г. обязанности мирового судьи склонять стороны к примирению, а потом и ликвидации самого института мировых судей. Институт мировых судов в конце XIX–начале XX вв. показал достаточную эффективность в разрешении уголовных дел, не смотря на наличие целого ряда организационных проблем. Окончательно институт мировых судов был ликвидирован Декретом о суде от 24 ноября 1917 г. № 1 в рамках революционного реформирования судебной системы.

Возрождение мировой юстиции в России стало возможным только в конце XX в. Идея о необходимости создания института мировых судей получила признание в рамках Концепции судебной реформы. Однако реальное воплощение данной идеи началось лишь спустя десятилетие, поскольку именно тогда мировые суды начали свою работу в нашей стране.

В конце 1996 года вступил в силу Федеральный конституционный закон «О судебной системе» [1]. В соответствии с положениями данного закона в перечень судов Российской Федерации были включены мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции. Мировые судьи предстают перед нами носителями судебной власти, которые могут обеспечивать и защищать нарушенные или оспариваемые права, свободы человека, гарантированные Конституцией, вынося справедливые и обоснованные решения. Из норм ст. 28 указанного закона следует: «Мировой судья в пределах своей компетенции рассматривает гражданские, административные и уголовные дела в качестве суда первой инстанции».

В 1998 году начал действовать Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» [2]. Нормы закона содержат положения о статусе и компетенции мирового судьи, порядке занятия им своей должности и освобождения от должности, а также предусматривает гарантии обеспечения деятельности мирового судьи.

В 2001 году вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ, закрепивший в качестве важнейших принципов уголовно-процессуального закона верховенство права, приоритет прав, свобод и законных интересов личности, равноправие и состязательность сторон, независимость суда, презумпцию невиновности и ряд других фундаментальных положений, которые признаются на уровне международного права. Особо следует обратить внимание на появление в УПК РФ специальной главы 41, регламентирующей порядок производства по уголовным делам, подсудным мировому судье. Данная новелла стала существенным этапом на пути дифференциации отечественного уголовного процесса и развития диспозитивных начал уголовного судопроизводства.

Следует согласиться с авторами, полагающими, что мировой судья – это должностное лицо, которое является носителем судебной власти, назначаемое для единоличного правосудия от имени государства [3].

Как считает С. В. Лонская, мировой судья – это лицо, наделенное полномочиями осуществлять функции мировых судов. При этом мировой суд может быть рассмотрен как местный (локальный) судебный или административно-судебный государственный орган ограниченной юрисдикции, рассматривающий и разрешающий малозначительные дела по упрощенной процедуре [4].

К предметной подсудности мировых судей УПК РФ относит уголовные дела частного обвинения и уголовные дела публичного и частно-публичного обвинения о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, за исключением уголовных дел о ряде преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 31 УПК РФ. Такой подход к определению подсудности имеет свои исторические корни, характерен для российского уголовного процесса и позволяет реализовать принцип диспозитивности. Отметим, что в последнее время наметилась определенная тенденция по снижению зоны действия данного принципа в отечественном уголовном

процессе, что закономерно приводит к сокращению уголовных дел частного обвинения. Очевидно, что таким образом законодатель пытается решить проблему злоупотреблений правом при реализации дискреционных полномочий должностными лицами органов уголовного преследования, обязанными при наличии ряда условий трансформировать частное обвинение в публичное.

При определении специфики производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетнего следует иметь в виду то обстоятельство, что данный институт исторически создавался с целью рассмотрения несложных, рутинных дел. Именно такой подход был заложен в Судебных уставах 1864 г.

Анализ действующего российского процессуального законодательства позволяет выделить следующие особенности уголовного судопроизводства у мирового судьи:

- 1) единоличное рассмотрение дел;
- 2) более активное использование примирительных процедур для разрешения уголовно-правового конфликта;
- 3) наличие собой процедуры производства по уголовным делам частного обвинения.

Однако в связи с сокращением дел частного обвинения мировые судьи все чаще рассматривают уголовные дела в общем порядке. Вследствие этого к мировому судье поступают уголовные дела публичного и частно-публичного обвинения, расследуемые органами предварительного расследования. Мировой судья проводит по ним подготовительные действия и назначает дело к рассмотрению в судебном заседании по общим правилам, предусмотренным гл. 33 УПК. Судебное разбирательство у мирового судьи также осуществляется по общим правилам, предусмотренным гл. 33 УПК РФ, за исключением уголовных дел частного обвинения.

Полагаем, что такой подход законодателя не оправдан. Исторически основной задачей мировых судов было скорое правосудие, связанное с разрешением несложных дел. Именно поэтому одной из функций мирового судьи выступала функция примирения. Многие авторы обоснованно подчеркивают, что «порядок судопроизводства по уголовным делам в мировом суде должен обеспечить возможность рассмотрения и разрешения дел при оптимальных затратах времени, сил и средств как государства, так и граждан» [4]. Но действующая модель производства по уголовным делам у мирового судьи не отвечает идее ускоренного производства. Это дает основание полагать, что дальнейшее развитие данного производства требует его кардинального реформирования и пересмотра роли мирового судьи в уголовном судопроизводстве.

1. О судебной системе Российской Федерации: Федер. конституционный закон Рос. Федерации от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ: ред. от 5 февраля 2014 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1.

2. О мировых судьях в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ: ред. от 5 апреля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 51, ст. 6270.

3. Сачков А. Н. Правовая модель мирового суда: принципы современного конструирования // Рос. юстиция. 2007. № 3. С. 46.

4. Хаматова Е. В. Производство по уголовным делам у мирового судьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 5.

Ключевые слова: мировой судья, уголовное судопроизводство, подсудность уголовных дел.

УДК 343.16

УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ЖИЛИЩЕ

Гущев Максим Евгеньевич,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права,
Четвертый факультет повышения квалификации
(с дислокацией в городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
603104, г. Н. Новгород, ул. Краснозвездная, д. 5

Изосимов Вадим Сергеевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права,
Четвертый факультет повышения квалификации
(с дислокацией в городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
603104, г. Н. Новгород, ул. Краснозвездная, д. 5

В статье авторы обращаются к вопросу проведения оперативно-разыскных мероприятий в жилище. Рассматривается общий порядок проведения подобных мероприятий, а также возможности их проведения без соответствующего судебного решения.

Оперативно-разыскная деятельность представляется одним из наиболее эффективных способов контроля и противодействия преступности. Обладая уникальными возможностями, оперативные сотрудники имеют большой потенциал выявления и раскрытия преступлений. Вместе с тем, ряд пробелов в нормативном регулировании оперативно-разыскной деятельности, несогласованность межотраслевых положений законодательства приводит порой к нежелательным последствиям, безрезультативной работе оперативников.

Негативная тенденция общей «процессуализации» оперативно-разыскной деятельности порождает массу проблем в формировании единообразного подхода к пониманию сути и допустимых форм её выражения.

Одной из наиболее остро обсуждаемых проблем является проведение оперативно-разыскных мероприятий в жилище.

Часть 2 статьи 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает, что проведение оперативно-розыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина, в том числе, на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии определенной законом информации.

Безусловно, указанные ограничения составляют неотъемлемую часть гарантий личности, которые не могут рассматриваться как негативный фактор в борьбе с преступностью. Судебный контроль дисциплинирует должностных лиц органов власти, позволяет повысить эффективность работы государственного аппарата.

Опрос обучающихся четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» из числа следователей следственных управлений СК России показал, что подавляющее большинство не стали бы рассматривать материалы оперативно-разыскной деятельности в качестве источника потенциальных доказательств, если ограничение конституционного

права граждан на неприкосновенность жилища в ходе оперативно-разыскных мероприятий не получило судебной оценки.

Однако всегда ли необходимо судебное решение? Как следует поступать в случае добровольного согласия лица на ограничение его права, когда оперативник попадает в жилище с его согласия?

Если вести речь о гласных оперативно-разыскных мероприятиях, то здесь каких-либо затруднений не усматривается. Лицо осознает, что к нему домой пришли оперативные сотрудники, знает их требования, и, отдавая себе отчет в происходящем, может письменно выразить свое согласие на проведение оперативно-разыскных мероприятий в его жилище. При этом, Конституционный Суд Российской Федерации не исключает возможности лица воспользоваться помощью адвоката, если лицо того пожелает.

Другое дело, если проводятся негласные оперативно-разыскные мероприятия. В этом случае, представляющее оперативный интерес лицо не знает, что перед ним должностные лица государственных органов, не осознает, что происходящие в его жилище события являются не реализацией его преступного умысла, а проводимым оперативниками мероприятием.

Естественно, что впоследствии, при привлечении к уголовной ответственности, граждане обжалуют подобные «визиты» оперативных сотрудников, полагают их незаконными без соответствующего судебного решения.

Например, доводами заявителя по делу «Быков против Российской Федерации», рассмотренного Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), явились незаконность (без судебного решения) вторжения в его жилище и осуществление в нем записи его разговора с использованием радиопередающего устройства.

Вместе с тем, дав оценку использованию подобного рода устройств и приравняв их к прослушиванию телефонных переговоров, а соответственно и к мероприятиям, подлежащим судебному санкционированию, ЕСПЧ не высказался о возможности проведения оперативно-разыскного мероприятия в жилище заявителя, указав в п. 82 Постановления ЕСПЧ от 10 марта 2009 г.: «Не является необходимым и установление того, представляла ли собой негласная операция вмешательство в право заявителя на уважение его жилища» [1].

Сожаление по этому поводу выразил и судья ЕСПЧ А. Ковлер: «Как следует из текста Постановления Большой Палаты, «заявитель жаловался... на негласную операцию, проведенную в его жилище» (см. § 3 Постановления). Изложение фактов (см. §§ 35–36 Постановления) и дополняющие их утверждения заявителя изображают вторжение в его жилище в качестве незаконного и неоправданного вмешательства в его право на уважение личной жизни и жилища (см. §§ 70–71 Постановления). Однако, к моему сожалению, Большая Палата ограничила свое заключение выводом о том, что «оперативный эксперимент» не сопровождался достаточными правовыми гарантиями (см. § 81 Постановления), указав затем на то, что «не является необходимым и установление того, представляла ли негласная операция вмешательство в право заявителя на уважение его жилища» (см. § 82 Постановления). При этом была упущена возможность дать более многогранную оценку всех аспектов жалобы заявителя с точки зрения статьи 8 Конвенции на основе значительной прецедентной практики Европейского Суда по данному вопросу».

Идею, заслуживающую тщательного изучения, высказал Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. Пункт 7.1 Обзора гласит: «Кроме того, при решении вопроса о необходимости вынесения судебного решения для проведения проверочной закупки в жилище судам следует учитывать положения ст. 8 Федерального закона Рос-

сийской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которым проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии соответствующей информации. При этом **судебное решение не требуется только в случае, если оперативный сотрудник**, лицо, привлеченное к выполнению оперативно-розыскного мероприятия, **входит в жилище с согласия и на условии добровольности проживающих в нем лиц»** [2] (выд. авторами).

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации допускает возможность законного проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих предусмотренное Конституцией Российской Федерации право на неприкосновенность жилища, без судебного санкционирования, с согласия лица. Позволим себе напомнить, что речь идет о проверочной закупке наркотических средств, мероприятии негласном, в ходе которого лицо, отчуждающее наркотики, не догадывается об истинной цели совершаемой сделки и не осознает, что в данный момент к нему в жилище желают попасть представители государственных органов [3].

В этом случае возникает вопрос в способе фиксации согласия данного лица. Очевидно, что получить от него расписку о том, что он пускает к себе домой закупщика добровольно, не вызвав при этом обоснованных подозрений, будет весьма затруднительно.

Однако, исходя из понимания Верховным Судом Российской Федерации данного затруднения оперативника и изложенной в п. 7.1 Обзора позиции, осмелимся предположить, что видеофиксация согласия лица, приглашающего закупщика к себе в жилище, будет являться достаточным доказательством добровольности принятого решения.

Аналогичным способом (с помощью видеофиксации), на наш взгляд, может быть решена проблема проведения не только проверочной закупки, но и иных оперативно-розыскных мероприятий в жилище, что, учитывая предусмотренную законом возможность судебного обжалования действий и решений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, не нарушит права граждан, в отношении которых такие мероприятия осуществляются.

Вместе с тем, возможность применения данного способа фиксации согласия лица на ограничение его конституционных прав заслуживает дальнейшего изучения с учетом позиции ЕСПЧ относительно «уловок» и «провокаций» правоохранительных органов.

1. Дело «Быков (Bykov) против Российской Федерации (жалоба № 4378/02): Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 марта 2009 г. (Большая Палата) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 6/2009.

2. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 10.

3. Калужный А. Н., Чаплыгина В. Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lex Russica. 2015. № 7. С. 37–42.

4. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, проверочная закупка, обследование помещений.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дёмин Константин Евгеньевич,

*доцент кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

В статье рассматривается ряд вопросов, посвященных понятию и содержанию криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием современных информационных средств и технологий.

Проведенный анализ криминалистической литературы показывает отсутствие единого подхода к определению указанного вида преступлений. Так, А. Н. Селиванов, обозначая данные преступления как «компьютерные», понимает под ними «...предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, в которых информация на машинных носителях представляет собой предмет преступного посягательства» [18, с. 334]. Анализируя данное определение, заметим, что само слово «компьютерные» в применении к преступному деянию следует относить к его криминалистической составляющей – как средства с помощью которых совершаются эти деяния, а не строго научной и тем более правовой категорией. Ряд авторов, исходя из международного опыта борьбы с данной категорией преступлений, в частности, рабочего варианта принятого Советом Европы «Конвенции о преступлениях в компьютерной сфере», подготовленного ООН руководства по предотвращению и контролю над преступлениями, совершенными с использованием компьютеров, под компьютерными преступлениями понимают «преступления, направленные на несанкционированный доступ в защищенные компьютерные системы, причинение ущерба имуществу и электронной обработке информации, а также в криминализации деяний, связанных не только с имущественным ущербом, но и с нарушением прав личности, с угрозой» [6, с. 5–7; 20, с. 89 и др.]. Данная точка зрения логично вытекает из реалий действующих уголовных законодательств в различных странах, в том числе России, а также подходов к вопросам правовой оценки компьютерных правонарушений.

Изучение практики свидетельствует, что преступления в сфере неправомерного доступа к компьютерной информации могут совершаться по корыстным мотивам с целью причинения имущественного ущерба, по различного рода личностным мотивам (из чувства мести, хулиганства, зависти, желания испортить деловую репутацию конкурента, «спортивного интереса» и т. д.), а так же целью совершения деяний, направленных на общественную безопасность государства. Изложенное позволяет нам предложить следующее определение отмеченных преступлений, как *криминальные деяния, совершаемые в области высоких технологий с применением информационных (в том числе – компьютерных) и телекоммуникационных технологий с целью материального обогащения, желания испортить деловую репутацию конкурента, «спортивного интереса», сокрытия иного преступления, а также совершения противоправных деяний, направленных на общественную безопасность государства* [6, с. 102; 7, с. 122].

Данное определение позволяет выделить разновидности указанных преступлений, а также рассмотреть элементы криминалистической характеристики. Подавляющее большинство данных преступлений совершается по корыстным мотивам. По данным наших исследований они составляют около 70 %, по личностным мотивам – 18 %, по

с целью дезорганизации органов государственной власти и хозяйства – 2 %. [Данные наших исследований корреспондируются и данными других авторов. См., в частности: 1; 6]. В этой связи мы не согласны с А. Н. Селивановым, ограничивающим мотивацию совершения компьютерных преступлений «... корыстью либо хулиганскими побуждениями, ... чувством мести, с целью сокрытия другого преступления» [18, с. 338].

При выделении элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере высоких технологий следует исходить из их специфики, заключающейся в том, что в реализации преступного замысла участвуют несколько лиц. Более того, в современных условиях подавляющее большинство совершаются членами организованных преступных групп. Е. Р. Россинская в связи с этим отмечает, что «...компьютерные преступления свойственны организованным преступным группировкам» [16, с. 269–279]. Остановимся на ряде вопросов, относящихся к данному понятию.

Под криминалистической характеристикой преступлений мы понимаем научную абстракцию, модель наиболее значимых с криминалистической точки зрения признаков, видов, разновидностей, групп преступлений и систему взаимосвязей между ними. Её значение заключается в том, что в научном аспекте она значительно расширила и углубила представление о преступной деятельности как объекте криминалистики; а в практическом – способствует повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений, благодаря знанию криминалистически значимых признаков отдельных видов, разновидностей и групп преступлений и, особенно выявленных взаимосвязей между ними, что чрезвычайно важно при выдвижении версий, определении направлений расследования, выборе средств, в том числе и при криминалистическом обеспечении.

Среди криминалистов нет единого мнения о содержании криминалистической характеристики преступлений [обзор точек зрения по этому вопросу см.: 2, с. 307–315]. Представляется, что наиболее убедительна по этому вопросу точка зрения Р. С. Белкина, выделившего следующие её элементы:

- характеристика исходной информации;
- данные о способе совершения и сокрытия преступлений и типичных последствиях их применения;
- данные о личности вероятного преступника;
- данные о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка);
- данные о личности вероятной жертвы преступления [2, с. 315–316].

Указанной схемой и руководствуются в основном криминалисты, занимавшиеся вопросами раскрытия и расследования преступлений в сфере так называемой «компьютерной информации».

Так, Н. А. Селиванов указывает следующие элементы криминалистической характеристики данного вида преступлений: место, время и способ совершения преступления, последствия преступления и объекты, поражаемые преступлениями рассматриваемого вида, субъект неправомерного доступа к компьютерной информации, цели и мотивы совершения преступления [18, с. 334–348]. И. Ю. Шорин, Я. С. Шапило, характеризуя компьютерные преступления, к наиболее их значимым признакам относят: способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; некоторые обстоятельства совершения преступления (место, время, обстановка); данные о личности жертвы (объекта преступного посягательства); данные о личности вероятного преступника; особенности следов и их взаимосвязей; характеристику повреждений и причиненного ущерба; вероятные мотивы и цели преступления [19, с. 139]. Анализ вышеперечисленных элементов криминалистической характеристики свидетельствует о наличии ряда базовых элементов, на которые указывает подавляющее большинство авторов, в частности:

данные о мотиве; о способах подготовки, совершения и сокрытия; данные об обстановке преступления; сведения о следовой картине преступления.

Вместе с тем, предложенная схема не ориентирована на специфику совершения преступлений организованными преступными сообществами, хотя подавляющее большинство преступлений в сфере неправомерного доступа к «компьютерной информации» (по данным наших исследований 80 %), совершаются организованными преступными группами и сообществами. Лишь 20 % преступлений данного вида совершаются в одиночку, причём, нередко для реализации замысла исполнители обращаются к членам организованных преступных формирований. Поэтому при выделении элементов криминалистической характеристики должна учитываться специфика данных преступлений, состоящая в совершении их членами организованных преступных сообществ с использованием современных информационных средств и технологий.

В криминалистической литературе, посвященной борьбе с преступлениями, совершаемыми членами организованных преступных сообществ, этой проблеме уделяется определённое внимание [10; 11, 12, 13 и др.]. Анализ указанных работ показывает, что наибольшее внимание проблемам криминалистической характеристики преступлений, совершаемых членами организованных сообществ, уделяют В. И. Куликов и В. А. Жбанков. В частности, В. И. Куликов выделяет три блока в криминалистической характеристике организованной преступной деятельности: технологический, структурно – организационный и личностный. В технологический блок он включает сведения о механизме организованной преступной деятельности, данные об обстановке и сведения о предмете преступного посягательства. В структурно-организационный – сведения о структуре организованного преступного формирования как специфическом криминальном механизме; данные об особенностях его формирования; данные об особенностях его формирования; сведения об уровне криминального развития; данные об организации системы ухода от разоблачения; сведения об особенностях криминального функционирования; сведения о сфере криминальной активности. В личностный – качественные характеристики лиц, входящих в организованное преступное формирование; характеристика психологического состояния организованного преступного формирования как целостного криминального механизма [12, с. 96–154]. По нашему мнению, наиболее удачно элементы криминалистической характеристики преступлений, совершаемых членами организованных преступных сообществ, выделил В. А. Жбанков. Прежде всего, им отмечен ряд закономерностей, присущих организованной преступной деятельности, определяющих элементы криминалистической характеристики данных преступлений:

- связанные с целями и объектом преступных посягательств;
- обуславливающие формирование преступных сообществ, их внутреннюю организацию;
- связанные со спецификой функционирования преступного сообщества;
- свойственные преступному сообществу как специфической социальной системе [8, с. 160].

Данная классификация может быть принята за основу при выделении элементов криминалистической характеристики видов и разновидностей преступлений, совершаемых членами организованных преступных сообществ. Хотя, по нашему мнению, она имеет ряд недостатков. В частности, в ней отсутствуют «цели» деятельности преступной структуры, «мотивы» действий её участников, характеристика материальных следов, возникающих в результате функционирования преступной структуры и при совершении конкретных преступлений. Кроме того, применение указанной классификации элементов криминалистической характеристики должно учитывать специфику совершения тех или иных преступлений организованными преступными группами и со-

обществами. Данное положение особенно важно при выделении элементов криминалистической характеристики данного вида преступлений, которые, как правило, совершаются в интересах определённых преступных группировок. По нашему мнению, при определении элементов криминалистической характеристики преступлений сопряженных с применением информационных средств и технологий (неправомерного доступа к компьютерной информации) следует учесть классификации элементов криминалистической характеристики преступлений применительно к преступлениям, совершаемым организованными преступными сообществами, которые предложены В. И. Куликовым и В. А. Жбанковым. В этой связи их можно сгруппировать по трём блокам: организационно-структурному, технологическому и личностному.

Элементами организационно-структурного блока являются:

- тип и структура преступного формирования, члены которой организовали и реализовали преступный замысел;
- конечная цель «компьютерного преступления»;
- характер связей в организованной преступной структуре и функциональные роли участников.

К элементам технологического блока относятся:

- предмет преступного посягательства;
- способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений в области компьютерной информации;
- обстановка совершения преступления;
- механизм совершения преступления;
- данные о следовой картине преступления.

К элементам личностного блока относятся:

- данные о свойствах личности заказчика, исполнителя, посредника и иных участников преступления;
- основные мотивы их деятельности.

Представляется, что указанная система элементов криминалистической характеристики преступлений сопряженных с использованием информационных средств и технологий позволяет наиболее полно раскрыть криминалистическую их сущность, а соответственно, выявлять возможности криминалистического сопровождения их раскрытия и расследования. Знание элементов криминалистической характеристики используется также при выдвижении версий, определении направления расследования, использовании криминалистических средств и методов. Элементы криминалистической характеристики преступлений взаимосвязаны друг с другом, они находятся между собой в закономерной взаимосвязи [21]. Установление этих взаимосвязей и количественных показателей между различными элементами – важнейшая задача при разработке методики расследования любого вида преступлений. В этом случае, получение информации об одном элементе криминалистической характеристики преступления позволяет (в зависимости от уровня установленных взаимосвязей: однозначных или вероятно – статистических) установить следующий элемент или выдвинуть о нём версию. Следует отметить, что проблеме установления взаимосвязей между различными элементами криминалистической характеристики определённого вида преступлений в криминалистической литературе уделяется определённое внимание, о чём свидетельствуют работы В. А. Жбанкова, С. П. Зеленковского, Н. А. Селиванова и других учёных [4; 9; 17].

1. Васюков В. Ф. К вопросу о сущности следов преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Право и образование. 2016. № 8. С. 112–118.

2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. М.: Юрист, 1997.
3. Васильев А. А., Дёмин К. Е. Электронные носители данных как источники получения криминалистически значимой информации: учебное пособие. М.: Изд-во МГОУ, 2009.
4. Васюков В. Ф., Булыжкин А. В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Рос. следователь. 2016. № 6. С. 3–8.
5. Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в экономической сфере: теоретические, организационно-тактические и методические основы. Тула: ГУП – Издательство «Левша», 2009.
6. Дёмин К. Е. О понятии и содержании криминалистической характеристики преступлений, совершенных в сфере высоких технологий // Актуальные проблемы предварительного расследования [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 28–29 октября 2015 г. / отв. ред. В. И. Третьяков. Волгоград: ООО «Бланк», 2015.
7. Дёмин К. Е. О понятии и криминалистической характеристике преступлений, совершенных организованными преступными группами с применением современных информационных средств и технологий // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 5(16). М.: Издательство «Юрлитинформ».
8. Жбанков В. А. К вопросу о разработке методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами // Экономические и правовые проблемы таможенной деятельности: сборник научных трудов. Ч. 3. М.: РТА, 1999.
9. Жбанков В. А. О разработке методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами // Организованная преступность. М.: Криминологическая ассоциация, 1998.
10. Зеленский С. П. Установление и использование данных о личности потерпевшего при расследовании убийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1983.
11. Корухов Ю. Г., Филиппов А. Г. Особенности расследования организованных преступлений // Криминалистика. М., 1998.
12. Куликов В. И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994.
13. Лавров В. П. Расследование организованной преступной деятельности // Криминалистика. М., 1999.
14. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж: ВГУ, 2001.
15. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж: ВГУ, 2002.
16. Россинская Е. Р. Особенности расследования преступлений в сфере движения компьютерной информации // Криминалистика. Методика расследования преступлений новых видов, совершаемых организованными преступными сообществами. М.: 1999.
17. Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1977. № 2.
18. Селиванов А. Н. Расследование компьютерных преступлений // Пособие для следователей. Расследование преступлений повышенной общественной опасности. М.: Лига Разум, 1998.
19. Шорин И. Ю., Шапило Я. С. Особенности криминалистической характеристики компьютерных преступлений // Информационная безопасность и компьютерные

технологии в деятельности правоохранительных органов: межвузовский сборник. Саратов: СЮИ МВД России, 2003.

20. Черкасова Т. В. Концептуальные основы и сравнительный анализ развития законодательств России и Чехии в сфере борьбы с компьютерными преступлениями // Информационная безопасность и компьютерные технологии в деятельности правоохранительных органов: межвузовский сборник. Саратов: СЮИ МВД России, 2003.

21. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. М.: Проспект, 2017. 160 с.

Ключевые слова: информационные технологии, компьютерная информация, криминалистическая характеристика преступлений, неправомерный доступ к компьютерной информации, организованные преступные сообщества.

УДК 343.98

ИЗУЧЕНИЕ СВОЙСТВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ТОВАРА КАК КОМПЛЕКСНОГО ОБЪЕКТА ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Дронова Ольга Борисовна,

*кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистической
техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности,*

*Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

В статье обосновывается необходимость изучения совокупности свойств потребительских товаров, посредством проведения диагностических и идентификационных экспертиз. Комплекс решаемых вопросов дифференцируется в зависимости от изучения конкретных элементов товара: упаковки, специальных защитных и регистрационно-учетных средств, маркировки, самого продукта и товарно-сопроводительных, технологических и иных документов.

Криминалистическое исследование свойств потребительских товаров заключается в выявлении, анализе, оценке и использовании криминалистически значимой информации о потребительском товаре как комплексном объекте исследования, обладающем совокупностью свойств, формирующихся в процессе жизненного цикла наличие или отсутствие которых регламентируется нормативными правовыми актами [1].

Уполномоченным лицам, назначающим производство экспертиз в отношении потребительских товаров необходимо знать современные возможности решения идентификационных и диагностических задач. К процессу назначения экспертиз целесообразно привлекать специалистов в целях оказания помощи в проведении подготовительной работы, связанной с правильным определением родов (видов) судебной экспертизы, осуществления выборки образцов (проб) для проведения исследований, а также оказания консультационной помощи в подборе образцов-эталонов, необходимых для сравнительного исследования, формулирования вопросов, выбора экспертного учреждения и конкретного эксперта, а также способствования проведению дальнейшего комплекса тактических мероприятий, направленных на оценку результатов проведенной экспертизы.

Основными видами задач, решаемыми в ходе изучения свойств потребительских товаров, является оценка соответствия самого продукта, а также комплекса сопроводи-

тельной документации на него существующим требованиям нормативной и технической документации, решаемых на основании результатов их внешнего осмотра, установления состояния упаковки и изучения особенностей маркировки, определения оригинальности защитных средств, проведения лабораторных исследований по установлению комплекса свойств, сопоставление с оригиналом или его нормативно-справочным описанием.

В процессе экспертизы выясняются также условия производства, закупки, поставки, транспортировки, хранения и реализации продукции, при необходимости проводятся лабораторные исследования (испытания) качества и безопасности, а также ее идентификация [2].

Под идентификацией потребительских товаров понимается установление соответствия конкретной продукции образцу и (или) ее описанию, выраженному в наборе признаков, параметров, показателей и требований, характеризующих продукцию, установленных в соответствующих документах [3]. Отождествление проводится на основе изучения признаков, параметров, выбору критериев и показателей, которые в совокупности позволят сформулировать вывод о соответствии конкретной продукции образцу и (или) ее описанию. При этом в качестве материалов, содержащих описания товаров используются стандарты, технические регламенты, нормативные документы федеральных органов исполнительной власти, конструкторская, эксплуатационная документация; товаросопроводительная документация, договоры поставки, спецификации, технические описания, этикетки, ярлыки и другие документы, характеризующие продукцию.

В ходе проведения идентификации потребительской продукции определяются общие (наименование, изготовитель, функциональное назначение) и специфические (гендерные, возрастные) критерии, которые устанавливаются на основе показателей (свойств), присущих товару.

В ходе решения задач криминалистической идентификации отдельных элементов, составляющих комплексный товар, могут быть решены вопросы отождествления:

- производственных механизмов, участвующих на определенной стадии производства (использование одного трафарета для нанесения логотипов, применение одного печатного устройства для нанесения конгревного или блинтового тиснения и т. д.),
- оригинал-макетов с которых осуществлялась печать тиража (книг, аудиовизуальных произведений, этикеток и т. д.),
- мест, где осуществлялась запись экранных копий (кинотеатры),
- функционально-двигательных навыков лиц, осуществлявших буквенно-цифровые записи и подписи в товарно-сопроводительной документации и т. д., основанные на выявлении общих (групповых) и частных признаков, и их последующего сопоставления в целях установления индивидуально-конкретного тождества,
- печатей и штампов сертификационных и торговых организаций по их оттискам в товарно-сопроводительных документах.

В случаях, когда частных признаков оказывается недостаточно для индивидуализации возможно установление групповой принадлежности объекта, т. е. установлением принадлежности объекта к некоторому множеству (группе) однородных объектов, осуществляемым на основе изучения свойственных всем объектам данной группы общих признаков [4]. В качестве разновидности групповой принадлежности можно выделить установление единого источника происхождения объектов (изготовление товаров на одной производственной линии, производство упаковки (вкладыша, ярлыка) из материала одного вида и т. д.). В данном случае признаки относятся к составу и структуре вещества или материала и отражают технологию производства или условия хранения объектов и т. п.

Производство диагностических исследований в отношении потребительских товаров позволяет установить механизм, время, способ и последовательность действий, событий, явлений, причинных связей между ними; природы, качественных и количественных характеристик объектов, их свойств и признаков, не поддающихся непосредственному восприятию, и т. д. [5]. При этом могут быть установлены виды нарушений и обстоятельства, связанные с соблюдением (несоблюдением) требований, предусмотренных для производства, хранения, транспортировки и реализации конкретной группы товара, установление конкретных факторов, оказавших влияние на изменение первоначальных свойств потребительских товаров, соотнесение свойств потребительских товаров с информацией, указанной в товарно-сопроводительной документации и т. д.

Как уже неоднократно упоминалось, потребительский товар является комплексным объектом (состоящим из отдельных компонентов, каждый из которых обладает определенной долей информативных признаков), обладающим различными свойствами, большинство из которых могут быть установлены посредством проведения экспертиз. В целях систематизации комплекса вопросов, которые могут быть решены в ходе производства экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений в сфере потребительского рынка в отношении товаров несоответствующих установленным требованиям необходимо выделить основные элементы, составляющие товар.

К ним будут относиться:

1. Упаковка или тара.

В рамках проведения экспертиз рассматриваются вопросы относительно материалов, из которых изготовлена упаковка, возможности установления единого источника их происхождения, принадлежности к одной партии, использования одного оборудования для ее производства (резки, вырубки, биговки), формовки, крепления, упаковки, укупорки. Определяются способы печати на упаковках и используемые для этого технические средства, устанавливаются общая групповая (родовая) принадлежность полиграфического оформления выявленных упаковок и оригинальных (лицензионных) образцов, осуществляется идентификация печатных форм и технических средств, используемых для их воспроизведения, установления фактов внесения изменений в элементы маркировки (переклейки, дописки, подчистки).

Кроме того, в ходе исследований устанавливается общее состояние, целостность тары и упаковки, ее соответствие существующим требованиям стандартов и технических регламентов, а также условиям имеющихся договоров. Отдельным вопросом может быть изучено влияние упаковки, несоответствующей требованиям на изменение потребительских свойств товаров.

2. Специальные защитные и регистрационно-учетные средства, маркировки.

В ходе производства экспертиз изучаются их наличие, расположение, размерные характеристики, виды и способы печати элементов, их общее и поэлементное содержание, графическое оформление. Устанавливаются свойства в видимой, ИК и УК зонах спектра, а также изучаются результаты воздействия на отдельные элементы трением, увлажнением, нагревом. При этом должно осуществляться сравнение с оригинальными лицензионными образцами сопоставимыми по времени, месту производства, производителю (правообладателю).

При изучении маркировок определяется их достоверность, достаточность и доступность, при этом расшифровываются конкретные графические, буквенные, цифровые обозначения и устанавливается их соответствие фактическим характеристикам (размеру, окраске, сорту, группе дефектности и др.) товаров, представленных на исследование, изучается их соответствие нормативным требованиям, производится сопоставление соблюдения условий прохождения жизненного цикла (транспортировки, хранения) маркировочным сведениями, указанным производителем.

3. Потребительский товар.

Экспертиза устанавливает принадлежность товара к конкретному виду, наименованию, артикулу и в зависимости от предназначения определяются потребительские свойства, качество и другие показатели, характеризующие продукцию, с целью установления их состояния и стоимости в определенный период времени. Отдельно могут изучаться особенности условий прохождения каждого этапа товара в ходе его жизненного цикла, осуществляться лабораторные исследования (испытания) качества и безопасности. Товар должен быть оценен с точки зрения наличия или отсутствия необходимых свойств и их соответствия национальным стандартам, техническим регламентам, санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам, а также требованиям производителей для товаров, предназначенных для реализации в конкретной стране. Дополнительно могут быть произведены исследования, направленные на отождествление оборудования, использованного в процессе производства товаров, выявление особенностей работы изготавливающих и обрабатывающих механизмов, установление количества технологических операций, совершаемых при изготовлении одной единицы товара, в ряде случаев могут быть установлены признаки, обусловленные определенными действиями оператора (изготовителя). При этом объектами изучения могут быть как сами товары, отображающие конструкцию, размеры и особенности строения микрорельефа рабочих граней инструментов, используемых при их изготовлении, функциональные признаки механизмов и навыка оператора (укупорка, сборка упаковки), признаки выработки материала (сырья), режимов обработки, так и сами механизмы (точные линии) и инструменты.

4. Товарно-сопроводительные, технологические и иные документы.

В процессе производства экспертиз определяется их соответствие по видам печати, используемых для их производства, количественным и качественным характеристикам защитных средств оригинальным образцам полиграфической продукции, соответствующей исследуемой по наименованию, предназначению, месту и времени производства.

Помимо установления подлинности бланков в процессе производства экспертиз изучаются способы нанесения оттисков печатей и их соответствие оригинальным, производятся исследование подписей и буквенно-цифровых записей уполномоченных лиц на предмет установления возможности их технической подготовки и исполнения конкретным лицом, а также установления фактов внесения изменений в первоначальное содержание, посредством дописок, подчисток, травления и т. д. Кроме того, осуществляется сопоставление информации, указанной в разных сопроводительных документах, относящихся к одному товару с внешней информацией (справочными и научными данными и т. п.).

В целях получения достоверной и полноценной криминалистически значимой информации обо всех характеристиках и свойствах потребительских товаров необходимо назначение и производство значительного объема криминалистических и специальных, однородных и комплексных экспертиз. Они могут быть выполнены экспертами единолично или в составе комиссии и позволят всесторонне изучить комплекс признаков каждого элемента, составляющего конечный товар по отдельности и в совокупности.

1. Дронова О. Б. Криминалистическое значение свойств потребительских товаров // Судебная экспертиза. 2015. № 4 (44). С. 25.

2. Об утверждении Положения о проведении экспертизы некачественных и опасных продовольственного сырья и пищевых продуктов, их использовании или уничтожении [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 29

сентября 1997 г. № 1263: ред. от 5 июня 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

3. ГОСТ Р 51293-99. Идентификация продукции. Общие положения.

4. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. С. 10.

5. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

Ключевые слова: свойства потребительских товаров, идентификация, стандарты, технические регламенты, образцы для сравнительного исследования.

УДК 343.98

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ФАКТОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Еремченко Владимир Игоревич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики,

Краснодарский университет МВД России,

350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128

Эюпова Алтынай Абдулхакимовна,

курсант факультета по подготовке специалистов

для органов предварительного следствия и дознания,

Краснодарский университет МВД России,

350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128

В статье анализируются основные возможные источники финансирования международной террористической деятельности. Обозначен механизм доказывания фактов такого финансирования по УК РФ и проблемы его реализации.

Совершенно очевидно, что одной из глобальных проблем современного мира является предупреждение террористической деятельности. Терроризм в любых своих формах представляет угрозу как отдельным государствам и гражданам, так и всему миру. Мы сталкиваемся с проявлением террористических акций в различных уголках нашей планеты. Если раньше террористический акт был из ряда вон выходящим происшествием, то сейчас это частое и повсеместное явление. С годами и сами террористические акты стали более организованными и жестокими с использованием самой современной техники, оружия, средств связи. Терроризм, который изначально являлся лишь средством достижения политических, экономических и иных интересов различных социальных групп за счет устрашения общества, давно перестал быть таковым. Теперь это бизнес, приносящий доходы одним и удовлетворяющий потребности других.

Средства массовой информации ежедневно сообщают о террористических актах, совершенных в различных странах. Несмотря на то, что предпринимаются меры по противодействию терроризму, все же проблема остается не решенной, а актуальность с каждым днем растет.

Если проанализировать статистику, мы увидим, что за 2014 год было зарегистрировано 1128 преступлений террористического характера, меньше половины из которых было раскрыто. В 2015 году было зарегистрировано 1538 преступлений, из кото-

рых раскрыта только треть [3]. Таким образом, можно сделать вывод, что количество совершенных преступлений террористического характера растет, а раскрытие и расследование данных преступлений носит определенные трудности.

Одной из причин роста преступлений террористического характера мы видим в финансовой самодостаточности терроризма. Этим и обусловлена активная на сегодняшний день деятельность террористических организаций. Покупка оружия, технических средств, взрывчатых устройств, вербовка и подготовка новых кадров требует больших финансовых затрат, поэтому для осуществления террористической деятельности необходимы источники финансирования или, иначе говоря, «спонсоры».

Впервые такое явление как финансирование терроризма в рамках международного права было упомянуто в 1994 году в Декларации ООН. Так, Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма закрепила обязанность «воздерживаться от организации террористической деятельности, подстрекательства к ней, содействия ее осуществлению, финансирования, поощрения или проявления терпимости к ней и принимать надлежащие практические меры к обеспечению того, чтобы их соответствующие территории не использовались для создания террористических баз или учебных лагерей или для подготовки или организации террористических актов, направленных против других государств или их граждан» [1].

Виды финансирования таких организаций разнообразны. Мы выделим четыре основных, на наш взгляд, возможных источника:

1. Самофинансирование. Финансирование происходит за счет легальной или нелегальной деятельности террористических организаций. К легальным относятся: банковское дело, торговля, строительный бизнес и т. п. К нелегальным источникам можно отнести: разбой, грабежи, вымогательство, изготовление и сбыт фальшивых денег и ценных бумаг, мошенничество, продажа наркотиков, оружия и т. п.

2. Финансирование из Исламских фондов. Регулярные и добровольные (садака) пожертвования верующих на благотворительные нужды считаются обязательными для всех правоверных мусульман. Они регулируются различными исламскими фондами и благотворительными организациями. Эти денежные средства являются абсолютно легальными, целью их сбора является помощь нуждающимся, строительство мечетей, пропаганда ислама, иными словами, они тратятся на богоугодные дела. Как считает старший научный сотрудник, руководитель группы по нетрадиционным угрозам безопасности Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН Екатерина Степанова «на деле часть этих средств может перераспределяться на нужды джихада и его ведущих радикальных исламистских группировок. Механизм поступления финансовых средств радикальным исламским группировкам выглядит так: средства «исламских пожертвований» от частных лиц, компаний и финансовых институтов посредством банковских переводов поступают на счета головных благотворительных организаций, сохраняя на этом этапе легальный характер. Затем они переводятся (тоже зачастую легально) в местные отделения соответствующих фондов. Там они дробятся и различными путями поступают в распоряжение радикальных группировок, на этом этапе и происходит криминализация денег. Таким образом, даже те из радикально-исламских организаций, которые ведут террористическую деятельность и объявлены вне закона, зачастую финансируются из изначально легальных источников» [5].

3. Финансирование иностранными государствами. Довольно часто государства-спонсоры предоставляют деньги, оружие, свои территории, создавая все условия для функционирования. Иметь такого спонсора террористам выгодно, им не надо отвлекаться на поиск средств для осуществления своей преступной деятельности, но в тоже время они становятся орудием политики таких стран.

Так, О. Молдалиев отмечает: «необходимо создать международный механизм, способный в мировой монетарной системе надежно отслеживать и перекрывать все каналы финансирования международного терроризма, политического и религиозного экстремизма. Нельзя ограничиваться лишь публикациями списков таких организаций и наиболее опасных преступников, необходимы соответствующие санкции против стран-спонсоров и укрывателей террористов» [4].

4. Добровольное финансирование террористической организации физическим лицом. Данный вид источника финансирования, наверное, самый примитивный. Он заключается в том, что террористическую деятельность может поддерживать любое физическое лицо, которое разделяет взгляды и мотивы той или иной террористической организации. Это могут быть единомышленники, религиозные группы.

Для передачи денежных средств используют различные способы перевода: легальные и нелегальные. К легальным способам можно отнести денежные переводы, банковские карты, банковские чеки. К нелегальным способам относятся методы, применяемые преступными группами для отмывания денег, например, контрабанда наличных денег (как курьерами, так и большими партиями) [6].

В исламских странах распространена неформальная система переводов под названием хавала (в переводе с арабского «денежный перевод»). Она заключается в том, что одна сторона устно или по телефону уведомляет своего представителя в другой стране о необходимости передать наличные денежные средства непосредственно какому-то названному лицу. Такого рода операции официально никак не регистрируются, их факт почти невозможно подтвердить юридически, а проследить чрезвычайно сложно.

Рост фактов финансирования свидетельствует о том, что лица, совершающие данное преступление, остаются безнаказанными.

Если говорить об уголовной ответственности за финансирование терроризма, в Уголовном кодексе Российской Федерации содержится статья 205.1 «Содействие террористической деятельности». Ответственность по данной статье наступает за совершение нескольких альтернативных действий, в том числе и за финансирование терроризма. В примечании данной статьи говорится о том, что подразумевается под финансированием терроризма – это сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения преступлений террористической направленности [2].

Из данной статьи и примечания к ней можно сделать вывод, что одним из обязательных условий для привлечения к ответственности лица по данной статье является осознание предназначения денежных средств или, иначе говоря, лицо должно понимать, что данные денежные средства будут использованы полностью или частично для совершения преступлений террористического характера. Поэтому, основная проблема при расследовании уголовного дела по статье 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации заключается в доказывании факта, что отправленные субъектом денежные средства террористической организации предназначены для осуществления террористической деятельности.

В случае если при финансировании терроризма денежные средства были переведены легально, то есть через официальные банковские системы, то возможно отследить как отправителя, так и получателя, но это не является основанием для привлечения лица по части 1 статьи 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, так как нет причин полагать, что данные денежные средства предназначены для финансирования преступлений террористического характера. Выступает необходимость установле-

ния оперативным путем того, на что были потрачены переведенные денежные средства. В целом процесс доказывания выглядит так:

1. Установление факта финансирования (факт передачи денежных средств);
2. Установление лиц-отправителей и лиц-получателей;
3. Установление способа передачи (банки, терминалы и т. д.);
4. Установление цели финансирования (на что были потрачены денежные средства).

Данный процесс доказывания возможен, если все действия (манипуляции) происходят на территории Российской Федерации. В случае же осуществления преступной деятельности на территории иностранного государства установление данных фактов становится практически невозможным. Если же террористы передавали денежные средства наличными через физических лиц, то доказывание и в целом расследование может вообще зайти в тупик.

Следуя из всего вышесказанного, мы приходим к выводу, что на данный момент существует ряд проблем в расследовании преступлений по статье 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, усложнен процесс доказывания, отсутствует правоприменительная практика. Проблемы требуют немедленного решения, так как промедление грозит подрывом государственной стабильности и общественной безопасности Российской Федерации.

1. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма [Электронный ресурс]: принята резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 6 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

3. Аналитическая информация ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 27 сентября 2016 г.).

4. Молдалиев Орозбек. Современный терроризм: аспекты финансирования [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 2 (32). URL: http://www.ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-02/03.molrus.shtml (дата обращения: 11 января 2017 г.).

5. Степанова Е. Противодействие финансированию терроризма [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2 (8). Май-август. URL: <http://www.intertrends.ru/seven/006.htm> (дата обращения: 11 января 2017 г.).

6. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. М.: Проспект, 2017. 160 с.

Ключевые слова: расследование, доказывание, криминалистика, финансирование терроризма, терроризм, проблемы доказывания.

УДК 343.1

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ И СРЕДСТВ ЭЛЕКТРОННОЙ СВЯЗИ

Жак Вадим Игоревич,

курсант,

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Клевцов Вадим Владимирович,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматривается понятие криминалистической характеристики отдельного вида преступления и указываются наиболее криминалистически значимые признаки преступных действий, связанных с незаконным распространением наркотических средств и психотропных веществ с использованием Интернет и средств электронной связи. Раскрываются такие элементы как предмет преступного посягательства и данные о способах совершения и сокрытия данного вида преступлений.

Проблема распространения наркотиков в Российской Федерации стоит на повестке дня. С конца прошлого века замечен существенный рост числа лиц употребляющих наркотические вещества, увеличение незаконного оборота наркотиков, который продолжается и в наше время. Наркобизнес становится одной из составных частей организованной преступности. Огромное число молодежи становятся заядлыми наркоманами, в результате чего преждевременно прощаются со своими жизнями.

Так во «Всемирном докладе о наркотиках 2016» Управления ООН по наркотикам и преступности приведена статистика различных стран, в которых, число лиц употребляющих так называемый «кайф» скончались в результате их употребления. Россия, как не ужасно это говорить, занимает одну из ведущих позиций. Так за 2016 количество людей умерших от различных болезней связанных с употреблением наркотиков, передозировкой их употребления перевалило за сто тысяч человек [10].

Такие показатели прежде всего надо ассоциировать с ростом преступности в данной сфере. Наглядным примером может послужить статистика осужденных за преступления в этой сфере, из числа осужденных (по основной квалификации) 1 826 лиц составили несовершеннолетние, 47 401 лицо в возрасте от 18 до 29 лет, 54 353 лица в возрасте от 30 лет. Количество женщин из числа осужденных (по основной квалификации) – 13 493 [11].

Основной и главный смысл данной статьи состоит не в том, чтобы запугать людей цифрами, а чтобы найти единственное верное и правильное решение данной проблемы. Если оставить без внимания данную проблему то в результате деятельности преступников наша страна может забыть о нормально живущей и развивающейся молодежи, так как именно они являются будущим нашего государства.

Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных через сеть Интернет или с помощью электронных средств связи, имеет свои специфические особенности, в силу чего у сле-

дователей возникает немало трудностей, связанных с юридической оценкой действий виновных лиц, наиболее эффективным использованием тех или иных приемов тактики и методики расследования и рядом других проблем.

Важная роль в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ принадлежит разработанности современной частной криминалистической методики расследования наркопреступлений, знанию и творческому применению этой методики практическими работниками правоохранительных органов. Одной из важных составных частей частной методики расследования преступлений, является криминалистическая характеристика конкретных преступлений [12].

В данной статье мы придерживаемся точки зрения Р. С. Белкина [7], который указывал, что криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка). Все эти элементы составляют систему, то есть связаны друг с другом.

Наиболее криминалистически значимыми признаками преступных действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, служащих решению указанных задач, являются:

- предмет преступного посягательства (характеристика наиболее часто потребляемых курительных смесей);
- данные о способах совершения и сокрытия преступлений;
- данные о следах преступлений;
- данные о личности субъекта преступлений;
- обстоятельства, способствующие совершению преступлений [8].

Для раскрытия содержания криминалистической характеристики распространения наркотических средств и психотропных веществ, необходимо проанализировать каждый из названных элементов. Объем данной статьи не позволяет этого сделать, поэтому остановимся на первых двух, как наиболее сложных элементов криминалистической характеристики.

Предмет рассматриваемой категории преступлений составляют собственно наркотические средства и психотропные вещества. Перечень таких средств определен Минздравом России в соответствии с Единой конвенцией о наркотических средствах (1961 г.) [1], Конвенцией о психотропных веществах (1971 г.) [2], Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.) [3] и утвержден постановлением Правительства Российской Федерации № 681 от 30 июня 1998 года [5].

В настоящее время можно выделить наиболее распространенные способы совершения и сокрытия рассматриваемого вида преступления.

Несмотря на то, что все авторы работ, посвященных незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ под предметом преступного посягательства понимают наркотические средства и психотропные вещества, на наш взгляд, предмет преступного посягательства по делам данной категории присутствует не во всех способах совершения противоправных действий с наркотиками [6].

В таких способах незаконных действий с наркотическими средствами или психотропными веществами, как хранение, перевозка, пересылка непосредственный предмет преступного посягательства отсутствует [9].

Из перечисленных незаконных действий с наркотиками с использованием Интернет и средств электронной связи совершаются только пересылка наркотических средств и психотропных веществ.

Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» [4] запрещается любая пересылка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в почтовых отправлениях под любым видом в т. ч. и под видом гуманитарной помощи. Ст. 22 Федерального закона делает одно исключение и разрешает осуществлять перевозку наркотических средств и психотропных веществ при чрезвычайных ситуациях, когда эти средства и вещества направляются в конкретные субъекты Российской Федерации в соответствии с решениями Правительства Российской Федерации.

В связи с этим возникают определенные общественные отношения, направленные на осуществление нормальной деятельности соответствующих учреждений по перемещению различных объектов без участия отправителя. Нарушение этих общественных отношений причиняет существенный вред как государству, так и обществу. Но эти общественные отношения являются объектом преступления, и, следовательно, категорией уголовно-правовой. Сами же наркотические средства или психотропные вещества являются лишь средством, с помощью которых совершается данное незаконное действие.

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года // Бюллетень международных договоров. 2000. № 8.

2. Конвенция о психотропных веществах: заключена в г. Вене 21 февраля 1971 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1981. Вып. XXXV. С. 416.

3. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации, выпуск XLVII. М., 1994. С. 133.

4. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федер. закон Рос. Федерации от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ; ред. от 25 ноября 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2, ст. 219.

5. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 1998 г. № 681; ред. от 16 декабря 2016 г. // Рос. газ. 1998. 17 июля. № 134.

6. Агафонов В. В., Чистова Л. Е. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, а так же растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, совершаемых с использованием интернет и электронных средств связи. М., 2011.

7. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. М., 1999. С. 306–319.

8. Клевцов В. В. Некоторые особенности криминалистической характеристики преступлений, связанных с распространением запрещенных курительных смесей // Наука и практика. 2014. № 1 (58). С. 60–64.

9. Чистова Л. Е. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: учебно-методическое пособие. М., 2006.

10. Всемирный доклад о наркотиках 2016 [Электронный ресурс] / Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: <http://xn----7sbabhak4bqk tigbdqi0yka.xn-->

p1ai/images/documents/megd_doc/wdr_2016_exsum_russian.pdf (дата обращения: 28 января 2017 г.).

11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. М.: ГИЦ МВД России, 2017.

12. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. М.: Проспект, 2017. 160 с.

Ключевые слова: наркотики; наркотические средства; психотропные вещества; криминалистическая характеристика; способы совершения преступления; способы сокрытия преступления; интернет; средства электронной связи.

УДК 343.98

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Земзикова Екатерина Юрьевна,

слушатель,

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Бадиков Дмитрий Алексеевич,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье рассматриваются проблемные вопросы, касающиеся обеспечения и реализации гарантий защиты подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве в процессе расследования преступлений.

Всеобщая декларация прав человека, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН, а также законодательство развитых стран в своих нормах закрепляют, что права и свободы человека и гражданина, его честь, достоинство являются высшей ценностью общества и государства. Во многих развитых странах накоплен опыт создания и функционирования системы институтов и механизмов, направленных на защиту прав и законных интересов личности, причем не, только потерпевших, свидетелей и иных лиц, в том числе подозреваемых, но и обвиняемых [1].

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека, и гражданина обязанностью государства [2]. Одним из проявлений государственной защиты конституционных прав на жизнь, свободу и личную неприкосновенность является обеспечение безопасности граждан в уголовном судопроизводстве. Решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, невозможно без активного участия в нем потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих правосудию.

Сделка с правосудием уже давно получила распространение во многих странах мира. В конечном счете, сформировалось два типа сделок, которые наиболее повлияли на формирование российского досудебного соглашения о сотрудничестве, а именно,

договор с прокуратурой и договор, в соответствии с которым лицо получает прокурорский иммунитет в обмен на показания против соучастников. В США данный тип сделки с правосудием принято называть превращением в свидетеля обвинения. Однако главным недостатком сделок с правосудием юристам многих стран видится в том, что обвиняемый может оговорить кого угодно, чтобы избежать наказания. Вместе с тем они признают, что данные сделки экономят время и бюджетные расходы на судебное разбирательство, а также достигают нужного результата: преступник несет заслуженное наказание.

В настоящее время в России судебное производство по уголовным делам приобретает специфические особенности в следующих случаях:

- 1) при производстве у мирового судьи;
- 2) при производстве в суде с участием присяжных заседателей;
- 3) в случае особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением;
- 4) при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Законный интерес подозреваемого составляет защита от возникшего у органов уголовного преследования подозрения и отставания в связи с этим прав и законных интересов. Стремление подозреваемого воспользоваться предоставленными правами, направлено на достижение его законных интересов. Именно в этом аспекте следует рассматривать конституционное право на защиту, позволяющее подозреваемому как самому лично, так и с помощью защитника, доказывать свою невиновность, либо приводить смягчающие вину обстоятельства [3]. Вместе с тем, реализация права подозреваемого на защиту служит не только охране его законных интересов, но и создает определенный баланс с уголовным преследованием, что позволяет успешно реализовать назначение уголовного судопроизводства.

Обеспечение права на защиту является проявлением демократических основ нашего общественного строя, необходимым условием соблюдения законности и правопорядка при расследовании преступлений и осуществления истинного правосудия. Принцип обеспечения подозреваемому (а затем обвиняемому, подсудимому) права на защиту пронизывает все уголовное судопроизводство.

В широком смысле, право на защиту (как на международном, так и на внутригосударственном уровне) является понятием собирательным, так как оно включает в себя следующие составляющие:

- право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной;
- право на судебную защиту;
- право на защиту всеми способами, предусмотренными законом.

Таким образом, право подозреваемого на защиту включает в себя, по меньшей мере, три основных элемента.

Во-первых, положение о том, что подозреваемый должен быть наделен комплексом таких мер, реализация которых позволила бы ему самому эффективно защищать свои права и законные интересы. Во-вторых, положение о праве на квалифицированную юридическую помощь, которой может в необходимых случаях воспользоваться каждый. В-третьих, положение о возложении на лиц, ведущих дознание, следователей, прокуроров и судей обязанности осуществлять действия, направленные на содействие защите подозреваемых.

При расследовании преступлений, когда осуществляется уголовное преследование, подозреваемый, в соответствии с ч. 4 ст. 46 УПК РФ обладает определенным перечнем прав, которые дают подозреваемому возможность опровергнуть ошибочное подозрение или способствовать выявлению обстоятельств, смягчающих ответственность.

Закон не только провозглашает право подозреваемого защищаться, но и требует от дознавателя, следователя, прокурора и суда обеспечения подозреваемому возможности воспользоваться своими правами, которые, в частности, должны быть ему четко разъяснены. Таким образом, речь идет не просто о провозглашении права на защиту, а об обязательном обеспечении его, т. е. создании гарантий для реального осуществления этого права [4].

В заключении рассмотрим реализацию практической деятельности по обеспечению мер безопасности жизни и здоровья в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. На основе, выше изложенного, возможно применение следующих мер:

- если лицо, участвует в таком следственном действии, как проверка показаний на месте или следственный эксперимент, то при проведении данных действий всегда присутствует фиксация их хода на видеокамеру. Видеозапись будет произведена по всем правилам и предоставлена для ознакомления судьи без монтирования и изменения. Но так, как мы знаем и как верно указывает Е. А. Новикова, «...потерпевший, законные представители иные участники процесса, вправе ходатайствовать на ознакомление всех материалов, касающихся уголовного дела, но по тяжким и особо тяжким делам, опасаясь какого-либо рода мести, вражды в дальнейшем в отношении себя, своей семьи, лицо обвиняемого может быть закрыто чёрным прямоугольником» [5];

- при даче показаний может быть изменён голос или тип речи обвиняемого, что также поможет исключить его узнавание.

Не менее важным остаётся это принцип гласности, который проявляется в отражении практически всех сфер жизни государства в СМИ. Для огласки каких-либо сведений, если таковое требуется, будет осуществлено с изменениями их действительных имён и других данных. И ещё один не маловажный момент – это то, что в ст. 317.9 УПК РФ приведены меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [6]. При необходимости обеспечить безопасность подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц применяются меры безопасности, предусмотренные ст. 11 и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ. На подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, распространяются все меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

В случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц следователь выносит постановление о хранении документов, указанных в ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ, в опечатанном конверте. Думается, что подобные меры не в полной мере гарантируют защиту подозреваемого или обвиняемого, заключившего досудебное соглашение, так как соглашение не освобождает подозреваемого от уголовной ответственности [7]. В подтверждение тезиса можно привести пример, когда лицо, сотрудничающее со следствием, находится в одном исправительном учреждении вместе с соучастниками преступления [8].

К сожалению, гарантии, выдвигаемые следователем и прокурором при заключении соглашения, могут и не учитываться судом при вынесении приговора. При этом стороне обвинения следует договориться с судом о соблюдении выдвинутых гарантий или же в самом соглашении должны быть прописаны все предоставляемые гарантии защиты с возможностью последующего обжалования в случае их несоблюдения, но в любом случае суд, рассматривающий дело, подобные вопросы ставит в зависимость от позиции стороны обвинения.

1. Всеобщая Декларация прав и свобод человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: <http://www.hri.ru/docs/?content>.

2. Конституция Российской Федерации. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2014. С. 48.

3. Беляева А. А., Чаплыгина В. Н. О некоторых проблемах реализации адвокатского расследования на досудебных стадиях уголовного процесса // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 2016. С. 58.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Новикова Е. А. Проблемы производства следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2009. № 1. С. 73.

6. Саркисянц Р. Р. К вопросу о правах и обязанностях стороны защиты в досудебном соглашении о сотрудничестве // Рос. следователь. 2012. № 5. С. 19.

7. Чаплыгина В. Н. Неразрешенные проблемы реализации права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела // Научный портал МВД России. 2016. № 3. С. 24.

8. Клевцов В. В. Некоторые особенности производства следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений различных категорий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 2016. С. 157–161.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, право на защиту, досудебное соглашение о сотрудничестве, расследование преступлений.

УДК 343.1

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАМЕР СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ И ВИДЕОИЗОБРАЖЕНИЙ, ОТОБРАЖАЮЩИХ ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА, В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Ильин Николай Николаевич,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры криминалистики,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,

125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Исходя из функциональных возможностей камер систем видеонаблюдения, в статье рассмотрены их реализация в деятельности правоохранительных органов при раскрытии, пресечении и предупреждении преступлений. Особое внимание автором уделено использованию видеозаписи при осуществлении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Вопрос о необходимости и целесообразности использования систем видеонаблюдения в борьбе с преступностью до сих пор поднимается в средствах массовой информации [8], выражая не только общественное мнение, но и мнения специалистов в

этой области, т. к. качество изображений, полученных с камер видеонаблюдения, остается на невысоком уровне. Тем не менее, видеокамеры зарекомендовали себя в качестве эффективного средства для правоохранительных органов при раскрытии и расследовании преступлений, и, по нашему мнению, могут стать хорошим средством профилактики преступных деяний [4, с. 139–144]. Так, одним из способов выявления нарушений на железнодорожном транспорте и метрополитене может стать установка средств сигнализации и видеофиксации, в том числе на всех железнодорожных подвижных составах. В этой связи, по мнению представителей Союза пассажиров России, предлагается оснастить вагоны камерами видеонаблюдения, которые будут охватывать территорию возле дверей всех вагонов подвижного состава, включая просмотр кабины хвостового вагона, который зачастую используется несовершеннолетними для занятия «зацеперством» (люди, катающиеся на крышах вагонов и вагонных сцепках электричек и скоростных поездов). Мониторы с видеоизображением необходимо устанавливать в кабинах машиниста, что значительно облегчит его работу машиниста и помощника и заставит с большей ответственностью относиться к своим обязанностям [1]. Предлагается, что принятие указанных мер окажет серьезную помощь в борьбе как с лицами из числа «зацеперов», поскольку машинист сможет заблаговременно увидеть их перемещение вне вагона на подвижном составе, так и будет способствовать противодействию терроризму и различным проявлениям экстремистского характера.

В современном обществе достижения в области науки и техники охватывают различные сферы его жизнедеятельности. Неслучайно, что на сегодняшний день всеобщее распространение получают системы видеонаблюдения, с помощью которых осуществляется:

- контроль руководителями многих фирм и предприятий за деятельностью подчиненных;
- охрана различного рода объектов (предприятий, аэропортов, железнодорожных вокзалов, банкоматов, торговых центров, улиц, подъездов домов и т. д.) от различного рода преступных посягательств;
- фиксация дорожно-транспортных происшествий и административных правонарушений на дороге и т. п.

Существует множество аппаратно-программных систем безопасности, с помощью которых осуществляются вышеуказанные функции в режиме реального времени, позволяющие хранить большой объем информации, а также восстанавливать картину происшедшего события [7].

Камерами систем видеонаблюдения осуществляется многоканальная видеозапись, настройка режима видеозаписи, управление поворотными камерами, цифровое увеличение изображения, удаленный доступ к данным, программный детектор движения, настройка зон запрещенного/разрешенного движения, мгновенный поиск видеозаписи в архиве, экспорт видеоизображения в форматы AVI и JPEG, формирование видеоархива большого объема и др.

По нашему мнению, благодаря функциональным возможностям, с помощью камер видеонаблюдения можно получать и фиксировать значимую информацию для решения задач, осуществляемых правоохранительными органами в борьбе с преступностью, при проведении отождествления личности и наблюдения, заключающихся в раздельном (самостоятельно оперативными сотрудниками) либо комплексном (оперативными сотрудниками совместно с другими службами и организациями) осуществлении видеофиксации лиц, представляющих оперативный интерес, их связей, используемых ими транспортных средств, помещений и иных объектов.

Ввиду того, что большое количество лиц, причастных к совершению преступлений, может оказаться в тех местах, где установлены камеры видеонаблюдения, процесс

криминалистической идентификации человека при проведении оперативно-разыскных мероприятий будет связан с распознаванием анатомических элементов внешности, отобразившихся на видеозаписи. Непосредственное распознавание человека связано с автоматической локализацией его лица на видеокадре.

Исходя из сущности рассматриваемого вопроса, можно обозначить следующие направления использования систем видеонаблюдения и видеоизображений, отображающих внешний облик человека, в деятельности правоохранительных органов при раскрытии и расследовании преступлений:

- 1) оперативно-разыскное – при проведении отождествления личности, наблюдения и других оперативно-разыскных мероприятий;
- 2) регистрационное – для создания видеоучетов по признакам анатомических элементов внешнего облика человека;
- 3) следственное (процессуальное) – при проведении предъявления лица для опознания и получения образцов для сравнительного исследования;
- 4) экспертное – при производстве судебно-портретных экспертиз;
- 5) судебное – непосредственное использование материалов видеозаписи в судопроизводстве в процессе доказывания.

Рассмотрим каждое из обозначенных нами направлений.

Вопрос об использовании результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам в настоящее время является дискуссионным, поскольку существуют определенные проблемы, связанные как с документированием оперативно-разыскных мероприятий, так и с возможной фальсификацией их результатов. Например, А. В. Макаровым и О. В. Фирсовым отмечается, что проблема использования результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам является одной из актуальных, поскольку ни в уголовно-процессуальной литературе, ни в правоприменительной практике нет единого подхода по данному вопросу [5, с. 42–45]. Соглашаясь с позицией И. Е. Ермолаева, полагаем, что видеозапись может применяться при фиксации преступных деяний в режиме реального времени при проведении культурно-массовых, спортивных и иных мероприятий с целью выявления и задержания лиц, совершающих или совершивших противоправные деяния, а также лиц, их подготавливающих, при непосредственном проведении оперативно-разыскных мероприятий (отождествление личности, наблюдение, оперативный эксперимент, проверочная закупка) в целях документирования и предотвращения фальсификации доказательств по уголовным делам [2].

Отождествление личности по видеоизображениям в данном случае можно определить как непроцессуальное опознание, осуществляемое лицами, ранее встречавшимися с разыскиваемыми и запечатлевшими в своей памяти индивидуальные особенности его внешнего облика, проводимое в необходимых случаях с помощью видеоучетов, а также в местах вероятного появления разыскиваемого с помощью камер видеонаблюдения.

Исходя из существующей практики получения видеозаписей с различных преступлений, процессуальных и организационно-тактических аспектов, мы полагаем, что видеоизображения могут являться ключевыми объектами отождествления личности по следующим основаниям:

- во-первых, в ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 года №144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» закреплена возможность проведения оперативно-разыскных мероприятий с помощью видеозаписи, а в УПК РФ закреплена возможность использования видеозаписи для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Согласно ч. 1 ст. 81 УПК России видеозапись может быть признана вещественным доказательством, а в соответствии со ст. 84 УПК России мате-

риалы видеозаписи используются в качестве «иных документов», допускаемых в качестве доказательств;

- во-вторых, исходя из потребностей оперативно-разыскной практики видеозапись является одним из основных средств фиксации хода и результатов оперативно-разыскных мероприятий с целью получения объективных отображений запечатлеваемых объектов;

- в-третьих, при проверке сообщения о преступлении в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК России возможно истребовать предметы или изымать их в установленном порядке. Например, на этапе проверки сообщения о преступлении при просмотре записей, полученных с камер видеонаблюдения, размещенных на различных станциях метрополитена, можно узнать маршрут лица, представляющего оперативный интерес, чем оно пользовалось при проходе через турникет (билет или социальная карта), имеются ли у него особенности элементов внешности и т. п. Данная информация может быть использована при проведении наблюдения и (или) отождествления личности, вычисления определенного маршрута лица, представляющего оперативный интерес (появляется на конкретных станциях), что будет способствовать его розыску и последующему задержанию.

Камеры видеонаблюдения могут быть также использованы по заранее спланированной органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, оперативно-тактической комбинации либо по поступившим сообщениям об угрозе террористических актов, совершения массовых беспорядков и т. п.

Следует отметить, что видеoinформация, полученная оперативно-разыскным путем, может быть использована в доказывании по уголовным делам в соответствии с правилами оценки доказательств, установленными ст. 88 УПК России, в противном случае в соответствии со ст. 89 УПК России такого рода информацию в процессе доказывания как результат оперативно-разыскной деятельности использовать запрещается, т. к. она не отвечает соответствующим требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Успешному решению оперативно-разыскных задач способствует научно обоснованная система криминалистических учетов. В. А. Жбанков отмечает, что криминалистическая регистрация – это информационная система, элементами которой являются криминалистические учеты правоохранительных ведомств РФ и международных организаций, включающие научные положения и основанные на них криминалистические средства, приемы и рекомендации по выявлению, собиранию, фиксации, систематизации, хранению информации об учитываемых объектах в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. С появлением новых видов объектов регистрации появляются новые виды учета. При этом следует отметить, что к одному и тому же объекту-источнику информации могут относиться разные по виду объекты-носители, каждый из которых дает начало самостоятельному виду криминалистического учета [3, с. 45–46]. Видеоизображения, по нашему мнению, могут активным образом использоваться в криминалистической регистрации, поскольку видеоучеты, создаваемые в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел, могут способствовать решению задач оперативно-разыскных и следственных подразделений по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений. Представляется, что видеоизображения анатомических элементов внешности, хранящиеся в видеотеке, могут быть использованы не только при отождествлении личности, но и при проведении предъявления лица для опознания. Видеоучет в данном случае следует понимать в качестве одного из видов криминалистических учетов органов внутренних дел, предназначенного для фиксации, хранения и использования с помощью технических средств видеозаписи признаков анатомических элементов внешнего облика лиц, в отношении которых имеются достоверные сведения, дающие основание подозревать их в подго-

товке или совершении преступлений, а также для установления личности разыскиваемых лиц очевидцами преступлений, ориентирования сил органов внутренних для их розыска и выполняющего индивидуально-профилактическую функцию в отношении подучетного лица.

Судебная видеозапись также применяется и в практической деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование, т. к. служит средством фиксации хода и результатов следственных действий.

Так, предъявление лица для опознания по признакам анатомических элементов внешнего облика, отобразившимся на видеозаписи, в настоящее время нуждается в усовершенствовании как с процессуальной стороны, в связи с тем, что в УПК России отсутствует норма, регулирующая данный вид опознания, так и в углубленном изучении его с криминалистической стороны, ввиду того, что большое количество видеозаписей изымается с мест происшествий, а рекомендаций по их использованию в данном следственном действии, которые бы отражали организационно-тактические аспекты его проведения, включая особенности каждого этапа, недостаточно.

В подтверждение процессуального аспекта следует отметить, что в настоящее время следственная практика свидетельствует о том, что в связи с отсутствием нормы УПК России, регламентирующей предъявление для опознания по видеоизображению, следователи производят либо осмотр видеозаписи в соответствии с ч. 1 ст. 176 УПК России (осмотр предметов), либо, используя помощь специалиста, осуществляют выбор одного или несколько видеок кадров и делают распечатку указанных изображений, предъявляя в последующем их как фотографии.

Следует выделить следующие способы предъявления лица для опознания по видеоизображениям:

- помощью «фейсменеджера», представляющего собой изображение человека (в полный рост, по пояс или погрудно) на экране компьютера;
- предъявление для опознания одной видеозаписи в случае, когда опознаваемый изображен с несколькими лицами, чья внешность схожа с его;
- изготовление еще не менее двух видеоизображений, на которых должны быть запечатлены лица, не имеющих существенных и ярких (броских) различий от опознаваемого;
- создание «экспериментальных видеоизображений», т.е. тех, которые будут созданы непосредственно для предъявления для опознания с соблюдением тех условий, при которых опознающий наблюдал предъявляемое ему лицо для опознания;
- способ прямой видеотрансляции.

Полагаем, что спектр применения видеозаписей в рамках следственного направления идентификации не исчерпывается производством предъявления для опознания и предшествующего ему допроса. Практике известны случаи, когда важное доказательственное значение имеет демонстрация видеозаписи (в том числе низкого качества, не позволяющего произвести судебно-портретную экспертизу) с изображением события преступления (например, грабежа) самому подозреваемому (обвиняемому), который в данном случае идентифицирует событие, запечатленное на ней, самого себя, других соучастников преступления, объясняет характер преступных действий. Подобное следственное действие может производиться как самостоятельно, так и после проверки показаний на месте для закрепления результатов данного следственного действия, а также в ходе допросов соучастников преступления в целях склонения их к даче правдивых показаний. С процессуальной точки зрения это следственное действие, как нам представляется, может проводиться как осмотр предметов и документов (в данном случае видеозаписи) в целях обнаружения следов преступления, а также выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела в соответствии с ч. 1 ст. 176 УПК России.

Таким образом, внесение соответствующих изменений в ч. 5 ст. 193 УПК России, которые будут предусматривать возможность предъявления лица для опознания по видеоизображению, а также учет всех криминалистических особенностей на каждом его этапе, на наш взгляд, позволят более эффективно использовать эту информацию в решении задач при раскрытии и расследовании преступлений.

Процесс установления причастности того или иного человека к совершению преступления по признакам анатомических элементов внешности заключается в том числе и в идентификационном исследовании его внешнего облика, отобразившегося на видеозаписи. Наряду с проведением допроса и предъявлением лица для опознания, видеоизображения активным образом используются следователями при назначении судебно-портретных экспертиз, перед назначением которой может возникнуть необходимость в получении образцов анатомических элементов внешнего облика человека, запечатленного на видеозаписи. Отсутствие таких образцов приводит к отказу экспертов в решении поставленных перед ним вопросов, поскольку для сравнительного исследования представляются фотоснимки, а не видеоизображения. Анализ экспертной практики свидетельствует, что использование видеоизображений внешнего облика человека в качестве сравнительного материала позволяет полно использовать методы сравнительного исследования при производстве судебно-портретных экспертиз.

Видеотехнические средства, используемые в деятельности правоохранительных органов при раскрытии и расследовании преступлений (посредством видеофиксации преступных действий), служб безопасности на различных объектах, при фиксации дорожно-транспортных происшествий и административных правонарушений на дороге некоторым образом могут предотвратить возможную фальсификацию события в процессе судебного разбирательства по уголовному или административному делу, т. к. предоставляют возможность участникам судопроизводства непосредственно наблюдать за отдельными фрагментами совершаемого преступления.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 86 УПК России «подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств».

Согласно ч. 2 ст. 59 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в качестве доказательств также могут допускаться аудио- и видеозаписи.

А. В. Победкин высказывает мысль о том, что существует опасность искажения информации при ее преобразовании в источник доказательств в связи с существующими особенностями информационных процессов [6, с. 12]. В этой связи следует помнить, что видеоматериалы должны быть получены без нарушения требований российского законодательства, т. к. они могут быть признаны судом в качестве недопустимого доказательства.

С учетом обозначенных нами направлений использования видеоизображений, отображающих внешний облик человека, в деятельности правоохранительных органов, а также степени их разработанности, более подробно криминалистическая идентификация человека по анатомическим элементам признакам внешнего облика, отобразившихся на видеозаписи, в настоящей диссертации будет рассматриваться при формировании видеоучетов, получении образцов внешнего облика человека на видеоизображениях, а также при производстве судебно-портретных экспертиз. Криминалистическая идентификация человека по признакам внешности, запечатленным на видеозаписи, в оперативно-разыскной деятельности рассматриваться не будет, поскольку организационно-тактические рекомендации при проведении оперативно-разыскных мероприятий регламентируются ведомственными приказами, носящих закрытый характер.

Не претендуя на исчерпывающее изложение проблемы, полагаем, что выделение указанных выше направлений позволило уяснить актуальность и сущность постановки решения проблемы с помощью комплексного подхода использования видеоизображений в различных видах деятельности правоохранительных органов при раскрытии и расследовании преступлений.

1. Для борьбы с «зацеперами» требуются камеры [Электронный ресурс]. URL: http://press.rzd.ru/smi/public/ru?STRUCTURE_ID=2&layer_id=5050&id=288145 (дата обращения: 23 января 2016 г.).

2. Ермолаев И. Е. Использование в процессе доказывания видеоматериалов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий (по материалам Сибирского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.

3. Жбанков В. А. О некоторых проблемах криминалистической регистрации // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 45–46.

4. Ильин Н. Н. Использование видеозаписи в деятельности правоохранительных органов при раскрытии, пресечении и предупреждении преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. М., 2016. № 3 (13). С. 139–144.

5. Макаров А. В., Фирсов О. В. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам // Рос. следователь. 2012. № 8. С. 42–45.

6. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

7. Портал информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.daily.sec.ru> (дата обращения: 26 января 2017 г.).

8. Системы видеонаблюдения малоэффективны в борьбе с преступностью, зато могут навредить законопослушным гражданам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newizv.ru/society/2012-07-03/165777-kadry-reshajut-ne-vse.html> (дата обращения: 26 января 2017 г.).

Ключевые слова: видеоизображения, внешний облик человека, камеры систем видеонаблюдения, криминалистическая идентификация, раскрытие, пресечение, профилактика и предупреждение преступлений.

УДК 343.98

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНЦЕСТНОЙ¹ СЕМЬИ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Ильюк Елена Вадимовна,

доцент кафедры уголовного права,

Второй факультет Института повышения квалификации,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,

620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, 18

Рассматривается психологическая характеристика инцестной семьи. Инцест чаще всего возникает в парах отчим/отец–дочь, брат–сестра, дедушка–внук/внучка. Происходит искажение семейных ролей: мать–жена становится тещей, дочь (падчерица)–женой. Инцестные семьи живут замкнуто, тайну инцеста хранят все члены семьи. Мать–жена не просто «закрывает глаза» на инцестное поведение мужа в отношении ее детей, но и дает молчаливое согласие на эти отношения ради сохранения семьи. В случае соблазняющего поведения ребенка ребенок не может отказать значимому взрослому, находясь в зависимости, поэтому он хотя бы извлекает выгоду из своего вынужденного подчинения. Сценарии инцеста повторяются из поколения в поколение, поскольку детьми в инцестной семье сексуальные отношения родителей с детьми воспринимаются как «норма». Длительность действия стрессовых факторов для потерпевшего приводит к возникновению массивной и длительной психологической травмы. Об инцесте становится известно правоохранительным органам в следующих редких случаях: при сообщении медицинских организаций (травма, кровотечение, ранняя беременность); при детоубийстве ребенка от ранней внебрачной связи; когда потерпевший, повзрослев, начинает понимать социальное значение совершаемых действий и в силу этого начинает оказывать сопротивление, случайно. Сами потерпевшие не сообщают об инцесте из-за страха, из любви к членам семьи, не желая причинять им вред, иногда в связи с возникновением «стокгольмского синдрома». Типична ситуация, когда за психологической помощью потерпевший обращается спустя многие годы. При прекращении отношений с жертвой инцеста по ее инициативе, виновный в дальнейшем совершает более тяжкие преступления в отношении «похожих» жертв из мести.

Раскрывая преступление, следователь в своей деятельности руководствуется информационными моделями, с большей или меньшей адекватностью отражающими реальную ситуацию по уголовному делу. До начала производства конкретных следственных действий по делу, у него уже должна быть информационная модель реальной ситуации. Типовые следственные ситуации являются результатом обобщения определенных категорий уголовных дел. Расследуя преступления, следователь работает на основе этих типовых моделей реальной ситуации [4, с. 43–45].

В процессе расследования конкретного преступления именно ситуационный подход позволяет следователю построить динамичную модель в виде развернутой во времени и пространстве картины произошедшего преступления [5, с. 79]. В зависимости от этапов преступной деятельности выделяют три основных вида криминальных ситуаций: предкриминальные; собственно криминальные; посткриминальные. В струк-

¹ Под инцестом понимаются любые отношения сексуального характера между совместно проживающими лицами, кроме супругов, включая фактические брачные отношения. Однако рассматриваются лишь те случаи, в которых одна из сторон инцеста – несовершеннолетний и за эти действия предусмотрена уголовная ответственность.

туру криминальных ситуаций входят: субъектный состав; механизм преступления; психологическая составляющая (мотивы, цели, установки участников ситуации); объективная сторона ситуации (время, место, обстановка, результаты) [5, с. 85].

Особенность криминальной и следственной ситуации при инцесте в том, что и потерпевшие, и виновные, и свидетели длительное время – годами – *живут* вместе, и семейные отношения при инцесте значительно отличаются от тех, которые в социуме рассматриваются в качестве «*нормы*». Для выбора более эффективной тактики взаимодействия и с подозреваемыми, и со свидетелями, и с подозреваемым необходимо знать особенности взаимоотношений и типичную мотивацию поведения членов инцестной семьи.

Несмотря на распространенное мнение о том, что неполная семья является криминогенным фактором, инцестные семьи демонстрируют исключение из этого стереотипа. Исследования серийных преступников показали, что большинство из них родились в полных семьях [6, с. 218]. Именно криминальная обстановка в *полной* семье стала виктимогенным или криминогенным фактором.

«Табу» на инцест – самый древний и самый жестокий в человеческом обществе. Когда инцестные отношения стали негативно оцениваться обществом, семья предпочла скрывать «позор семьи». Инцест стал надежно охраняться «семейной тайной», скрывая социально неодобряемое поведение. В реальной жизни инцест встречается часто, но вследствие того, что семьи скрывают «свой позор», в обществе он до сих пор считается редким явлением. Когда и как открывается тайна инцеста? 1) из сообщений медицинских организаций (травмы, венерические болезни, ранняя беременность); 2) когда потерпевший, взрослея, начинает осознавать характер совершаемых с ним действий и оказывать сопротивление; 3) при расследовании других уголовных дел, например, при убийстве ребенка от запретной связи, при совершении виновным других преступлений в отношении иных потерпевших; 4) при обращении к психотерапевту через много лет, во взрослом возрасте, для решения «нерешаемых» личных проблем; 5) случайно.

О домашнем бытовом сексуальном надругательстве часто становится известно спустя многие годы или даже десятилетия. Практика оказания психотерапевтической помощи женщинам, обращающимся по поводу различного рода невротических нарушений, фобических расстройств, панических реакций и даже аддикций показывает, что глубоко вытесненная и дремавшая внутри детская сексуальная травма внезапно начинает оживать и принимает совершенно иные «маски» болезни (истерия, депрессия, психосоматические расстройства). Хранение тайны медленно «убивает» человека – психологически, физически, социально. Огромный груз скрываемой информации и необходимость все время держать лицо (маску) приводят к тому, что посвященные испытывают хроническое напряжение. Вырастая, жертва инцеста продолжает молчать. Даже воспоминание об инцесте ведет к глубокому регрессу и возвращению в прошлое, где жертва была беспомощной и уязвимой.

В силу высокой латентности структура насилия в отношении несовершеннолетних характеризуется значительным преобладанием несемейных источников над внутрисемейным по данным официальной статистики (в 5-10 раз выше) [9, с. 221]. Косвенным показателем количества половых преступлений против несовершеннолетних являются официальные данные Министерства здравоохранения, согласно которым в России ежегодно беременеют и рожают около 600 малолетних детей [9, с. 227].

Классическим примером инцеста является «дело Фритцля» (2009, Австрия). 18-летняя дочь Фритцля «исчезла» в подвале многоквартирного дома, где находилась в заточении и была «сексуальной рабыней» отца в течение 24 лет, родила 7 детей, один родившийся ребенок в связи с неоказанием медицинской помощи умер, тело Фритцль сжег, трое так и росли в подвале, а троих «непутевая мамаша», фактически запертая в

подвале, якобы подбросила родителям для усыновления. Выяснилось все это только тогда, когда 19-летняя старшая дочка-внучка, которая никогда не видела дневного света, заболела и ее отец-дедушка все-таки отвез в больницу. Как типично для подобных случаев, ни жена Фритцля, ни соседи «ничего не знали». ... А в 2011 г. в австрийской деревушке арестовали 80-летнего мужчину, который 40 лет избивал и принуждал к сексуальным отношениям двух своих дочерей, которым на момент освобождения из плена исполнилось 45 и 53 года, они жили в доме, им разрешалось иногда выходить из дома с отцом. Мать-жена знала обо всем, но боялась.

При incestе происходит вовлечение зависимых, психически и физиологически незрелых детей и подростков в сексуальные действия, нарушающие общественные табу семейных ролей, которые они еще не могут полностью понять и на которые не в состоянии дать осмысленного согласия. Виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц предопределена их возрастом [9, с. 219]. Снижение виктимности происходит в процессе взросления, социализации. Особенности детско-родительских отношений, основанных на доминировании родителя и подчинении ребенка, не предполагают использования понятия «свободный выбор» из-за зависимости ребенка от взрослого. У ребенка нет выбора: родитель может наказать ребенка в случае отказа от сексуальных отношений, отказать в удовлетворении его потребностей. Иногда дети и подростки ведут себя провокационно и соблазняют взрослых («соблазняющий ребенок»). Когда ребенок начинает понимать, что сексуальное поведение – способ получения определенных выгод, то он может использовать его. Ребенок всегда должен расцениваться как жертва, даже если он демонстрирует соблазняющее поведение. Он является жертвой семейной дисфункции, а не только сексуального акта или парафилии. Если incestное поведение в семье обусловлено личной историей родителей, то они также могут рассматриваться как жертвы собственного травматичного опыта, а incest – как результат действия *семейных сценариев*, передающимися из поколения в поколение.

Виновниками incestа в большинстве случаев являются лица мужского пола (отцы, дяди, дедушки, старшие братья), что может иметь медицинское и психологическое объяснение. Парафилии встречаются у мужчин, хотя другие расстройства поведения встречаются и у женщин. Небольшое число incestных связей между матерью и сыном по сравнению с отношениями между отцом и дочерью З. Фрейд, Б. Малиновский, В. Z. Seligman объясняли тем, что все женщины рассматривались в качестве сексуального объекта, дочь «принадлежала» отцу и рассматривалась как его «собственность» [3, с. 3]. Отношения были с отцами или отчимами также бывают более длительными по времени. Самые распространенные «пары»: отец/отчим–дочь, брат–сестра, дедушка–внучка, дядя–племянница, мать–сын (по убыванию). Отчимы оправдывали свое поведение тем, что биологического incestа здесь нет. Как это объяснял сексуальный серийщик Кулик в своих показаниях: «Я дважды пытался изнасиловать своего трехлетнего сына, когда мы оставались наедине, но то мама, то жена приходили в этот момент домой». Из показаний жены Кулика: «Сын мне жаловался, что папа лезет к нему, я потребовала объяснений. Василий отвечал, что просто обрабатывал фурункул на его ягодице. Я успокаивалась – мальчик плетет невесту что...» Желание совокупиться с обоими своими сыновьями владело им до конца, но он нашел выход: когда терпеть уже не было сил, шел на улицу и отлавливал очередную жертву» [10].

Мамы-жены *молчат*, храня «семейную тайну». Тайна, как правило, связана с опасностью, реальной или мнимой. Когда мы прикасаемся к тайне, оказывается, что есть множество причин, по которым больно, страшно или стыдно ее раскрывать. Страх за сохранение семьи или своего места в ней приводит к тому, что человек решает оставить все так, как есть, и не раскрывать семейный секрет. Человек хранит тайну, потому что он опасается за себя – свою репутацию, физическое здоровье, жизнь; боится за

близких людей, которые могут пострадать в случае открытия секрета; переживает за значимые отношения (за брак) – их стабильность и надежность.

Тайна никогда не принадлежит одному человеку – она всегда носит системный характер. Ее сокрытие связано с тем, что хранители боятся разрушения сложившихся отношений, утраты благ, социального статуса семьи или ее членов. Разглашение секрета приведет к изменениям, и возможно, что они будут неблагоприятными. Возникающие чувства, с которыми сложно справиться, усиливают тревогу. Тайна касается всех участников системы, всех аспектов сложившихся отношений, и ее рассекречивание может привести к изменению образа «мы» семьи. Сохранение тайны необходимо для того, чтобы не получить репутацию плохой семьи, поэтому каждый член семейной системы старается быть верным негласному договору о молчании.

С одной стороны, сохранение тайны носит защитный характер: обычно скрывается информация, которая может дестабилизировать или негативно повлиять на жизнь семейной системы. С другой стороны, само наличие тайны разрушает семью. Тайна и защищает, и разрушает семью [7].

Основная причина: человек *любит* своих близких, всю свою семью и боится, что, если тайна раскроется, они пострадают. Семейные секреты хранят из-за осознания значимости семейных отношений и ценности принадлежности к этому кругу [7]. Иногда со временем на любовь наслаиваются обиды, злость, непонимание, печаль, другие чувства и переживания. Мотивом сохранения семейной системы при инцесте является базовая потребность в принадлежности к группе.

Другой мотив сохранения тайны инцеста: *страх*. Человек хранит тайну, потому что он опасается за себя – свою репутацию, физическое здоровье, жизнь; боится за близких людей, которых могут привлечь к ответственности. Тайна затрагивает интересы всех участников системы, и ее рассекречивание может привести к изменению имиджа семьи. Сохранение тайны носит защитный характер; скрывается информация, которая может дестабилизировать или негативно повлиять на жизнь семейной системы. Среди причин сокрытия инцеста также можно выделить: *угрозу прямой или косвенной агрессии по отношению к ребенку; убеждение ребенка в том, что ему никто не поверит; страх в результате запугивания агрессора по поводу того, что если второй родитель (родители) узнает о случившемся, то не простит этого обоим участникам инцеста; опасение, что второй родитель этого не переживет, заболеет и вина за его состояние ляжет на ребенка; запугивание судом: отца (мать) посадят в тюрьму, а семья не сможет жить без него; боязнь публичного осуждения. Эмоциональный шантаж оказывается действенным. Причина молчания жертвы инцеста заключается в страхе и за себя, и за то, что ситуация в семье ухудшится. Многие годы живя в состоянии страха за свою жизнь, в полной зависимости от агрессора, когда агрессор *иногда* проявляет доброе отношение к ребенку, ласку, заботу, у ребенка может возникнуть «стокгольмский синдром» (синдром присоединения к агрессору), при котором ребенок оправдывает поведение агрессора: «я сам виноват», «я сам плохой», «с нами иначе нельзя».*

Анализ семейной ситуации жертв инцеста позволяет выделить следующие типы материнского поведения: 1) мать действительно не знает об инцесте; 2) мать знает об инцесте, но ничего не предпринимает. Такой вариант материнского поведения является наиболее деструктивным: ребенок чувствует себя преданным обоими родителями; 3) мать предпочитает «не знать» об инцесте. Подобная мать выступает как классический «молчаливый партнер» (*соинцестор*), игнорирующий инцест и выбирающий избегающее поведение. Психологическими особенностями таких женщин являются пассивность, низкая самооценка, зависимость, инфантильность, потребность удержать мужа и любым способом сохранить семью. Это приводит к возникновению защитного отрицания, которое может лишь усугубить ситуацию.

Однако роль мамы-жены состоит не просто в «невмешательстве» в ситуацию, нередко она молчаливо «одобряет» действия мужчины, допускающего сексуальное злоупотребление, позволяя ему такое поведение. В связи с сексуальным «дисбалансом» в супружеских отношениях она вынуждена «закрывать глаза» на поведение супруга либо за пределами семьи, либо в семье. Но если первое угрожает стабильности брака, то при втором варианте не возникает угрозы стабильности семьи, сохранение тайны сплачивает семью, а психологическое и физическое здоровье ребенка является «ценой» сохранения семьи. Анализ следственной практики показал, что часто мотивом поведения жены-свидетеля является финансово-материальный, когда жена говорит старшей дочери- потерпевшей: «Ты уж потерпи, мы тебя через 2-3-4... года замуж выдадим, а мне еще младших поднимать надо...», игнорируя психологическую травму потерпевшей девочки, а также высокую вероятность «расширения» инцестных отношений за счет вовлечения младших детей...

Не во всех случаях инцеста с малолетними у виновных выявляется педофилия, инцестное поведение может быть связано с состоянием опьянения, когда ребенок выбирается в качестве объекта сексуального воздействия в связи с доступностью и отсутствием активного сопротивления, возможно выявление у виновного является синдрома недифференцированного объекта сексуального влечения.

Инцест существует во всех социальных группах. Более высокий статус или материальное положение только создают «маску нормальности», поддерживая искусственный «имидж благополучной семьи». Если люди, совершающие инцест, социально успешны, пользуются уважением, то сообщения жертвы об инцесте, как правило, не вызывают доверия («маска нормальности»). «Маска нормальности» – термин Херви Клекли, означающий способность психопатов казаться абсолютно нормальным, психически полноценным человеком. Это притворное, искусственное поведение, направленное на соответствие принятым в обществе нормативам [1].

Ребенок-жертва не получает поддержки в семье, самые близкие люди, которые должны его защищать и оберегать – его *предали*. Не имея опыта противодействия таким действиям, не осознавая его противоправный характер (осознание зависит от возраста), социальный характер ребенок не может выбрать адекватный способ защиты. Когда ребенок в силу возраста еще не может оценить социальную характеристику действий в его отношении, он в ходе социализации привыкает к мысли, что сексуальные отношения родителей с детьми – это «норма» семейных отношений. Отсутствие правильной или желанной модели поведения внутри семьи не позволяет ребенку усвоить правила социально одобряемого поведения. Ребенок в семье научился лишь проявлению агрессии как единственному способу решения конфликтных ситуаций [6, с. 217–218].

Инцест можно рассматривать как глубокое нарушение жизнедеятельности всей семейной системы, остающееся невидимым для социального окружения. Семья воспринимается как группа, члены которой взаимно принадлежат друг другу, что распространяется и на половые взаимоотношения. Подобная жизнь в семье требует тайного поведения. В ней нежелательны беременности, поскольку, с одной стороны, они приводят к временному распаду семейного монолита, а с другой – способствуют разглашению семейной тайны. Сохранение тайны необходимо для того, чтобы не получить репутацию плохой семьи, поэтому каждый член семейной системы старается быть верным негласному договору о молчании.

Инцестные семьи, как правило, живут замкнуто, имея минимальное количество контактов с внешним миром. В случае возникновения связи «отец–дочь» мать-жена подсознательно или осознанно передает ей обязанность по сексуальному обслуживанию отца-мужа. Установление же связи «брат–сестра» чаще всего имеет целью ослабить воздействие матери на сына. Оба варианта инцестных отношений всегда сопро-

вождаются конфликтами между сторонами, обусловленными либо отсутствием духовной близости, либо неудовлетворенностью в сексуальной сфере. Мать-жена исключается из *супружеской* подсистемы, занимает по отношению к дочери амбивалентную позицию и выполняет иную роль. Жена «передает» собственные супружеские функции дочери, перекладывая на последнюю ответственность за сохранение семьи. Дочь становится дочерью-женой, а жена изменяющего супруга – супругой-тещей, поскольку ее дочь уже выполняет роль «жены».

В связи с особенностями личной и семейной истории матери, сами бывшие жертвами инцеста, следуя *семейному сценарию*, могут неосознанно провоцировать или поддерживать инцестуозное поведение мужа. Повторное столкновение с инцестом в отношениях «отец – дочь» приводит к актуализации ранних переживаний и дает возможность либо реконструировать собственный опыт (например, узнав об инцесте, развестись с мужем), либо продолжать уходить от реальности, используя различные механизмы психологической защиты (вытеснение, отрицание, проективную идентификацию и др.).

Ситуация инцеста возникает в семьях с нездоровыми супружескими отношениями, которые женщины в силу ряда причин (материальная и другая зависимость, многодетность, страх перед агрессивным мужем, личностная незрелость и др.) не могут прекратить. В этих случаях ребенок оказывается жертвой и лишен возможности быть защищенным матерью, так как мать косвенно поддерживает инцестуозное поведение мужа. Насильник всегда рядом, он контролирует ситуацию.

Совместно проживающие лица находятся в *со-зависимости*. В поведении матери и других родственников включается психологическая защита «отрицание» («ничего не вижу»). Отрицание – это способ справляться со сложными и болезненными ситуациями: не признавать случившееся, и тогда событие, поступок, чувство или проблема волшебным образом «исчезнут». В этом случае человек уверенно говорит, что «все прекрасно», «ничего страшного не случилось» или что «вообще ничего не было», «у меня все хорошо», «мы не должны никому ничего говорить»; «не выноси сор из избы»; «молчание – золото», «мы должны хранить тайну любой ценой. Открыв секрет, ты утратишь право на членство в семье» [7].

Другой защитный механизм – «расщепление» заключается в том, что внешний мир разделяется на абсолютно хорошие и абсолютно плохие объекты. Все мы ежедневно сталкиваемся с социальной реальностью, где одним приписываются исключительно положительные, а другим – сугубо отрицательные черты, намерения, мотивы. В контексте семейных тайн расщепление у одного члена семьи ведет к расщеплению во всей системе.

Ценой за хранение тайны могут стать хронические чувства стыда и вины, тревога, страх, ощущение собственной грандиозности или никчемности, невозможность строить настоящие, искренние отношения, отказ от любви и доверия, отсутствие совместно переживаемого опыта близости и сопричастности, депрессии, «панические атаки». Бремя тайны иногда несут на себе несколько поколений [7].

Обычно инцест начинается с малолетнего возраста потерпевших (чаще с 8-12 лет) и принимает характер длительного сожительства, нередко сочетающийся с другими формами жестокого и небрежного отношения. Криминально-сексуальные действия *внутри семьи* – это систематические действия, длящиеся в течение определенного периода (продолжительная инцестуальная связь), которая носит «характер массивной и длительной психотравмы» [2, с.70]. Сложность и своеобразие психогенных расстройств при длительном внутрисемейном сексуальном насилии – инцесте – заключаются в том, что они развиваются не после однократных массивных психических травм, а в результате пролонгированного действия своеобразной сексуальной травмы, нередко сочетающейся с другими формами жестокого и небрежного отношения со стороны

кровных или некровных родственников [2]. Механизмы действия сексуальной травмы зависят от ее особенностей — массивности (частота и тяжесть сексуальных действий), преобладания острого, неспецифического, шокового или хронического, неагрессивного травмирования, которое приобретает характер «жизненной ситуации» и сочетается с *имитацией ребенком поведения* посягателя. В соответствии с теорией травматизма, жертвы сексуального насилия могут повторять или воспроизводить акты насилия как попытку овладения неодолимым конфликтом. Травматическая память остается активной и неподверженной прямому воздействию до тех пор, пока она не переместится в прошлое. Нередко серийные убийцы не помнят о произошедшем с ними в детстве, так как тяжелые травмирующие ситуации «вытеснялись» из их памяти, развивалась диссоциативная амнезия (органическое расстройство, характеризующееся неспособностью припомнить важные события и информацию, связанные с личной жизнью) [4, с. 217]. У жертв инцеста наряду с психологическими последствиями насилия (чувство изоляции, кошмары по ночам, побеги из дома, аутоагрессия в виде нанесения себе увечий, проявления непокорности, истерик, неприятия физического тела, жестокость к животным и детям, ранняя сексуализация приводила к искажению сексуального развития, что проявлялось в страсти к порнографии, фетишизм (ношение женского белья или мастурбация с ним), вуайеризм, интерес к БДСМ, склонность к зоофилии, поджогам (пиромания) страсть к телефонным разговорам с непристойными предложениями, проституция, копрофилия. Жертвы во взрослой жизни имели конфликты на сексуальной почве (92 %), страдали сексуальной дисфункцией (69 %), имели скудное представление о нормальной сексуальной жизни (77 %) [6, с. 216]. При совершении насильственного преступления они склонны наносить жертве прижизненные и посмертные увечья, включая травмирование, уничтожение и вырезание половых органов, что свидетельствует о *желании выместить подавленную агрессию на том, что стало причиной страданий* [6, с. 215].

Сексуальное насилие нередко становится причиной «вторичной виктимизации», когда жертва снова и снова подвергается ему уже со стороны других лиц.

В инцестной семье возможно возникновение «стокгольмского синдрома», когда между ребенком и агрессором возникает тесная эмоциональная связь, симпатия, или страдающая сторона объясняет поведение агрессора как единственно возможное [8].

У жертвы формируются виктимные качества. Виктимная личность не умеет отказывать, защищать свои интересы, самоутверждаться. Виктимная личность — личность зависимая. Виктимное поведение транслируется из поколения в поколение. Жертва может вырастить только жертву. Чтобы превратить человека в жертву, нужно время. Когда агрессор и жертва живут в одной семье, их деструктивные действия — унижение, оскорбление — регулярно повторяются. Ежедневно один член семьи контролирует другого, управляет его жизнью, издевается над ним.

Семья поддерживает сохранение жертвенных сценариев. Инцест никогда не заканчивается одной жертвой. В этом же поколении, в следующем или через поколения семья воспроизведет дуэт «жертва — тиран» [7]. Тщательно скрываемая от внешних глаз инцестная связь в дальнейшем может быть повторена детьми в новых отношениях, потому что для них она стала *нормой*.

У агрессора появляется ощущение, что жертва инцеста должна принадлежать только ему. Если взрослеющие дети уходят на свидания, агрессор воспринимает это как предательство, нарушение лояльности, продуцируя реакции ярости, обвинения с последующим наказанием подростка. Вместо того чтобы становиться постепенно более независимой от родительского контроля, жертва инцеста все сильнее «сливается» с агрессором, что приводит к усилению ее изоляции от внешнего мира. В дальнейшем при не-

доступности прежнего объекта влечения преступником осуществляется поиск других потерпевших в семейном кругу или за его пределами с возрастанием уровня агрессии.

А что происходит с виновником инцеста в дальнейшем? «Свой» ребенок уехал, контакты прекратились, либо преодоления сопротивления ребенка становится мало, возникает потребность в более острых ощущениях преодоления сопротивления, потребность стать «властелином», «господином», «хозяином ситуации», которая реализовывалась в отношении «своего» ребенка.

2016, Камчатка. В. в течение 3 лет осуществлял в отношении удочеренной девочки 11 лет насильственные действия сексуального характера, а через три года стал систематически насиловать удочеренного ребенка, связывая ее скотчем для фиксации тела и преодоления сопротивления. В пятнадцать лет девочку увезли в другой город, и еще несколько лет родственники ничего не знали о том, что с одиннадцати до пятнадцати лет девочка испытывала систематическое сексуальное насилие. Тогда В. стал убивать девушек, похожих на падчерицу. Он считал ее своей, и «мстил» за то, что она «бросила» его. После отъезда девочки В. в течение года высказывал свое «неодобрение» супруге, а через год... Ездил по трассе, вспоминая девочку... Ее образ стоял у него перед глазами... Ее волосы, ее фигура... Писал ее имя... На автобусных остановках ждали автобусов девушки, похожие на «его девочку»... Останавливался, предлагал подвезти. Отказывались они или соглашались – это уже не влияло на их судьбу. Девушкам было от 11 до 16 лет... Мстил за ее «предательство»: душил шарфом, руками, шалью, трупы поджигал, прятал. Пять убийств «похожих» девочек. Информация об инцесте оказалась у следователя при расследовании убийств девушек на остановках.

Статья 56 Семейного кодекса РФ в ч. 3 устанавливает обязанность граждан и должностных лиц организаций сообщать в орган опеки и попечительства об угрозе жизни и здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, однако ответственность за нарушение этой обязанности не установлена, законом не обеспечены санкции. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений установлена только в отношении особо тяжких преступлений, при этом к ответственности близкие родственники и супруги не привлекаются (ст. 316 УК РФ). На близких родственников распространяется также «свидетельский иммунитет»: согласно ч. 4 ст. 56 УПК свидетель вправе отказаться свидетельствовать против супруга и других близких родственников. Таким образом, при осуществлении процессуальных действий при расследовании инцеста действуют дополнительные ограничения.

1. Ахмедшин Р. Л. О природе «маски нормальности» серийных убийц // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2001.

2. Вискэ Е. В. Психологические механизмы переживания сексуального насилия малолетними жертвами инцеста // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 70.

3. Ениколопов С. Н., Хвостова Е. С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций. Современное состояние проблемы [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. URL: <http://www.psyedu.ru>.

4. Криминалистика: учебник. М.: Проспект, 2011. С. 43–45.

5. Криминалистика: учебник / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: Изд-во «Экзамен», 2015. С. 79.

6. Маркина И. Н. Сексуальное насилие в детстве и его влияния на становление личности серийного сексуального убийцы // Библиотека криминалиста. 2014. № 6 (17). С. 215–217.

7. Олиферович Н. Семейные тайны. Хранить нельзя открыть [Электронный ресурс] // СПб.: Изд-во Питер, 2016. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=55000.

8. Спадерова Н. Н. Актуальные вопросы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы детей и подростков, в отношении которых было совершено сексуальное насилие (в практике отделения амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз) // Естественные науки. Академический журнал Западной Сибири. 2015. Том 11. № 2 (57). С. 136–137.

9. Тимошина Е. М. Состояние и динамика виктимизации несовершеннолетних // Библиотека криминалиста. 2015. № 1 (18). С. 219.

10. URL: <http://www.serial-killers.ru/karts/kulik.htm>.

Ключевые слова: инцест, «стокгольмский синдром», ПТСР, виктимность, маска нормальности, педофилия, латентность, психологические защиты, семейная тайна, следственная ситуация.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ирбаев Эдуард Тусунбаевич,

преподаватель ПЦК общепрофессиональных и специальных дисциплин,

Колледж «Кайнар»,

071400, Казахстан, г. Семей, ул. Интернациональная, д. 51

В данной статье рассмотрены проблемы, которые встречаются в работе следователя при ведении уголовных дел. Проанализированы характерные тактические ошибки следователей, а именно ошибки в информационно-познавательной деятельности следователя – криминалистические (преимущественно тактические) ошибки, которые закономерно влекут за собой уголовно-процессуальные и уголовно-правовые ошибки.

Правильная оценка доказательств и принятия по делу в конечном итоге законного и обоснованного решения во многом зависит от того, насколько тактически грамотно были проведены следственные действия, насколько качественна полученная в ходе их проведения доказательственная информация.

Во всестороннем изучении нуждаются причины и условия допущения тактических ошибок следователей, которые могут способствовать успешному противодействию расследованию со стороны лиц, заинтересованных в сокрытии преступления. Такое исследование имеет не только теоретическую, но и ярко выраженную практическую значимость. Как свидетельствует практика, противодействие установлению истины в форме сокрытия преступления в той или иной степени имеет место при расследовании большинства уголовных дел. Причем действия противодействующей стороны, направленные на сокрытие преступления, как правило, носят скрытый, латентный характер. При таких условиях тактически грамотная нейтрализация потенциального противодействия следствию становится одной из основных задач расследования.

Рассмотрим более подробно наиболее распространенные ошибки, способствующие сокрытию преступления и лица, его совершившего.

1. Ошибки, допускаемые при получении (выявлении) и фиксации информации. К числу наиболее распространенных относятся следующие ошибки.

1) Невыполнение действий, направленных на получение криминалистической значимой информации.

2) Несвоевременное выполнение действий, обеспечивающих получение криминалистически значимой информации. К таким ошибкам, прежде всего, относится запаздывание в проведении следственных и процессуальных действий. Например, опоздание с проведением осмотра места происшествия дает возможность преступнику уничтожить материальные следы преступления, запоздалое отстранение обвиняемого от должности позволяет ему принять активные меры, направленные против установления истины по делу [1, с. 36].

3) Неполучение криминалистически значимой информации вследствие ошибок в ее оценке. Как правило, такие ошибки допускаются вследствие не проведения оценки (либо недооценки) криминалистической значимости той или иной информации, имеющей отношение к расследуемому событию.

4) Неполная, поверхностная фиксация полученной информации. Указанная ошибка относится к числу наиболее распространенных. Особенно неблагоприятные последствия, как нам представляется, влечет ее совершение при проведении осмотров, обысков, то есть следственных действий, связанных с выявлением и фиксацией материальных следов преступления.

5) Допуск к источникам и носителям криминалистически значимой информации лиц, заинтересованных в сокрытии преступления. Так, например, в следственной практике продолжают иметь место случаи, когда в качестве понятых для участия в осмотре приглашаются заинтересованные лица.

2. Ошибки, допускаемые при хранении криминалистически значимой информации.

1) Непринятие мер по исключению возможности оказания негативного воздействия на носителей криминалистически значимой информации (потерпевших, свидетелей, обвиняемых и др.) с целью склонения их к даче ложной информации либо отказу от ее выдачи. Наиболее опасной формой такого воздействия является физическое уничтожение носителей информации. В следственной практике имеют место случаи, когда возможность негативного воздействия облегчается лицами, ведущими расследование: например, проведение допросов подозреваемых, потерпевших, свидетелей назначается через небольшие временные интервалы в одном и том же месте.

2) Непринятие мер по исключению возможности незаконного ознакомления с материалами уголовного дела (доследственной проверки), а также полного либо частичного уничтожения материалов и вещественных доказательств.

В ряде случаев такие ошибки допускаются вследствие небрежного отношения следователей к правилам хранения материалов и вещественных доказательств. Иногда допуск посторонних к указанным материалам облегчается отсутствием необходимых условий для их хранения, отсутствием средств для обеспечения охраны [2, с. 28].

3) Неосторожное разглашение криминалистически значимой информации лицами, осуществляющими расследование по делу. Представляется, что это положение также не нуждается в подробной аргументации. Отметим только, что такому разглашению зачастую способствует отсутствие надлежащих условий для проведения следственных действий (следователи зачастую вынуждены размещаться в кабинетах по два-три человека).

3. Ошибки, допускаемые при передаче криминалистически значимой информации.

1) Неверная оценка ситуации тактического риска, приводящая к негативным последствиям передачи информации. Например, следователь, не проанализировав ситуацию тактического риска, неправильно определяет качество и количество имеющейся информации, не оценивает возможности носителя информации, не прогнозирует возможную линию поведения противодействующей стороны и вследствие этого принима-

ет необоснованное решение о передаче информации при проведении того или иного следственного действия. Например, по делам об изнасилованиях следователь проводит очную ставку, в ходе которой обвиняемый не только не воспринимает адекватно план следствия улучшающую его информацию, но, негативно воздействуя на потерпевшую, заставляет ее изменить ранее данные показания.

2) Передача информации без предварительного получения сведений, «блокирующих» возможность ложных оправдательных мотивировок получателя информации. Поясним сказанное следующим примером. Получив заключение эксперта о том, что отпечатки пальцев на месте совершения кражи из склада принадлежат конкретному обвиняемому, следователь предъявляет это доказательство, не выяснив подробно, посещал ли ранее обвиняемый это место, если да, то при каких обстоятельствах, где именно он находился, к каким предметам прикасался, и т. д. Обвиняемый может сразу «нейтрализовать» это доказательство, выдвинув оправдательную версию о том, что ранее он был на месте происшествия до или после совершения кражи [3, с. 16].

3) Передача информации в большем объеме, чем этого требуют интересы следствия. Например, одним из наиболее эффективных тактических приемов допроса обвиняемого, отрицающего вину, является предъявление доказательств. При реализации этого приема нередко следователи (особенно начинающие) «увлекаются» и, стремясь усилить эффект осведомленности о преступлении, предъявляют все доказательства, свидетельствующие о причастности данного лица к совершению преступления. В зависимости от результатов допроса, указанные доказательства могут быть использованы подозреваемым для выработки дальнейшей тактики поведения для избежания наказания.

Таким образом, ошибки в информационно-познавательной деятельности следователя – криминалистические (преимущественно тактические) ошибки – закономерно влекут за собой уголовно-процессуальные и уголовно-правовые ошибки.

1. Ратинов А. Р., Петелин Б. Я. Осмотр места происшествия как источник данных о вине и виновном лице // Правоведение. 2008. № 5. С. 36.

2. Сердюк Л. В., Тимербаева А. Т. Расследование хулиганства и его профилактика: учебное пособие. Хабаровск, 2012. С. 28.

3. О правовых основах борьбы с организованной преступностью // Соц. законность. 1989. № 12. С. 16.

Ключевые слова: оценка доказательств, следственные действия, криминалистически значимая информация, следы преступления, тактические ошибки.

УДК 343.98

О ПОНЯТИИ ИНТЕРЕСА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исакова Татьяна Валерьевна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
и сравнительного правоведения,*

*Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40 в*

В статье рассматриваются вопросы понятия и содержания интереса в уголовном судопроизводстве. Анализируются различные точки зрения ученых юристов по данной тематике. Исследуются особенности реализации объективных и субъектив-

ных интересов как основы уголовно-процессуальной деятельности участников процесса.

Вопрос о роли и содержании категории интереса в теории права является одним из фундаментальных. Проблема интереса и, в первую очередь, выявления в ней объективного и субъективного соотношения интересов личности и общества, личности и государства является одной из центральных в юридической науке, что нашло отражение в научных исследованиях [1; 2].

В уголовном судопроизводстве, как верно отмечает Л. М. Масленникова, интерес «выступает как побудительная сила, приводящая в движение всю систему уголовного судопроизводства. Отсутствие подобного интереса или наличие иного интереса может остановить динамику уголовного процесса» [3, с. 73]. Категория «интерес» используется в тексте более 30 статей уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Встречаются следующие формулировки: «защита прав и законных интересов» (ст. 6, 44, 45, 119, 147, 161, 318 УПК РФ); «защита прав и интересов» (ст. 49 УПК РФ); «вред интересам...» (ст. 23 УПК РФ) и другие.

Средством правового компромисса интересов в сфере уголовного судопроизводства выступает уголовно-процессуальное право, в нормах которого должны учитываться интересы личности частного характера, а сам закон должен служить общему благу (публичным интересам), обусловленному объективными условиями жизни общества, отражающего в своих нормах распределение прав, обязанностей и ответственности между субъектами уголовно-процессуальных отношений.

Обратимся к вопросу о природе интереса в уголовном судопроизводстве: является ли интерес явлением субъективным, выражающим известную психологическую настроенность субъекта, либо он по природе своей объективен?

В основе субъективного интереса лежит индивидуально-психологический аспект. В этой трактовке интерес рассматривается как продукт деятельности мозга и побудительный мотив к действию, в основе которого лежит осознанная необходимость удовлетворения потребности, выражающая внутреннее эмоциональное отношение субъекта к объекту. Следовательно, интерес понимается как характеристика психического состояния субъекта, отражающая существующую в сознании целенаправленность.

Так, например, реализация интересов личности в уголовном судопроизводстве есть юридически закрепленная возможность для субъектов уголовно-процессуальной деятельности пользоваться определенными благами. При этом желание достичь какого-либо блага (например, восстановление нарушенного права на собственность в случае совершения кражи) проявляется в дозволенном поведении управомоченного лица, а также в возможности требования определенного поведения от обязанных субъектов. Если такие потребности не возникают, то отсутствует и интерес, являющийся мотивом уголовно-процессуальной деятельности.

Интересы, реализуемые через субъективные права и свободы действия, могут носить как частный, так и могут присоединиться к общественному интересу.

В уголовно-процессуальной теории существует мнение о единстве личных и общественных интересов, если субъективные права личности направлены на защиту общественного интереса. Действительно, интерес личности может совпадать с публичным интересом, но не всегда. В отдельных случаях субъективные права личности направлены на защиту частного (индивидуального) интереса. Например, нежелание разглашать те или иные стороны частной жизни или когда причиненный преступным деянием моральный и материальный вред восстановлен пострадавшему. Это вызывает

стремление лица, пострадавшего от преступления, не вступать в сферу уголовного судопроизводства. Данный частный интерес не совпадает с публичным интересом, направленным на восстановление нарушенного преступлением правопорядка, на установление объективной истины по каждому уголовному делу. Поэтому, когда преступлением затронуты не только частные интересы, но и общественные, то интересы личности частного характера во внимание не принимаются, частный интерес личности подавляется публичным интересом (за исключением преступлений, как правило, преследуемых в частном порядке).

Тем не менее, представляется справедливым признание частных интересов человека наряду с общественными и государственными самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны и уголовно-процессуальной защиты. При этом не следует забывать о том, что частные интересы формируются и проявляются в сфере частной жизни человека.

Публичные интересы – это в строгом смысле слова общие интересы, своего рода усреднение личных, групповых и общественных интересов. Это – общественные интересы, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, реализовать частные интересы, с другой – обеспечить целостность, устойчивость и нормальное развитие организаций, государств, наций, социальных слоев, наконец, общества в целом. Следует согласиться с точкой зрения Ю. А. Тихомирова, что публичный интерес – интерес социальной общности, признанный государством и обеспеченный правом, и, удовлетворение которого служит условием и гарантией его существования и развития [5, с. 54].

В свое время общественные и государственные интересы советским законодателем неизменно ставились выше интересов личности, тем более интересов частного характера. Принципиально иной подход, основанный на современных социально-политических реалиях, и, не в последнюю очередь, благодаря положениям международного права, позволил по-новому выстроить систему социальных ценностей в национальном законодательстве и определить приоритеты в их правовой охране. В результате признания человека высшей ценностью интересы личности в системе социальных ценностей были представлены в качестве приоритетных. Значительно повысилась роль государства в их обеспечении, что не могло не отразиться на уголовно-процессуальном правотворчестве. Однако законодатель, приведя в соответствие уголовно-процессуальный закон РФ с требованиями Конституции, которые определяют приоритетную охрану личности, ее жизнь, здоровье, личную свободу, имущество, честь и достоинство, по нашему мнению, не уточнил задачи уголовного судопроизводства. Следовательно, интересы общества в целом и интересы отдельных участников уголовного судопроизводства, не будучи отраженными в задачах уголовного процесса, не выступают в качестве объектов уголовно-правовой охраны и уголовно-процессуальной защиты [4].

Деяние, предусмотренное УК РФ в качестве преступного, вызывает движение к жизни уголовно-правовое отношение между государственными органами и лицом, предположительно совершившим преступление, а, следовательно, порождает право государства на защиту интересов общества, государства и интересов отдельной личности. Таким образом, интересы личности детерминированы потребностью охраны и защиты от общественно-опасных посягательств на ее жизнь и здоровье, честь и достоинство и т. д., а также потребностью общества в регуляторе отношений по поводу совершенного преступления и заключены в желании оградить себя от общественно-опасного посягательства.

Рассматривая категорию «интерес» как основу уголовно-процессуальной деятельности участников процесса, следует исходить из того, что отношения между субъектами, возникая с момента совершения преступления, являются объективными по отношению к сознанию и действиям лиц, которые обязаны установить (властные субъек-

ты) реально существующее уголовно-правовое отношение или могут участвовать в этой деятельности (обвиняемый, потерпевший и др.). В процессе же установления этих уголовно-правовых отношений осуществляются субъективные действия участников уголовного процесса. Но отдельные участники процесса, имея интерес правового характера к исследованию и установлению уголовно-правового отношения в рамках производства по уголовному делу, заинтересованы в начале, движении и исходе производства по делу, другие не имеют такого интереса, а третьи – не должны иметь. В связи с этим нельзя законные интересы личности сводить только к устремлениям субъекта к достижению определенной уголовно-процессуальной цели.

Интересы выражаются в различных формах. В зависимости от взаимосвязи с интересами их подразделяют на: непосредственные формы выражения интересов личности (в правовом статусе личности, в правах и свободах); опосредованные (в обязанностях и ответственности); вспомогательные (в правовой регламентации объектов личного интереса и порядка реализации прав и свобод личности).

Главной формой выражения интересов участников уголовного процесса и правового сочетания интересов в уголовно-процессуальном праве выступают субъективные права и обязанности субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Кроме интересов, воплощенных в содержание субъективных прав и юридических обязанностей, существуют интересы личности, которые охраняются или подлежат защите со стороны государства. Смысл существования субъективного права состоит в том, чтобы дать субъекту наиболее эффективное правовое средство для удовлетворения потребностей и их реализации, взятых под охрану государством.

Названные потребности порождают объективные и согласованные интересы как общества, государства, так и отдельной личности.

Таким образом, объективный характер интереса проявляется: во-первых, в его реальном существовании в объективной действительности и только затем уже в сознании, а во-вторых, в его существовании как общественного продукта, результата взаимной зависимости индивидов. Вследствие этого интерес представляет собой устойчивое явление объективного характера, присущее неограниченному кругу лиц независимо от их индивидуальных предпочтений.

Объективный характер интереса вызывает в сознании общества, государства, отдельной личности юридические мотивы, посредством которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность субъектов уголовно-процессуальных отношений, направленная на достижение поставленной цели и удовлетворение потребности общества и отдельной личности. Таким образом, цель уголовного процесса определяется через основной интерес в уголовном процессе, направленный на защиту от общественно-опасных посягательств на жизнь и здоровье, честь и достоинство личности; потребностью общества в желании оградить себя от общественно-опасного посягательства.

Интерес предопределяет характер и основные направления деятельности участников уголовного процесса и лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, тем самым в некоторой мере устанавливает конструируемые в уголовно-процессуальной теории системы процессуальных функций. Защита указанных интересов обеспечивается путем установления объективной истины по уголовному делу, с использованием публичных (специальных) средств и способов, установленных законодательством. Достижение объективной истины по делу означает несомненную доказанность обвинения, осуждения действительно виновных лиц в меру их виновности, а также оправдание и реабилитацию лиц, незаконно и необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и преданных суду. Поэтому требование установления объективной истины является не только принципом процесса, но и задачей доказывания. При

таком понимании сущности правосудия самостоятельное значение приобретает закрепленное в ст. 8 УПК РФ положение о том, что правосудие осуществляется только судом.

1. Баев О. Я., Коврига З. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П., Панюшкин В. А., Понарин В. Я. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / науч. ред. Л. Д. Кокорев. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 159 с.
2. Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.
3. Масленникова Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М.: Академия управления МВД России, 2000. 179 с.
4. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Производство допроса: процессуальные основы и тактические особенности // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 33–38.
5. Тихомиров Ю. А. Публичное право. Издательство БЕК, 1995. 496 с.

Ключевые слова: уголовный процесс, объективный интерес, субъективный интерес, частный и публичный интерес.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Казачек Елена Юрьевна,
*старший преподаватель кафедры криминалистики,
Пятый факультет повышения квалификации
Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск),
Академия Следственного комитета Российской Федерации,
680006, г. Хабаровск, ул. Ангарская, д. 11*

Планирование по уголовному делу является направляющим и организующим началом в расследовании. Расследование дорожно-транспортных преступлений не является исключением. Оно состоит, прежде всего, в своевременном определении задач расследования, построении версий, разработке путей и способов их проверки, в обеспечении максимально широкого использования научно-технических средств и наиболее целесообразных тактических приемов. Умелое и грамотное планирование обеспечит всестороннее и объективное расследование уголовного дела.

Проблема безопасности дорожного движения остро стоит во всем мире. Высокие темпы автомобилизации создают дополнительные предпосылки ухудшения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. К этому следует добавить, что улично-дорожная часть страны не соответствует фактической интенсивности транспортных потоков. Не отвечают установленным требованиям и техническое состояние большинства автомобильных дорог. Остается неудовлетворительным состояние транспортной дисциплины участников дорожного движения.

Расследование ДТП является одним из основных элементов работы за повышение безопасности дорожного движения и поэтому предложенный алгоритм планирования дорожно-транспортных преступлений является актуальным.

Любая деятельность человека невозможна без предвидения ее результатов, без осмысления поставленных задач, обдумывания и выбора наиболее эффективных средств и методов достижения поставленной цели.

Анализ следственной практики, а также проведенный опрос сотрудников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации показывает, что, планирование по уголовному делу является направляющим и организующим началом в расследовании¹. Оно состоит в своевременном определении задач расследования, построении версий, разработке путей и способов их проверки, в обеспечении максимально широкого использования научно-технических средств и наиболее целесообразных тактических приемов. Планирование расследования определяет, какие следственные действия необходимы для проверки выдвинутых версий, в какой последовательности их следует провести. Какие тактические особенности необходимо учитывать при проведении намеченных следственных действий, чтобы обеспечить раскрытие и объективное расследование уголовного дела.

В то же время, опрос показал, что следователи, в ходе расследования дорожно-транспортных преступлений, подследственных СК России, недооценивают важность планирования, не проводят проверку выдвинутых версий, считая, что все необходимые факты установлены в ходе процессуальной проверки, и участие лица в совершении преступления установлено.

План – это не только рабочий документ следователя по уголовному делу. Планирование является важнейшим инструментом управления личным временем следователя.

Форма плана и степень его детализации в зависимости от сложности дела может быть различной. Как минимум, план – это перечень мероприятий, подлежащих выполнению по делу, в идеале план – это конспект-справочник по делу, который существенно упрощает и ускоряет анализ следственных ситуаций, доказательств, дальнейшее планирование, подготовку объёмных процессуальных документов [1].

Относительно подробный план расследования дорожно-транспортных преступлений может быть составлен лишь по завершению первоначального этапа расследования.

Алгоритм действий следователя планирования расследования по расследованию дорожно-транспортных преступлений может включать в себя следующие элементы:

В начале планирования по уголовному делу необходимо определить предмет доказывания, исходя из положений ст.73 УПК РФ, применительно например, к диспозиции ст. 264 УК РФ.

После этого, надлежит проанализировать и сопоставить весь объём имеющейся на данный момент информации: материалы доследственной проверки; исходные типовые ситуации и закономерности; результаты первоначальных следственных действий. Обязательно следует учесть позицию, в том числе возможную, имеющегося или потенциального обвиняемого (подозреваемого), степень и формы его вероятного или реального противодействия ходу следствия.

Результат этого этапа должен быть сформулирован в виде краткой оценки следственной ситуации на данный момент, то есть наиболее важных, ключевых фактов и обстоятельств, определяющих основные направления и содержание расследования.

¹ Опрос проводился с 18.01.2014 по 25.12.2015 г. среди слушателей курсов повышения квалификации Пятого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) ИПК ФГКОУ ВО «Академия СК России» – следователей и руководителей следственных отделов СУ СК России по ДФО. Всего было опрошено 150 сотрудников.

Одним из важных элементов планирования – это формирование на основе исходной информации версий по уголовному делу.

Версии могут быть общими, то есть предположениями о расследуемом событии в целом, и частными, то есть предположениями о субъектах и отдельных обстоятельствах данного события [2].

Типичные версии по обстоятельствам дорожно-транспортного преступления не носят исчерпывающего характера и могут быть следующими:

1) водителем совершено дорожно-транспортное преступление в связи с несоблюдением полностью или частично правил дорожного движения;

2) водителем совершено дорожно-транспортное преступление по причине, не связанной с нарушением ПДД (плохое состояние дорог, неисправность или плохая организация регулирования движения, отсутствие или несоответствие правилам ПДД разметки, неисполнения лицами, ответственными за техническое состояние и эксплуатацию транспортных средств и др.);

3) причиной дорожно-транспортного преступления послужила техническая неисправность автомобиля (отказ тормозов);

4) причиной дорожно-транспортного преступления явилось противоправное поведение потерпевшего;

5) причиной дорожно-транспортного преступления явился несчастный случай (смерть за рулем);

6) имело место инсценировка дорожно-транспортного происшествия с целью сокрытия другого преступления;

7) дорожно-транспортное преступление произошло в результате непреодолимой силы (сели, оползни, наводнение и т.п., либо случайного стечения обстоятельств, в результате возникновения которых не возможно было предвидеть ДТП);

8) дорожно-транспортное преступление совершено иными лицами, не являющимися собственниками транспортного средства (угон транспортного средства).

Анализ перечисленных версий показывает, что в совершении дорожно-транспортных преступлений участвуют, как правило, несколько субъектов: водитель, пешеход, пассажиры, должностные лица, ответственные за техническое состояние автомобиля и др. Поэтому следователю, в ходе проверки общих версий наряду с другими действиями необходимо выявлять и оценивать возможную связь между всеми выдвинутыми версиями. В зависимости от конкретных обстоятельств совершения преступления, наличия соответствующих материалов могут выдвигаться и другие версии.

При расследовании дорожно-транспортных преступлений, помимо основных (общих) версий, в обязательном порядке выдвигаются так называемые частные версии, касающиеся исследования отдельных элементов происходивших событий.

Таковыми могут быть версии:

1) о субъектах дорожно-транспортных преступлений, их связях между собой;

2) об обстоятельствах, при которых совершалось дорожно-транспортное преступление (место, время, обстановка, способ);

3) о материальных следах, которые должны быть оставлены субъектами дорожно-транспортного преступления;

Исходя из содержания выдвинутых версий составляется план расследования, в котором должен отражаться не только перечень необходимых следственных мероприятий, но и вопросы, требующие разрешения при их производстве.

По делам рассматриваемой категории в первую очередь планирование расследования необходимо строить исходя из складывающихся следственных ситуаций, которые зависят: от очевидности или неочевидности дорожно-транспортного преступления, последствий, наступивших в результате дорожно-транспортного преступления, обна-

руженных и изъятых материальных следов преступления, личности подозреваемого/обвиняемого и др.

Анализ следственной практики позволяет разделить мероприятия, по проверке предложенных версий исходя из следующих следственных ситуаций:

1) обстановка дорожно-транспортного преступления не изменена (участник дорожно-транспортного преступления находится на месте происшествия);

2) обстановка дорожно-транспортного преступления изменена (участник/участники покинул(и) место происшествия);

В первой следственной ситуации необходимо: установить все обстоятельства совершения дорожно-транспортного преступления (требования правил дорожного движения, который нарушил водитель, поведение потерпевшего до наступления общественно-опасных последствий (например, внезапный выход потерпевшего на проезжую часть дороги и др.), определить параметры транспортного средства, в том числе по повреждениям и следам на теле и одежде потерпевшего, определить техническое состояние транспортных средств – участников дорожно-транспортного преступления, изучить следовую обстановку дорожно-транспортного преступления.

Алгоритм действий следователя по разрешению первой следственной ситуации включает: безотлагательный осмотр места происшествия дорожно-транспортного преступления и транспортного средства, установление и допросы очевидцев, направление на освидетельствование водителя, участвующего в дорожно-транспортном преступлении, назначение судебных экспертиз: медицинской – потерпевшего в дорожно-транспортном преступлении, ситуационной – обстоятельств дорожно-транспортного преступления, технической экспертизы транспортного средства и т. д.

Во второй следственной ситуации необходимо: установить какое конкретное транспортное средство участвовало в дорожно-транспортном преступлении, и кто им управлял, зафиксировать изменение обстановки, характеризующей дорожно-транспортное преступление, уничтожение материальных следов, указывающих на противоправность кого-либо из его участников.

Для ее разрешения необходимо: провести осмотр места происшествия и транспортного средства, участвующего в дорожно-транспортном преступлении, допрашиваются очевидцы, в том числе потерпевший в дорожно-транспортном преступлении, дать поручение органам дознания о розыске водителя, скрывшегося с места дорожно-транспортного преступления, информировать отделы ГИБДД о произошедшем преступлении с целью организации преследование водителя, скрывшегося с места преступления, дать отдельное поручение органам дознания по обследованию автосервисов, гаражей, автостоянок, прилегающих к месту преступления дворов и других мест для обнаружения скрывшегося транспортного средства по приметам, установленным со слов очевидцев совершения дорожно-транспортного преступления, на основании установленных со слов очевидцев примет скрывшегося водителя дать поручение на его установление и розыск. При необходимости привлекать к розыску СМИ, представителей общественности.

При получении результатов розыска и обнаружении скрывшегося виновника дорожно-транспортного преступления, дальнейший алгоритм действий аналогичный, как и в первой следственной ситуации.

Выдвинутые версии необходимо подвергать тщательному анализу, и выдвигать из них все возможные следствия (обстоятельства, события, факты), логически вытекающие из данного предположения. Предполагаемые следствия используются для планирования практических мероприятий по их проверке.

Для реализации намеченного следует оценить практическую выполнимость намеченных мероприятий, сроки их проведения, необходимые для этого силы и сред-

ства. Сроки проведения запланированных мероприятий должны осуществляться с учетом сроков, установленных уголовно-процессуальным законом, а проведение намеченных мероприятий в последовательности, определенной как процессуальной, так и тактической целесообразностью.

Составляя подробный письменный план, и сведя результаты предыдущих этапов, воедино рекомендуется основную часть плана для удобства сформировать по разделам, в которые необходимо включить:

- мероприятия по установлению обстоятельств события преступления и виновности обвиняемого, этот раздел можно разбить на части по реализации отдельных версий и (или) эпизодов [3];
- мероприятия по сбору сведений о личности обвиняемого;
- мероприятия по работе с вещественными доказательствами, следами и иными материальными объектами;
- мероприятия по установлению размера ущерба и его возмещению, наложение ареста на имущество [4];
- мероприятия по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, и их устранению и др.

Следование в статье предложенному алгоритму действий при планировании расследования по уголовному делу позволит следователю не только закончить следствие в установленные законом сроки, но и обеспечить полноту следствия, а самое главное, поспособствует решению основной задачи организации труда – получению максимума эффекта при наименьшей затрате следователем времени, сил и средств.

1. Киселёв Е. А., Казачек Е. Ю. Личное планирование как средство повышения эффективности расследования преступлений // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 3 (68). С. 149–152.

2. Казачек Е. Ю. О первоначальных навыках планирования по уголовному делу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 356–360.

3. Казачек Е. Ю. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация как составляющая часть ведомственного процессуального контроля при планировании расследования по уголовному делу // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7). С. 180–183.

4. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58 / Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

Ключевые слова: следователь, дорожно-транспортное преступление, планирование предварительного расследования, следственные действия, типичные версии, частные версии, следственные ситуации, план расследования.

УДК 343.98

НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

Калюжный Александр Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302034, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35

В статье анализируются непроцессуальные формы взаимодействия органов предварительного расследования с органами дознания, государственными органами и общественными объединениями в ходе расследования посягательств на свободу личности, выявляются проблемы организационного и правового характера рассматриваемых форм взаимодействия, исследуется правоприменительная практика указанных форм взаимодействия, предлагаются пути решения выявленных проблем.

Проблемы взаимодействия следователей с должностными лицами органов дознания, государственными органами и общественными объединениями в целях выявления, раскрытия и расследования посягательств на свободу личности приобретают особую актуальность, в связи с различной подследственностью данных посягательств и особенностями механизма их совершения. Практически все посягательства на свободу личности отнесены к компетенции следователей Следственного комитета Российской Федерации, а оперативное и иное сопровождение расследования данных преступлений осуществляют сотрудники оперативных, экспертных и прочих подразделений других ведомств. Механизм же совершения посягательств на свободу личности предполагает сотрудничество с различными общественными объединениями, задействованными прямо или косвенно в приготовлении к их совершению, их совершению или сокрытию, а также противодействию им.

В отличие от процессуальных непроцессуальные формы взаимодействия не находят своего отражения в содержании нормативных правовых актов, но и не противоречат им. В тоже время, следует признать, что классификация данных форм по основанию правовой регламентации в большей степени носит теоретический, условный характер, а составляющие их формы взаимодействия тесно переплетаются в практической деятельности субъектов рассматриваемого нами взаимодействия.

Анализ сложившейся практики взаимодействия следственных подразделений с органами дознания, государственными органами и общественными объединениями по посягательствам на свободу личности позволяет в обобщенном виде выделить следующие формы непроцессуального взаимодействия: использование возможностей средств массовой информации, взаимный обмен информацией, совместное обсуждение материалов, защита жертв и свидетелей посягательств на свободу личности.

Многоплановая роль средств массовой информации в современном обществе предопределяет сотрудничество с ними различных общественных объединений и государственных институтов, в числе которых и органы предварительного расследования. Актуальными направлениями взаимодействия органов предварительного следствия со средствами массовой информации в ходе расследования посягательств на свободу личности являются: формирование общественного мнения о деятельности правоохранительных органов в данной сфере; осуществление социальной профилактики рассматри-

ваемых преступлений; правовое воспитание населения; поиск свидетелей и потерпевших по посягательствам на свободу личности; розыск подозреваемых и обвиняемых.

Весьма актуальной непроцессуальной формой взаимодействия следственных и оперативных подразделений является совместное обсуждение материалов. Интересен опыт по проведению еженедельных служебных совещаний с руководителями следственных подразделений СК России по субъектам, с привлечением к участию в них руководителей оперативных подразделений УМВД по субъекту, прокуроров отделов по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью Прокуратуры РФ по субъектам и, при необходимости, представителей общественности, администрации, общественных объединений. Данные совещания способствуют выработке единой позиции по материалам уголовных дел о расследовании посягательств на свободу личности, выработке направления расследования, квалификации и объеме обвинения, оптимальных возможностях получения доказательств, одновременному производству нескольких следственных действий в разных местах и у разных участников и т. п.

Наиболее универсальной и широко применяемой судебно-следственной практикой формой непроцессуального взаимодействия следственных органов с органами дознания и общественными объединениями является обмен информацией. Другие формы взаимодействия, как регламентированные правом, так и непроцессуального характера, сопряжены с обменом информацией. Как полагают опрошенные нами респонденты, взаимно передается до 80 % криминалистически значимой информации, содержанием которой является: разработка версий совершения посягательств на свободу личности; совместное планирование расследования рассматриваемых преступлений; рекомендации по совместному проведению следственных действий, тактических операций и комбинаций; деятельность следственно-оперативных групп и т. п.

Общественная опасность посягательств на свободу личности и типичность их совершения в совокупности с преступлениями, направленными на здоровье личности, общественную нравственность, половую свободу личности и другими, делают актуальным своевременное получение информации из медицинских и иных учреждений, в которые обратились потерпевшие для оказания помощи.

Высокая латентность посягательств на свободу личности, опасения за жизнь и здоровье лиц, подвергнувшихся данным преступлениям и нежелание потерпевших обращаться за помощью в правоохранительные органы, обязывают представителей следственных и оперативных подразделений сотрудничать с общественными объединениями, как находящимися в России, так и занимающихся оказанием помощи пострадавшим от преступлений за рубежом.

Интересен опыт международных организаций в сфере противодействия посягательствам на свободу личности, одной из которых является Международная организация по миграции, представительства которой находятся в 126 странах мира. Целями организации является не только защита интересов мигрантов, но и противодействие торговле людьми, жертвами которой ежегодно становятся от 600 до 800 млн человек по всему миру [3, с. 8]. Организация оказывает психологическую, медицинскую, юридическую, материальную и иную помощь жертвам, обобщает и анализирует практику законодательства в целях предупреждения посягательств на свободу личности, недопущения вовлечения населения в принудительную трудовую деятельность, попрошайничество, занятие проституцией, совершенствует правовое, информационно-аналитическое, организационное обеспечение данной деятельности, а также разрабатывает меры по повышению эффективности уголовного преследования виновных и эффективности взаимодействия государств в исследуемой сфере [4].

Например, в октябре 2006 г. в представительство Международной организации по миграции в России обратилась мать В., которая сообщила, что получила звонок от

дочери, просившей о помощи: ее насильно удерживали в борделе на юге Тель-Авива. Представительство Международной организации по миграции в России перенаправило данное обращение в неправительственную организацию «Isha L'Isha» (Израиль), которая, связавшись с полицией, содействовала освобождению двух женщин, привлекавшихся к сексуальной эксплуатации, одной из которых была В [1, с. 235].

Сотрудничество правоохранительных органов и органов предварительного расследования с общественными объединениями позволяет: получить информацию о фактах совершения посягательств на свободу личности, при нежелании или боязни потерпевших сообщить о совершенных преступлениях; привлекать представителей данных объединений в качестве специалистов при производстве допросов и других следственных действий с потерпевшими; развивать международное сотрудничество с правоохранительными органами зарубежных стран; привлекать специалистов указанных общественных объединений для содействия в описании и идентификации преступников, доказывании механизмов совершения преступлений на свободу личности; устанавливать местонахождение жертв посягательств на свободу личности; получить информацию о физических и юридических лицах, предположительно причастных к посягательствам на свободу личности; определять направления профилактической деятельности в данной сфере; устанавливать другую криминалистически значимую информацию для уголовного дела.

Успех противодействия посягательствам на свободу личности зависит от обеспечения безопасности жертв и свидетелей посягательств на свободу личности, что является одной из форм взаимодействия органов предварительного расследования с общественными объединениями.

В рамках реализации положений Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» органы предварительного следствия могут сотрудничать с общественными объединениями, обеспечивая безопасность участников уголовного судопроизводства. Рассмотренные нами организации кроме психологической, медицинской, социальной и иной помощи, имеют возможности помещения потерпевших от посягательств на свободу личности в приюты, центры социальной адаптации и иные жилые помещения, находящиеся в распоряжении организаций.

Например, Международная организация по миграции в Москве и Санкт-Петербурге на базе Центров международного сотрудничества Красного Креста, а также территории подворий Русской православной церкви, имеет приюты для жертв посягательств на свободу личности [5, с. 56]. Международные организации «SOLWODI» и «Ла Страда Интернешинал» также оказывают помощь потерпевшим от посягательств на свободу личности, размещая их на территории своих организаций.

Процессуальное обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства (п. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193 УПК РФ), достаточно исследовано [2; 6] и нами рассматриваться не будет.

Проведенный нами анализ взаимодействия следственных подразделений с органами дознания, государственными органами и общественными объединениями в ходе расследования посягательств на свободу личности указывает, что перечень непроцессуальных форм взаимодействия, ввиду их правовой нерегламентированности, не является исчерпывающим. Практика расследования посягательств на свободу личности настолько многообразна и динамична, что в ходе ее реализации могут быть выработаны и другие формы взаимодействия, а также осуществлен переход от одних форм к другим, или же применяться их совокупность. Выбор конкретных форм взаимодействия зависит от особенностей расследования конкретного уголовного дела, этапа расследования посягательств на свободу личности, объема криминалистически значимой информации,

располагаемой следственными или оперативными подразделениями, уровня теоретической подготовленности следственных работников и наличия опыта расследования данной категории преступлений.

1. Дворкин А. И., Торбин Ю. Г. и др. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование. М.: Юрист, 2007. 294 с.

2. Епихин А. Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004. 460 с.

3. Жигич З. Вступительное слово от Международной организации по миграции // Повышение эффективности сотрудничества государств – участников и органов СНГ в противодействии торговле людьми: сбор. матер. межд. науч. практ. конф. М., 2015.

4. Официальный сайт Международной организации по миграции ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-po-migratsii-mom>.

5. Павловская Ю. Ю. Комплексный подход к решению проблем торговли людьми: опыт бюро МОМ в Москве по оказанию помощи жертвам торговли людьми // Повышение эффективности сотрудничества государств – участников и органов СНГ в противодействии торговле людьми: сбор. матер. межд. науч. практ. конф. М., 2015.

6. Скрипилев Г. А. Применение, изменение или отмена мер безопасности участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 198 с.

Ключевые слова: взаимодействие, формы взаимодействия, свободы личности, расследование, общественные объединения.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ В РОЗЫСКЕ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ким Евгений Петрович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права,

Пятый факультет повышения квалификации

Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск),

Академия Следственного комитета Российской Федерации,

680006, г. Хабаровск, ул. Ангарская, д. 11

Киселёв Евгений Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий криминалистической лабораторией,

Пятый факультет повышения квалификации

Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск),

Академия Следственного комитета Российской Федерации,

680006, г. Хабаровск, ул. Ангарская, д. 11

Гамалей Артем Александрович,

кандидат юридических наук, декан юридического факультета,

Дальневосточный филиал Российского государственного

университета правосудия,

680014, г. Хабаровск, Восточное шоссе, д. 49

В статье рассматриваются применения криминалистических учетов в розыске без вести пропавших несовершеннолетних. Предлагается использование статистиче-

ских оперативно-справочных, криминалистических и специальных учетов. В ходе розыска рекомендуется использовать данные учетов иных государственных и негосударственных организаций. В частности для информационного обеспечения розыска пропавшего без вести несовершеннолетнего предлагается использовать учеты медицинских учреждений.

В Российской Федерации гарантируется защита прав и свобод человека и гражданина, что в свою очередь обязывает правоохранительные органы направлять основные усилия на предупреждение и пресечение преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних.

На следственные органы Следственного комитета Российской Федерации в соответствии с законодательством возложены задачи по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних (ст. 155 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Однако до настоящего времени остается нерешенной проблема розыска без вести пропавших несовершеннолетних. «В стране катастрофически растет число людей, которые исчезли без следа. Они пропадают внезапно, без объяснимых причин, многие – навсегда. За несколько лет количество пропавших без вести почти удвоилось и превысило астрономическую цифру в 120 тысяч человек, среди которых более 23 тысячи – несовершеннолетние и малолетние. Так, за один только год уходит в никуда население немалого города» [2]. Анализ практики деятельности правоохранительных органов показывает, что не редко, при розыске безвестно исчезнувших граждан выявляются убийства и другие преступления против личности, которые маскируются под безвестное исчезновение.

Данные статистических учетов ГИАЦ МВД России свидетельствуют о высоких показателях преступлений, имеющих отношение к безвестным исчезновениям (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, разбой, хулиганство, похищение человека), в том числе несовершеннолетних.

Современные темпы развития общества, его информатизация и глобализация предъявляют повышенные требования к организации деятельности всех правоохранительных органов. Особенно остро стоит проблема розыска безвестно пропавших несовершеннолетних. Решение данной проблемы неразрывно связано с активным использованием научно-технических средств в деятельности следственных и иных правоохранительных органов.

В свою очередь содержание процесса розыска без вести пропавших несовершеннолетних включает в себя собирание, обработку, анализ, использование информации об исчезнувших несовершеннолетних лицах. Особое значение в деятельности по розыску несовершеннолетних имеет использование информационно-поисковых, аналитических систем, криминалистических и иных учетов формирующихся и функционирующих в органах внутренних дел и других федеральных органах исполнительной власти. А также эффективное использование средств компьютерной техники.

Долговременные перспективы активного использования средств компьютерной техники в розыске безвестно пропавших несовершеннолетних, связаны, прежде всего с расширением телекоммуникационных возможностей. Обеспечением удаленного доступа к базам данных различных криминалистических учетов формирующихся как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

До настоящего времени, из года в год наблюдается постоянный рост остатка не разысканных лиц, поэтому безвестное исчезновение ребенка любого возраста, не зависимо от причин исчезновения (ушел из дома из-за ссоры с родителями, пропал при не-

выясненных обстоятельствах) компетентными ведомствами рассматривается как чрезвычайное обстоятельство [1; 3].

При проведении исследования по данному направлению авторы приходят к выводу, что одной из главных проблем затрудняющих расследование подобного рода преступлений остается не эффективное использование криминалистических учетов, что также отмечается в руководящих документах Следственного комитета Российской Федерации (см., например: Решение коллегии Следственного комитета Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 7 «Об организации работы по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет»).

Как показывает практика, для розыска безвестно исчезнувших несовершеннолетних в правоохранительных органах выработан следующий алгоритм действий:

1. Регистрация информации о безвестном исчезновении несовершеннолетних в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами;
2. Проведение опросов, заявителя и других граждан, которым может быть известны обстоятельства исчезновения и другие сведения, представляющие интерес для розыска;
3. Обеспечение выезда к месту последнего пребывания пропавшего без вести и проведение осмотра места происшествия;
4. Составление ориентировки на пропавшего без вести;
5. Ориентирование органов дознания на розыск пропавшего без вести;
6. Организация поисково-спасательных работ, при наличии предположения о том, что пропавший мог оказаться в условиях, угрожающих его жизни, а также во всех случаях исчезновения несовершеннолетних;
7. При обнаружении признаков, указывающих на исчезновение разыскиваемого вследствие криминальных событий, организация мероприятий по их проверки установлению и задержанию виновного.
8. Задействование региональных средств массовой информации в информировании населения о розыске пропавшего без вести;

В ходе проведенного исследования было проанализировано тридцать ориентировок по розыску пропавших без вести несовершеннолетних за период 2010-2016 гг. подготовленных УМВД по Хабаровскому краю, Сахалинской области и Еврейской автономной области. Основным недостатком при подготовке ориентировки является поверхностность ориентировок, отсутствие подробных описаний внешности, не все особые приметы отмечены либо отмечены неточно [4].

В то же время положительный опыт работы правоохранительных органов по розыску пропавших без вести несовершеннолетних лиц свидетельствует о том, что большое внимание следует уделять своевременности ориентировки органов дознания на розыск пропавшего без вести. Для этого необходимо соблюдать следующие требования:

- составлять ориентировку на пропавшего без вести, подробную и достоверную. Желательно получить у родственников последние фотографии пропавшего;
- получить подробное описание одежды, внешности, особых примет, пропавшего;
- подробно выяснить обстоятельства последних дней его жизни.

В соответствии с правовыми актами определен порядок учета без вести пропавших, неопознанных трупов, неизвестных больных и детей осуществляется путем ведения картотек и автоматизированного информационного банка данных (АИПС «Опознание»), представляющих единую систему. Учету подлежат:

- лица, исчезнувшие без видимых к тому причин, местонахождение и судьба которых остаются неизвестными;
- лица, потерявшие связь с родственниками;

- несовершеннолетние, ушедшие из дома, школ-интернатов, детских домов и других учреждений, а также бежавшие из детских приемников-распределителей, спецшкол и спецучилищ.

- психически больные, а также лица, находящиеся в беспомощном состоянии и ушедшие из дома или медицинских учреждений;

- неопознанные трупы граждан;

- лица, находящиеся в психоневрологических и других лечебных стационарах, домах инвалидов и престарелых, детских домах и интернатах, которые в силу состояния здоровья или возраста не могут сообщить о себе никаких данных.

Для формирования учета используется опознавательная карта единого образца на все учитываемые категории лиц, которая используется и для обращения к учетам.

Основаниями постановки на учет являются заведение уголовного, розыскного дел или дела по установлению личности. Опознавательные карты составляются сотрудниками, в производстве которых находятся соответствующие дела. На неопознанный труп, если состояние трупа не изменено, и неизвестного большого одновременно составляются дактокарты.

Срок представления документов в ИЦ – не позднее 1 месяца, в ГИАЦ – не позднее 3 месяцев с момента обнаружения лиц, подлежащих постановке на учет, или заявления (сообщения) об исчезновении.

Для более эффективного розыска пропавшего без вести несовершеннолетнего следователями Следственного комитета Российской Федерации совместно с сотрудниками других правоохранительных органов, как правило, следует использовать следующие виды учетов: статистические, оперативно-справочные, розыскные и специальные учеты [7].

Статистические учеты – о состоянии, структуре, динамике преступности и результатах борьбы с ней. Ведение данных учетов регламентируется ведомственными нормативными актами и носит ведомственный характер.

Оперативно-справочные (учеты с большим объемом массивов при относительно кратком (справочном) описании объектов учета. Основное назначение этих учетов – проверка установочных сведений об объекте и его местонахождении на момент запроса).

Розыскные учеты (содержат гораздо больше сведений об объекте учета, выполняемая наряду с оперативно-справочной функцией сравнения не только установочных данных, но и сходных внешних описаний).

Криминалистические учеты (предназначены для диагностических и идентификационных целей по индивидуальным приметам и другим признакам объектов, когда установочные данные неизвестны или скрываются).

Специальные учеты, предназначенные для осуществления оперативно-розыскной, административно-специальной и иной деятельности правоохранительных органов) [5; с. 477–493].

В ходе розыска несовершеннолетних пропавших без вести, как показывает практика, используются учеты иных государственных органов и негосударственных организаций, используемые в информационном обеспечении следственной и оперативно-розыскной деятельности.

В этих целях более активно следует использовать информацию, которую возможно получить из специальных учетов медицинских учреждений [5].

Предоставленная медицинскими учреждениями информация позволяет получать следующие данные:

- о состоянии психики разыскиваемых несовершеннолетних, проверяемых, очевидцев, подозреваемых, свидетелей и других участников криминальных событий;

- о несовершеннолетних лицах, имеющих отклонения в психике, которые могли бы способствовать совершению общественно опасного деяния (императивные галлюцинации, некоторые формы бреда и т. п.);

- об имеющих определенные заболевания, являющиеся поисковым признаком;

- о личности трупов неизвестных несовершеннолетних по особенностям строения тела, имеющимся (или имевшимся) следам заболевания и лечения.

Имеется несколько основных форм учета лиц, в т. ч. несовершеннолетних обратившихся в медицинские учреждения или находившихся там по инициативе последних. Следует иметь в виду, что в последнее время многие крупные медицинские учреждения переходят на автоматизированный учет пациентов, однако названные здесь формы учета сохранены.

Следственная практика розыска пропавших без вести несовершеннолетних свидетельствует, о том, что немаловажное значение имеет форма и заполнение медицинских учетных карточек: больного; записи оперативных, стоматологических вмешательств; записи о течении болезни; прохождении беременности; записи профилактических прививок; текущие записи посещения больного лечебного учреждения; фиксация обращений к специалистам. Что наиболее значимо для информационного обеспечения своевременного розыска без вести пропавшего несовершеннолетнего.

В частности в стационарных медицинских учреждениях: медицинская карта стационарного больного; карта записи оперативных вмешательств; карта приема беременных, рожениц и родильниц; карта прерывания беременности; карта записи родов в стационаре; акт констатации биологической смерти.

В поликлиниках и амбулаториях: медицинская карта амбулаторного больного; медицинская карта ребенка; журнал записи амбулаторных операций; журнал регистрации амбулаторных больных.

При осуществлении диспансерного наблюдения: амбулаторная карта здорового, но подлежащего диспансерному наблюдению лица; медицинская карта больного, подлежащего диспансерному наблюдению. Формируется (маркируется) по формам заболеваний.

При проведении периодических медицинских осмотров: амбулаторная карта лиц, подлежащих предварительным (при поступлении на работу) и периодическим осмотрам.

При оказании стоматологической помощи: медицинская карта стоматологического больного. Эти же сведения могут заноситься в карточку амбулаторного больного.

Учет психически больных лиц (в психоневрологических диспансерах и других медицинских учреждениях названного профиля): амбулаторная карта больного; контрольная карта диспансерного наблюдения за психически больным лицом.

Каждый диспансер имеет архив, в котором содержатся карты больных, снятых с учета в связи со стойким улучшением здоровья; выехавших в другой район; переданных под наблюдение в другое психоневрологическое учреждение; снятых с учета в связи с неподтверждением диагноза психического заболевания; других больных, о которых в течение года не поступало никаких сведений.

При снятии больного с диспансерного учета психоневрологического учреждения на него заполняется статистический талон. Карта больного, убывшего из психоневрологического стационарного учреждения, хранится в его архиве.

Необходимо учесть Сведения о больных в возрасте до 14 лет концентрируются у участкового детского педиатра, а о больных с 15 до 17 лет – у участкового подросткового психиатра.

Контрольные карты диспансерного наблюдения лиц с общественно опасными действиями в анамнезе либо выделяются в отдельную картотеку, либо маркируются путем пометки в верхнем углу «СУ» (специальный учет) красным цветом.

Психоневрологический диспансер обязан в течение трех дней с момента принятия решения о постановке на спецучет направить в орган внутренних дел по месту жительства больного карточку-сообщение о постановке на специальный учет психически больного, представляющего общественную опасность. Такая же карточка направляется в орган внутренних дел и в случае принятия решения о снятии с учета.

Кроме того, во многих диспансерах имеются не предусмотренные приказом Министерства здравоохранения алфавитная книга, карточки, которые заводятся на каждый год раздельно и служат в основном для облегчения поисков сведений и могут быть использованы при необходимости дать ответ на запрос правоохранительных органов.

Учет наркологических больных. Диспансерный учет наркологических больных ведется наркологическими диспансерами, наркологическими кабинетами и фельдшерскими пунктами при промышленных предприятиях, строительных организациях, на транспорте и др. В качестве учетной формы используется контрольная карта диспансерного наблюдения за психически больным лицом.

На больного с впервые выявленным диагнозом «наркомания» медицинское учреждение (диспансер, наркологический кабинет и т. п.) направляет в наркологический диспансер (больницу) извещение. Кроме того, наркологические диспансеры имеют архивы, содержание которых аналогично содержанию архивов психоневрологических диспансеров.

Учет венерологических больных. В настоящее время в медицинских учреждениях (в кожно-венерологических диспансерах) учитываются больные с выявленными заболеваниями, передающимися половым путем.

На месте учет ведется в форме карты больного венерологическим заболеванием, а на больного грибковым заболеванием – карта. На впервые выявленного больного составляется и направляется в областной кожно-венерологический диспансер извещение.

Учет туберкулезных больных. На местах, в больницах и туберкулезных диспансерах на лиц с туберкулезными заболеваниями ведутся медицинские карты больного туберкулезом. На впервые выявленных лиц с такими заболеваниями в областной туберкулезный диспансер направляется извещение.

Особое внимание необходимо обратить на документацию учреждений судебно-медицинской экспертизы: акт судебно-медицинского освидетельствования; заключение эксперта (экспертиза освидетельствования; акт судебно-медицинского исследования трупа; заключение эксперта (экспертиза трупа); журнал регистрации трупов в судебно-медицинском морге; заключение эксперта (экспертиза вещественных доказательств).

Срок хранения всех перечисленных документов в медицинских учреждениях и их архивах в зависимости от значимости колеблется от 1 года до 50 лет.

В ходе розыска без вести пропавших несовершеннолетних необходимо активнее внедрять технические средства сбора, обработки, анализа и передачи информации которые используются во многих областях жизни и деятельности общества. Что стимулирует появление программных комплексов в различных государственных и негосударственных структурах. Все это позволяет рассчитывать на получение криминалистически значимой информации для успешного розыска пропавшего несовершеннолетнего. В частности к таким организациям, учреждениям следует отнести государственные и муниципальные органы и организации (отделы социального обеспечения, нотариаты, районные отделы образования, кадровые аппараты предприятий, содержащие данные о несовершеннолетнем и другие).

При изучении проблемы применения криминалистических учетов в расследовании преступлений связанным с розыском безвестно пропавших несовершеннолетних авторами было обращено внимание на следующее:

1. Использование криминалистических учетов способствует более быстрому и полному расследованию преступлений, а также их профилактике.

2. Необходимо завершение централизации всех видов учетов, так как наблюдается устойчивая тенденция к дальнейшей автоматизации всех существующих видов учетов, что позволит создать в дальнейшем единую федеральную информационно-справочную сеть.

3. Как бы ни было совершенно научно-техническое обеспечение организации всех видов учетов, достоверность и полнота собранных данных зависит от добросовестности, умений и навыков сотрудников правоохранительных органов, представляющих информацию.

4. Значение криминальных учетов состоит в том, что они имеют возможность не только обеспечивать справочной информацией многократно множество субъектов правоохранительной деятельности (в т. ч. не входящих в систему органов внутренних дел - суд, прокуратура, таможня, органы юстиции и др.) о конкретных объектах учета, но и выдавать аналитические данные на базе прикладных программ стратегического (прогностического) и тактического характера.

5. Решение проблем информационного обеспечения деятельности служб и подразделений, занимающихся предупреждением, раскрытием и расследованием преступлений и розыском преступников, в современных условиях зависит от их технической оснащенности, компьютеризации, реализации новых информационных технологий и связано с ростом профессионального мастерства всех служб, участвующих как в сборе необходимой информации, так и в насыщении информационных систем и использовании этих сведений в решении задач расследования преступлений.

Таким образом, качественное использование криминалистических учетов в розыске без вести пропавших несовершеннолетних является одним из основных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации и других правоохранительных органов, направленных на защиту прав и свобод граждан, безопасности общества и государства от преступных посягательств.

1. Гомбоев Б. Ч., Некозырева Т. С., Ким Е. П. Некоторые аспекты совершенствования розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда // Рос. следователь. 2007. № 2. С. 35–37.

2. Город призраков. Почему в России каждый день пропадают без вести свыше 300 человек? // Рос. газ. 2008. 28 окт. № 4781.

3. Ким Е. П. Криминология бытовых отношений: монография. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2006. 220 с.

4. Ким Е. П., Киселёв Е. А. Использование криминалистических учетов в розыске безвестно исчезнувших граждан // Противодействие преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 20 марта 2015 г.) / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2015. С. 122–126.

5. Криминалистика: учебник / под общ ред. А. И. Бастрыкина. В 2 т. М.: Издательство «Экзамен», 2014. 511 с. Т. 1.

6. Казачек Е. Ю., Киселёв Е. А. Расследование причинения смерти по неосторожности, вследствие ненадлежащего исполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей (Учебно-практическое пособие, макет уголовного де-

ла (выборочные документы)): учебно-практическое пособие / Академия Следственного комитета Российской Федерации. Москва, 2016. 131 с.

7. Аминев Ф. Г. Криминалистическая регистрация: учебное пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2003. 147 с.

Ключевые слова: криминалистические учеты, статистических учетов, оперативно-справочные учеты, картотеки и учеты медицинских учреждений, розыск, без вести пропавший несовершеннолетний, следователь, алгоритм действий.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО РАЗЛИЧНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Клевцов Вадим Владимирович,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В данной статье, на основе изучения современной научной литературы и судебно-следственной практики рассматриваются некоторые особенности производства следственных действий на стадии возбуждения уголовных дел различных категорий, в частности против жизни и здоровья населения, против собственности, в сфере незаконного оборота наркотиков.

Для расследования многих уголовных дел характерен предварительный этап – доследственная проверка материалов о событии, имеющем признаки преступления (в уголовном процессе его называют этапом возбуждения уголовного дела). Этот этап не входит в расследование, так как предшествует ему и позволяет принять решение о наличии в действиях состава преступления и возбуждении уголовного дела [7, с. 399].

На стадии возбуждения уголовного дела получается вся первичная информация, необходимая не только для определения признаков конкретного преступления, но и для получения криминалистически значимой информации для дальнейшего направления расследования. Стадия возбуждения уголовного дела представляет собой не одноразовое действие, проявляющееся в принятии решения о том, начинать или не начинать производство по конкретному делу, а целый комплекс действий. В своей совокупности эти действия призваны обеспечить законность и обоснованность соответствующего решения [1, с. 7–8].

Этап возбуждения уголовного дела в сфере незаконного оборота наркотиков обусловлен рядом специфических условий и выражается в проведении комплекса уникальных и неповторяемых ОРМ и следственных действий. В результате непрофессиональных действий следователя и оперативного работника криминалистически значимая информация нередко утрачивается безвозвратно, ошибки не могут быть устранены в ходе последующего расследования.

Изучение судебно-следственной практики и специальной литературы позволили однозначно констатировать, что на этапе возбуждения уголовного дела в сфере незаконного оборота наркотиков при производстве предварительной проверки исходной информации наиболее характерными являются следующие следственные действия и

иные мероприятия, направленные на документирование преступной деятельности: осмотр места происшествия, задержание, проверочная закупка, назначение и проведение судебных экспертиз, личный обыск (если подозреваемый задержан), следственное и медицинское освидетельствование и др. [7, с. 508–509; 5, с. 33; 9, с. 57–58].

Анализ судебно-следственной практики и результатов научных работ, проведенных другими авторами позволяет утверждать, что к перечню процессуальных действий, осуществляемых на этап возбуждения уголовного дела по преступлениям против личности, относятся: осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, осмотр трупа (если потерпевший скончался) и освидетельствование (в остальных случаях), назначение и проведение судебных экспертиз и др. [7, с. 404, 415, 439; 4, с. 167–168; 8, с. 36].

Изучение судебно-следственной практики и специальной литературы позволили однозначно констатировать, что этапе возбуждения уголовного дела по преступлениям против собственности при производстве предварительной проверки исходной информации наиболее характерными являются следующие следственные действия: осмотр места происшествия, допросы лиц, назначение и производство судебных экспертиз и др. [7, с. 439, 448, 460–461; 8, с. 76–77, 102–103; 10, с. 93–110; 2, с. 51].

На этапе возбуждения уголовного дела, как правило, производятся осмотр места происшествия, который направлен на обнаружение и фиксацию следов преступления, их изъятие, которые отражаются на объектах материального и идеального мира, а также в той информации, по которой можно судить о следообразующих объектах, и которую можно в дальнейшем будет использовать в качестве доказательств. Для проведения осмотра места происшествия по делам, связанным со сбытом или изготовлением наркотиков, необходимо обеспечить участие специалистов фармацевтов, врачей, химиков, наркологов, которые смогут не только выполнить обязанности специалиста-криминалиста, но и дадут необходимые консультации [6]. В ходе производства осмотра места происшествия, где был обнаружен труп, необходимо привлекать сотрудников бюро судебной медицины или врачей, в качестве специалиста. В случае, если местом происшествия является участок открытой местности целесообразно привлечь для участия свидетелей или потерпевших для конкретизации границ осмотра и установлению наиболее вероятного местонахождения следов преступления [2, с. 124].

Как показало проведенное нами изучение специальной литературы и судебно-следственной практики, проведение осмотра места происшествия позволяет целенаправленно решать организационно-подготовительные мероприятия; избирательно намечать тактические приемы осмотра места происшествия; выдвигать версии о характере и обстоятельствах события, возможных источниках доказательств, направлении расследования.

В то же время, осмотр места происшествия позволяет получить данные о лице или лиц (при совершении преступления группой), участвующих в совершении преступления, а анализ отдельных следов на месте происшествия и изменений в обстановке в ходе совершения преступления позволяют выдвинуть версии о последовательности событий (хронологии) на месте преступления.

В современном уголовном процессе освидетельствование рассматривается в качестве:

следственного действия, производимого в целях обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 179 УПК РФ);

медицинской процедуры, проводимой по постановлению следователя или дознавателя.

Освидетельствование в процессе проверки сообщения о преступлении, в первую очередь, позволяет обнаружить имеющие значение для дела:

следы биологического происхождения (кровь, слюна, сперма, рвотная масса, мозговое вещество и т. п.);

следы-вещества (частицы почвы, краски, пыли);

телесные повреждения (укусы, ожоги, ссадины, порезы и др.);

особые приметы – как сопутствующие с рождения (родимые пятна, разноцветность глаз, асимметрия лица), так и приобретенные в процессе жизнедеятельности (шрамы от хирургических операций, неизгладимые «украшения» тела – татуировки, художественные шрамы, пирсинг), имеющие значение для идентификации личности.

В соответствии с действующим в настоящее время уголовно-процессуальным законодательством в ходе производства освидетельствования поиск объектов может быть осуществлен исключительно на теле человека. К телу человека соответственно относится любая часть тела, а именно: голова, туловище, ноги и руки, включая естественные и иные отверстия в теле человека и отдельных его частях. При возникновении необходимости принятия мер к розыску и установлению аналогичных следов на одежде, личных вещах и документах применяется личный обыск [3].

Подводя итог, необходимо сказать, что в данной статье, на основе изучения современной научной литературы и судебно-следственной практики мы попробовали рассмотреть некоторые особенности производства следственных действий на этапе возбуждения уголовных дел различных категорий, в частности против жизни и здоровья населения, против собственности, в сфере незаконного оборота наркотиков.

1. Васюков В. Ф., Булыжкин А. В. Некоторые проблемы расследования уголовных дел о взяточничестве // Закон и право. 2015. № 1. С. 133–134.

2. Васюков В. Ф. Организационные и тактические особенности расследования грабежей и разбоев, совершаемых на открытой местности. Орел, 2011. – 217 с.

3. Васюков В. Ф. Особенности становления института освидетельствования в российском уголовном процессе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 5 (25). С. 69–73.

4. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Расследование посягательств на свободу личности: теоретические основы и практические особенности: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.

5. Клевцов В. В., Сретенцев А. Н. Проблемы расследования преступлений, связанных с распространением «дизайнерских» наркотиков: монография. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. 97 с.

6. Клевцов В. В. Некоторые особенности осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с распространением запрещенных курительных смесей // Наука и практика. 2014. № 2 (59). С. 67–70.

7. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58 / Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

8. Бадиков Д. А., Калюжный А. Н., Флоря Д. Ф. Особенности расследования отдельных видов преступлений: курс лекций. Орел: ОрЮИ МВД России, 2008. 166 с.

9. Бадиков Д. А., Булыжкин А. В., Калюжный А. Н., Флоря Д. Ф. Особенности расследования отдельных видов преступлений: курс лекций в 2 частях. Ч. 2. Орел: ОрЮИ МВД России, 2009. 166 с.

10. Сретенцев А. Н. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования краж автотранспорта: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2010. 248 с.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, следственные действия, осмотр места происшествия, освидетельствование, осмотр трупа.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ МОДЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НОВЫХ ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Ковалев Сергей Александрович,

*кандидат юридических наук, профессор РАЕ,
доцент кафедры криминалистической техники УНК ЭКД,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

Вехов Виталий Борисович,

*доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕ, профессор кафедры
юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы,
Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет),
105005, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1*

В статье рассмотрены особенности построения типовой компьютерной модели преступлений в сфере незаконного оборота новых опасных психоактивных веществ. Проанализированы понятие криминалистической информации и криминалистического моделирования в расследовании преступлений.

В любой области знания закономерным и необходимым является процесс модификации и трансформации основного понятия в модель в соответствии с целями и задачами, которые ставит перед собой конкретная наука. Моделирование есть метод опосредованного практического или теоретического оперирования объектом познания на основании абстрактного, логического мышления, при котором не исследуется объект познания, а используется вспомогательная система – модель, находящаяся в отношении аналогии с познаваемым объектом [1].

Мысленная криминалистическая модель – модель информационная (т. е. накопитель информации об исследуемом объекте, явлении, процессе), а также содержательная, отражающая свойства исследуемого явления, процесса или объекта. В ней находят отражение как качественные, так и количественные характеристики явления, процесса или объекта. Она замещает недостающие звенья, устраняет пробелы в объяснении фактов, способствует отысканию доказательств, их исследованию и, таким образом, раскрытию неизвестного. Модель упорядочивает полученную информацию в определенную систему и позволяет истолковывать и оценивать свойства и качества процесса, явления или объекта познания. С моделью можно проводить эксперименты в целях ее более глубокого изучения, а также ее элементов, не подвергая риску деформации реально существующий объект и воссоздавая уже уничтоженный, или объект, только прогнозируемый к появлению. Видимое преимущество модельного подхода к систематизации данных о преступной деятельности заключается и в четкой структуризации эмпирического материала в модели, представленного в виде алгоритма. Это позволяет положить мысленную модель в основу компьютерных программ по расследованию соответствующего вида преступной деятельности без дополнительной предварительной обработки

данных об этих преступлениях [2]. Заметим, что модель физически может быть представлена в виде автоматизированной информационной системы (АИС), в базах данных которой содержится соответствующим образом упорядоченная криминалистически значимая информация о преступном посягательстве. При этом структура баз данных должна быть приведена в соответствие с элементным составом типовой информационной модели отдельного вида преступлений, выделенного по криминалистическому основанию, например, в сфере незаконного оборота новых опасных психоактивных веществ. Алгоритм работы этой АИС должен максимально полно учитывать корреляционную зависимость между компьютерными моделями всех элементов, составляющих типовую информационную модель выделенных преступных посягательств [3]. В этом заключается симбиоз различных видов криминалистического моделирования, который должен в конечном итоге привести к созданию компьютерной системы – **автоматизированной методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота новых опасных психоактивных веществ**.

«Частная криминалистическая методика, – пишет А. С. Шаталов, – для практического использования должна быть ... видоизменена, максимально упрощена и представлена в виде совокупности криминалистических алгоритмов и программ расследования преступлений» [4]. Причем программа расследования может и должна содержать как формализованное, так и неформализованное криминалистическое знание [5]. По его мнению, криминалистический алгоритм – это «научно обоснованное предписание о выполнении в заданном порядке системы последовательных операций, рекомендуемых следователю для решения задач определенного типа» [6]. В связи с этим полагаем, что, *под программированием расследования нужно подразумевать*, в первую очередь, логически упорядоченные рекомендации, обеспечивающие эффективное раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота новых опасных психоактивных веществ, а во вторую – компьютерные программы расследования. Таким образом, моделирование является одним из эффективных средств разработки программ расследования.

«Переход в криминалистической методике от описательного способа изложения программ расследования к формализованным моделям в виде алгоритмов последовательности следственных действий, – писал И. А. Возгрин, – представляется важным моментом в совершенствовании частных методик» [7].

Полагаем, что методологической базой для создания криминалистических компьютерных моделей должен стать системно-структурный подход, который рассматривает деятельность как систему (в нашем случае – это автоматизированная информационная система. – С. К.), обеспечивает выделение ее элементов, прослеживает функции каждого из них и выявляет связи между ними (структуру системы). Использование принципов и методов этого подхода весьма актуально при анализе как криминальной, так и криминалистической деятельности. Его плодотворность подтверждена в процессе разработки различных форм типового информационного моделирования преступной деятельности.

Вместе с тем еще в 1987 году М. К. Каминский и А. Ф. Лубин разработали и обосновали схему, отражающую общую связь компонентов преступной деятельности и деятельности по выявлению и раскрытию преступлений [8]. В ее основу были положены три важнейших фактора, определяющих процесс раскрытия и расследования любого преступления:

1. Отраженная информация, которая существует объективно и характеризует преступную деятельность, всегда находится в потенциальной форме. От сотрудника органа предварительного расследования требуется не только обнаружить преобразованный преступной деятельностью объект, но и выполнить относительно его многие

физические и умственные действия, чтобы прочесть этот след. При этом не вся совокупность преобразованных объектов очевидна на начальном этапе, часть объектов существует в очень сложных формах (например, в электронно-цифровой форме – в виде компьютерной информации. – С. К.), поэтому выявить и зафиксировать их чрезвычайно трудно [9].

2. Любая преступная деятельность, в том числе в сфере незаконного оборота новых опасных психоактивных веществ, порождает не один, а множество объектов с преобразованным состоянием (согласно всеобщему свойству отражения материи). И в каждой фазе преступной деятельности образуется своя система следов, которая может изменить «состав и строение объекта (разрушения, царапины); энергетические параметры объекта; физиологические и биохимические характеристики состояния отдельного лица; информационные параметры системы...» [10].

3. Процесс взаимодействия преступной деятельности и деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений носит циклический характер.

Уточняя несколько упрощенный тезис Р. С. Белкина о том, что «применительно к процессу доказывания изменения в среде, как результат отражения в этой среде события, есть информация об этом событии, те самые фактические данные, с помощью которых только и можно судить о событии преступления» [11], В. Б. Вехов заметил, что *изменения в среде* – это, прежде всего, отражение, и оно, как свойство (признак), заложенное в отражающем объекте вследствие его взаимодействия с другими объектами, может быть и не востребовано человеком и не стать собственно информацией. В данном случае свойства этого отражающего объекта *являются фактом*, существующим вне и независимо от сознания человека. Факт, лежащий в основе информации, в научной литературе называется «*базовым фактом*» либо скрытой, «*потенциальной информацией*». Он (она) всегда подается на определенном носителе, которым может быть любое материальное тело. Иными словами, информация об объекте познания может быть воспринята познающим субъектом или техническим устройством, например компьютерным (при соответствующей ее обработке), и тем самым как бы «отделена» от ее первоисточника – отображения объекта познания. Из этого следует, что она может быть перенесена в пространстве, сохранена во времени, передана другому познающему субъекту или техническому устройству, а также подвергнута иным операциям [12].

Мы разделяем мнение А. Ф. Волынского и Е. Р. Россинской, согласно которому под информацией в криминалистике следует понимать фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующие способ его совершения, лиц, его совершивших, предметы преступного посяательства, орудия преступления и тому подобные обстоятельства. Такую информацию принято называть криминалистически значимой. Ее источниками являются самые разнообразные (материальные и идеальные) следы преступлений, а соответственно, и все следообразующие объекты [13].

По мнению М. Ш. Махтаева, «выявление такого рода данных и есть выявление информации, характеризующей событие преступления и отдельные его элементы, а выявление объектов, ее содержащих, есть выявление непосредственных, первичных источников информации – источников доказательств. На этом основании в криминалистике также принято говорить о получении информации от лиц, из материальных объектов или следов» [14].

Существенный недостаток изложенного подхода видится в том, что предметы и следы являются «немыми свидетелями» происшедшего события и сами по себе ни о чем «сообщить» не могут, но в них содержится так называемая потенциальная информация – информация, зафиксированная в своей первоначальной форме, но которая не используется для криминалистических целей. При этом потенциальная информация,

которая была «включена» в процесс выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, считается *актуализированной информацией*. Чтобы расшифровать, «прочитать» и воспринять потенциальную информацию, т. е. актуализировать ее, следователь или оперативный сотрудник должен изучить эти предметы и следы либо обратиться за помощью к специалисту (эксперту). Более подробно этот вопрос рассмотрел Н. С. Полевой, который сформулировал следующие важные положения[15]:

1. Отображение как носитель отобразившихся в нем данных о свойствах и признаках отображаемого объекта в акте познания может выполнять функцию источника сведения о нем, а также о механизме самого взаимодействия.

2. Под собственно информацией следует понимать данные, которые характеризуют объект познания и могут быть выделены познающим субъектом в том или ином отображении познаваемого объекта.

3. Несмотря на то что само по себе понятие «информация» относится к числу абстрактных (подобно понятиям «вещество», «энергия» и т. п.), проявляется информация всегда в материально-энергетической форме, в частности, в виде сигналов, которые могут иметь самую различную физическую природу. Сигнал в информационном процессе выполняет функцию переносчика информации от ее источника (объекта-оригинала) к приемнику и далее к субъекту – потребителю информации.

4. Передача информации является одной из фаз информационного процесса, присущего информационной системе.

5. Собственно информационный процесс начинается с восприятия и фиксации информации, содержащейся в том или ином источнике. Именно на этой стадии происходит формирование первичного образа воспринимаемого объекта и отделение полезной информации от шумов. Завершается он формированием сигнала, с помощью которого и передается информация. Это становится возможным в силу того, что сигнал, будучи каким-либо материальным процессом, например, импульсом электрического тока, электромагнитным колебанием, запахом, обладает определенной физической структурой, которую можно выразить в дискретной форме.

6. На принципе передачи информации с помощью таких сигналов, преобразованных в цифровую форму, основана работа ЭВМ. Однако такую способность ЭВМ приобретает лишь после того, как в ее память предварительно был введен класс специальных объектов (программ для ЭВМ, баз данных, автоматизированных информационных систем и др. – С. К.), признаки которых были выражены в той или иной искусственной системе обозначений или, иными словами, закодированы с помощью искусственных языков (языков программирования. – С. К.). Отсюда и принципиальное различие в восприятии объекта человеком и ЭВМ: человек субъективно воспринимает образ объекта, а ЭВМ – код различных признаков того же объекта, которые выделены и необходимы для решения машиной определенной задачи.

7. Информационный процесс в любой системе начинается с восприятия и выделения нужной информации, а сама информация представляет собой содержание сигнала, который был бы удобен для его передачи по соответствующим каналам связи. Они могут быть самой различной физической природы: механическими, оптическими, акустическими, тепловыми, воздушными, водными, электрическими, электромагнитными. Так, например, следователь и другие участники какого-либо следственного действия с помощью органов своих чувств (осознания, зрения, слуха, обоняния) убеждаются в наличии и характере фактов, имеющих доказательственное значение.

8. Передача информации как фаза информационного процесса есть не что иное, как перенос информации на расстояние, ее движение во времени и пространстве посредством того или иного сигнала. Прием информации является вторичным ее восприятием другим субъектом или другим принимающим техническим устройством. Соот-

ветственно, обработка информации тоже может осуществляться человеком или автоматом, в частности ЭВМ. Однако реализуется эта стадия информационного процесса человеком и машиной по-разному.

Сущность обработки информации машиной заключается в аналоговых или цифровых преобразованиях поступающих данных по жестким системам формальных правил (алгоритмам), выработанных человеком: во-первых, разработчиком программного обеспечения, во-вторых, – конкретным пользователем программ для ЭВМ. Человек, осуществляя смысловую и логическую обработку информации и ее оценку, не связан какой-либо жесткой системой формализованных правил. Именно этим, прежде всего, мышление человека отличается от способности ЭВМ осуществлять логические операции по заранее заданной программе.

9. Цепь информационного процесса завершается представлением информации ее потребителю тем или иным способом в той или иной объективной форме и принятием им какого-либо решения. В качестве потребителя могут выступать как человек, так и автомат, действующий по заранее определенной программе, в том числе ЭВМ и другое компьютерное устройство.

Продолжая мысль Н. С. Полевого, с позиций уголовно-процессуальной и криминалистической наук Р. С. Белкин формулирует следующий постулат: «Если информационный сигнал-доказательство выступает в предметной (вещественной) форме, то обязательным элементом исследования будет последующее перекодирование этого информационного сигнала до тех пор, пока его смысловое содержание не обретет доступной для субъекта познания формы. Если же информация поступает к субъекту в форме сообщения, то ее исследуют посредством рассмотрения сообщения» [16]. Исследование такой доказательственной информации осуществляется следователем, дознавателем, сотрудником органа дознания, прокурором, судьей и другими участниками процесса в ходе соответствующих действий, регламентированных уголовно-процессуальным законодательством.

Отметим, что разработка автоматизированной методики расследования преступлений в сфере незаконного нового оборота опасных психоактивных веществ должна опираться на типовую информационную модель преступной деятельности, которая служит основой для построения соответствующей компьютерной модели преступлений данного вида. С научных позиций последняя посредством компьютерного программирования реализует мысленную (абстрактную) модель преступной деятельности. При этом необходимо осознать, что автоматизация криминалистических моделей представляет собой не простой перевод криминалистически значимой информации в электронно-цифровую форму, информационных моделей – в их компьютерные аналоги, а осуществление криминалистической деятельности на качественно новом технологическом уровне, ее развитие и совершенствование.

Представляется очевидной и бесспорной необходимость разграничения методологии теоретического и практического познания в криминалистике, поскольку эти процессы направлены на решение различных задач, осуществляются разными субъектами, в различных условиях деятельности и разными познавательными средствами. Так, ученый-криминалист выявляет общие закономерности в исследуемом объекте, а сотрудник органа предварительного расследования и судебный эксперт устанавливают истину конкретного факта. В первом случае речь идет о научном обобщении с использованием методов вероятностно-статистической обработки определенного массива ранее установленных фактов (преступлений) в целях выявления существующих в этом массиве устойчивых закономерностей внутрисистемных связей, во втором имеется в виду процесс практического расследования, направленный на познание единичного неизвестного следователю факта. В первом случае применяются абстракция, обобщение, гипотеза,

вероятностно-статистическое и кибернетическое моделирование, во втором – наблюдение, построение версий, индуктивное исследование конкретных причинно-следственных связей и отношений [17].

Смешение продуктов научного и практического познания в одном понятии является грубой методологической ошибкой, отнюдь небезобидной в условиях уголовного судопроизводства. Практически оно равнозначно смешению правовых задач и фактических результатов расследования, подмене одного другим. К чему это приводит, к сожалению, хорошо известно из следственной и судебной практики, изобилующей случаями вынесения судебных решений и приговоров, основанных на неполных или некачественных результатах расследования [17].

1. Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. М., 1986. С. 193.
2. Телегина Т. Д. Оптимизация разработки частных методик расследования преступлений: опыт типового криминалистического моделирования [Электронный ресурс] / Официальный сайт Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. URL: [http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/telegina\(25-11-06\).htm](http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/telegina(25-11-06).htm).
3. Вехов В. Б., Ковалев С. А. Компьютерное моделирование при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации: учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, профессора Б. П. Смагоринского. Волгоград, 2014. С. 39–40.
4. Шаталов А. С. Понятие криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений // Государство и право. 2000. № 8. С. 36.
5. Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М., 2000. С. 25.
6. Шаталов А. С. Понятие криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений // Государство и право. 2000. № 8. С. 36.
7. Возгрин И. А. О соотношении следственных ситуаций и алгоритмов расследования преступлений // Вопросы профилактики преступлений. Л., 1977. С. 63.
8. Каминский М. К., Лубин А. Ф. Криминалистическое руководство для стажеров службы БХСС: учеб. пособие. Горький, 1987. С. 65.
9. Каминский М. К. Рефлексивный анализ и моделирование как средство преодоления тупиковых ситуаций расследования. Ижевск, 1998. С. 35.
10. Каминский М. К., Лубин А. Ф. Криминалистическое руководство для стажеров службы БХСС: учеб. пособие. Горький, 1987. С. 12.
11. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Общая теория криминалистики. М., 1997. Т. 1. С. 119.
12. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 58.
13. Волынский А. Ф., Россинская Е. Р. Криминалистическая регистрация. М., 1992. С. 3.
14. Махтаев М. Ш. Основы теории криминалистического предупреждения преступлений: монография. М., 2001. С. 194.
15. Правовая информатика и кибернетика: учебник / под ред. Н. С. Полевого. М., 1993. С. 27–31.
16. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. М., 2001. С. 78.
17. Ищенко Е. П., Колдин В. Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6. С. 131–132.

Ключевые слова: Компьютерная модель преступления, расследование преступлений, криминалистическая информация, криминалистическое моделирование.

УДК 343.98

РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ МИКРОСКОПИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЭТАПЫ

Коновалов Геннадий Георгиевич,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности,*

*Волгоградская академия МВД России,
400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

Прокофьева Елена Васильевна,

*кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры криминалистической
техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности,*

*Волгоградская академия МВД России,
400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

В статье рассмотрена история развития микроскопических исследований. Определены и выделены основные направления и этапы таких исследований. Выдвинуто предположение, что современная микроскопия из метода инструментального исследования в Науке преобразовывается в метод созидательного преобразования материалов, веществ и изделий.

Изучение истории развития микроскопических исследований позволило определить и выделить их основные направления и этапы.

Предыстория микроскопии длилась с древних времён и связана с изобретением очков в 1285 году.

Далее, в течение достаточно длительного времени, в научных и исторических источниках более существенного в развитии микроскопии не отмечается.

Первое направления микроскопических исследований – **оптическая** микроскопия, начинает развиваться с XVI–XVII века и продолжается примерно до середины XX века. Здесь можно выделить ряд этапов:

а) XVI–XVII века. Начало развития теории и практики микроскопических исследований, совершенствование микроскопической техники – Леонардо да Винчи, Галилео Галилей, Роберт Гук, Антони ван Левенгук, Роберт Гук. Создавались и так называемые «простые» микроскопы – в виде трубы, и составные – из нескольких частей;

б) XVIII век. Реализуется практическая идея Саллига о расчленении (разделении) на части линзы объектива. Она позволила многократно повысить увеличение микроскопа – до 500[×]–1000[×], наряду со значительным уменьшением aberrаций. Было достигнуто повышение разрешающей способности от двух до одного микрометра – 0,002–0,001 мм;

в) XIX век. Микроскопические исследования с опытного переходят на научный путь. Начало высокой научности было положено теоретическими исследованиями Е. Аббе – сотрудника фирмы «Карл Цейс», занимавшейся разработкой и созданием оптических инструментов и приборов в гражданских и военных целях. В то же время планомерно создавались и новые сорта оптического стекла. Тогда же была реализована идея масляной иммерсии, конструировались иммерсионные объективы. В 1859 году

были созданы иммерсионные объективы с апертурным углом $87,5^\circ$ [1]. Удалось повысить разрешающую способность до десятых долей микрометра;

г) в конце XIX–начале XX века началось совершенствование микроскопических исследований, основывавшееся на более глубоком научном понимании свойств электромагнитных излучений и их взаимодействии с веществом.

Развивается ультрафиолетовая, инфракрасная, поляризационная микроскопия.

1893 год – начало интерференционной микроскопии, основывающееся на трудах английского оптика Дж. Сиркса.

В 1935 году Ф. Зернике предложил использование метода фазового контраста для исследования слабо рассеивающих свет, прозрачных объектов.

Современные оптические микроскопы позволяют, реально, получить разрешение до 0,0002 мм.

Однако нельзя сказать, что развитие оптической микроскопии завершено. Ведутся успешные теоретические исследования практические разработки по совершенствованию таких исследований, на основе новейших научных данных, с применением самых современных материалов и технологий. В первую очередь они направлены на повышение экономичности и достижению полноты и объективности в исследовании различных объектов. В том числе и объектов судебных экспертиз.

Уже в начале XXI века – в 2006 году, основываясь на осмыслении результатов последних научных исследований в области фундаментальной физики и современных технологий получения и обработки материалов, немецкие ученые Штефан Хелль (Stefan Hell) и Мариано Босси (Mariano Bossi) из Института биофизической химии разработали совершенно новый прибор «флуоресцентный наноскоп», позволяющий наблюдать объекты с разрешением примерно в 15 нм. Размером, сопоставимом с размерами белковых молекул.

Принцип работы данного устройства состоит в том, что первичное изображение формируется с помощью весьма малой сферы, изготовленной из прозрачного кварцевого стекла. Это изображение, полученное с помощью такой микролинзы, увеличивает обычный оптический микроскоп.

Сегодня «наноскопы» достигли разрешения 1-10 нм [2].

Кроме того, на сегодняшний день разработаны и принципиально новые линзы – так называемые «металинзы» (meta-lens), изготавливаемые с помощью новейших технологий из материалов сегодняшнего дня.

Так, группой учёных из гарвардского университета созданы металинзы, представляющие собой кварцевые пластины, толщиной меньше человеческого волоса, на поверхности которых сформированы, расположенные упорядоченным образом, миллионы «столбиков» – структур из диоксида титана, размером: «несколько десятков нанометров × несколько сотен нанометров». Здесь, во-первых, отсутствуют сферические aberrации. Во-вторых, обладая значительно меньшими размерами, такие линзы имеют и числовую апертуру и разрешение на уровне лучших макролинз. Их эффективность достигает 99 % – теряется лишь 1 % проходящего через линзу светового потока. Оптические свойства материалов такого класса определяются его периодической структурой. То есть, как расположены эти своеобразные «костяшки домино» на поверхности пластины – под какими углами по отношению друг к другу развернуты массивы таких наноразмерных столбиков. Специфическая топография позволяет получать различные эффекты. Например, четко дифференцировать так называемые «хиральные» объекты. Хиральными называют объекты, которые нельзя совместить с их зеркальными отражениями путем переносов и поворотов. Например, руки человека – типичные хиральные объекты. Однако хиральными являются и некоторые молекулы – аминокислоты, алкалоиды, многие лекарства. Например, это алкалоид никотин и алкалоид цитизин, приме-

няемый в качестве средства для отвыкания от курения под фирменным наименованием «Табекс». То есть, если пропустить через среду, содержащую хиральные объекты поляризованный свет, то его поляризация изменится, и мы можем дифференцировать вещество от его зеркального изомера.

То есть, если пропустить через среду, содержащую хиральные объекты поляризованный свет, то его поляризация изменится, и мы можем дифференцировать вещество от его зеркального изомера.

Качество изображения фокусного пятна (поля изображения) металинзы примерно на 30 % выше, чем у лучших оптических объективов. Эти – отдельно взятые структурные группы – фокусируют свет определённой длины волны.

Все это позволяет наблюдать мельчайшие детали объекта. Хотя сегодня наилучшие рабочие характеристики металинзы демонстрируют в фиолетово-синей (405 нм), желто-зеленой (532 нм), красной (660 нм) областях видимой зоны электромагнитного спектра, намечены пути решения получения качественного изображения и в других видимых диапазонах.

Важно и тот факт, что при значительно превосходящих обычные линзы характеристиках, в том числе и размерных, цена металинзы премиум класса может быть снижена примерно до нескольких долларов. Для сравнения: цена объективов DSLR – камер из обычных линз достигает нескольких тысяч долларов.

Сфера применения металинз достаточно обширна – от объективов оптических микроскопов, до контактных линз, камер смартфонов, DSLR – камер.

Второе главное, после **оптического**, направление – **электронная** микроскопия, возникло в начале XX века.

Оно начинается с создания электронного микроскопа, как просвечивающего (1928–1931 гг.), так и сканирующего (1938 г.). В то же время ведется разработка и создание ионного микроскопа.

Третье направление – **зондовая** микроскопия, активно развивается в настоящее время.

Здесь можно выделить три этапа:

а) первый – ознаменовался созданием немецким физиком Э. Мюллером в 1936 г. «электронного проектора» (автоэлектронного микроскопа), и с создания в 1951 г. «ионного проектора» (автоионного микроскопа).

Электронный и ионный проекторы – безлинзовые приборы. Ионный проектор – field ion microscope, FIM. Полевая ионная микроскопия, автоионная микроскопия – микроскопия поверхности образца, основанная на использовании эффекта полевой десорбции атомов «изображающего газа», адсорбирующихся на исследуемую поверхность;

б) второй – начался с 1967 года, когда на основе автоионного микроскопа был создан автоионный микроскоп с атомным зондом «автоионная атомно-зондовая микроскопия»;

в) в 1981 году немец Герд Карл Бинниг и швейцарец Генрих Рорер из цюрихской лаборатории корпорации IBM (Zurich IBM Research) создали первый из направления «сканирующей зондовой микроскопии» (СЗМ) сканирующий туннельный микроскоп (СТМ). С его помощью удалось в реальном масштабе получить изображения поверхности кремния.

Развитие идей туннельной микроскопии, привело к созданию в 1986 году атомно-силового микроскопа (АСМ).

В 1986 году за открытие принципа туннельной, атомно-силовой и световой сканирующей микроскопии Г. Бинниг и Г. Рорер были удостоены Нобелевской премии в области физики.

На современном этапе в развитии **сканирующей зондовой микроскопии (СЗМ)** превалирует принцип полномасштабного, объективного, разностороннего исследования объекта.

Такая многомерность изысканий позволила получить эффекты, ставшие неожиданными даже для разработчиков новых методик исследования.

Сканирующий зондовый микроскоп регистрирует трехмерные параметры поверхности. В частности, АСМ не реагирует на изменение как оптических, так и электронных свойств – как в оптических и электронных микроскопах. Что позволяет получить объективную информацию об истинной топографии поверхности объекта исследования.

Методы микроскопии поверхностных свойств в АСМ, также позволяют регистрировать изменение поверхностных свойств образца, одновременно с получением изображения топографии его поверхности.

На основе принципа действия АСМ сегодня создано целое семейство сканирующих зондовых устройств и технологий.

К нему относятся: латерально-силовой микроскоп (ЛСМ), магнитно-силовой микроскоп (МСМ), электростатический силовой микроскоп (ЭСМ).

Сканирующая термальная микроскопия (СТерМ) позволяет визуально представлять локальные термофизические параметры поверхности объекта.

Близкопольная сканирующая оптическая микроскопия (БСОМ) – это разновидность сканирующих зондовых технологий. Вместо «зонда» – материального объекта, именуемого по разному: это и «игла», и «остриё», и «тип», используется зонд – «световая воронка». Видимый свет, из узкого конца световой воронки – диаметром $10\div 30$ нм либо проходит, либо отражается от образца. Детектор регистрирует в каждой точке измерений интенсивность оптического сигнала. Это позволяет создать очень точное изображение топографии поверхности. Разрешение, получаемое с помощью БСОМ ≈ 15 нм.

Таким образом, СЗМ позволяет исследовать широкий спектр физических свойств объектов – распределение магнитных полей, распределение статических зарядов, проводимость поверхности. Позволяет проводить и профилометрические исследования с очень высоким разрешением.

В 2009 году с помощью АСМ в цюрихской лаборатории IBM удалось получить четкую картину молекулы пентацена – органического соединения с шестью бензольными кольцами. Это удалось только потому, что с помощью АСМ имеется возможность фиксации межатомных связей. В электронной микроскопии из-за слабых проявлений их четкая и полная фиксация невозможна [3].

Представляется, что современная микроскопия из метода инструментального исследования в Науке шагнула в новую сферу – сферу созидания.

Например, наноитография – сегодня одна из высокоэффективных технологий СЗМ. Такая технология используется для направленного изменения – модификации – поверхности на атомном уровне – атом за атомом. В первую очередь применение такой технологии направлено на создание новейших материалов с совершенно новыми свойствами: например магнитной памяти, один бит которой будет иметь основу в виде всего 12 атомов [3, с. 55].

То есть: наука XXI века реально стала мощной и действенной производительной силой.

1. Рыдник В. И. Увидеть невидимое. М.: Энергоиздат, 1981. С. 24.

2. Естественно-научные методы судебно-экспертных исследований: учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 162.

3. Макаров О. Космос на игле // Популярная механика. 2013. № 1 (123). С. 52–55.

Ключевые слова: микроскопические исследования, направления микроскопических исследований, этапы микроскопических исследований, оптическая микроскопия, зондовая микроскопия, сканирующая зондовая микроскопия.

УДК 343.98

О НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Коновалов Геннадий Георгиевич,

кандидат юридических наук, доцент,

*доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности,*

*Волгоградская академия МВД России,
400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

Кирюхина-Цешке Кира Петровна,

старший преподаватель кафедры исследования документов

учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности,

*Волгоградская академия МВД России,
400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

В статье рассматриваются актуальные проблемы корректного понимания и практической реализации положений нормативно-правовых актов, регламентирующих государственную судебно-экспертную деятельность в Российской Федерации. На основе оценки и анализа содержания нормативных актов выдвигается предложение по выработке Концепции либо Программы судебно-экспертной деятельности, единой для всего правового поля Российской Федерации.

Нормативно-правовые основы, регламентирующие судебно-экспертную деятельность, как законодательно-процессуальную, так и служебно-ведомственную базируются на Конституции Российской Федерации [1], Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2], других федеральных законах. Регламентируются они и локальными нормативными актами различных правоохранительных структур. Вступившие в законную силу приговоры и решения различных судов: уголовного, гражданского, арбитражного, административного, — основываются на доказательствах, устанавливаемых в ходе проведения различных следственных и судебных действий.

Все нормативные акты, регламентирующие судебно-экспертную деятельность в Российской Федерации, сегодня можно определить, как находящиеся в границах трёх условно поименованных групп: 1) законодательно-процессуальной; 2) технологически и технически-инструктивной; 3) служебно-ведомственной.

Неправильно будет говорить, что границы здесь строго обозначены и четко формально определены. Положения нормативных актов во всём пространстве исследуемой проблемы взаимосвязаны: они и взаимопроникающие, и дополняющие.

«Законодательно-процессуальная» группа представлена Конституцией Российской Федерации, Федеральными законами, процессуальными кодексами, регламентирующими основы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

В группе «технологически, технически-инструктивной», представлены нормативные основы федерального масштаба, по использованию естественно-научных и

иных методов и средств проведения исследования (средств измерений), регламентации деятельности судебно-экспертных лабораторий. Что касается относящихся к этой же группе типовых и частных экспертных методик исследования вещественных доказательств, то здесь наблюдается определенная ведомственная специфика.

«Служебно-ведомственная» включает в себя федеральные законы, и нормативные акты правоохранительных структур, конкретизирующие локальные ведомственные направления судебно-экспертной деятельности.

В соответствии с п. «р» ст. 71 Конституции РФ [1]: «В введении Российской Федерации находятся... р) ... стандарты, эталоны, метрическая система и исчисление времени...». Это положение более подробно раскрывается в подп. 3 п. 1 ст. 1 Федерального закона от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» [3], где указано на то, что потребности граждан, общества и государства в целях защиты жизни и здоровья граждан, охраны окружающей среды, животного и растительного мира, обороны и безопасности государства являются приоритетными и обеспечиваются закрепленными в этом законе положениями.

В подп. 16 п. 3 ст. 1 данного закона говорится о том, что в сферу государственного регулирования обеспечения единства измерений включены и измерения, производимые при выполнении поручений суда, органов прокуратуры, государственных органов исполнительной власти.

Данное положение распространяется на все виды криминалистических исследований, в том числе и на производство судебных экспертиз, в масштабе Российской Федерации. В ходе проведения криминалистических исследований используются как достаточно широко распространённые, простые средства измерений, так и весьма сложные – приборы, устройства, системы в том числе и программно-измерительные комплексы. Специальные обязательные требования к этим системам, и оценка их соответствия таким требованиям урегулированы законодательством о техническом регулировании [4].

Этим законодательством обязан руководствоваться эксперт-криминалист и при проведении исследований объектов промышленного и кустарного производства, различных объектов живой и неживой природы, так как существуют обязательные нормативные требования к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации или утилизации, выполнения работ или оказания услуг.

Гостами определены и требования к компетенции, требования к документации, требования к методикам и методам исследования, требования к стандартным и исследуемым образцам, требования к обеспечению качества результатов, требования к отчетности о результатах исследования, требования к отбору образцов, иные дополнительные требования, в том числе информация, востребованная специальными методами испытаний, указания на оценённую неопределённость измерений, мнения и толкования и другое [5, с. 26–53].

Так, разработана и принята 2 марта 2005 г. «Система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы –РОСС RU. В175.04ОЭОО» [6].

Нормативно предусмотрена и процедура оценки соответствия: ГОСТ Р 8.674-2009 ГСИ. Общие требования к средствам измерений и техническим системам и устройствам с измерительными функциями.

Нормативно определены требования к основам организации и функционирования лабораторий судебно-экспертных исследований. Они определены национальными стандартами: ГОСТ 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий» [7]; ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025-2006 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий» [8].

В свою очередь, методики производства измерений специально разрабатываются и аттестовываются по ГОСТ Р 8.563-2009 «Методики (методы) измерений» [9].

Однако ни Конституция Российской Федерации, ни Федеральные законы не конкретизируют формулировок о средствах и методах судебно-экспертных исследований, родах (видах) судебных экспертиз. Хотя об этом достаточно подробно, хотя и разнoplановo, говорится в локальных нормативных актах.

Например, в законе «О полиции», приводится лишь градация: «технические средства» и «специальные средства». Названы: «информационные системы, видео- и аудиотехника, кино- и фотоаппаратура».

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет научно-технические средства, используемые в ходе проведения следственных действий, не именуя применяемых методов исследования. В ч. 8 ст. 166 УПК РФ [10] сказано: «К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киоленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственных действий, а также электронные носители».

Гражданский [11] и арбитражный процессуальные кодексы Российской Федерации [12] устанавливают, что доказательства могут быть получены из заключений экспертов. Статья 26.2 «Доказательства» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [13], к доказательствам относит заключения экспертов и показания специальных технических средств. Но и в них не называются конкретно применяемые методы и средства исследования. Отметим и то обстоятельство, что существует и проблема недостаточного освещения процессуальных моментов производства судебной экспертизы. Например, проведения экспертизы в присутствии участников процесса.

С другой стороны, указанные во всех этих законах «технические средства», «специальные средства и специальные технические средства» в разных ведомствах именуется более специфично, чем вышеприведённый термин – «научно-технические средства». Соответственно, в таких локальных документах их статус определён более конкретно. Например, в Приказе МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» [14] это: «техничко-криминалистические средства и методы» и «экспертно-криминалистические методы и средства». П. 31, п. 34 Приложения № 1 к Приказу МВД России № 511 [15] регламентирует необходимость при оформлении заключения эксперта в процессе производства судебной экспертизы отражать содержание и результаты исследований с указанием примененных методов и использованных технических средств с приведением краткой характеристики использованных устройств, материалов, режимов съёмки и печати, а для средств цифровой фотографии – вид, модель, производитель использованного аппарата; вид, наименование, версия программного обеспечения, режим получения и печати изображений.

Очевидно, что перечисленные в законе принципы судебно-экспертной деятельности: законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники, приоритетны и распространяются на применение технико-криминалистических методов и средств не только при проведении следственных и судебных действий, но и в оперативно-розыскных мероприятиях, в других областях жизни и деятельности государства и общества [16; 17].

То есть, везде – в законах, в кодексах, в нормативных актах должно прослеживаться единство в определении сути содержания, толковании и применении соответствующих наименований – терминов, определений.

В законе [2] указано, что: «Механизм обеспечения единого подхода реализуется через утверждение методик, проведение поверки оборудования и совершенствование системы профессиональной подготовки и повышения квалификации экспертов, завершающим этапом которой является аттестация государственных судебных экспертов на право самостоятельного производства судебной экспертизы». Однако в разных правоохранительных структурах Российской Федерации действуют свои, отличающиеся по содержанию нормативные акты, регламентирующие деятельность по организации и производству судебной экспертизы, профессиональной подготовке и специализации экспертов, используются свои, ведомственные наименования тех или иных элементов судебно-экспертной деятельности.

Наверное, такими несоответствиями вызываются к жизни «совместные приказы» различных правоохранительных структур, отдельно определяющие и конкретизирующие законодательные положения. Хотя, казалось бы, эти положения должны быть едино, однозначно понимаемые, разделяемые всеми задействованными ведомствами.

В криминалистической теории представлены различные классификации судебных экспертиз с различными наименованиями их родов и видов. Нами уже отмечалась не вполне достаточная научная обоснованность подходов к построению некоторых из них [18].

Заметим, что в отдельных классификациях отражаются, надо полагать, «ведомственные» предпочтения авторов. Сравните, например, наименование родов и видов судебных экспертиз, в Приказе МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [15] и в Приказе Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» [19].

Так как в настоящее время судебные экспертизы выполняются как сотрудниками экспертных учреждений различных ведомств, так и независимыми экспертами, считаем, что по направлению судебно-экспертной деятельности государства, во всех правоохранительных структурах должен быть обеспечен единый подход – как в целом, так и в частности.

Именно с точки зрения корректного понимания и применения законодательных установлений в ходе судебно-экспертной деятельности, хотелось бы коснуться ещё одного, весьма важного обстоятельства.

В Приказе МВД России от 6 июля 2012 г. № 681 «Об условиях замещения отдельных должностей среднего, старшего и высшего начальствующего состава лицами, не имеющими высшего профессионального юридического образования» [20] указывается: «1. Установить, что должности среднего, старшего и высшего начальствующего состава, выполнение обязанностей по которым предусматривает расследование или организацию расследования уголовных дел, административное расследование, рассмотрение дел об административных правонарушениях либо проведение антикоррупционных и правовых экспертиз, в исключительных случаях могут назначаться лица, не имеющими высшего профессионального юридического образования, при соблюдении следующих условий: 1.1 Наличие высшего профессионального образования, не являющегося юридическим, полученного в военном образовательном учреждении профессионального образования, подтверждённого соответствующим документом государственного образца...». Эти же условия в приказе распространяются на лиц с высшим профессиональным педагогическим, высшим профессиональным техническим, высшим

иным профессиональным образованием, на лиц, имеющих учёную степень по юридической специальности, либо с другим высшим профессиональным образованием, не являющимся юридическим.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [21] сказано: «5. В тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определённую территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследования ... её производство может быть поручено ... негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, вуза, иной организации, обладающим специальными знаниями и имеющим в распоряжении необходимое экспертное оборудование...» «12. В необходимых случаях, когда исследование выходит за пределы компетенции одного эксперта или комиссии экспертов ... может быть назначено производство комплексной экспертизы, осуществляемой несколькими экспертами на основе использования разных специальных знаний. ... Если эксперт обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое заключение по исследуемым им вопросам». (Подчеркнуто нами – К. П. Кирюхина-Цешке, Г. Г. Коновалов).

Исходя из этого, представляется, что лицо, обладающее высшими профессиональными знаниями – педагогическими, техническими или другими, полученными до службы в правоохранительных органах – например в ОВД МВД Российской Федерации, имеет право применять эти знания на практике, в том числе и при производстве судебных экспертиз. Например, если лицо, кроме высшего профессионального образования имеет свидетельство на право самостоятельного производства определённых видов (родов) судебных экспертиз. Убеждены, что в данном случае никаких сомнений в правомерности дачи единого заключения по произведённой комплексной экспертизе нет.

А если лицо обладает специальными знаниями, имеет опыт практической деятельности по определённым направлениям исследований, располагает необходимым экспертным оборудованием, а право на проведение какой-либо определённой, конкретной криминалистической экспертизы отсутствует?

Можно смоделировать ситуацию, когда лицо участвует в производстве комплексной судебной экспертизы: «техничко-криминалистической экспертизы документов и исследования материалов письма и документов». В соответствии с Приказом МВД России № 511 [15], содержанием «техничко-криминалистической экспертизы документов» является «исследование документов и их реквизитов, технических средств, использованных для их изготовления». Положениями приказа «исследование материалов письма и документов» входит в другой род экспертизы – «экспертизы материалов, веществ и изделий (физико-химической)». И вот, у лица имеется допуск к проведению технико-криминалистической экспертизы документов, а «материаловедческого» допуска – по материалам письма и документов – нет.

А до службы в должности эксперта в ОВД, до получения свидетельства на право выполнения технико-криминалистической экспертизы документов, лицо окончило вуз по специальности 18.03.01 – «Химическая технология», или 04.05.01 – «Фундаментальная и прикладная химия» Российского химико-технологического института имени Д. М. Менделеева. Либо по специальности 04.03.01. – «Химия» Московского государственного университета тонких химических технологий, либо по специальности 05.17.00 «Химическая технология», Московского университета имени С. Ю. Витте, вид

диплома – «Кандидат наук». Кроме того, лицо имеет опыт практической деятельности по этим специальностям.

Очевидно, что в данном случае, при исследовании документов, и при исследовании материалов письма и документов, эксперт вправе дать единое заключение по этой комплексной экспертизе [22, с. 130–132]. Ведь в данном случае, он обладает достаточной и компетенцией, и компетентностью [23, с. 21] для решения поставленных вопросов.

Но всегда эксперт обязан придерживаться положений, установленных экспертными методиками.

Таким образом, в настоящее время работа по совершенствованию нормативно-правовой базы судебно-экспертной деятельности продолжается. Очевидно, что она приносит и плодотворные результаты [24].

Все же, представляется, что отсутствие соответствующей – Концепции либо Программы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации не способствует здесь повышению производительности труда. Проекты этих документов, их обоснование, должны быть подвергнуты тщательному широкому профессиональному обсуждению. Именно здесь и заключается отправная точка по выработке общегосударственной, а не отдельно взятой – ведомственной, парадигмы судебно-экспертной деятельности.

Тем более, что такая концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, строго научная теория, воплощенная в системе понятий, должна максимально соответствовать и общеевропейской.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ: ред. от 25 ноября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об обеспечении единства измерений. [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О техническом регулировании [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Естественно-научные методы судебно-экспертных исследований: учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.

6. «Система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы – РОСС RU. В175.04ОЭОО».

7. ГОСТ 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий».

8. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025-2006 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий».

9. ГОСТ Р 8.563-2009 «Методики (методы) измерений».

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Коновалов Г. Г., Леонтьев С. В. О необходимости построения единой классификации судебных экспертиз // Совершенствование законодательства: проблемы толкования и правоприменения: сб. науч. тр. Волгоград: ВА МВД России, 2012.

19. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России [Электронный ресурс]: Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Об условиях замещения отдельных должностей среднего, старшего и высшего начальствующего состава лицами, не имеющими высшего профессионального юридического образования [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 6 июля 2012 г. № 681. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. О судебной экспертизе по уголовным делам [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Барина О. А. Криминалистические исследования реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016. 290 с.

23. Зинин А. М., Омельнюк Г. Г., Пахомов А. В. Введение в судебную экспертизу. Серия «Библиотека юриста». М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2002.

24. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58 / Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

Ключевые слова: нормативно-правовые основы судебно-экспертной деятельности; принципы государственной судебно-экспертной деятельности; методы и средства судебно-экспертной деятельности; техническое регулирование; судебно-экспертные лаборатории; парадигма судебно-экспертной деятельности.

УДК 343.98

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ВОЗНИКШЕГО НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ПЕРЕЕЗДЕ

Крючкова Валентина Феликсовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики,

Пятый факультет повышения квалификации

Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск),

Академия Следственного комитета Российской Федерации,

680006, г. Хабаровск, ул. Ангарская, д. 11

В статье автор рассматривает некоторые проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при расследовании дорожно-транспортных преступлений, возникших при пересечении автотранспортом железнодорожных путей. Рассмотрены особенности изучения сведений о личности водителя автотранспорта, совершившего ДТП, изучение которых при расследовании указанных преступлений, по нашему мнению, может способствовать объективному расследованию дел данной категории.

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения на железнодорожном переезде продолжает оставаться достаточно острой.

Лица, совершившие происшествия на железнодорожном переезде, нередко рассматриваются в качестве «жертв» дорожного движения, однако в отношении их справедливо применяются, нередко весьма суровые, уголовные санкции. Это объясняется не только объективной стороной преступлений, посягающих на жизнь и здоровье людей и сопровождающихся человеческими жертвами, но и субъективной стороной, когда управлявшие автомобилем лица пренебрегали и грубо нарушали Правила дорожного движения, находились в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения [1].

ОАО «Российские железные дороги» во взаимодействии с органами внутренних дел на транспорте и другими транспортными организациями реализовывают профилактические меры, направленные на минимизацию риска травмирования в зоне движения поездов. Одним из направлений такой работы является проведение во всех регионах России оперативно-профилактических мероприятий, таких как «Осторожно – поезд!», «Безопасность», «Граффист» и др. Только в первом полугодии 2015 г. отделами внутренних дел на транспорте (ОВДТ) проведено около 9 тыс. рейдов и специальных мероприятий [2].

Однако в организации и обеспечении высокого качества расследования происшествий на переезде решены далеко не все вопросы.

Изучение сведений о личности водителя автотранспорта, совершившего ДТП на железнодорожном переезде, знание которых необходимо при расследовании указанных преступлений, по нашему мнению, может способствовать расследованию дел данной категории.

Сам факт совершения преступления характеризует данную личность как антиобщественную и является основанием для социальной оценки личности преступника и изучения данного элемента криминалистической характеристики происшествий, возникших на железнодорожном переезде.

Следовательно, характер преступления находится во взаимосвязи и взаимозависимости с некоторыми качествами и свойствами личности, т. е. характер преступного события обуславливается определенными чертами личности преступника, например: пол; возраст; стаж работы; образование; специальность; опыт совершения правонарушений (преступлений) [3].

Так, анализ уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений, позволил разграничить круг лиц, совершивших происшествие на железнодорожном переезде, на следующие категории:

- 1) лицо, непосредственно управляющее автомобилем;
- 2) лицо, управляющее железнодорожным транспортом;
- 3) лицо, не принимающее непосредственного участия в управлении транспортными средствами, но обеспечивающее безопасность движения и эксплуатации указанных видов транспорта;
- 4) лицо, осуществляющее контроль (руководство) за безопасностью движения через переезд [4].

Целесообразно более детально остановиться на лицах, непосредственно управляющих автомобилем, поскольку, исходя из статистических данных, 96 % ДТП на железнодорожном переезде, совершаются именно по их вине.

Важным элементом характеристики лиц, совершивших дорожно-транспортное происшествие на переезде, является наличие информации о ранее совершаемых нарушениях установленных правил дорожного движения (неоднократность совершения противоправных поступков).

Изучив материалы служебных проверок, проводимых сотрудниками ГИБДД Хабаровского края, Приморского края, Амурской области, Еврейской автономной области, Республики Саха, нами были получены сведения о лицах, ранее совершавших противоправные действия на дороге.

Так, 16 апреля 2015 г. на регулируемом железнодорожном переезде Октябрьской железной дороги в Выборге Ленинградской области в результате столкновения локомотива и пассажирского автобуса погибли 3 человека, более 30 пострадали. Был проведен следственный эксперимент, который показал, что устройства инфраструктуры железнодорожного транспорта работали и были в исправном состоянии. Единственное замечание, которое было высказано, это то, что данный переезд имеет энергоснабжение от внешних источников питания. Как выяснилось, за двадцать с лишним лет водительского стажа водитель автобуса нарушал правила дорожного движения 62 раза. Его даже лишали прав за езду в пьяном виде [5].

Следует отметить, что, рассматривая категорию водителей автомобиля, совершивших происшествие на переезде, важное значение имеет мотивация водителя к нарушению Правил дорожного движения.

Так, в результате проведения рейда, организованного руководством ОАО «РЖД», в котором участвовали представители средств массовой информации, вместе с сотрудниками ГИБДД г. Хабаровска, был выявлен ряд водителей автомобильного транспорта, нарушивших правила проезда через железнодорожный переезд. На вопрос о причине нарушения правил, водители не смогли дать четких и вразумительных ответов. Основная масса нарушителей отвечала «думал, проскочу...» или «так поезда же не было...».

О неопределенности мотивации водителей-нарушителей свидетельствует и проведенный нами опрос следователей, занимающихся расследованием происшествий на железнодорожном переезде. Так, в результате проведенного опроса, водителям автотранспорта, совершившим ДТП на переезде (исходя из 100 % опрашиваемых автоводителей), присущи такие нравственно-психологические черты, как:

- беспечность, легкомыслие, неосмотрительность (64 %);
- самоуверенность (94 %);
- неумение объективно оценивать ситуацию (43 %) [4].

Так, 1 июня 2015 года в 12.07 по московскому времени на железнодорожном переезде на станции Мучная Дальневосточной магистрали водитель легкового автомобиля, выполняющий заказ местного такси, выехал на железнодорожный переезд перед

приближающимся грузовым поездом. Сначала водитель остановился перед переездом, пропуская движущийся поезд. Затем, не дождавшись отключения сигнализации и не обратив внимания на приближающийся грузовой состав, выехал на пути. Машинист поезда применил экстренное торможение, но расстояние было недостаточным и столкновения избежать не удалось. В результате ДТП водитель такси и две его пассажирки погибли [6].

Кроме того, изучая личность авто водителя, необходимо остановиться на таком факте, как нахождение в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

УК РФ до 2008 года не включал в себя особых предписаний, касающихся влияния опьянения на меру ответственности лица. Практикой исключение опьянения из числа отягчающих обстоятельств воспринималось негативно. Пленумом Верховного Суда РФ неоднократно обращалось внимание на то, что опьянение исключено из перечня отягчающих обстоятельств [7]. В правовой теории, напротив, появилось мнение о возможности признания опьянения смягчающим вину и ответственность фактором [8].

По нашему мнению, нахождение водителя автотранспорта в состоянии опьянения свидетельствует о пренебрежении к установленным правилам поведения и общепризнанным нормам морали и должно оцениваться как отягчающее вину обстоятельство.

Анализируя данную проблему, законодатель внес соответствующие изменения в ст. 264 УК РФ, существенно отягчающие ответственность водителей, совершивших ДТП в состоянии опьянения [9]:

- водители, совершившие ДТП в состоянии алкогольного (или иного) опьянения, должны быть лишены водительских прав сроком не менее чем на 3 года;
- за совершение ДТП в состоянии алкогольного (или иного) опьянения, повлекшем смерть одного лица, – назначить наказание в виде лишения свободы на 7 лет;
- за совершение ДТП в состоянии алкогольного (или иного) опьянения, повлекшем смерть двух и более лиц, – лишение свободы от 7 до 9 лет.

Принятие такого изменения в уголовное законодательство, по нашему мнению, было абсолютно справедливым. Однако мы считаем, что лица, совершившие подобные дорожно-транспортные преступления, должны быть лишены водительских прав на более длительный срок во избежание подобных преступлений в дальнейшем.

Вместе с тем необходимо отметить, что сотрудники правоохранительных органов, на сегодняшний день сталкиваются с процессуальными и правовыми трудностями выявления и освидетельствования водителей, находящихся в состоянии наркотического опьянения.

По данному поводу считаем, что сотрудник правоохранительных органов, обнаруживший определенные признаки наркотического опьянения, должен уметь подробнейшим образом описать свои наблюдения в протоколе задержания или рапорте. Кроме того, в обязательном порядке должно быть проведено освидетельствование, с составлением акта медицинского освидетельствования, протокола освидетельствования, в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства; заключение судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, установление наличия алкогольного или наркотического опьянения водителя в момент совершения им дорожно-транспортного происшествия на железнодорожном переезде имеет существенное значение для правильной квалификации содеянного.

1. Егорова В. Ф. Особенности первоначального этапа расследования происшествий, возникающих при пересечении автотранспортом железнодорожных путей: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 4–5.

2. Пичененко В. Г. Основы безопасности и правила поведения на железной дороге: метод. пособие, 2015. С. 5.
3. Егорова В. Ф. Особенности первоначального этапа расследования происшествий, возникающих при пересечении автотранспортом железнодорожных путей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 12.
4. Егорова В. Ф. О личности преступника, виновного в происшествии на железнодорожном переезде // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2009. № 1 (11). С. 17.
5. URL: https://www.1tv.ru/news/2015/04/16/23472v_vyborge_vyyasnyayut_obstoyatelstva_dtp_na_zheleznodorozhnom_pereezde_gde_poezd_stolknulsya_s_avtobusom.
6. URL: <http://trud-ost.ru/?p=356247>.
7. О практике назначения судами уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 11 июня 1999 г. № 40 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 1999. № 8 (п. 6); О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 11 января 2007 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2007. № 4 (п. 10).
8. Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности: учеб. пособие. М.: Закон и право; ЮНИТИ, 1998. С. 204.
9. О внесении изменений в статью 264 УК РФ [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: железнодорожный переезд, дорожно-транспортное происшествие, дорожное движение, автоводители, состояние опьянения.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ, ОБЪЕКТЕ И ЗАДАЧАХ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Кудряшов Дмитрий Александрович,
адъюнкт ФПНП и НК по кафедре оружейведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В данной статье рассмотрен круг понятий и терминов, относящихся к теоретическим основам комплексной экспертизы. Определено содержание предмета и объекта комплексной экспертизы, позволяющее выделить комплексную экспертизу как особый вид судебной экспертизы. Обозначены и раскрыты задачи комплексной судебной экспертизы.

В судебной экспертологии на современном этапе ее развития повышенное внимание уделяется вопросам комплексной экспертизы и ее научным основам. Одним из теоретических вопросов является вопрос определения предмета, объекта и задач комплексной судебной экспертизы. Определение данных понятий позволяет выделить комплексную экспертизу как особый вид судебной экспертизы.

Однако в процессуальном понимании данного вопроса возникает коллизия, т. к. в ст. 23 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73 «О государственной судебно-

экспертной деятельности в Российской Федерации» комплексная экспертиза рассматривается как разновидность комиссионной. В связи с этим некоторые ученые процессуалисты рассматривали комплексную экспертизу в данном контексте, что вызывает дискуссии в теории судебной экспертизы.

С позиции практической деятельности в теории судебной экспертизы под предметом экспертизы принято понимать фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые на основе использования специальных научных знаний и исследования материалов дела в ходе производства экспертизы. Так как основным признаком комплексной экспертизы является использование при ее производстве разных областей научных знаний или разных экспертных специальностей, то предметом комплексной экспертизы можно считать фактические данные, устанавливаемые на основе использования разных областей научных знаний или экспертных специальностей в ходе ее производства.

Предмет судебной экспертизы принято разделять на предмет класса, рода, вида, подвида судебной экспертизы и предмет конкретной экспертизы. Например: предмет комплексной судебной медико-трасологической экспертизы, как самостоятельного вида судебных экспертиз, определяется объектами комплексной судебной медико-трасологической экспертизы и кругом вопросов, решаемых в ее рамках. Объекты экспертного исследования и круг экспертных вопросов определяются методикой экспертного исследования. Если методика отсутствует, а в случае с комплексными экспертизами это встречается довольно часто, они определяются методическими рекомендациями, приведенными в специальной и научной литературе, или типовыми методиками отдельно судебно-медицинской и трасологической экспертизы. Предмет конкретной комплексной судебной экспертизы предопределяется конкретным объектом экспертного исследования (например, футболкой со следами крови, изъятой у подозреваемого гр. N) и конкретными экспертными вопросами, сформулированными в постановлении о назначении комплексной судебной экспертизы (например, вопросами, поставленными перед комиссией экспертов в постановлении о назначении комплексной судебной медико-трасологической экспертизы по уголовному делу № 000001/01).

Таким образом, предмет конкретной комплексной судебной экспертизы всегда является частью предмета комплексной судебной экспертизы, как самостоятельного класса, рода, вида и подвида судебных экспертиз.

С позиции научной деятельности в теории судебной экспертизы под предметом экспертизы принято понимать закономерности формирования, отображения и изменения свойств объектов в процессе совершения преступного деяния. Н. П. Майлис выделяет следующие группы закономерностей [4]:

- фундаментальные закономерности, общие для всех видов экспертиз;
- закономерности «пограничного» характера;
- собственно предметные закономерности отдельных родов экспертиз.

Представляется, что предметом комплексной экспертизы с позиции научной деятельности являются закономерности «пограничного» характера, формирующие, отображающие и изменяющие свойства объектов экспертного исследования в ходе ее производства. Закономерности «пограничного» характера включают в себя закономерности науки судебной экспертизы и закономерности наук, с которыми она взаимодействует (например, трасология и судебная медицина, судебная баллистика и химия, психология и судебная психиатрия и т. д.). Так, например, предметом комплексной судебной медико-трасологической экспертизы являются закономерности науки судебной медицины и трасологии.

Обобщение специальной и научной литературы показывает, что не все авторы однозначно подходят к трактовке содержания понятия предмета экспертизы. Так,

например, с точки зрения А. Р. Шляхова, предметом экспертизы являются факты, обстоятельства уголовного или гражданского дела, подлежащие установлению с помощью специальных познаний. Когда же говорят о предмете конкретной экспертизы, то имеют в виду обстоятельства (фактические данные), устанавливаемые на основе специальных познаний по вопросам, которые ставятся на разрешение экспертизы [2].

Р. С. Белкин, расширяя понятие предмета судебной экспертизы, относил к нему фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые на основе специальных познаний и исследования материалов уголовного либо гражданского дела. Он подчеркивал, что предмет судебной экспертизы предопределяется объектом экспертного исследования и вопросами следователя (суда) [1].

И. Л. Петрухин, Л. Е. Ароцкер, Ф. Э. Давудов, В. В. Аксенова и другие определяли предмет экспертизы как совокупность решаемых экспертизой задач [3].

Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин подчеркивают: предмет судебной экспертизы составляют фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в гражданском, административном, уголовном и конституционном судопроизводстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла [7].

Таким образом, проанализировав научную литературу относительно предмета судебной экспертизы, мы предлагаем определять **предмет комплексной судебной экспертизы** как систему фактических данных (фактов, обстоятельств), установленных посредством интеграции различных экспертных специальностей, имеющих значение для уголовного или иного дела, определяемых экспертами при комплексном решении пограничных (смежных) вопросов, связанных с исследуемым объектом или однородной группы объектов [9].

Под объектом экспертного исследования принято понимать материальный или идеальный объект, содержащий информацию, необходимую для решения экспертной задачи. При производстве судебных экспертиз к исследуемым объектам можно отнести: людей (обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и т. д.); различные материальные предметы (обувь, одежда, орудия преступления, транспортные средства и т. д.); животных; растения; участки местности; помещения; различные следы (рук, ног, зубов и других частей тела человека, предметов его одежды, обуви, орудий взлома, частей оружия на пулях и гильзах и т. п.); копии этих следов в виде слепков, отпечатков, фотоснимков; различные документы и их копии и другие.

Исходя из их процессуального значения объекты судебной экспертизы делят на [6]:

- 1) объекты – вещественные доказательства;
- 2) объекты – образцы для сравнительного исследования;
- 3) материалы дела, содержащие сведения, относящиеся к предмету экспертизы.

Относительно комплексной судебной экспертизы, М. С. Шуваева, например, в своей диссертации [8] приводит следующий критерий классификации объектов комплексной экспертизы: исходя из того, что объекты комплексной экспертизы представляют собой многозначную и многомерную систему свойств и отношений предметов и явлений объективной реальности, отображающих в следах или частях целого информацию об обстоятельствах расследуемого события, они могут быть разделены на следующие виды:

- 1) вещественные доказательства, то есть предметы, приобщенные в этом качестве к уголовному делу;
- 2) документы, как особый вид доказательств;
- 3) живые лица;

4) объекты, не имеющие определенного процессуального статуса (например, место происшествия);

5) процессы (явления, события, действия).

На основании всего вышеизложенного мы предлагаем следующее авторское понятие: **объект комплексной судебной экспертизы** – это материальный или идеальный объект (или однородная группа объектов), который представляет собой материальный носитель или источник информации о данном факте (обстоятельстве, явлении) либо механизм передачи информации от источника к носителю, содержащий сведения, необходимые для решения пограничных (смежных) вопросов в различных экспертных специальностях.

Содержание понятия объекта комплексной судебной экспертизы, определенное в данной редакции, позволяет дополнить классификацию объектов по следующим основаниям:

1) По субстанционной системе объекта:

- материальный;
- идеальный.

2) По количественному основанию:

- единый объект исследования;
- однородная группа объектов исследования.

3) По виду носителя информации:

- объекты-предметы;
- объекты-отображения.

4) По процессуальному основанию:

- вещественные доказательства;
- образцы для сравнительного исследования;
- материалы дела, содержащие сведения, относящиеся к предмету комплексной экспертизы.

Исходя из вышесказанного, можно выделить особенности комплексной экспертизы. Они заключается в том, что общим для экспертов выступает цель исследования, а способы достижения результатов могут быть различными. Основное назначение комплексной экспертизы – это решение вопросов, относящихся к пограничным знаниям экспертов, когда достигаются полиаспектные (целостные) представления об исследуемом объекте. Следовательно, задачи разных родов, классов и видов комплексной судебной экспертизы различны и зависят от исследуемого объекта.

Комплексная экспертиза призвана решать, как смежные (пограничные) задачи, так и задачи, затрагивающие две или более экспертные специальности. С практической точки зрения все задачи комплексной экспертизы можно разделить на две группы: общие и частную.

Общими задачами комплексной экспертизы являются те задачи, которые рассматриваются в общей теории судебной экспертизы и криминалистике для всех родов, видов и подвидов судебных экспертиз. К таким задачам относятся идентификационные, диагностические и классификационные. В теории судебной экспертизы и в криминалистике такой подход к классификации задач судебной экспертизы выделяется множеством ведущих профессоров, ученых и специалистов. Например, профессор Н. П. Майлис раскрывает понятие данных задач следующим образом [5]:

- решение идентификационных задач осуществляется в целях установления индивидуально-конкретного тождества. К таким задачам относится установление человека, животных, предметов по их отображениям, например, установление лица по отпечатку пальца, обуви по следу обуви и т. п.;

- при решении диагностических задач устанавливаются свойства и состояние объекта, возможность образования следов в конкретных условиях, механизм взаимодействия объектов, приведших к определенным последствиям, и т. д. Следует отметить, что любое идентификационное исследование сопровождается решением диагностических подзадач;

- в ходе решения классификационных задач определяются характеристики и свойства неизвестного или известного объекта для отнесения его к общепринятому классу. Эта группа задач решается при проведении как диагностического, так и идентификационного исследования.

Таким образом, при решении экспертных задач устанавливаются фактические данные, имеющие доказательственную информацию, которая может быть использована для правильного разрешения уголовного или иного дела [10].

К частной задаче комплексной экспертизы относится решение так называемой интеграционной задачи. Суть такой задачи состоит в том, чтобы после решения общих экспертных задач, затрагивающих различные области знаний, сформулировать общий вывод на основании совокупности выводов каждого отдельного эксперта, участвующего в производстве комплексной судебной экспертизы. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что процесс формулирования общего вывода при производстве любой комплексной экспертизы носит интеграционный характер, что существенно отличает ее от обычных моноэкспертиз и от отдельной комиссионной экспертизы.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что на современном этапе развития комплексная судебная экспертиза является особым видом в институте судебной экспертизы. Однако обозначенная правовая коллизия нуждается в решении, о чем свидетельствуют и дискуссии, возникающие в экспертном сообществе, по данному вопросу.

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд. доп. С. 170.

2. Цит. по: Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3 томах. 3-е изд., дополненное. Т. 2. М.: ЮНИТИ, Закон и право, 2001. С. 203–204.

3. Цит. по: Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3 томах. 3-е изд., дополненное. Т. 2. М.: ЮНИТИ, Закон и право, 2001. С. 204.

4. Майлис Н. П. Введение в судебную экспертизу: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 46.

5. Майлис Н. П. Введение в судебную экспертизу: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 60–61.

6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Москва: Проспект, 2016. С. 26.

7. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. 2016. С. 83.

8. Шуваева М. С. Правовые и организационные основы назначения и производства комплексной экспертизы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9.

9. Клевцов В. В. Некоторые особенности производства следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений различных категорий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 157–161.

10. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58 / Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

Ключевые слова: предмет комплексной судебной экспертизы, объект комплексной судебной экспертизы, задачи комплексной экспертизы.

УДК 343.98

ИНТЕГРАЦИЯ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Курин Алексей Александрович,
*начальник кафедры криминалистической техники УНК ЭКД,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

В статье изложены современные подходы к интеграции информационных ресурсов экспертно-криминалистических учетов. Расширение поисковых и аналитических возможностей информационных систем направлено на оптимизацию процесса раскрытия и расследования преступлений за счет повышения эффективности использования экспертно-криминалистических учетов.

Расширение возможностей интеграции и аналитической обработки криминалистически значимой информации является важной прикладной задачей. Организационные подходы совершенствования системы криминалистической регистрации в настоящее время не позволяют эффективно использовать информационные массивы экспертно-криминалистических учетов в полном объеме. Низкая эффективность обусловлена отсутствием связанных реквизитов, характеризующих общие и частные признаки объектов криминалистической регистрации, а соответственно, позволяющих установить общность с единым объектом или лицом.

Системно-структурное единство системы криминалистической регистрации работает на получение максимального результата, проявляющегося в повышении эффективности оперативно-служебной деятельности. В рамках работы всей системы должен быть обеспечен единый информационно-познавательный процесс на единой правовой, организационной, технологической и технической платформе.

С точки зрения информационно-познавательной сущности криминалистической деятельности уголовно-релевантные события являются предметом криминалистического исследования, механизм отражения является каналом передачи информации об исследуемых процессах, прошедших при подготовке, совершении и сокрытии следов преступления. Процессы извлечения, обработки и исследования информации могут быть представлены как процессы управленческого воздействия субъекта познания на предмет криминалистического исследования. Очевидным становится факт, что управленческое воздействие с целью извлечения криминалистически значимой информации является процессом многоэтапным и зависит от совокупности объективных и субъективных факторов.

Современные условия информатизации органов внутренних дел позволили реализовать одну из ключевых концепций обработки информации в системе криминалистической регистрации, – концепцию интеграции информационных ресурсов. В рамках ее реализации сформированы интегрированные банки данных регионального и феде-

рального уровня, функционирование которых направлено на обработку данных централизованных учетов информационно-аналитических подразделений органов внутренних дел, а также конвертирование в его среду автоматизированных информационных массивов информационных центров субъектов Российской Федерации. Эффективность использования информационных ресурсов системы криминалистической регистрации зависит от свойств самих данных (полнота, достоверность, актуальность), а также от свойств и функциональных возможностей информационных систем, которые предназначены для обработки данных. Другими словами речь идет об информационной логистике, под которой следует понимать совокупность действий по эффективному распределению материальных и информационных потоков между цифровыми и традиционными (аналоговыми, документальными) носителями информации. Организация оптимальных условий получения, сохранения, обработки, предоставления и использования информации субъектами расследования является стратегическим направлением оптимизации системы криминалистической регистрации.

Для ее решения нами был предложен алгоритм интеграции информационных ресурсов экспертно-криминалистических учетов внутри подсистемы, с выходом на объединение с централизованными учетами.

В рамках функционирования системы первичного учета требуется реализовать механизмы накопления и систематизации информации, но и ее аналитической обработки на первоначальном этапе расследования уголовных дел. С этой целью система первичного учета требует преобразования в метапоисковую систему, интегрированную с централизованными и экспертно-криминалистическими учетами, а также предусматривать возможность кодирования информации, представленной в графической форме с целью повышения результативности поиска по информационным массивам. Следующим этапом работы является анализ поступившей информации, выгруженной в автоматизированную систему в части первоначальной информации о происшествии (заявление, сообщение, заявитель), полученной при производстве осмотром мест происшествий и иных следственных действий, полученной при производстве экспертиз и исследований. Оперативные данные в систему помещаются и могут быть доступны только авторизованным пользователям. Введенная информация проверяется по своим массивам с целью установления общности в совершенных преступлениях по фигурантам, способу совершения, следам и объектам.

Метапоисковая система представляет собой автоматизированный программно-технический комплекс, не имеющий собственных баз данных поисковых образов документов, средств индексации и классификации. При поиске используются информационные ресурсы других автоматизированных информационно-поисковых систем. При одновременном обращении к взаимосвязанным массивам метапоисковая система адресует этот запрос в интегрированные информационные ресурсы, в которых производится поиск по своим информационным массивам. Результаты поиска по отдельным массивам поступают в метапоисковую систему, где формируется аналитическая справка, содержащая информацию по соответствующему запросу.

Основной целью интеграции является установление связи различных следовых групп, обнаруженных и изъятых с различных мест преступлений, с лицом, причастным к совершению нескольких преступлений. Проведение такой интеграции и правильная интерпретация ее результатов дает возможность в случае изъятия с разных мест происшествий определенных следовых комплексов, прийти к выводу о принадлежности их одному объекту.

Введение всех разновидностей следов в единую систему криминалистической регистрации позволяет в дальнейшем реализовать полученную информацию для ком-

плексного использования экспертно-криминалистических учетов в раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: информация, учет, информационная логистика, криминалистическая регистрация, интеграция информации, повышение эффективности.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ ЧЕЛОВЕКА

Курин Алексей Александрович,

*кандидат технических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистической техники УНК ЭКД,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

Рыжков Игорь Владимирович,

*слушатель 5 курса факультета подготовки экспертов-криминалистов
и оперативных сотрудников полиции,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

Совершение хищений денежных средств из банкоматов является довольно частым преступлением. В качестве объекта исследования выступает видеозапись с зафиксированным изображением руки человека при наборе индивидуального кода. Для решения задачи установления индивидуальности признаков функционально-двигательных навыков проведены экспериментальные исследования. По результатам проведенных экспериментов проведена дифференциация значимых признаков, и выделены элементы, требующие дополнительного исследования. Определена перспективность дальнейшего исследования функционально-двигательных навыков человека.

В целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений судебным экспертам приходится сталкиваться с задачей отождествления личности преступника по результатам исследования его функционально-двигательных навыков. Применительно к криминалистическому исследованию динамических признаков человека решаются как диагностические, так и идентификационные задачи.

Объектами исследования по уголовным делам о хищениях денежных средств из банкоматов, часто являются видеозаписи, на которых не отображено лицо человека, но присутствуют изображения руки/рук злоумышленника.

Проведение диагностических исследований направлено на установление механизма совершения преступления, способа и последовательности действий, событий, причинно связанных с событием преступления. Для проведения диагностических исследований необходимо располагать совокупностью признаков, присущих определенной категории лиц. Остановимся на одном из частных случаев проявления функционально-двигательных навыков человека, – наборе последовательности цифр на банковском терминале.

В качестве объекта исследования изучались материалы видеозаписи с телекамер банкоматов, на которых зафиксированы динамические (функционально-двигательные навыки), так и антропометрические (анатомические) признаки кисти руки человека. Та-

кое понимание объекта предполагает комплексное исследование анатомических и динамических признаков, поэтому неотъемлемой частью исследования является изучение анатомических признаков. При изучении анатомических признаков кисти руки мы будем руководствоваться правилами описания, принятыми в портретной экспертизе. Основной задачей исследования является изучение количественных характеристик элементов. При исследовании были учтены ракурс съемки, освещение, внешняя обстановка, характер поверхности и другие условия, влияющие на объективность исследования и последующего сравнения двух или объектов нескольких исследований.

Основываясь на признаках, которые выделил В. Г. Булгаков в монографическом исследовании [1], был разработан комплекс динамических признаков, которые в наибольшей степени подходят для описания движений пальцев рук. Комплекс признаков имеет следующий вид:

Пространственные признаки:

- углы сгибания фаланг пальцев;
- углы расстановки пальцев (ширина расстановки);
- клиренс (степень поднимания пальцев);
- траектория движений;

Временные признаки:

- скорость нажатия на клавишу;
- время переноса пальца с клавиши;
- темп введения.

Для наглядности описания сущности признаков, а также для проверки правильности выбранных признаков, их вариационности и информационной значимости нами был проведен эксперимент, который заключается в следующем: 10 испытуемых поочередно вводили комбинацию «1928» на зафиксированной панели. Возраст испытуемых в интервале 22–26 лет, рост – 175–183 см. Съемка производилась на видеокамеру, направленную к панели под углом, близким 60°. Для проверки устойчивости признаков во времени эксперимент был повторен через 24 часа.

В ходе исследований были получены следующие результаты.

Пространственные признаки – динамические признаки, которые характеризуют положение определенных точек в пространстве при движении. Углы сгибания фаланг пальцев и расстановки пальцев измеряются в градусах на статичных кадрах. Исследование равноракурсных видеоизображений позволяет пренебречь ошибками при измерении углов, так как значение этих ошибок будет одинаковым. Изучение данных признаков на статичном кадре позволяет наиболее точно определить их количественные характеристики. Углы сгибания фаланг наиболее наглядны в случае, когда палец повернут боковой поверхностью к точке наблюдения, такое положение характерно для большого пальца, также похожую картину в некоторых случаях можно наблюдать при изучении положения мизинца.

Углы рекомендуется изучать в момент нажатия на каждую клавишу, так как при определенном положении кисти проявляются двигательные особенности и навыки, например, при нажатии на клавишу «9» угол сгибания первой и второй фаланги большого пальца составляет 180° при условии, что при других положениях руки этот угол равен 90°. Вариационность данного признака проверена путем измерения данного угла в момент нажатия на разные клавиши. При изучении видеозаписи лица № 1 полученной при первом эксперименте вариационность угла «А» составляет 150°–158°, а вариационность угла «В» 162°–180°. Малая вариационность угла «А» позволяет включить данный признак в индивидуальную совокупность при исследовании движения пальцев рук. Большая вариационность угла «В», напротив, не позволяет использовать данный

признак при идентификации, так как вероятность совпадения угла «В» с тем же углом лица № 2 достаточно велика.

При изучении видеозаписи лица № 1 полученной при втором эксперименте вариационность угла «А» составляет 151° – 158° , что совпадает со значением угла «А» первой видеозаписи и означает, что данный признак устойчив во времени. Вариационность угла «В» составляет 160° – 180° совпадает с вариационностью аналогичного угла в первой видеозаписи и не позволяет включить признак в совокупность. Стоит заметить, что большая вариационность не всегда означает невозможность включения признака в индивидуальную совокупность. Например, в случае когда вариационность угла «N» лица № 1 составляет 160° – 180° , а вариационность того же угла «N» лица № 2 составляет 120° – 140° , данный признак может рассматриваться в качестве индивидуального. На основании сказанного, можно сделать вывод, что, несмотря на вариационность признака, разница между интервалами значений существенная и устойчивая. Отсюда следует вывод, что совокупность индивидуальных признаков в широком диапазоне не может проявиться у одного лица, а это значит, что данный признак обладает высокой информативностью при решении вопроса о тождестве лица № 1 и № 2.

Процесс изучения углов расстановки пальцев происходит по вышеописанной схеме. Следует отметить, что данный признак наиболее нагляден, когда палец выпрямлен.

Другим признаком, который подвергался исследованию, является клиренс. Клиренс – это расстояние от рабочей поверхности до пальцев при переносе их с одной клавиши на другую. Он корреляционно связан с траекторией перемещения пальцев руки.

Траектория – кривая линия, которая описывает путь движения точки в пространстве. При изучении видеозаписи было установлено, что за точку необходимо брать край ногтевой фаланги пальца. Если палец согнут так, что виден только край основной фаланги, то такую точку брать не рекомендуется. Рассматривая траекторию можно заметить, что чем она протяженнее по вертикали, тем выше клиренс. При исследовании первой и второй видеозаписей были получены следующие кривые траекторий.

В ходе исследования было установлено, что траектория не повторяется. Это связано с тем, что движения обладают собственной вариационностью, то есть движения описывают близкие, но не равнозначные траектории. Данное свойство было описано выше.

Следующая группа признаков – временные – характеризуют промежуток времени, за который производится определенное действие. Скорость нажатия на клавишу – отражает промежуток времени, за который происходит непосредственный контакт пальца и клавиши. Время переноса пальца с клавиши – отражает промежуток времени, начинающийся моментом разрыва контакта пальца и клавиши и заканчивающийся возобновлением контакта со следующей клавишей. В случае, когда последовательность цифр вводилась несколькими пальцами, данный признак измерялся без учета погрешности на смену пальцев.

Темп введения – время, за которое происходит введение одной последовательности цифр. Время исчисляется с момента, когда палец осуществил контакт с первой клавишей, и останавливается, когда прерывается контакт пальца с последней в последовательности клавишей.

При исследовании первых двух признаков для получения наиболее объективной картины нами были установлены границы их вариационности.

В результате проведенных экспериментов было установлено, что выделенные признаки, за исключением траектории движения и клиренса, позволяют проводить объективное исследование движений пальцев рук, так как они характеризуют индивидуальность движения в своей совокупности.

Приведенные результаты исследования позволяют сделать вывод о высокой информативности анатомических и двигательных навыков, что требует проведения дальнейших исследований функционально-двигательных навыков человека.

1. Булгаков В. Г. Методические основы криминалистической идентификации и диагностики человека по его динамическим признакам: монография / под ред. А. М. Зинина. М.: Юрлитинформ, 2014. 144 с.

Ключевые слова: анатомические признаки, динамические признаки, вариационность признака.

УДК 343.98

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Курнышева Елена Александровна,
заместитель директора Института повышения квалификации –
декан Четвертого факультета повышения квалификации
(с дислокацией в городе Нижний Новгород),
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
603104, г. Нижний Новгород, ул. Красная, д. 5

В статье рассматривается вопрос о правовом понимании института «приостановление предварительного следствия». Введя в уголовно-процессуальный закон это понятие, законодатель не дал ему определения. Разное толкование этого понятия не способствует правильному пониманию его сущности, приводит к трудностям в правоприменении, на что и обращено внимание автора статьи.

Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) является основной задачей российского уголовного судопроизводства.

Обеспечение решения этой фундаментальной задачи может быть достигнуто путем быстрого и полного раскрытия преступлений, уголовного преследования лиц их совершивших, объективного судебного разбирательства и правильного применения закона на основе строгого соблюдения процессуальных норм.

Тем не менее, при производстве предварительного следствия часто возникают ситуации, при которых следствие не может продолжаться в обычном порядке. Деятельность по уголовным делам при таких обстоятельствах регламентируется совокупностью процессуальных норм, образующих самостоятельный институт уголовно-процессуального права, называемый приостановлением предварительного следствия.

Законодательно понятию «приостановление предварительного следствия» определение не дано. В связи с этим единого подхода к правовой сущности этого явления нет и в науке.

Большинство ученых-процессуалистов рассматривают приостановление предварительного следствия как временное прекращение процессуальных действий по уголовному делу, возникающее по основаниям, предусмотренным законом [1].

В юридической литературе существует ряд определений, подтверждающих данную позицию. Например, под приостановлением предварительного следствия понимается:

1. Перерыв в производстве следственных действий по уголовному делу, вызванный наличием одного из предусмотренных в законе обстоятельств, препятствующих дальнейшему расследованию [2];

2. Перерыв в производстве следственных действий по делу, оформляемый постановлением следователя при наличии основания и соблюдении условий, указанных в законе, в целях приостановления процессуальных сроков следствия [3].

В приведенных определениях отмечается, что приостановление предварительного следствия – это, прежде всего, перерыв в производстве следственных действий. Возникающий, в силу определенных условий и установленных законодательством оснований, перерыв оформляется решением уполномоченных на то должностных лиц, выраженным в процессуальной форме, именуемой постановлением.

Следует помнить, что приостановление предварительного следствия по уголовному делу, никоим образом не свидетельствует об окончании предварительного следствия, а также деятельности по нему следователя и сотрудников различных оперативных служб. С приостановлением предварительного следствия изменяются лишь формы и методы их работы, которая направлена на завершение производства по приостановленному уголовному делу, но не прекращается сама деятельность указанных органов и должностных лиц [8].

Следовательно, приостановление предварительного следствия в уголовном процессе можно определить как исключительную уголовно-процессуальную форму, которая состоит в вынесении следователем по основаниям, указанным в законе, постановления о приостановлении производства по делу, а также в последующем принятии мер к раскрытию преступления, розыску скрывшегося от следствия подозреваемого или обвиняемого, возобновлению уголовного дела и его окончанию в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом [4].

Исключительность уголовно-процессуальной формы приостановления предварительного следствия означает в данном определении, что она применяется при производстве по уголовным делам, в которых отсутствует участник уголовного судопроизводства – подозреваемый, обвиняемый, либо его участие при расследовании совершенных им преступлений исключено в силу ряда причин.

Приостановление предварительного следствия по большому счету представляет собой перерыв в ведении дела в силу объективно сложившихся условий, которые явились препятствием завершения расследования уголовного дела в обычном порядке.

Таким образом, приостановление предварительного расследования – это уголовно-процессуальное решение следователя (дознателя и др.) об установлении временного, вызванного наличием предусмотренных в законе обстоятельств, которые мешают продолжению предварительного расследования, перерыв в производстве по уголовному делу. Решение о приостановлении предварительного следствия следователь принимает самостоятельно, ничье согласие на приостановление расследования не требуется.

Приостановление предварительного следствия прерывает течение сроков расследования, но предполагает продолжение его в будущем после преодоления препятствующих этому обстоятельств и возобновления расследования.

Время, на которое было приостановлено расследование, не включается в срок следствия.

Приостановление предварительного следствия можно рассматривать и как некоторый промежуточный итог расследования уголовного дела, подводит который лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, путем вынесения постановления о при-

остановлении предварительного следствия, с указанием результатов расследования и оснований, послуживших препятствием для дальнейшего производства предварительного следствия.

Отсутствие законодательного определения указанной правовой дефиниции не способствует правильному пониманию сущности рассматриваемого явления, отрицательно сказывается на правоприменительной практике. Как справедливо отмечает В. М. Савицкий, «неупорядоченная терминология, отражающая аморфность, неопределенность системы понятий, снижает информативные возможности закона, отрицательно сказывается на правоприменении, ведет к нескончаемым и бесплодным спорам в теории и на практике [5].

В связи с изложенным, полагаем, что законодателю целесообразно дополнить статью 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем кодексе» определением понятия «приостановление предварительного следствия».

До недавнего времени существовал научный спор и по поводу правовой природы норм, регламентирующих приостановление предварительного расследования. Одни авторы отмечали, что эти нормы являются лишь частью таких правовых институтов, как предварительное следствие и судебное разбирательство [6], другие полагали, что они образуют самостоятельный правовой институт [7]. В. Д. Ломовский, признавая самостоятельную роль такого института, между тем утверждает, что существует два института, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в сфере приостановления производства по уголовному делу: один на стадии предварительного расследования, другой – в стадии судебного разбирательства [9]. Н. А. Патов, с мнением которого следует согласиться, указал, что «различные институты уголовного процесса, в том числе институт приостановления производства по уголовному делу, нельзя ограничивать рамками конкретной стадии процесса – он объединяет все нормы, регулирующие ту или иную область процессуальных отношений, независимо от стадии, на которой они возникают, главное – это их единое правовое содержание» [7].

В этой дискуссии, по нашему мнению, точку, поставил законодатель, выделив нормы, закрепляющие основания, условия и процессуальный порядок приостановления и возобновления предварительного следствия, в специальную 28 главу, отметив тем самым самостоятельное значение этого процессуального института и его место в уголовном судопроизводстве.

1. Репкин Л. М. Приостановление предварительного следствия: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1971.

2. Дубинский А. Я. Уголовный процесс. Академия МВД СССР, 1989. С. 222.

3. Коврижных Б. Н. Надзор прокурора за законностью приостановления уголовного дела в случае неустановления лица, совершившего преступление, 1982. С. 32.

4. Быков В. М., Ломовский В. Д. Приостановление производства по уголовному делу. Москва: Юр. лит-ра, 1978. С. 10.

5. Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М.: «Наука», 1987. С. 23.

6. Бердичевский Ф. Ю. Работа следователя по приостановленному делу // Социалистическая законность. 1973. № 4. С. 51.

7. Патов Н. А. Процессуальные и организационные основы производства по уголовным делам, приостановленным в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 33, 37.

8. Калужный А. Н., Чаплыгина В. Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lex Russica. 2015. № 7. С. 37–42.

9. Ломовский В. Д. Вопросы приостановления производства по уголовному делу в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 6. С. 115–118.

Ключевые слова: законодательство, уголовно-процессуальный закон, преступление, приостановление предварительного следствия, перерыв в производстве следственных действий.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Лушин Евгений Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

Четвертого факультета повышения квалификации

(с дислокацией в городе Нижний Новгород)

Института повышения квалификации,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,

603104, г. Н. Новгород, ул. Красная, д. 5

В статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся теории криминалистической идентификации, рассмотрены спорные аспекты отнесения к криминалистической идентификации процессов установления целого по частям и групповой принадлежности.

Криминалистическая идентификация является эффективным средством собирания и проверки доказательственной информации при расследовании уголовных дел. Процесс раскрытия и расследования преступления невозможен без действий и процессов, в основе которых лежат идентификационные исследования различных объектов.

Начиная с 50-х годов минувшего столетия, многие отечественные криминалисты занимались проблемами криминалистической идентификации. В настоящее время считается, что теория криминалистической идентификации является одной из самых зрелых, важных в практическом отношении криминалистических теорий [1].

Криминалистическая идентификация – одна из частных криминалистических теорий, нашедших широкое практическое применение в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Это «метод познания – теоретическая концепция, включающая учение об общих принципах и приемах отождествления материальных объектов как способа установления истины по уголовному, гражданскому, административному, арбитражному делу» [2]. Задачи и методы идентификации находятся в тесной связи с задачами и методами уголовно-процессуального доказывания.

Практическое значение идентификации обусловлено тем, что она является научно обоснованным методом исследования причинности и установления неизвестных объектов по их следам в обстановке расследуемого события. С криминалистической точки зрения процесс доказывания причастности лица к преступлению, по сути является процессом его идентификации, в котором используются следы, возникшие при совершении преступления. И для завершения следствия по делу, кроме прочего необходимо установить совокупность идентификационных признаков, свидетельствующих о преступных действиях подозреваемого лица.

Несмотря на внушительную историю теории идентификации и достаточно глубокую разработку ее отдельных положений (прежде всего это касается трасологии) в ней, по-прежнему остаются некоторые нерешенные вопросы.

В частности, многие авторы придерживаются мнения, что установление целого по его частям является одним из видов криминалистической идентификации. «Разновидностью индивидуального отождествления – является так называемое «установление целого по его частям (фрагментам)» или, говоря иначе, установление факта взаимопринадлежности частей единому целому. При решении этой задачи совмещают между собой фрагментированные части объекта (осколки, обломки, детали, клочки бумаги и т. п.) и исследуют взаимное отображение признаков внешнего строения частей на совмещающихся поверхностях разделения» [3]. Или «При идентификации целого по частям признаками, составляющими идентификационный комплекс, обладают края линий разделения этих частей, поверхности и плоскости разделения и внутренняя структура разделенных частей» [4].

Утверждение, что «установление целого по частям» относится к идентификационной задаче выглядит несколько странно. Да подобные вопросы нередко решаются в процессе проведения экспертных исследований но ее вряд ли можно отнести к идентификационным задачам. «По своему существу, криминалистическая идентификация является специфическим методом познания при расследовании преступных действий. Ее задача состоит в том, чтобы по оставленному следу из множества возможных объектов найти тот объект, который оставил этот след» [5]. При идентификации устанавливается тождество идентифицируемого объекта, т. е. того объекта, который оставил след и идентифицирующего объекта, т. е. самого следа (или его модели). Что в данном случае считать идентифицирующим, а что идентифицируемым объектом при установлении целого по частям не ясно. При установлении целого по частям не решается вопрос о тождестве объекта оставившего след и исследуемого объекта, а решается вопрос о восстановлении первоначального вида объекта, части которого изучаются. Не решается вопрос о тождественности одной части другой (они в принципе не могут быть тождественны поскольку являются разными материальными объектами). Исследование частей предполагает выяснение их связи и соотношений друг с другом и отношения к какому-то целому. «...восстановление первоначального вида, состояния, облика по остаткам или письменным источникам» – это реконструкция [6]. Соответственно, установление целого по частям не является идентификационным исследованием, а относится к задачам криминалистической реконструкции.

К другим не до конца решенным вопросам теории криминалистической идентификации можно отнести задачу установления групповой идентификации. Здесь существует два мнения: одни полагают, что криминалистическая идентификация это установление тождества единичных, единственных в своем роде объектов, другие считают, что наряду с индивидуальной, существует и групповая идентификация как процесс установления принадлежности исследуемого объекта к той или иной группе (множеству, классу, роду и т. д.).

Представляется что мнение первой группы авторов более обосновано. «Криминалистическая идентификация как исследование – это процесс познания, позволяющий установить наличие или отсутствие тождества объекта самому себе... т. е. установить единичный объект, относящийся к преступлению» [7]. Таким образом при идентификации должен быть установлен единичный объект. Ибо объект может быть тождественен только самому себе, он не может быть тождественен группе объектов. И это видно по выводам экспертов, например при проведении трасологических экспертиз. Когда эксперту не удастся найти достаточно групповых и частных признаков позволяющих однозначно определить тождество объекта делается так называемый вероятностный вы-

вод: «След мог быть оставлен проверяемым объектом». Таким образом, эксперт говорит не о том, что идентификационная задача решена, а о том, что он не может решить ее однозначно. В этом случае речь идет о сходстве объекта с группой других объектов, но сходство и тождество разные понятия. Поэтому, как справедливо отметили Г. М. Миньковский и Н. П. Яблоков в данном случае надо говорить об «установлении групповой принадлежности (подобия сходства)» [8].

Затронутые в статье вопросы не исчерпывают всех проблем современной теории криминалистической идентификации. Но даже затронутые аспекты говорят о том, что и на современном этапе необходимо уделять внимание развитию теории криминалистической идентификации.

1. См., например: Вещественные доказательства. Информационные технологии процессуального доказывания / под ред. В. Я. Колдина. М.: Норма, 2002. С. 43.
2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина. М.: Изд. НОРМА, 2000. С. 85
3. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 88.
4. Криминалистика. Углубленный курс: учебник / под общ. ред. проф. А. Г. Филиппова. М.: ДГСК МВД России, 2012. 592 с.
5. Домбровский Р. Г. Теоретические основы криминалистики. Рига, 2004. С. 103.
6. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000.
7. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.
8. Миньковский Г. М., Яблоков Н. П. Рецензия на учебник «Криминалистика». М.: 1950. Т. I / Соц. законность. 1951. № 7. С. 83.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, установление групповой принадлежности, установление целого по частям.

УДК 343.98

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ УСТРОЙСТВ

Малышева Наталия Александровна,
курсант факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Васюков Виталий Федорович,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье авторами рассматриваются особенности использования специальных знаний при производстве отдельных следственных действий с использованием электронных устройств.

Ни для кого не секрет, что XXI век – это век информационных технологий, когда общество уверенно шагает к информатизации практически всех сфер асоциальных отношений. Наблюдается повсеместный рост эксплуатации мобильных устройств, компьютеров, иных гаджетов, которые, в свою очередь, упрощают жизнь человека, делают ее более мобильной. Если раньше для того, чтобы связаться с родными в соседнем городе, следовало написать письмо, отправить его по почте, на что уходили дни, а то и недели; то сегодня достаточно пары минут, чтобы осуществить ту же самую операцию. В результате внедрения электронных технологий в повседневную жизнь людей актуальным становится вопрос о высоком росте электронной информации, которая «витает» буквально повсюду. Социальные сети буквально «поглощают» живое общение между людьми. При этом люди не осознают, что вся информация в Интернете сохраняется и может использоваться криминальной средой против них. Но не только криминальные структуры могут использовать электронную информацию в своих целях.

Телефоны, планшеты, смартфоны, ноутбуки стали теми «контейнерами», которые хранят в себе большие объемы личных данных своих пользователей. В связи с этим возникает практическая проблема использования данных следов в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела.

Состояние преступности в РФ свидетельствует о том, что криминальные структуры активно изобретают новые способы совершения преступлений, способствуют этому и развивающиеся информационные технологии. Преступники, являясь знатоками высоких технологий, порой используют при совершении общественно опасных деяний такие приемы, методы и технические средства, которые неизвестны правоохранительным органам. Преступники при подготовке и (или) сокрытии преступления используют телефоны, смартфоны, цифровые фотоаппараты, цифровые видеокамеры, видеорегистраторы, портативные устройства GPS и т. д. В результате совершенных преступлений виновные оставляют различные следы: материальные, идеальные и, появившиеся сравнительно недавно, так называемые информационные (электронные или виртуальные) следы, содержащиеся в электронных устройствах [1, с. 43].

Современные технологии позволяют фиксировать информацию о преступлении на цифровые устройства независимо от воли лиц, их совершающих. Поэтому информация, хранящаяся в памяти цифровых устройств может иметь важное доказательственное или ориентирующее значение для следователя. Но, к сожалению, познания следователя в сфере обнаружения, фиксации, изъятия и исследования информации, содержащихся на электронных носителях информации, являются достаточно ограниченными. В связи с этим, актуальным представляется вопрос привлечения специалиста к участию в следственных действиях, связанных с обнаружением, фиксацией виртуальных следов либо электронных носителей информации, являющихся вещественными доказательствами. При этом очень важно учитывать аспект соблюдения прав граждан на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки [2, с. 12].

По общему правилу, для того чтобы доказательства обрели свойство допустимости, следователю необходимо провести с ними корректную работу. Однако, доказательства должны также обладать свойствами относимости и достоверности, а в совокупности – достаточности. Только наличие всех этих свойств позволит следователю вынести обвинительное заключение по уголовному делу и направить его в суд. Безусловно, процесс сбора доказательств, учитывая нагрузку следователя, является трудоемким процессом. На наш взгляд, факт работы с электронными устройствами еще больше усложняет работу следователя, поскольку, как было сказано ранее, его знания в данной области, по объективным причинам, носят ограниченный характер. Поэтому при работе с электронными следами следователю стоит быть очень внимательным и аккуратным, чтобы исключить возможность потери, модификации информации либо

внесения новых сведений в память устройства. Электронные носители – результат научного и технического прогресса, поэтому для работы с ними необходимо участие специалиста. Участие специалиста обусловлено также тем, что внешний осмотр электронных устройств не позволяет извлечь нужный объем данных, поскольку вся информация хранится «внутри» носителя, в его памяти. Информация может быть тщательно завуалирована либо вход к данным может быть оснащен системой защиты в виде пароля. Кроме того, к электронным носителям информации относится неограниченный перечень устройств, в памяти которых хранится та или иная информация. Поэтому наличие специальных знаний в области техники в данном случае просто необходимо.

Собирание электронных доказательств, как и других видов доказательств, осуществляется путем проведения следственных и иных процессуальных действий. Здесь особо следует выделить обыск, выемку и осмотр [3, с. 18]. Обнаружение в данном случае возможно путем выявления носителей компьютерной информации: персональный компьютер, телефон, флеш-карта, съемный жесткий диск и т. д.

Средства мобильной связи предоставляют пользователям широкие возможности по обмену информацией путем звонков, СМС-сообщений, выхода в Интернет и общения в социальных сетях. Данное обстоятельство обуславливает распространенность использования сотовых телефонов в преступной среде. Данный факт предполагает, что следователи должны в совершенстве владеть тактикой осмотра данного объекта, поскольку в процессе его осмотра могут быть обнаружены как материальные следы (следы пальцев рук), так и информационные (виртуальные) следы (СМС-сообщения, посещение сайтов, переписки в социальных сетях). Указанные данные способствуют формированию полноценной доказательственной базы по уголовному делу.

Однако на сегодняшний день в следственной практике не выработано единого алгоритма осмотра сотового телефона, в связи с чем актуальным представляется вопрос относительно хода его производства, а также специфики привлечения специалиста. Сложность производства указанного следственного действия заключается в том, что следователь не обладает достаточным уровнем знаний, необходимых для описания аппаратного и программного обеспечения сотового телефона, связанного с усложнением устройств (на базе операционных систем Android, iOS и WindowsPhone), а также не имеет навыки по извлечению криминалистически значимой информации с использованием аппаратно-программных комплексов (UFED, Мобильный криминалист, XRY, MOBILedit) [4, с. 59]. Так, комплекс UFED имеет большие возможности по извлечению данных из памяти устройств и работы с ними в различных направлениях [5, с. 305].

Безусловно, если сотовый телефон не относится к числу усложненных аппаратных устройств, то следователь может самостоятельно провести осмотр. Однако, если объектом осмотра служит, например, iPhone 6S, то знаний и умений следователя вряд ли будет достаточно для качественного производства указанного следственного действия. Задача следователя – провести осмотр так, чтобы не упустить ни одного обстоятельства, имеющего значение для дела [6, с. 56]. Кроме того, стоит определиться, какие же действия следователь и специалист вправе проводить при осмотре телефона (ноутбука, планшета), ведь с семантической точки зрения осмотр заключается в визуальном изучении предмета. Данный вопрос рассмотрим ниже.

В пп. 4, 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ установлено, что обыск, выемка в жилище, а также его осмотр при отсутствии согласия проживающих лиц могут быть произведены только после получения судебного решения. Данное условие проведения следственного действия является элементом механизма защиты прав граждан на неприкосновенность жилища, который относится к числу общепризнанных принципов уголовного судопроизводства. Жилище является источником сведений о лицах, в нем проживающих, поскольку именно в жилище хранится большой массив официальных документов, денеж-

ных средств, писем и т. д. Однако, в век информационных технологий большой объем данных о том или ином гражданине можно найти в памяти электронных устройств: будь то персональный компьютер, планшет или телефон. Люди активно используют в повседневной жизни с помощью данных приборов различные приложения, среди которых наиболее популярными являются: ВКонтакте, Skype, Viber, Сбербанк Онлайн, WhatsApp, Instagram и другие. Данные приложения содержат в себе не только персональную переписку между абонентами, но и информацию о вкладах, счетах и финансовых операциях пользователя. Все это смещает «центр тяжести» личной информации с жилища в сторону электронных гаджетов, способных содержать большие объемы личных данных в сравнительно небольших пространственных границах [7, с. 121].

Анализ вышеизложенной информации позволяет выявить ряд проблем, возникающих при работе с электронными носителями информации. Во-первых, ценность электронных устройств не подкрепляется должным механизмом защиты, что позволяет соответствующим должностным лицам осуществлять сбор доказательств без учета интересов граждан в области защиты личной жизни.

Указанная проблема ярко проявляется при производстве осмотра компьютера, ноутбука, телефона или планшета. Данное следственное действие не предусмотрено УПК РФ, однако активно проявляется в деятельности органов предварительного расследования. Стоит отметить, что под осмотром понимается визуальное обследование предмета, находящегося в свободном доступе, без активного поискового воздействия на него. Однако, операции следователей при производстве данного следственного действия, зачастую сводятся к открытию папок с файлами, что, на наш взгляд, переходит границы осмотра и что приводит к перерастанию осмотра в обыск или выемку. Подобными действиями правоохранители осуществляют наиболее благоприятный вариант собирания доказательств, не принимая во внимание интересы граждан, но, вместе с тем, не нарушая процессуальный порядок сбора доказательств, поскольку законодатель не дает терминологического разграничения между «осмотром» и «обыском». Обращая внимание на процессуальную неточность производства осмотра ноутбука или компьютера, нам представляется необходимым внести изменения в нормы УПК РФ. На наш взгляд, данная проблема имеет два пути решения. Согласно первому пути, в ст. 177 УПК РФ следует внести следующую формулировку: «Осмотр электронных устройств производится только с согласия лиц, которым они принадлежат или на основании судебного решения. Если лица, которым они принадлежат, возражают против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со статьей 165 настоящего Кодекса».

Данную позицию можно подкрепить Определением Конституционного суда от 2 октября 2003 г. № 345-О, согласно которому «информацией, составляющей охраняемую Конституцией РФ и действующими на территории РФ законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения» [8, с. 50–52]. Однако, внесение подобной поправки привело бы к возникновению противоречия сущности следственного осмотра как визуального обследования объекта.

Поэтому, на наш взгляд, наиболее удачным является второе решение данной проблемы, согласно которому следует ввести в действующий кодекс такое понятие как «обыск электронных устройств». По нашему мнению, данное понятие исключило бы возможность правоохранителей беспрепятственно проникать в границы личного про-

странства граждан. Мы считаем, что данное следственное действие следовало бы проводить на основании постановления следователя.

Еще одной проблемой развития информационных технологий стало появление изощренных способов преступной деятельности. Так, возникают вариации преступлений в сфере компьютерной информации, рождаются новые виды мошенничества с использованием Интернет-ресурсов. Следовательно, как лицу, не обладающему специальными познаниями в сфере информационных технологий, тяжело одному справиться при производстве подобных следственных действий, необходимых для раскрытия преступлений.

В свете «электронных» новелл у следователей возросла потребность в привлечении специалистов-программистов (компьютерщиков), в числе которых стали выступать не только эксперты ведомственных учреждений, но и сотрудники сторонних организаций (системные администраторы, консультанты специализированных магазинов, сотрудники технических отделов и др.) [9, с. 5]. Однако, открытым остается вопрос об определении уровня квалификации, наличия знаний и опыта специалиста, необходимых для правильного производства того или иного следственного действия, ведь, согласно ч. 2 ст. 168 УПК РФ перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, следователь удостоверяется в его компетентности. Ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК устанавливают обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей информации. По мнению выражаемого в литературе, для выемки (то есть для извлечения) электронных данных и (или) целостного изъятия накопителей, на которых они содержались, достаточно специалиста средней руки [10, с. 172]. Однако, на наш взгляд, в данном случае стоит разделять два этих действия: изъятие электронных данных с электронного устройства (например, ноутбука) и изъятие самого накопителя или устройства (например, флеш-карты, телефона или планшета). Мы считаем, что при изъятии самых обычных устройств или накопителей следователь может справиться самостоятельно на основе общих криминалистических знаний. Так, нецелесообразным представляется приглашать специалиста для изъятия сотового телефона. Такого же мнения придерживаются М. В. Стариčkова и В. А. Антонова, которые не видят необходимости в привлечении специалиста для изъятия сотового телефона, цифрового фотоаппарата, mp3-плеера [11, с. 125].

Если же речь идет об изъятии данных с электронного устройства (так называемой электронной информации), то в данном случае привлечение специалиста, по нашему мнению, является необходимым во всех случаях. Неизвестно, как может повести себя техника, может произойти какой-нибудь сбой, что может повлечь за собой удаление информации, привнесение вирусных программ и т.д. Специалист, как человек, обладающий специальными познаниями в данной области, может дать профессиональную оценку произошедшему, внести соответствующие показания в протокол. Поэтому, трактуя нормы ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, считаем важным указать, что привлечение специалиста обязательно только в случае изъятия данных с электронных устройств, что, как правило, происходит в форме копирования.

Если все-таки привлечение специалиста представилось необходимым, то как же определить «какой руки» специалист: низкой, средней или высокой?

В словаре С. И. Ожегова «компетенция» определяется как «круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен» [12]. На наш взгляд данное определение вполне ясно, лаконично и вполне ясно выражает сущность самого понятия. Иными словами, специалист должен быть осведомлен кругом вопросов, которые ему предстоит решить в ходе следственного действия, и которые, по сути, он решает ежедневно, осуществляя свою профессиональную деятельность.

Квалификация работника – понятие легальное, содержащееся в ст. 195.1 Трудового кодекса РФ, определяется как уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника.

Фиксация осуществляется путем выемки носителя информации с последующим осмотром. Так, например, Гагаринский районный суд г. Москвы в приговоре от 10 июня 2013 г. признал гражданина Т. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 183, ч. 2 ст. 183 УК РФ. Суд обосновал виновность указанного лица, в частности, следу «Мэйл.ру» была изъята распечатка сообщений электронной почты, принадлежащей Т., и CD-диск с электронным содержанием сообщений электронной почты; протоколом осмотра, согласно которому были осмотрены предметы и документы, изъятые в ходе проведения выемки в ООО «Мэйл.ру».

Таким образом, участие специалиста в следственных действиях с использованием электронных носителей информации имеет важное значение. На сегодняшний день УПК РФ обязывает привлекать специалиста только при выемке электронных носителей информации, в остальных случаях вопрос участия специалиста закон предоставляет следователю решать самостоятельно. Данное обстоятельство приводит к трудностям и различиям правоприменительной практики, поскольку каждый следователь по-своему трактует «необходимость участия специалиста».

1. Шеметов А. К. О понятии виртуальных следов в криминалистике // Рос. следователь. 2014. № 20. С. 52–54.

2. Бычков В. В. Соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проверке сообщений о преступлениях и в ходе их расследования // Рос. следователь. 2013. № 24. С. 10–13.

3. Дёмин К. Е. Криминалистическое значение электронных документов как источников доказательственной информации // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. № 7–5. С. 10–15.

4. Васюков В. Ф. Некоторые вопросы назначения компьютерно-технической экспертизы мобильных телефонов при расследовании преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 46. № 2. С. 81–84.

5. Шеметов А. К. Современные возможности анализа данных, содержащихся в мобильных устройствах связи, с использованием программно-технического комплекса UFED // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 304–307.

6. Васюков В. Ф. Некоторые особенности изъятия электронных носителей при производстве обыска и выемки по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2016. № 2. С. 35–42.

7. Клевцов В. В. Проблемные аспекты изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков с использованием сети интернет // Рос. следователь. 2015. № 6. С. 11–16.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда г. Липецка о проверке конституционности ч. 4 ст. 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 г. «О связи»: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 октября 2003 г. № 345-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2004. № 1. С. 50–52.

9. Васюков В. Ф., Булыжкин А. В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Рос. следователь. 2016. № 6. С. 3–8.

10. Пропастин С. В. Осмотр, обыск или судебная экспертиза: проблема выбора при расследовании преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 20–23.

11. Старичков М. В., Антонов В. А. Электронные носители как источники криминалистически значимой информации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Вып. 3–4. Иркутск: ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2013. С.123–127.

12. Словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru>.

Ключевые слова: специальные знания, следственные действия, электронные устройства, обыск, выемка, следователь

УДК 343.98

НАПРАВЛЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Марковичева Елена Викторовна,

доктор юридических наук, доцент,

главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства,

Российский государственный университет правосудия,

117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69

В статье анализируются нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие замену несовершеннолетнему подсудимому уголовного наказания направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Вносятся предложения по совершенствованию отдельных норм УПК РФ.

Отличительной чертой российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних является его воспитательная направленность, позволяющая назначать принудительные меры воспитательного воздействия. Закрепленный в уголовно-процессуальном законодательстве процессуальный механизм прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних, освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности или от уголовного наказания увязан с допускаемой возможностью корректировки подростком своего поведения, его ресоциализации.

Таким образом, производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних должно быть ориентировано на решение особых задач, обусловленных социальным назначением данного вида производства, о чем, в частности, свидетельствует предусмотренный законодателем механизм альтернативной замены уголовного наказания принудительными мерами воспитательного воздействия.

Материально-правовые основания для назначения несовершеннолетнему в рамках производства по уголовному делу принудительных мер воспитательного воздействия закреплены в Уголовном кодексе РФ, нормы которого: 1) допускают привлечение несовершеннолетнего, достигшего определенного возраста к уголовной ответственности и позволяют освободить от нее несовершеннолетнего, не достигшего на день совершения преступления, этого возраста; 2) определяют особенности применения к несовершеннолетнему уголовного наказания; 3) устанавливают исчерпывающий перечень видов уголовного наказания, которые могут быть применены в отношении несо-

вершеннолетнего; 4) позволяют освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности или от уголовного наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Сложность реализации механизма применения принудительных мер воспитательного воздействия связана с необходимостью комплексного применения материально-правовых и процессуальных норм, регулирующих данный институт. И здесь сказывается пробельность российского не только уголовно-процессуального, но и уголовного законодательства, поскольку «отсутствие глубокого теоретического обоснования указанных мер сказалось и на их законодательном закреплении. В положениях действующего УК РФ отмечаются противоречия, пробелы, рассогласованность с законодательством Российской Федерации, определяющим социальную и правовую политику в отношении несовершеннолетних» [1].

В ч. 2 ст. 90 УК РФ перечислены следующие принудительные меры воспитательного воздействия: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. С одной стороны, законодателем предложен исчерпывающий перечень принудительных мер воспитательного воздействия. С другой, – в ч. 2 ст. 92 УК РФ содержится указание на то, что «помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода». Таким образом, мы имеем дело с системой принудительных мер воспитательного воздействия, закрепленных в ч. 2 ст. 90 УК РФ и специальной мерой – помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ), характер которой до конца не ясен. В целом, можно было бы согласиться с Ю. В. Пудовочкиным, не без оснований предлагающим рассматривать помещение в СУВУЗТ в качестве промежуточной меры, занимающей собственное место между уголовным наказанием и принудительными мерами воспитательного воздействия [2]. Однако неточность нормативных формулировок из уголовного законодательства благополучно транслирована в УПК РФ. В частности, ст. 432 УПК называется «Освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа». То есть между ПМВВ и СУВУЗТ стоит разделительный союз «или». В тоже время, в п. 16 ст. 397 УПК РФ указано, что среди вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, решается вопрос об освобождении от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 92 УК РФ. То есть, помещение несовершеннолетнего в СУВУЗТ рассматривается как принудительная мера воспитательного воздействия. Очевидно, что такая терминологическая неопределенность затрудняет и без того небезупречный процессуальный механизм назначения несовершеннолетнему правонарушителю воспитательных мер, альтернативных уголовному преследованию или уголовному наказанию.

В этой связи стоит задаться вопросом: каково воспитательное значение помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ, и насколько данная мера эффективна? Следует согласиться с мнением тех исследователей, которые видят целый ряд проблем, связанных с применением такой меры как «помещение подростков в уже имеющиеся специализированные учебно-воспитательные учреждения, но обязательно с учетом дифференцированного индивидуально-личностного подхода к различным категориям подростков-правонарушителей» [3]. К сожалению, этот современный вариант воспита-

тельных домов нередко способствует дальнейшей криминализации несовершеннолетнего. Как негативный момент следует отметить и тот факт, что несовершеннолетние нередко убегают из таких учреждений, причем неоднократно. Если сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел вовремя не задерживают их, подростки успевают совершить повторные преступления. В этой связи примечательно и то, что несовершеннолетнему, неоднократно нарушающему правила обучения и проживания в СУВУЗТ, неданная мера не может быть заменена уголовным наказанием. Это формирует у несовершеннолетних правонарушителей чувство безнаказанности.

В судебной практике достаточное количество проблем возникает именно в связи с применением норм, содержащихся в ст. 431 и 432 УПК РФ, т. е., когда суд освобождает несовершеннолетнего подсудимого либо от уголовной ответственности, либо от наказания с назначением принудительных мер воспитательного воздействия. В частности, стоит сказать опять же о неудачном термине «специализированное учреждение для несовершеннолетних», под которым в соответствии с п. 44 ст. 5 УПК РФ понимается «специализированный государственный орган, обеспечивающий исправление несовершеннолетних и созданный в соответствии с федеральным законом». Содержательное наполнение термина «специализированное учреждение для несовершеннолетних» отличается нечеткостью и неконкретностью.

28 декабря 2010 года российский законодатель предпринял попытку упорядочить процедуру досрочного прекращения пребывания несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа. В целом, изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом № 427-ФЗ [4], следует оценивать позитивно. Применение ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5] и ст. 432 УПК РФ на практике вызывало целый ряд вопросов. Однако, на наш взгляд, новая редакция ст. 432 УПК РФ порождает новое противоречие. С одной стороны, в соответствии с ч. 3 ст. 432 УПК РФ, пребывание несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа органа управления образованием может быть прекращено до достижения им совершеннолетия, если у него выявлено заболевание, препятствующее его содержанию и обучению в указанном учреждении. С другой стороны, ч. 4 этой же статьи предусматривает возможность подачи в суд мотивированного представления администрации учреждения и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту нахождения данного учреждения либо ходатайства несовершеннолетнего осужденного, его родителей или иных законных представителей о прекращении пребывания несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа по истечении не менее шести месяцев со дня поступления несовершеннолетнего осужденного в указанное учреждение. Возникает вполне логичный вопрос: может ли быть досрочно прекращено пребывание осужденного несовершеннолетнего в СУВУЗТе, если, например, через два месяца после его поступления в данное учреждение, у него будет выявлено не обнаруженное ранее заболевание, препятствующее его пребыванию в СУВУЗТе? Часть 3 ст. 432 УПК РФ отвечает на этот вопрос утвердительно, а вот часть 4 данной статьи отрицательно, поскольку документы о досрочном прекращении пребывания не могут быть поданы в суд ранее шести месяцев со дня поступления несовершеннолетнего в СУВУЗТе. Полагаем, что в целях защиты прав несовершеннолетних следует уточнить редакцию ч. 4 ст. 432 УПК РФ, добавив в нее следующее предложение: «Если у несовершеннолетнего осужденного после поступления его в специальное учебно-воспитательное учреждение будет выявлено заболевание, препятствующее его содержанию и обучению в этом учреждении,

суд вправе рассмотреть вопрос о досрочном прекращении пребывания несовершеннолетнего осужденного в этом учреждении до истечения шестимесячного срока».

Неудачной видится и механизм помещения и возвращения несовершеннолетнего в СУВУЗТ. На сегодняшний день, активная роль в решении данной задачи отведена сотрудникам ПДН. В тоже время, полагаем, что для решения данной задачи более целесообразно создать службу пробации в системе Минюста. Именно на службу пробации можно было бы возложить функции по контролю за исполнением принудительных мер воспитательного воздействия.

Безусловно, решение данных задач требует системного, концептуального подхода, однако предлагаемые изменения позволят совершенствовать стадию исполнения приговора и постановлений суда в отношении несовершеннолетних.

1. Поводова Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия: Проблемы теории и правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 3.

2. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность: монография. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 100–101.

3. Корягина С. А. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия (по материалам Иркутской области) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1 (27). С. 96.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения процедуры направления несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа: Федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 427-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 39.

5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовное судопроизводство, принудительные меры воспитательного воздействия.

УДК 343.15

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Мишенина Алла Александровна,

*заведующий кафедрой уголовного процесса Четвертого факультета повышения
квалификации (с дислокацией в городе Нижний Новгород)*

Института повышения квалификации,

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
603104, г. Н. Новгород, ул. Красная, д. 5*

Родионова Юлия Викторовна,

*кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного процесса Четвертого
факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Нижний Новгород)*

Института повышения квалификации

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
603104, г. Н. Новгород, ул. Красная, д. 5*

В настоящей статье освещаются отдельные аспекты профилактики и выявления преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Подчеркивается роль каждого органа системы профилактики во взаимодействии при пресечении и раскрытии преступлений против несовершеннолетних.

Обеспечение прав и свобод несовершеннолетних и, в первую очередь, защита детей от преступных посягательств и их вовлечения в противоправную деятельность, является одним из наиболее приоритетных направлений внутренней политики Российской Федерации.

Проблема насилия над детьми становится для современных стран все более актуальной. Угрозы, преследующие детей самого разного возраста, усугубляющиеся на фоне социальной и экономической депрессии, приобретают острый и масштабный характер. В большей степени росту насилия над детьми способствует то, что пострадавшие от насилия не готовы придать огласке произошедшее с ними.

Помимо совершения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних, имеются случаи, когда в результате халатного отношения врачей, педагогов и других, ответственных за детей лиц, либо в результате невыполнения ими своих профессиональных обязанностей гибнут или становятся инвалидами дети.

Органы местного самоуправления не всегда реагируют должным образом на положение детей в неблагополучных семьях, профилактические меры по недопущению преступных посягательств в отношении несовершеннолетних малоэффективны. Органы опеки и попечительства не обладают в полном объеме необходимой информацией и ресурсами для осуществления такой деятельности.

К одним из самых негативных явлений действительности следует отнести детскую безнадзорность и беспризорность. Несовершеннолетние вовлекаются в употребление спиртных напитков, наркотиков, в проституцию и преступную деятельность. На сегодняшний день безнадзорность и беспризорность детей являются одними из самых тревожных характеристик российского общества.

В Российской Федерации проживают около 30 миллионов детей, из них более 800 тысяч – беспризорные дети, около 6 миллионов – несовершеннолетние, находящиеся в социально неблагоприятных условиях.

Расследование преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений деятельности органов Следственного комитета Российской Федерации и органов внутренних дел, поскольку эта категория граждан не может самостоятельно осуществлять защиту своих прав и законных интересов.

Преступления против несовершеннолетних представляют собой общественно опасные посягательства, которые непосредственно нарушают общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое и психическое воспитание несовершеннолетних.

В Уголовном кодексе РФ содержится несколько статей о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних и статьи, в которых одним из квалифицированных признаков является совершение преступления в отношении несовершеннолетних. Это преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, здоровья и нравственности несовершеннолетних, а также:

вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151), розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151¹), торговля несовершеннолетними (ст. 152), подмена ребенка (ст. 153), незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154), разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155), неисполне-

ние обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156), злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157).

Борьба с преступностью в отношении несовершеннолетних требует особого подхода и затрат сил и средств. Как показывает практика, в работе на данном направлении деятельности следственным работникам приходится сталкиваться со значительными трудностями, которые во многом обусловлены особенностями расследования таких преступлений.

Успех в выявлении и расследовании преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних во многом обусловлен тем, насколько следователи, оперативные работники и иные должностные лица правоохранительных органов могут сочетать в этой деятельности свой профессиональный опыт, а также накопленный опыт следственных органов в борьбе с преступлениями в отношении несовершеннолетних со способностью индивидуального и творческого подхода при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений анализируемой категории.

Кроме того, качественному осуществлению предварительного следствия способствует надлежащее взаимодействие следователей с должностными лицами органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, государственных и общественных организаций, а также уполномоченными органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (далее – органы системы профилактики), преследующих цель защиты ребенка.

Система органов профилактики представляют собой единую совокупность органов, включающую:

- подразделения органов внутренних дел;
- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- органы управления социальной защитой населения, образованием, здравоохранением; органы опеки и попечительства, по делам молодежи, службы занятости, иные органы.

Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 122-ФЗ установлено, что комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав создаются на территории субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законодательством субъекта Российской Федерации, в целях координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому, обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, выявлению и пресечению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Одна из функций органов системы профилактики – выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений, антиобщественных действий и (или) в преступную группу, и применение к ним мер воздействия в соответствии с действующим законодательством.

Особое место в системе предупреждения преступлений несовершеннолетних отводится органам внутренних дел, которые выполняют основной объем этой работы, непосредственно занимаются исправлением и перевоспитанием несовершеннолетних, совершивших преступления.

Органы внутренних дел осуществляют профилактику преступности несовершеннолетних как на общем, так и на индивидуальном уровне. Работа проводится в основном по следующим направлениям:

- ограничение влияния негативных социальных факторов, связанных с причинами и условиями преступности несовершеннолетних;
- воздействие на причины и условия, способствующие данному виду преступности;
- непосредственное воздействие на несовершеннолетних, от которых можно ожидать совершения преступлений;
- воздействие на группы с антиобщественной направленностью, способные совершить или совершающие преступления, участником которых является несовершеннолетний, подвергающийся предупредительному воздействию.

Предупредительная деятельность, организованная с учетом этих направлений, должна обеспечивать всестороннее профилактическое воздействие на несовершеннолетних, склонных к совершению преступлений, на микросреду и социальные условия, в которых они находятся.

В процессе предупреждения преступности несовершеннолетних органы внутренних дел должны направлять свои усилия на выявление причин, условий, способствующих преступлениям, а также на их устранение, ограничение и нейтрализацию. В этих целях органы внутренних дел организуют взаимодействие с государственными, общественными и иными организациями и учреждениями, участвующими в предупредительной деятельности, проводят комплексные операции, рейды, целевые проверки и другие мероприятия.

Меры профилактики должны воздействовать как на саму личность несовершеннолетнего преступника, так и на окружающую ее среду. Целью индивидуальной профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, являются исправление и перевоспитание подростка либо изменение его криминогенной ориентации. Особое внимание при этом (с постановкой на учет) сотрудники органов внутренних дел уделяют несовершеннолетним:

- ведущим антиобщественный образ жизни (употребляющим спиртные напитки, наркотики, не занятым учебной и общественно полезным трудом);
- группирующимся на антиобщественной основе;
- вернувшимся из специальных школ и профтехучилищ;
- осужденным условно или к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, а также тем, к кому применена отсрочка исполнения приговора;
- освобожденным из воспитательных колоний.

В процессе предупреждения преступлений несовершеннолетних необходимо оказывать воздействие и на их семьи, поскольку во многих случаях антиобщественное поведение подростка связано с семейным неблагополучием. Для успешной профилактической работы в семье несовершеннолетнего, способного к совершению преступлений, необходимо изучить такую семью во всех аспектах. Важно также владеть методами, разработанными специалистами в области психологии и психиатрии, использовать сведения из других областей знаний и опыт органов внутренних дел в индивидуальной профилактической работе.

Асоциальное поведение в семье, отсутствие надлежащего контроля со стороны родителей и законных представителей за несовершеннолетними являются факторами риска совершения преступлений в отношении несовершеннолетних, проживающих в таких семьях.

Семейное неблагополучие способствует росту безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, числа детей, оставшихся без попечения родителей, в первую очередь за счет детей, родители которых лишены родительских прав.

В неблагополучных семьях отсутствие контроля за несовершеннолетними связано со злоупотреблением родителями спиртными напитками. В указанных семьях роди-

тели не работают, не имеют устойчивых социальных позиций в обществе, образованием и воспитанием ребенка не занимаются. Это приводит к формированию у ребенка искаженных понятий о возможном и дозволенном поведении, чем и объясняется латентность преступлений в отношении несовершеннолетних, а также их несвоевременное выявление.

Важная роль в индивидуальной профилактической работе отводится также органам опеки и попечительства в части участия в пределах своей компетенции в проведении индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, если они являются сиротами либо остались без попечения родителей или иных законных представителей, а также осуществления мер по защите личных и имущественных прав несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства [1].

Основная деятельность органов опеки и попечительства в направлении защиты прав несовершеннолетних граждан, осуществляется в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «Об опеке и попечительстве».

Органы опеки и попечительства осуществляют также защиту прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей. Они ведут учет детей, оставшихся без попечения родителей; исходя из конкретных обстоятельств утраты попечения родителей избирают формы их устройства; осуществляют последующий контроль за условиями их содержания, воспитания и образования. Задача органов опеки и попечительства – своевременно выявить семьи, в которых дети находятся в трудной жизненной ситуации и нуждаются в помощи государства, провести с ними необходимую профилактическую работу. Если данная задача не выполняется или выполняется некачественно, несвоевременно дети из таких семей рискуют стать жертвами преступлений или совершить их сами [2].

Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, осуществляется посредством различных правовых форм. В первую очередь детей стремятся передать на воспитание в семью: на усыновление (удочерение), под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью. При отсутствии такой возможности детей помещают на воспитание в различные государственные учреждения: дома ребенка, детские дома, школы-интернаты и т. д.

При передаче на воспитание в семью от органов опеки и попечительства во многом зависит законность процедуры передачи на усыновление (удочерение). Наличие признаков незаконного усыновления (удочерения) образует состав преступления, предусмотренного статьей 154 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, если это связано с жестоким обращением с ним, образует состав преступления, предусмотренного статьей 156 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их нравственном и физическом развитии, обучении, подготовки к общественно полезному труду. Злоупотребление родительскими правами может иметь место при создании родителями препятствий в обучении детей, склонении их к попрошайничеству, воровству, проституции, к употреблению спиртных напитков или наркотиков.

Предупредить и пресечь незаконные действия в отношении несовершеннолетних должны органы опеки и попечительства.

Подводя итог сказанному, следует отметить, как значима роль органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в недопущении фактов нарушения закона в отношении несовершеннолетних граждан.

Взаимодействие и оперативный обмен информацией между соответствующими органами, выполнение каждым из них своих функций, своевременное выявление детей,

находящихся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении, способствует предупреждению преступлений, совершаемых в отношении детей и подростков [3].

Ненадлежащая работа органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в конечном итоге является одним из условий, способствующих совершению преступлений в отношении несовершеннолетних.

Эффективная, слаженная и своевременная работа органов системы профилактики – это помощь следственным органам при выявлении и расследовании преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Одной из важных задач, стоящих перед следственными органами является не только уголовное преследование лиц, совершивших данные преступления, но и предупреждение и профилактика преступлений в отношении несовершеннолетних.

Анализ уголовных дел о преступлениях, совершенных против несовершеннолетних показывает, что основными причинами и условиями, способствующими совершению преступлений в отношении несовершеннолетних, как правило, являются отсутствие должного контроля за несовершеннолетними со стороны лиц, на которых возложена обязанность по их воспитанию, а также слабая профилактическая работа среди несовершеннолетних из неблагополучных семей со стороны специализированных подразделений органов внутренних дел, органов местного самоуправления, учебных и иных воспитательных учреждений.

В целях предупреждения и профилактики таких преступлений следователи следственных органов ориентированы на внесение по каждому уголовному делу в отношении несовершеннолетних представлений в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ с принятием по результатам их рассмотрения мер ответственности к виновным лицам. Также в каждом случае выявления лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, должен решаться вопрос об их привлечении к уголовной ответственности [4; 5].

Следователи обязаны обеспечивать своевременное проведение работы по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений в отношении несовершеннолетних и других нарушений закона в порядке, установленном ч. 2 статьи 158 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также информирование органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления о выявленных проблемах в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и предложениях по их устранению.

Следователям необходимо принимать меры к повышению уровня взаимодействия с инспекторами по делам несовершеннолетних ОВД, администрациями образовательных учреждений, информировать органы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних о выявленных несовершеннолетних и их семьях, находящихся в социально опасном положении, а также органы опеки и попечительства в случае угрозы жизни и здоровью несовершеннолетнего и в случаях отсутствия родительского попечения.

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 1999 г. № 122-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Миньковский Г. М., Тузов А. П. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. Киев: Политиздат Украины, 1987. 310 с.

4. Чаплыгина В. Н., Калюжный А. Н. Законный представитель несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших на стадии предварительного расследования: проблема определения статуса // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка. Орел, 2016. С. 399–403.

5. Щербакова Л. Ю., Чаплыгина В. Н. Реализация законным представителем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших (в порядке постановки проблемы) // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / редкол.: А. В. Булыжкин и др. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. С. 380–385.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступления против несовершеннолетних, органы системы профилактики, органы следствия, устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления.

УДК 343.98

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ «ЛИЧНОГО СЫСКА» ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОВД В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Моисеев Николай Александрович,

*кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры ОРД,
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71*

Новоселов Николай Георгиевич,

*начальник кафедры ОРД,
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71*

В статье рассматривается правовая основа проведения оперативно-розыскного мероприятия «личный сыск» в условиях использования информационного пространства сети Интернет.

Учитывая, что оперативно-розыскная деятельность является государственно-правовой формой борьбы с преступностью, она должна осуществляться в строгом соответствии с законом и иметь правовое регулирование, понимаемое как нормативно-правовое опосредование общественных отношений, их государственно-властное нормирование, облеченное в правовые формы.

В этой связи предпосылки эффективного осуществления оперативно-розыскных мероприятий «личным сыском», в условиях использования информационного пространства сети Интернет, напрямую связаны с наличием полноценной правовой основы, под которой, на наш взгляд, следует понимать совокупность законодательных и иных нормативных актов, регламентирующих возникающие при этом отношения. Правовая регламентация в указанной сфере деятельности разделяется на два направления: во-первых, правовое закрепление основ функционирования глобальных компьютерных

сетей и, во-вторых, регулирование непосредственно деятельности по проведению в них оперативно-розыскных мероприятий. Как по первому, так и по второму направлению имеется значительное количество неурегулированных аспектов.

Ряд нормативно-правовых актов, принятых в последние годы, могут регулировать некоторые направления информационной безопасности государства и в первую очередь это:

- Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895);
- Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212);
- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;
- Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»;
- Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 2008 г. № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена»;
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)».

В этих нормативных правовых актах комплексно решаются задачи правового обеспечения информационной безопасности. При этом вопросы совершенствования законодательного обеспечения информационного развития России не теряют своей актуальности.

Определенным шагом на этом пути является и принятая Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, призванная стать основой для подготовки и уточнения доктринальных, концептуальных, программных и иных документов, определяющих цели и направления деятельности органов государственной власти, а также принципы и механизмы их взаимодействия с организациями и гражданами в области развития информационного общества в России. Среди основных задач, требующих решения для достижения поставленной цели в Стратегии, в частности, называется противодействие использованию потенциала информационных и телекоммуникационных технологий в целях угрозы национальным интересам России [1, с. 37].

На законодательном уровне разработаны принципы правового регулирования в рассматриваемой сфере, сформулированные в тексте Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 2006 г. К таковым, в частности, отнесены:

- свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом; установление ограничений доступа к информации только федеральными законами;
- обеспечение безопасности Российской Федерации при создании информационных систем, их эксплуатации и защите, содержащейся в них информации;
- неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия;
- недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами.

Статья 15 Федерального закона «Об информации» определяет, что на территории Российской Федерации использование информационно телекоммуникационных сетей осуществляется с соблюдением требований законодательства России в области связи, названного закона, иных нормативных правовых актов Российской Федерации. При этом регулирование использования сетей, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц, осуществляется с учетом общепринятой международной практики деятельности саморегулируемых организаций в этой области. Законодательно закреплены цели защиты информации и прав субъектов в области информационных процессов и информатизации [2].

На правительственном уровне разработаны концептуальные направления развития «информационного общества» указанные в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)». Так, в соответствии с «Программой» в качестве основного приоритетного направления развития информационных технологий выступает «противодействие использованию информационных технологий в целях угрозы национальным интересам России, включая обеспечение безопасности функционирования информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и информационных и телекоммуникационных систем». Здесь же делается довольно серьезный акцент в сторону постановки проблемы «увеличения количества компьютерных преступлений, рост их корыстной направленности, а также наносимого этими преступлениями материального ущерба».

Согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» правовую основу оперативно-розыскной деятельности составляют Конституция Российской Федерации, Закон об ОРД, другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. Среди важнейших принципов отношений между правоохранительными органами и гражданами, провозглашенных Конституцией, применительно к оперативному обслуживанию глобальных сетей следует особо выделить обеспечение права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23) и установление законодательного порядка ограничения основных конституционных прав для достижения общественно значимых целей (ст. 55). Эти нормы напрямую регламентируют условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, и находят свою конкретизацию в ст. 8 Закона об ОРД, занимающего после Конституции определяющее положение в правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности. Так, в ст. 6 Закона об ОРД определен перечень допустимых оперативно-розыскных мероприятий, осуществление большинства из которых возможно и в глобальных компьютерных сетях.

Между тем проблема защиты права личности на неприкосновенность частной жизни [3] (privacy) с развитием глобальных компьютерных сетей рассматривается в технологически развитых государствах как одна из наиболее трудноразрешимых. Законодатель сталкивается здесь со сложной задачей установления оптимального соотношения между интересами личности и общества. Как показывает изучение публикаций по проблеме внедрения в компьютерную сеть системы оперативно-розыскных мероприятий, большинство граждан обеспокоено, главным образом, соблюдением законности со стороны субъектов ОРД при получении доступа к передаваемой глобальными и иными сетями информации и при ее дальнейшем использовании. Регламентацию этих процедур в настоящее время нельзя признать достаточной.

К законодательным актам, устанавливающим базисные положения осуществления ОРД, относят Уголовный кодекс Российской Федерации и уголовно-процессуальное законодательство. Специфичность компьютерной информации в качестве предмета

преступного посягательства приводит к тому, что положения данных актов не всегда могут быть однозначно истолкованы при выявлении обстоятельств, связанных с преступлениями в рассматриваемой сфере. Среди законодательных актов, оказывающих влияние на организацию «личного сыска» с использованием информационного пространства сети Интернет, следует особо выделить Федеральный закон от 16 февраля 1995 г. № 15-ФЗ «О связи» (далее – Закон о связи). В этом Законе установлен порядок взаимодействия операторов связи (к которым, в частности, относятся и провайдеры глобальных и иных сетей) с субъектами ОРД. В соответствии со ст. 14 указанного Закона «операторы связи независимо от ведомственной принадлежности и форм собственности... обязаны оказывать содействие и предоставлять органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий на сетях связи». Позиция Министерства внутренних дел по данному вопросу заключается в обязательности постоянной консервации данных в компьютерах российских фирм-операторов телекоммуникационных сетей в течение 6 месяцев и предоставлении ими информации по запросам правоохранительных органов [4, с. 14–16]. Целесообразно также ввести требование установки на узлах связи автоматических определителей номера абонента, с которого устанавливается соединение с Интернет. Это предложение получает особую актуальность в связи с расширением практики предоставления доступа к Интернет через Интернет-кафе или с использованием, так называемых Интернет-карт, Free Wi-Fi [5], которыми может воспользоваться любой желающий без регистрации у провайдера.

Однако здесь законодатель, посредством введения новых правил предоставления услуг связи населению [6], указал о необходимости идентификации Free Wi-Fi пользователей. Эти действия необходимо трактовать как попыткой упорядочить процесс пользования глобальной сетью домена RU. Для обычного пользователя данные действия, возможно, станут некоторым барьером в его преступном «промысле», но, как известно преступники, использующие информационное пространство сети Интернет, это молодые, современные люди, владеющие выше пользовательского уровня знаниями. Не секрет, что правоохранительным органам важным является – установление маршрута выхода в сеть (в том числе нахождение серверов), а также IP адреса информационного устройства. Преступники знают, что скрыть свой IP адрес можно с помощью: прокси (Проху), анонимайзеров, socks.

Наиболее популярным для скрытого выхода в сеть является Socks. Это сетевой протокол, который позволяет клиент-серверным приложениям прозрачно использовать сервисы за межсетевыми экранами (фаерволами). Socks позволяют создать цепь из нескольких серверов, тем самым достигается наивысшая анонимность в сети. Socks-сервер будет передавать все данные в чистом виде от первого лица – только от себя. А значит в таком случае, можно сказать, что все Socks-серверы «Анонимные». Socks – серверы могут находиться в разных частях земли, передавая информацию друг другу по желанию пользователя. Данные, которые «ходят» между браузером и web-сервером, будут передаваться через все серверы, которые вы выстроили в цепь, возможно не раз обойдя земной шар, пока не достигнут цели [7].

С этим явлением бороться одной стране сложно и требует координации всех членов участников информационного пространства сети Интернет, но в сегодняшней геополитической ситуации это невозможно.

Правовую основу осуществления «личного сыска» оперативными подразделениями ОВД в условиях использования информационного пространства сети Интернет в соответствии с ч. 2 ст. 4 Закона об ОРД создают и нормативные акты, издаваемые органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. При анализе правовой основы нельзя не учитывать также отдельные нормативные акты иных ведомств, хотя и

не являющихся источниками правового регулирования ОРД, но регламентирующих определенные действия, связанные с осуществлением оперативно-розыскных мероприятий. Особо хотелось бы выделить Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [8], вокруг поправок которого, до сих пор ведутся ожесточенные споры о правомерности их введения по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет. В результате принятия поправок с 1 ноября 2012 года создана новая саморегулируемая организация, в обязанности которой входит следить за контентом в сети. Так, мониторингом сети занимается оператор, которого определил специальный орган, уполномоченный правительством (Роскомнадзор). При обнаружении противоправного контента Роскомнадзор уведомляет об этом владельца сайта и хостинг-провайдера. Если владелец сайта не удалит опасный контент в течение суток, это в течение следующих суток должен сделать хостинг-провайдер. В случае если данная информация осталась не вырезанной – сайт или страница сайта – вообще IP-адрес включается в «черный» реестр, где размещается эта опасная информация с целью его блокировки.

Так, в 2014 году Роскомнадзор закрепил за собой статус основного органа власти, обеспечивающего информационную безопасность личности, общества и государства в Интернете. Расширение надзорных полномочий Роскомнадзора связано с вступлением в силу Федерального закона № 398-ФЗ, который ввел внесудебный порядок блокировки сайтов, публикующих призывы к экстремизму и несанкционированным массовым мероприятиям и Федерального закона № 97-ФЗ – так называемого «Закон о блогерах». В исполнение последнего Роскомнадзор приступил к ведению Реестра организаторов распространения информации в интернете и Реестра блогеров.

По состоянию на 2015 год в Единый реестр запрещенной информации сегодня внесено более 45700 URL, 64 % ресурсов уличены в пропаганде и распространении наркотических средств, 15 % – детской порнографии, 12 % – суицида. В реестр блогеров на сегодняшний день внесено 317 человек, ожидают внесения 187 [9].

Таким образом, информационное пространство глобально и требует выполнения синхронных правовых действий всех государств, пользователей сети Интернет. Сейчас действия некоторых государств, осмысливших представленную проблему, по правовому регулированию использования сети Интернет, на наш взгляд, можно назвать экспериментальными, но ни одно из государств не может полностью утверждать, что оно нормативно регулирует информационное пространство сети Интернет. В названной сфере в законодательстве еще существует множество пробелов, которые следует исключать в целях контроля правоохранительными органами сети Интернет, а также для эффективного предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых в сети Интернет.

1. Оперативно-розыскная деятельность в схемах: учебное пособие / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М.: Издатель Шумилова И. И., 2000. С. 37.

2. Цуканов В. В., Шумилов А. Ю. Гласная помощь граждан России пограничной полиции как общая проблема административного, военного и оперативно-розыскного права: монография. М., 2008. 118 с.

3. Петросян М. Е. Понятие «прайвеси»: социологическое и правовое измерения // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 10. С. 105, 113.

4. Егорышева Е. А., Егорышева А. С. Некоторые вопросы использования специальных знаний при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации // Эксперт-криминалист. 2011. № 3. С. 14–16.

5. Wireless Fidelity – высокая точность беспроводной передачи данных, соответствующее стандарту IEEE 802.11.

6. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 31 июля 2014 г. № 758. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Литвинов Д. В., Скрыль С. В., Тямкин А. В. Исследование механизмов противодействия компьютерным преступлениям: организационно-правовые и криминалистические аспекты: монография. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2009. 218 с.

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news29403.html> (дата обращения: 10 апреля 2016 г.).

Ключевые слова: личный сыск, интернет-карта, Free Wi-Fi, реестр, IP-адрес, Socks-серверы «Анонимные».

УДК 351.745.7

ГРАБЕЖ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Морозова Наталия Владимировна,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Бадиков Дмитрий Алексеевич,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Данная статья посвящена исследованию отдельных аспектов криминалистической характеристики грабежа.

Анализ статистических данных дает основания утверждать, что в Российской Федерации на протяжении многих лет наиболее распространенными являются преступления против собственности [1, с. 67–75; 3].

Преступления против собственности и борьба с ними превратились в одну из самых актуальных проблем современной юридической практики. Спектр преступлений против собственности разнообразен, причем наряду со старыми, хорошо известными и определенными в правовой литературе и законодательстве явлениями, возникают но-

вые, отражающие специфику современного уровня развития экономики и науки. Грабежи относятся к числу наиболее опасных преступлений, посягающих на собственность.

Исторически сложилось, что за всю историю существования преступлений против собственности грабежи были наиболее распространены, поэтому их расследование требует значительных усилий.

В процессе расследования указанного вида преступлений именно информационный массив криминалистической характеристики преступлений способствует более правильной квалификации преступлений, что позволяет следователю определить круг необходимых обстоятельств, подлежащих выявлению и доказыванию, спланировать последовательность следственных действий, выдвинуть общие и частные версии, помочь установить цели и мотивы совершенного деяния.

Элементы криминалистической характеристики любого преступления включают в себя следующие компоненты: непосредственный предмет преступного посягательства; способ совершения и сокрытия преступления; обстоятельства совершения преступления (время, место, орудия преступления и т. д.); особенности следовой картины, оставляемой преступниками; личность потерпевшего и преступника.

Первоочередной задачей расследования грабежей является выяснение обстановки преступления во всех ее деталях. Применительно к рассматриваемым преступлениям это означает, что, прежде всего, должен быть решен вопрос о том, имело ли место само событие, что оно собой представляет (разбой или грабеж, простой или квалифицированный и т. д.), в чем именно это событие выражается. В соответствии с названными задачами определяется характер следов, которые подлежат отысканию, фиксации и изъятию в процессе первоначального этапа предварительного следствия.

Механизм слеодообразования при грабежах имеют ряд особенностей. На месте происшествия обычно остается мало следов преступления и других вещественных доказательств. Характер следов, оставляемых преступниками при совершении грабежей, во многом зависит от способа их проникновения на территорию нахождения объекта посягательства и других действий преступников в момент нападения. Как правило, на месте происшествия можно обнаружить следы рук, обуви, крови, различные предметы, брошенные или оброненные преступником, а также потерпевшим в процессе нападения и борьбы.

При осмотре места происшествия должно быть уделено большое внимание и предприняты все меры для своевременного и полного выявления, осмотра и фиксации следов в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Информация об обнаруженных следах на месте происшествия дает возможность воссоздать и смоделировать картину произошедшего события. А также у следователя появляется возможность определения личности предполагаемого преступника по его общефизическим, анатомическим, функциональным признакам. Эта информация и является предпосылкой выдвижения версий на первоначальном этапе расследования. Данная информация по своей природе является диагностической, поэтому теоретические и практические проблемы криминалистической диагностики человека по его следам и отображениям имеют очень большое значение в практике раскрытия и расследования преступлений [2].

Наиболее вероятные места, где могут быть обнаружены следы рук, это те предметы, которых касались преступники в присутствии потерпевшего: ручки дверей, выключатели электрической сети, книги, стенки, стекла шкафов, столы, стулья и другие предметы с гладкой поверхностью. Они являются носителями и запаховой информации о конкретных соучастниках нападения. Сведения о месте и времени совершения пре-

ступления позволяют точнее оценивать обстоятельства события преступления, определять круг подозреваемых лиц и решать другие задачи по уголовному делу.

Время преступления как элемент криминалистической характеристики грабежей не должно ограничиваться астрономическими свойствами, такими, как год, месяц, дата, часы, минуты, секунды. Необходимо рассматривать время совершения грабежей во всей совокупности взаимосвязей и отношений с другими элементами криминалистической характеристики расследуемого преступного деяния. Как правило, время совершения грабежей несовершеннолетними сопряжено с особенностями личности как отдельно взятого индивида, так и образа жизни, свойственного всем несовершеннолетним. Например, в литературе отмечается, что чаще всего несовершеннолетние совершают преступления в свободное от учебы время в учебные дни (с 15 час. до 24 час.). Что касается грабежей, совершаемых взрослыми преступниками, то интересно отметить, что «пик» преступных проявлений приходится на 20-21 час. При этом 18-20 % совершается в выходные и праздничные дни. Меньше всего преступлений совершается в понедельник [3].

Места открытого хищения чужого имущества подбираются такие, которые позволяют быстро и без свидетелей завладеть вещами жертвы и скрыться незамеченными. Наиболее подходяще места для этого – подъезды, дворы, улицы с плохим освещением, лесопосадки и парки, остановки общественного транспорта, квартиры и дачи граждан.

К орудиям и средствам совершения грабежей относятся средства маскировки, средства нейтрализации сопротивления потерпевшего (веревки, скотч), средства, используемые для причинения вреда здоровью или угрозы причинения такого вреда (оружие, взрывные вещества, орудия бытового, спортивного и иного назначения).

Личность преступника можно охарактеризовать следующим образом: как правило, это мужчины средних лет, без постоянного источника доходов. Зачастую грабежи совершаются группой лиц по предварительному сговору.

Большинство грабежей совершается с целью завладения личным имуществом граждан (срывание золотых цепочек, похищение сотовых телефонов, фотоаппаратов, завладение относительно небольшими суммами денег и т. д.).

Поэтому потерпевшими в таких случаях выступают обычно владельцы указанного имущества, небрежно относящиеся к хранению телефонов, фотоаппаратов, а также не способные к активному сопротивлению (одинокие женщины, подростки, пожилые люди).

В целом, элементы криминалистической характеристики грабежей неразрывно связаны между собой и взаимообусловлены. Своевременное установление компонентов криминалистической характеристики в дальнейшем окажет большую помощь следователю при расследовании данного вида преступлений.

1. Бадиков Д. А., Калюжный А. Н., Флоря Д. Ф. Особенности расследования отдельных видов преступлений: курс лекций. Орловский юридический институт МВД России, 2008. 166 с.

2. Морозова Н. В. Следы человека как объект диагностического исследования // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 160.

3. Васюков В. Ф. Организационные и тактические особенности расследования грабежей и разбоев, совершаемых на открытой местности. Орел, 2011. 217 с.

4. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru>.

Ключевые слова: грабеж, криминалистическая характеристика, расследование преступлений.

УДК 343.98

ИЗЪЯТИЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Мотина Лариса Васильевна,

*ассистент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора,
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева,
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95*

В данной статье рассматриваются вопросы проведения следственных действий, в ходе которых производится изъятие и предварительное исследование материальных следов с места происшествия.

В современных условиях приоритетным направлением деятельности российских правоохранительных органов является борьба с преступностью. Совершаемые преступления в основном направлены против человека, его жизни и собственности, при раскрытии и расследовании данных преступлений применяются такие следственные действия как изъятие и предварительное исследование материальных следов с места происшествия.

Материальными следами в криминалистике являются любые материальные изменения в элементах вещной обстановки, возникающие в результате механического, химического, биологического, термического и иного воздействия [1, с. 67].

Исследование следов может быть предварительное (доэкспертное), которое осуществляется следователем и специалистом (в порядке ст. 38, 58, 151, 168 УПК РФ) в процессе производства следственного действия и экспертное, проводимое по постановлению о назначении экспертизы экспертами (в порядке ст. 195 УПК РФ).

Следует согласиться с В. Ю. Ткач, что «предварительное исследование следов преступлений и их «картины» на месте происшествия преследует многоаспектные цели и задачи – от обнаружения, фиксации и изъятия следов, выявления в целом обстоятельств преступления до моделирования внешнего образа (облика) и составления психологического портрета преступника», а также автор отмечает, что предварительные исследования проводятся как проверочные действия при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по письменному поручению следователя, с представлением специалисту конкретного объекта исследования, ставятся конкретные вопросы, подлежащие непосредственному разрешению, такие как принадлежность объекта к определенной группе, о возможности его идентификации и т. п. [2, с. 113, 119].

Необходимо также отметить, что предварительное исследование – это оперативно-тактическое действие, при котором полученная информация в дальнейшем используется в оперативных целях, проводится с соблюдением общих положений и норм уголовного процесса.

Примечательно, что по существу предварительные исследования реализуются аналогично порядку назначения судебной экспертизы, признаются достаточными для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, но доказательством по уголовному делу не являются, так как предварительное исследование процессуальным действием не является и в документах не отражается. Это личное исследование объектов, проводимое следователем, который может для качественного расследования преступления привлечь специалиста, их действия при проведении предварительного исследования направлены в основном на получение непосредственной информации для немедленной ее обработки, истолкования и построения предположительных выводов.

В комплексном извлечении информации с осмотра места происшествия участвуют следователь, соответствующие специалисты, сотрудники органов дознания, внутренних дел, а также в ряде случаев и прокурор. Данная информация позволяет принять экстренные меры реагирования по выявлению преступников и организовать их розыск по «горячим» следам.

Результаты предварительного исследования, т. е. мнения и выводы следователя, доказательственной силой не обладают, они имеют лишь оперативно-тактическое и ориентирующее значение, и используются для построения версий и планирования расследования.

Основываясь на требованиях уголовно-процессуального закона, в современной криминалистике выработаны достаточно четкие рекомендации о порядке и правилах работы с материальными следами. Порядок и элементы работы со следами складываются из следующих основных этапов:

- обнаружение;
- закрепление (фиксация);
- изъятие;
- сохранение;
- подготовка материалов для экспертизы;
- исследование, идентификация объекта по следам [3, с. 295].

Все указанные выше элементы работы с материальными следами находят свое отражение в протоколах следственных действий в виде словесного (вербального) описания. Кроме этого достаточно подробно отражаются результаты этой работы в виде точного описания места обнаружения следа, его размеров, внешнего вида (формы, цвета и др.), индивидуальных особенностей.

Изъятие материальных следов с места преступления – это деятельность по обеспечению возможности приобщения следа к уголовному делу для последующего изучения и исследования. Следы в зависимости от их видов вместе с объектом-носителем следа или его частью, в случае невозможности изъятия вместе объекта-носителя (часть его) со следом, изымаются копии следа или его модели (слепки).

В ходе осмотра места происшествия определяется и фиксируется в следственном протоколе локализация, характер места происшествия, например, помещение предприятия общественного питания, клуба, частный дом; квартира и прочее открытое место: в черте населенного пункта – пустырь, двор, улица или поле, луг, лес.

Важнейшими объектами поиска и анализа при осмотре места преступления является, например, брошенное или утерянное преступником орудие преступления, которым мог быть нож, топор, кастет, наладонник, если преступление связано с причинением вреда здоровья путем отравления, внимание привлекает посуда с остатками предполагаемого яда или предположительно отравленные пища, напитки, рвотные массы.

Особое внимание уделяется следам, характерным для насилия, борьбы между преступником и потерпевшим например, разбитая посуда, оконные стекла, опрокинутая мебель, следы на предметах обстановки или стенах помещения от пуль, дроби, картечи, признаки надруга и др.

Большое значение имеют следы пальцев рук, оставленные на предметах, например бутылке, осколках стекол, пластмассовых изделиях, оружие и др., а также ног, зубов – на остатках пищевых продуктов.

Интерес представляют оставленные преступником следы выделений, в частности крови, слюны, например, на окурках сигарет.

Распространенными объектами предварительного исследования являются личные вещи преступника и потерпевшего, изъятые с места происшествия:

- одежда, головной убор, пряжка от ремня, оторванная пуговица, обрывок газеты с записью номера дома, квартиры получателя, записная книжка, письмо, записка, фотоснимок, проездной билет, квитанция, например на почтовое отправление, расческа, авторучка, ключ, носовой платок и др.;

- специфические для места происшествия вещества, которые могли бы пристать к телу, одежде, обуви, как преступника, так и потерпевшего, например, цементная пыль, красители, семена, пыльца растений и др.

Материальные следы, обнаруженные в ходе осмотра места происшествия несут значительный объем информации о событии преступления, механизме и лице, его совершившем, большей частью такая информация имеет латентный (скрытый) характер, что только в рамках судебных экспертиз происходит их выявления и дается соответствующая им правовая оценка. В практической области криминалистики накопился большой опыт получения розыскной и доказательственной информации путем исследования материальных следов и других объектов при проведении следственных действий [4].

По мнению Ю. Г. Корухова, изъятие и предварительное исследование следов преступлений на месте происшествия, прежде всего, преследуют следующие цели:

- тактические, при этом происходит реализация полученной информации в раскрытии преступления по «горячим» следам;

- стратегические, способствуют формированию доказательственной базы по уголовному делу для раскрытия и расследования преступления и дальнейшему предания суду лица, виновного в его совершении. Формы исследования и направления использования следов преступления как источников розыскной и доказательственной информации находятся в определенной зависимости от стадий этого процесса, от содержания и целей выполняемой на них деятельности [5, с. 8–13].

Исходя из вышесказанного, следует особо отметить, что тщательно и качественно собранные материальные следы при осмотре места происшествия способствуют эффективному и скорейшему расследованию и раскрытию преступления.

1. Россинская Е. Р. Криминалистика. М., 2006.

2. Ткач В. Ю. Место происшествия как объект криминалистического исследования (проблемы научно-технического и организационного обеспечения): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

3. Руководство по расследованию преступлений: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Гриненко. М., 2008.

4. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58 / Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

5. Корухов Ю. Г. Необходимость совершенствования правовой регламентации применения научно-технических средств // Информационный бюл. Акад. упр. МВД РФ, 2000. № 12.

Ключевые слова: места преступления, изъятие, материальные следы, объекты предварительного исследования, следователь, специалист, эксперт.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

*Муллахметова Наталья Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики,
Смоленский гуманитарный университет,
214014, г. Смоленск, ул. Герцена, д. 2*

В статье рассматривается порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Анализируются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, позиции ученых-процессуалистов, обосновываются суждения о недостатках правового регулирования.

В ежегодном послании Федеральному Собранию в 2015 году Президент РФ просил Государственную Думу поддержать инициативу Верховного Суда РФ о декриминализации ряда статей УК РФ, указав на то, что «закон должен быть гуманен к тем, кто оступился» [1]. И 3 июля 2016 года был принят Федеральный закон № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». В связи с принятием данного закона появился новый процессуальный институт: прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (гл. 51.1 УПК РФ).

У ученых и практиков данные новеллы вызвали ряд вопросов. Так, содержание статей 25 УПК РФ о примирении сторон и 25.1 УПК РФ о назначении судебного штрафа допускает возможность усмотрения правоприменителя в выборе основания для прекращения уголовного дела: категория дел одна и та же (небольшой или средней тяжести), в обоих случаях есть условие о совершении преступления впервые, а также о возмещении ущерба или о заглаживании вреда, причиненного преступлением. Оба основания относятся к числу нереабилитирующих, но при этом судебный штраф может быть назначен только судом, а прекращение дела в связи с примирением сторон возможно также по постановлению следователя с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора. А в некоторых случаях у правоприменителя может возникнуть альтернатива применения статьи 28 УПК о деятельном раскаянии или же ст. 25.1 УПК о судебном штрафе. На то, что ФЗ № 323 ухудшает положение обвиняемых по уголовным делам, отвечающим критериям ст. 75, 76, 76.1 УК РФ, обратили внимание и другие юристы. И следует согласиться с ними в том, что порядок прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа по смыслу закона № 323 должен лишь расширять возможности освобождения от уголовной ответственности, а не конкурировать со специальными основаниями, указанными в статьях 75, 76 и 76.1 УК РФ [2].

Следует отметить, что в определенных случаях у суда не возникнет сомнений при решении вопроса об основаниях для прекращения уголовного дела: в соответствии с ФЗ № 323 уголовные дела частного-публичного обвинения теперь нельзя прекратить в связи с примирением сторон, т. к. формулировка «за исключением случаев, предусмотренных статьей 25 настоящего Кодекса» из ч. 3 ст. 20 УПК РФ исключена. Поэтому дела частного-публичного обвинения небольшой или средней тяжести, совершенные впер-

вые, можно прекратить только с назначением судебного штрафа либо в связи с деятельным раскаянием.

Очевидно, что для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон необходимо заявление потерпевшего или его законного представителя, в то время как для прекращения дела в связи с назначением судебного штрафа согласие потерпевшего либо выяснение его мнения не требуется. Более того, уголовное дело может быть прекращено на основании ст. 25.1 УПК РФ, даже если вред вовсе не был причинен преступлением. Так, мировой судья судебного участка № 1 Чкаловского судебного района Нижегородской области в постановлении о прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа Костромину М. А., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ст. 256 ч. 1 п. «б», «в» УК РФ, указал на отсутствие ущерба от преступления, поскольку обвиняемый в заливе Горьковского водохранилища, который является местом нереста рыб, осуществил незаконный лов рыбы сетью-подъемником, однако выловить рыбу ему не удалось [3].

Если же рассматривать ситуации, когда по уголовному делу есть потерпевший, которому преступлением причинен любой из видов вреда, то мы полагаем, что его позиция относительно возможности прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа обязательно должна учитываться, хотя согласие потерпевшего на прекращение дела по данному основанию закон не требует. Но как можно узнать, возмещен ли или заглажен потерпевшему вред, без участия его самого? Ст. 446.2 УПК РФ указывает на необходимость участия сторон при рассмотрении ходатайства следователя (дознателя) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, хотя неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства. Представляется, что во всяком случае позиция потерпевшего относительно самого факта и полноты возмещения причиненного ему вреда обязательно должна выясняться судом. В некоторых судебных постановлениях можно встретить указание на то, что потерпевший, хотя и не явился в заседание, просил рассмотреть дело в его отсутствие и не возражает против прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [4]. С позиции защиты прав и законных интересов потерпевших это чрезвычайно важно, ведь впоследствии, после прекращения уголовного дела, потерпевший уже не сможет предъявить требования о возмещении причиненного преступлением вреда, т.к. предполагается, что претензий к обвиняемому в этой части у него уже не было к моменту принятия решения в порядке ст. 25.1 УПК РФ. Верховный Суд РФ разъяснил, что обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или загладить вред в будущем не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»).

Новый правовой институт вызвал и другие вопросы. Так, например, В. В. Кальницкий указывает на отсутствие в законе прямого указания на возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа, если заявлено ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке или с обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Кроме того, закон умалчивает, допустимо ли прекращение уголовного дела с применением судебного штрафа в отношении несовершеннолетних подсудимых [5]. Некоторые разъяснения даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». В частности, внесены изменения в ППВС РФ от 27 июня 2013 года № 19, п. 16.2 которого содержит разъяснение, не исключающее назначение судебного штрафа несовершеннолетним: «При освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности на основании статьи 76.2 УК РФ суду необходимо учитывать особенности, предусмотренные нормами главы 14 УК РФ, касающиеся, в частности, исчисления сроков давности уголовного преследования, сроков погашения судимости, размера штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания, и т. д.».

Что же касается возможности прекращения уголовного дела и уголовного преследования с назначением судебного штрафа по результатам рассмотрения уголовного дела в особом порядке, то такой вариант по смыслу ч. 2 ст. 446.1 УПК РФ не противоречит закону, если, конечно, обвиняемый является совершеннолетним. В судебной практике можно встретить немало примеров таких решений [6]. Но неизбежно встает вопрос о действии принципа непосредственности, о специфике доказательственной деятельности при применении положений главы 51.1 УПК РФ. Необходимо учесть, что особый порядок не предполагает проведения судебного следствия в полном объеме, хотя в силу ч. 7 ст. 316 УПК РФ судья должен прийти к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. При этом согласно ч. 8 ст. 316 УПК РФ анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре не отражаются. Но и в описательно-мотивировочной части постановления об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа не приводится перечень и содержание исследованных судом доказательств, а просто указывается на то, что обвинение подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, в материалах дела содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять решение о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (см. п. 25.6 ППВС от 27 июня 2013 года № 19), такие общие формулировки, без анализа конкретных доказательств, приводятся и в судебных актах [7]. Хотя некоторые ученые считают, что без непосредственного исследования судом всех обстоятельств дела, без проведения полноценного судебного следствия невозможно принять законное и обоснованное решение о прекращении уголовного дела (преследования) с назначением судебного штрафа, закон не устанавливает упрощенного порядка доказывания при назначении судебного штрафа [5].

Из содержания ч. 6 ст. 446.2, ч. 1 ст. 446.3 УПК РФ не ясно, какой срок может установить суд для уплаты судебного штрафа, указывается лишь на то, что при этом учитывается материальное положение лица, совершившего преступление, и его семьи. Практика по этому вопросу не отличается единообразием. Так, Ейский районный суд Краснодарского края постановлением от 25.07.2016. освободил от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ Алексеенко В. В., Бонина М. В., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ (т. е. в незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов с применением самоходного транспортного плавающего средства, на миграционных путях к местам нереста, группой лиц по предварительному сговору) с назначением каждому судебного штрафа в размере 100 тысяч рублей с рассрочкой его оплаты на десять месяцев [8]. Самарский гарнизонный военный суд постановлением от 30.12.2016. уголовное дело по обвинению Ласточкина Д. Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 (мошенничество), прекратил и назначил ему судебный штраф в размере 35 тысяч рублей с обязанностью уплатить его в течение шестидесяти дней со дня вступления постановления в законную силу [4]. Представляется, что необходимо законодательно

определить границы судебного усмотрения в части установления срока оплаты штрафа как меры уголовно-правового характера, ведь применительно к наказанию в виде штрафа это сделано в ч. 2 ст. 398 УПК РФ: уплата штрафа может быть отсрочена или рассрочена на срок до пяти лет, если немедленная уплата его является для осужденного невозможной. На этот счет уже есть предложения практиков. Так, по мнению старшего помощника прокурора г. Новороссийска М. Ю. Дудченко, максимальный срок для оплаты судебного штрафа не может превышать срока, предусмотренного ст. 78 УК РФ – «Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности» для соответствующих категорий преступлений, т.е. по преступлениям небольшой тяжести не может быть более двух лет, а по преступлениям средней тяжести – более шести лет [9].

Конечно, институт прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа действует всего полгода, и пока рано оценивать его результативность, но уже сейчас очевидно, что требуется совершенствование законодательного регулирования отдельных вопросов.

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Кузьминых К. С., Соловьев В. Ф., Устюжанинов Д. А. О судебных штрафах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hand-help.ru/doc25.10.html> (дата обращения: 30 января 2017 г.).

3. Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Чкаловского судебного района Нижегородской области от 29.07.2016 по уголовному делу № 1-45/2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/4XFJFH8cXBuF> (дата обращения: 30 января 2017 г.).

4. См., например: постановление Самарского гарнизонного военного суда от 30.12.2016 по уголовному делу № 1-98/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/c7XYIOwATYQK> (дата обращения: 30 января 2017 г.).

5. Кальницкий В. В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iaaj.net/node/2101> (дата обращения: 30 января 2017 г.).

6. См., например: постановление мирового судьи судебного участка № 71 судебного района г. Октябрска Самарской области от 09.01.2017 по уголовному делу № 1-1/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/9tOyUdsqBlWK> (дата обращения: 30 января 2017 г.); постановление мирового судьи судебного участка № 2 Засвияжского судебного района г. Ульяновска от 11.01.2017 по уголовному делу № 1-3/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/k8oQ7Mol6J6O> (дата обращения: 30 января 2017 г.).

7. См., например: постановление Промышленного районного суда г. Смоленска от 29.12.2016 по уголовному делу № 1-349/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/X3h6hYkZmMmv> (дата обращения: 30 января 2017 г.).

8. Постановление Ейского районного суда Краснодарского края от 25.07.2016 по уголовному делу № 1-81/2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/7869025> (дата обращения: 30 января 2017 г.).

9. Дудченко М. Ю. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике [Электронный ресурс]. URL: <https://ugolovnoedelo.com/osvobozhdenie-ot-ugolovnoj-otvetstvennosti-s-naznacheniem-sudebnogo-shtrafa-vozmozhnye-problemy-na-praktike> (дата обращения: 30 января 2017 г.).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прекращение уголовного дела и уголовного преследования, судебный штраф.

УДК 343.1

О РОЛИ МИКРООБЪЕКТОВ ВОЛОКНИСТОЙ ПРИРОДЫ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Омельченко Владимир Александрович,
кандидат фармацевтических наук, начальник ЭКЦ,
УМВД России по Орловской области,
302028, г. Орел, ул. 7 Ноября, д. 43 а

Сезонова Татьяна Владимировна,
кандидат педагогических наук,
ЭКЦ УМВД России по Орловской области,
302028, г. Орел, ул. 7 Ноября, д. 43 а

Статья посвящена вопросу значения судебных экспертиз волокон и волокнистых материалов в раскрытии и расследовании преступлений различных видов. Приведены конкретные примеры использования результатов исследований объектов волокнистой природы, работы регионального учета микроволокон.

Исследование волокон и волокнистых материалов представляет собой один из двенадцати самостоятельных видов судебных экспертиз, объединенных в род «физико-химическая экспертиза» (экспертиза материалов, веществ и изделий). Как показывает обширная отечественная и зарубежная экспертная практика решение диагностических задач в ходе исследований микроволокон позволяет получить оперативно-розыскную информацию для поиска и обнаружения преступников по горячим следам [3].

Результаты исследования объектов волокнистой природы зачастую позволяют определить важные фактические обстоятельства, связанные с событием преступления, в том числе, с установлением факта пребывания лица или орудия преступления на месте происшествия, получить представление об особенностях предметов одежды преступника, установить цвет, характер изделий, в ряде случаев выявить индивидуальные свойства материалов одежды. Несмотря на существенную трудоёмкость сравнительных судебных экспертиз волокон и волокнистых материалов, обусловленную решением ими идентификационных задач, результаты подобных экспертиз эффективно способствуют формированию доказательной базы [1].

Микрочастицы волокнистой природы (текстильные волокна и т. п.) часто являются не только самостоятельным объектом конкретного видового исследования (например, в случае их изъятия специалистом-криминалистом на липкую плёнку), но могут присутствовать и на иных изымаемых предметах-носителях в виде наложений, в объёме различных веществ и материалов, в т. ч. в качестве антропогенных включений в почвенных, ботанических и т. п. объектах, изымаемых как индивидуально, так и в виде различных наслоений и наложений на каких-либо предметах.

Эффективность данных исследований при грамотном использовании подобных объектов в раскрытии и расследовании преступлений регулярно подтверждается имеющейся следственной практикой [2]. Из её многочисленных примеров можно привести ряд частных случаев.

Так, в ноябре 2012 г. в одной из деревень Болховского района под днищем автомобиля произошёл взрыв самодельного взрывного устройства. Рядом проведённых по данному факту волоконно-лабораторных исследований объектов различных экспертиз (в т. ч. взрывотехнической и почвоведческой) установлено, в частности, что в составе образца почвы с места стоянки (минирования) автомобиля имеются включения единичных микроволокон, однородных с аналогичными волокнами, сохранившимися на фрагментах взорванного устройства, а также с микроволокнами, присутствовавшими в качестве незначительных включений в почвенных наслоениях на подошвах сапог подозреваемого.

Другой пример, в августе 2015 г. неустановленное лицо неустановленным следствием предметом причинило гражданке Ф. телесные повреждения в виде проникающего ранения грудной клетки с повреждением внутренних органов, повлекшие тяжкий вред её здоровью и приведшие к наступлению смерти, труп которой был обнаружен в её доме в Орловском районе.

В ходе осмотра дома Ф. на форточке окна веранды были обнаружены и изъяты микроволокна преимущественно серого цвета. Допрошенный в качестве потерпевшего Ф. пояснил, что когда он подошёл к дому своей матери, то возле дома находился К. Входная дверь в дом была заперта изнутри. Он обошёл дом и обнаружил, что было открыто только одно окно, а именно форточка в окне, расположенном на веранде дома, откуда были изъяты микрочастицы.

В ходе выемки у обвиняемого К. были изъяты спортивная куртка тёмно-синего цвета, рубашка тёмно-сине-серого цвета с рисунками в виде белых квадратов. В ходе производства двух назначенных по данному факту волоконно-лабораторных экспертиз была установлена однородность волокон, изъятых с форточки окна веранды, и волокон, входящих в состав спортивной куртки К.

В ЭКЦ УМВД России по Орловской области в полном объёме организовано не только производство экспертных исследований волокон и волокнистых материалов, а также, согласно приказу МВД России от 10.02.2006 № 70, ведение регионального учёта микрообъектов волокнистой природы – микроволокон.

Примерами работы экспертного учёта микрообъектов являются, в частности, установленные совпадения по факту хищения денежных средств из магазина «Белорусская косметика»; по факту хищения ТМЦ из дома, со склада; по фактам хищений из автомобилей в г. Мценске; по фактам хищений из гаражей ГСК «Москвич» и ГСК «Автомобилист» на территории, обслуживаемой ОП № 3 УМВД России; по фактам хищений аккумуляторов из автомобилей ВАЗ 2106 и ВАЗ 2105; по фактам хищений из дачных домиков СНТ «Ока», СНТ «Янтарь», на территории обслуживаемой УМВД России по Орлу и из дачного домика СНТ «Победа» на территории, обслуживаемой УМВД России по Орловскому району.

Подобные примеры свидетельствуют о том, что несмотря на повсеместно проявляемую преступниками осторожность и частое использование ими перчаток, сочетание определяющей информативности и грамотное изъятие обнаруженных объектов специалистами-криминалистами на местах происшествий с качественным ведением соответствующего экспертного учёта с применением современного аналитического оборудования является одним из ключевых факторов, способствующих доказыванию и объединению уголовных дел, достижению удовлетворительной результативности в раскрытии и расследовании преступлений.

Таким образом, практика объединения уголовных дел на основании результатов волоконно-лабораторных исследований показывает, что повышение полноты отработки обнаруживаемых на местах происшествий волокон способно увеличить раскрываемость преступлений и способствовать формированию необходимой доказательной базы.

1. Вандер М. Б. Использование микрочастиц при расследовании преступлений. СПб.: Питер, 2001.

2. Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них: методическое пособие для экспертов. М.: ВНИИСЭ, 1983. Вып. 1, 2.

3. Текстильные волокна – источник розыскной и доказательственной информации. Ч. 1, 2, 3. М.: ВНИИ МВД СССР, 1982.

Ключевые слова: исследование объектов волокнистой природы, ведение регионального учета микрообъектов, формирование доказательной базы, раскрытие и расследование преступлений.

УДК 343.98

РОЛЬ СОТРУДНИКОВ «СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ» В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Осипова Татьяна Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса,
Пятый факультет повышения квалификации
Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск),
Академия Следственного комитета Российской Федерации,
680006, г. Хабаровск, ул. Ангарская, д. 11

Статья посвящена положительному опыту расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в тесном взаимодействии работы следователя с педагогами «Социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних».

Если есть преступление, то лицо производящее расследование обязано установить виновность лица его совершившего [1]. Особые сложности, с которыми сталкивается следователь в расследовании преступлений названной категории, связаны не только с установлением виновности лица его совершившего, но и связанных с установлением психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим.

Общеизвестно, что несовершеннолетним присущи психологические особенности, свойственные детскому и подростковому возрасту.

Исследователи сходятся во мнении, что эти особенности включают в себя внушаемость, доверчивость, любопытство, дезориентированность в конфликтных ситуациях. Малолетние в любых случаях беспомощны перед авторитетом взрослого человека, их субъективная возможность противодействовать преступнику и самостоятельно ориентироваться в опасных ситуациях бывает очень невысокой. Все указанное делает эту возрастную группу повышенно виктимной, т. е. ее представители предрасположены при определенных условиях стать жертвой преступлений, особенно со стороны взрослых лиц [2].

Перенесение сексуальное насилие дети часто не способны наладить нормальные взаимоотношения со сверстниками. Насилие, особенно если оно было совершено человеком, которому ребенок доверял, глубоко переживается им как предательство. В результате ребенок замыкается в себе и не идет на близкие и доверительные отношения с

другими. Кроме того, чувство вины и стыда, обычно возникающее у детей-жертв сексуального насилия, мешает установлению дружеских отношений, ведет к изолированности. Многие жертвы сексуального злоупотребления не умеют уважать права других людей, у них не формируется адекватное представление о нормах допустимого поведения. Нередко их попытки избавиться от чувства собственной беспомощности и обрести уверенность в себе принимают форму агрессии и даже сексуальной эксплуатации других [3].

Как свидетельствует практика, расследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних представляет значительную трудность, так как, совершаются они зачастую без свидетелей, а следы преступления либо уничтожаются, либо по истечении времени, когда преступление раскрыто, утрачены и в качестве доказательств, следовательно приходится опираться только на свидетельские показания.

Любая, даже незначительная информация может оказаться полезной, для раскрытия такого преступления, полученная процессуальным путем.

К положительным результатам в расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних приводит кропотливая работа следователя с педагогами «Социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних».

В качестве положительного опыта по расследованию уголовного дела о преступлении указанной категории можно привести пример из практики следственного отдела по городу Комсомольску-на-Амуре СК РФ по Хабаровскому краю.

Уголовное дело было возбуждено следователем по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ по факту совершения В. насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней М.

В ходе предварительного следствия было установлено, что В. проживал по адресу: ул. Свердлова г. Комсомольска-на-Амуре дом 39 вместе со своей сожительницей М., ее малолетней дочерью М., 17 мая 1995 года рождения, а так же их совместной малолетней дочерью М., 4 августа 2004 года рождения. Мать М. с мая 20.. года находится под стражей в ФБУ ИЗ-27/2 г. Комсомольска-на-Амуре. Опекуном малолетней М. был назначен В. Неоднократно в период с 1 апреля 20.. года по 13 марта 20.. года в доме № 39 по ул. Свердлова г. Комсомольска-на-Амуре В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, осознавая, что М. в силу своего малолетнего возраста и физического состояния не способна защитить себя, и лишена возможности оказать ему какое-либо сопротивление, действуя против воли потерпевшей, несмотря на ее протесты и просьбы прекратить подобные действия, раздевал М., совершал против ее воли половые акты, причиняя ей физическую боль и моральные страдания.

Основными доказательствами по делу явились показания потерпевшей М., которой в период расследования уголовного дела было 13 лет. Откровенному рассказу *девочки*, ее желанию вспомнить все до мельчайших подробностей способствовало установление теплых отношений с ней следователя по особо важным делам, педагога и законного представителя, участвовавших в деле. В качестве педагога была приглашена психолог МУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних», законного представителя – директор данного центра, куда М. была помещена после возбуждения уголовного дела.

Неформальное общение с М. сотрудников социально - реабилитационного центра, искреннее сочувствие ей, умение найти подход к несовершеннолетним, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, были правильно использованы следователем, которая впоследствии привлекла данных лиц для участия в следственных действиях.

Следователь по особо важным делам следственного отдела по г. Комсомольску-на-Амуре, постаралась добиться от М. полного доверия, убедила ее в безопасности ее положения, необходимости достоверно и подробно рассказать о совершенном в отно-

шении нее преступлении. При этом она неоднократно общалась с М., в том числе в неформальной обстановке на доступном для девочки языке, искренне интересуясь ее жизнью, располагая ее к себе в откровенной беседе, вместе с ней ездила к ее младшей сестре Вале, которую малолетняя М. очень любит. Важным для девочки было и то обстоятельство, что следователь, которой она подробно рассказала о совершенных в отношении нее преступлениях, является женщиной, сможет понять ее, перед ней не стыдно все рассказать.

Участие в ходе допроса педагога и законного представителя, которые создали психологически комфортную для потерпевшей обстановку и помогли ребенку сосредоточиться и вести себя спокойно, имели и другое значение. Впоследствии они были допрошены в качестве свидетелей о поведении и состоянии девочки как в момент поступления в социально-реабилитационный центр, так и в ходе следствия.

Подтверждением правдивости показаний М. явились показания психолога МУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Комсомольска-на-Амуре, которая пояснила, что при поступлении в центр в отношении М. была проведена диагностика девочки. Психолог обсуждала с ней обстоятельства произошедшего, малолетняя М. подробно рассказывала о совершении в отношении нее В. насильственных действий сексуального характера, при этом состояние ее было неуравновешенным, тревожным, было видно, что, рассказывая об отчине, она прилагала огромные усилия воли, чтобы вспомнить те ситуации в деталях и подробно. Впоследствии психолог присутствовала при допросе девочки, где малолетняя М. рассказала в полном объеме все то, что рассказывала ей в ходе проводимого ею обследования девочки. Жалобы на невозможность вспомнить подробности ситуаций насилия, значительные трудности при воспроизведении действий отчима, его слов, физиологические реакции организма ребенка, выражавшиеся в двигательной расторможенности, покраснении кожных покровов, невротическом расчесывании рук, – все это показатели острой реакции на перенесенную психическую травму и вытеснения данной ситуации из сознания ребенка как формы психологической защиты. Особенности поведения М. являются выражением искренней реакции на произошедшее с ней.

Данные углубленной диагностики, проведенной сотрудниками МУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» были затем переданы для изучения и оценки в ходе психолого-психиатрической экспертизы М.

В соответствии с заключением комиссии экспертов (первичная амбулаторная судебная психолого-психиатрическая экспертиза) М. психически здорова. Она не страдала в прошлом и не страдает в настоящее время, каким-либо психическим расстройством. Склонности к повышенной внушаемости и фантазированию у М. не обнаружено.

В. вину в совершении преступлений в отношении М. признавал, обратился с заявлением о явке с повинной, давал подробные показания о совершенных преступлениях. Однако впоследствии отказался от всех ранее данных показаний, вину признавать перестал, от дачи показаний отказался.

Доказательствами так же послужили показания подруг потерпевшей, которым М. рассказала о совершенных в отношении нее В. насильственных действий сексуального характера.

По итогам расследования уголовное дело направлено в суд Ленинского района для рассмотрения по существу по 12 фактам совершения преступлений, предусмотренных п. «в» 4.3 ст. 132 УК РФ [4].

При расследовании и рассмотрении преступлений против половой неприкосновенности, совершенных в отношении несовершеннолетних, следователи, сталкиваются не только с особенностями, связанными главным образом с биологически подростковым возрастом, но и с необходимостью решать вопросы психологического содержания.

Другими словами следователь проводит тщательный анализ и оценку поведения несовершеннолетнего лица [5].

Приведенный в статье пример по расследованию преступления против половой неприкосновенности с участием сотрудников «Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних» является положительным не только в оказанной помощи следствию, но и в помощи в реабилитации ребенка после совершения в отношении него преступления.

Сексуальное насилие по отношению к ребенку является значительным фактором риска возникновения неблагоприятных последствий для его развития, но не влечет их за собой со стопроцентной вероятностью. Исследования показывают, что значительное количество людей, переживших в детстве сексуальное насилие, становятся счастливыми. Позитивному развитию ребенка - жертвы сексуального насилия способствуют так называемые компенсаторные факторы: наличие своевременной помощи, присутствие рядом человека, которому ребенок доверяет и который может вернуть ему чувство ценности собственной личности [3].

В качестве такой помощи следователю и выступают социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних.

1. Балаян Э., Фелелов П.А. Виктимологический анализ несовершеннолетних. Душанбе, 1989.

2. Ким Е. П., Костенко К. А., Осипова Т. В. К вопросу о правовых последствиях отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Рос. следователь. 2015. № 11. С. 26–27.

3. Матвеева Е. В. Психологическая служба: учебно-методическое пособие. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. 63 с.

4. Контрольное производство по уголовному делу № 561312 // Архив СО по городу Комсомольск-на-Амуре СУ СК РФ по Хабаровскому краю.

5. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Производство допроса: процессуальные основы и тактические особенности // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 33–38.

Ключевые слова: «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних», половая неприкосновенность, педагог, законный представитель, сексуальное насилие.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Петрова Татьяна Николаевна,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12*

Вопросы квалификации преступлений, совершенных в сфере профессиональной медицинской деятельности, регулярно вызывают затруднения у правоприменителей. Это связано с особенностями криминальных проявлений при оказании медицинской помощи. В работе выявлены и проанализированы причины ошибочной квалификации наиболее распространенных в сфере медицинской деятельности преступлений.

Неблагоприятные последствия оказания медицинской помощи далеко не всегда связаны с невнимательным или небрежным отношением медиков к своей профессии, ведь медицина сама по себе является одним из наиболее потенциально опасных видов деятельности, сопряженной с вмешательствами в человеческий организм. По причине высоких рисков в профессиональной деятельности любое медицинское происшествие требует самого тщательного и внимательного разбирательства и только обоснованного решения об уголовном преследовании при безусловном наличии признаков преступления. В целях надлежащей уголовно-правовой оценки медицинского происшествия необходимо выявить такие составообразующие признаки, которые позволят безошибочно квалифицировать содеянное по конкретной норме уголовного закона. Вместе с тем судебно-следственная практика квалификации преступлений в сфере профессиональной медицинской деятельности неоднозначна. Эта неоднозначность подтверждается, в том числе, и значительным по сравнению с другими составами преступлений количеством оправдательных приговоров по так называемым «врачебным» делам.

Расследование и рассмотрение в судах уголовных дел о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием гражданам медицинской помощи, представляет очевидную сложность, связанную со спецификой объективной стороны, когда выяснению подлежат сугубо профессиональные вопросы медицины. Неправильная правовая оценка медицинского происшествия может в частном случае сильно подорвать и без того хрупкое доверие пациента к отдельному врачу или медицинскому учреждению в целом, а в общем – дискредитировать авторитет медицинской профессии и медицинского сообщества в глазах граждан, что, к сожалению, наблюдается в современном обществе, приобретая черты «массового недоверия» медицине. В таком тонком ремесле как медицина без погрешностей, иногда трагических, к сожалению, не обойтись – здесь слишком много факторов, как по отдельности, так и в совокупности влияющих на исход лечения, не зависящих от знаний, навыков, усилий и таланта врача.

С точки зрения юридической оценки медицинских происшествий, содержащих признаки преступления, серьезной практической проблемой становится неясность квалификации, особенно на первоначальном этапе расследования, отсутствие четких критериев разграничения одного преступления от другого. Анализ судебно-следственной практики показал, что наиболее часто правоприменители ошибаются при разграничении халатности с тяжкими последствиями (ч. 2 ст. 293 УК РФ) и причинения смерти (ч. 2 ст. 109 УК РФ) или тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 118 УК РФ) по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

Словосочетание «медицинская (врачебная) халатность» в обывательском понимании (с точки зрения пациента) имеет очень широкое значение. Оно, буквально, может означать любое происшествие, связанное с оказанием медицинской помощи пациентам, когда последний не удовлетворен результатами такой помощи либо для него наступили какие-либо негативные последствия. При этом пациент обычно не задумывается ни о возможном влиянии каких-либо сторонних факторов на исход лечения, ни о «причастности» и «виновности» врача в наступлении последствий, ни о причинах и условиях происшествия, и уж тем более о причинно-следственных связях между событием и последствием. Таким образом, понятие «врачебная халатность» (неюридический термин) становится собирательным и включает в себя все: от грубого общения врача с пациентом до ошибочно удаленного здорового органа или банального «у вас нет полиса ОМС (не того образца, цвета, формы) – поэтому мы не можем вам помочь», а говоря юридическим языком: от невиновного причинения вреда (редкость заболевания и/или атипичность течения), крайней необходимости (ампутации конечности при гангрене), обоснованного риска (выполнения сложной операции тяжелому онкобольному) до со-

вершения умышленного преступления в сфере медицинской деятельности (неоказания помощи больному – ст. 124 УК РФ, оказания медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности – ст. 238 УК РФ). В юриспруденции же под халатностью понимается вполне определенный состав преступления, имеющий четкие составообразующие (или криминообразующие) признаки. По этой причине правоприменителям недопустимо употребление названия «халатность» (как вариант – «медицинская халатность») для обозначения всего массива преступлений, совершенных в сфере профессиональной медицинской деятельности.

Для правильной квалификации действий медицинского работника при совершении профессионального преступления необходимо определиться с **субъектом** преступления. По общему правилу субъектами совершения таких медицинских преступлений являются медицинские работники: врачи всех специальностей, фельдшеры, акушерки, медицинские сестры (братья). На практике наиболее часто к ответственности за профессиональные преступления привлекаются именно врачи (хирурги, акушеры-гинекологи, анестезиологи-реаниматологи, педиатры), реже – фельдшеры бригад скорой помощи, акушерки, медицинские сестры.

Важно помнить, что для правильной квалификации действий медицинских работников необходимо разграничивать их профессиональные и служебные функции при совершении анализируемых преступлений. Для этого необходимо выяснить, в какой роли в исследуемой ситуации выступал медицинский работник, как специалист (носитель врачебной специальности – акушер-гинеколог, анестезиолог, хирург, кардиолог) и выполнял мероприятия в соответствии со своей врачебной (профессиональной) специализацией (например, анестезиолог вводил пациента в наркоз, проводил интубацию трахеи, хирург выполнял аппендэктомию – удаление аппендицита) или выполнял должностные обязанности (как должностное лицо), выполняя организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции (например, заведующий хирургическим отделением не обеспечил неснижаемого запаса крови и ее компонентов; врач-инфекционист больницы не организовал проведение противоэпидемических мероприятий, главная медсестра больницы не обеспечила должную сохранность наркотических препаратов или бланков специального учета). То есть выяснить принципиально важный момент: дефект оказания медицинской помощи допущен в профессиональном «поле» или при реализации возложенных должностных полномочий.

Неправильная «ролевая» идентификация субъекта преступления, как правило, приводит к ошибке квалификации его действий, что демонстрирует следующей пример.

Пациент Х. в дорожно-транспортном происшествии получил травму – закрытый оскольчатый перелом средней трети левой бедренной кости с полным смещением отломков, интерпозиция (внедрение) мягких тканей. В ходе операции врач травматолог-ортопед А. не провел должным образом ревизию раны перед ушиванием и оставил в ране четыре марлевые салфетки и три костных отломка, что явилось причиной развития абсцесса и склерозирующего остеомиелита (воспаление костного мозга с поражением всей кости) из-за которых перелом длительное время не срастался (неконсолидированный). Наступившие последствия повлекли за собой стойкую утрату общей трудоспособности на 65 % (инвалидность 2 группы), что квалифицируется как причинение тяжкого вреда здоровью по признаку утраты общей трудоспособности не менее чем на одну треть.

Действия врача травматолога-ортопеда А. следствием неверно квалифицированы по ч. 2 ст. 293 УК РФ – халатность, повлекшая по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека. В данном случае врач выполнял свои непосредственные профессиональные обязанности по проведению urgentной (неотложной) операции,

действовал как специалист в области хирургической травматологии, должностным лицом при этом не являлся: не выполнял функции представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные.

Очевидно, что некоторые должности в медицинских учреждениях независимо от формы их организации определяют должностной статус субъекта, то есть наличие у лица «узаконенных» согласно примечаниям к ст. 285 и ст. 201 УК РФ организационно-распорядительных и/или административно-хозяйственных функций в организации, функций представителя власти или управленческие функции (постоянно, временно, или по специальному полномочию). Такими полномочиями (полностью или частично) в медицинских учреждениях наделены руководители медицинских учреждений (главные врачи), их заместители по направлениям деятельности (в том числе «не врачебной» специальности, как например, заместитель по экономической деятельности, по безопасности и пр.), заведующие отделениями, лабораториями (в том числе и.о., врио); врачи разных специальностей (в том числе врачи-дежуренты); главные (старшие) медицинские сестры, главные (старшие) акушерки.

Необходимо обращать особое внимание на дефекты оказания медицинской помощи, допущенные дежурными врачами (так называемыми, врачами-дежурантами) медицинских учреждений, поскольку такой статус наделяет их элементами полномочий должностного лица. То есть врач-дежурент, помимо своих профессиональных функций (оказанием медицинской помощи больным), выполняет функции руководителя медицинского учреждения, его подразделения или дежурной смены, его указания и распоряжения обязательны для выполнения всеми сотрудниками дежурной смены. При оценке его ненадлежащих действий (бездействия) надлежит четко разграничивать сферу профессиональных и административных полномочий.

Халатность в сфере медицинской деятельности является относительно распространенным преступлением (хотя «лидирует», безусловно, ст. 109 УК РФ), но поскольку относится к категории так называемых должностных преступлений, характерно распознается среди прочих ятрогенных составов по субъекту совершения. Примерами дефектов оказания медицинской помощи в деятельности должностных лиц в медицине могут служить, например, ненаправление или несвоевременное направление пациента в другое медицинское учреждение для оказания специализированной профильной медицинской помощи или невызов санитарной авиации в экстренных случаях, решение о чем принимает главный врач, его заместитель по лечебной работе (начмед) или в ночное время дежурный администратор медицинского учреждения, или деятельность врача-дежуранта по организации оказания медицинской помощи, обладающего в силу специального полномочия отдельными функциями должностного лица, административная деятельность заведующего отделением в отношении подчиненных ему сотрудников и при принятии организационно-распорядительных решений, например, о переводе пациента в другое отделение или о помещении в стационар своего отделения и в иных случаях, когда «последнее» решающее слово остается за ним. Сложнее распознать халатность в деятельности обычного врача, который непосредственно оказывает профессиональную помощь и при этом по обстановке принимает отдельные организационные решения, например, сбора операционной бригады, вызова дежурного профильного специалиста к больному или сбора врачебного консилиума для принятия коллегиального решения. Здесь необходимо четко отделить его действия как специалиста определенного клинического профиля от административных решений и выяснить, в какой именно сфере им был допущен основной дефект (а их может быть несколько или они могут быть конкурирующими), прямо причинно связанный с наступившими последствиями, только после этого окончательно квалифицировать деяние медицинского работника. Справедливости ради стоит отметить, что халатность в действиях рядового

медицинского работника (не руководителя любого уровня) в «чистом» виде встречается нечасто, его действия, как правило, подпадают под ст. 109 или ст. 118 УК РФ, так как основной дефект допускается, все-таки, в профессиональной деятельности и связан непосредственно с процессом диагностики и/или лечения, а не его организацией. Стоит также напомнить, что медицинская халатность возможна в государственных и муниципальных лечебно-профилактических учреждениях и не может по определению совершаться в частных медицинских клиниках.

Попытки разграничения анализируемых смежных составов в сфере медицинской деятельности по наступившим последствиям не привели к успеху, несмотря на то, что общественно-опасные последствия для профессиональных преступлений однозначно определены в диспозициях (наступление смерти или причинения тяжкого вреда здоровью человека), а для халатности (ч. 1 ст. 293 УК РФ) общественно-опасные последствия могут быть, по сути, любыми и они подлежат по своей значимости субъективной оценке правоприменителем (так называемый, оценочный признак). Вместе с тем халатность предусматривает в качестве последствий и аналогичные профессиональным преступлениям наступление смерти пациента или причинение тяжкого вреда его здоровью (чч. 2 и 3 ст. 293 УК РФ), что совершенно точно не позволяет разграничить данные составы по последствиям.

Одной из причин столь распространенной ошибочной квалификации может быть однотипность использованных законодателем в статьях 109, 118 и ч. 2 ст. 293 УК РФ формулировок, как то «ненадлежащее исполнение обязанностей», «повлекшее по неосторожности...», означающих нарушение или игнорирование общепринятых и нормативно установленных правил выполнения определенных действий (выполнил неполно, небрежно, при отсутствии должной внимательности) и вину по отношению к последствиям в виде неосторожности (не желал наступления такого исхода). Однако при детальном сравнении формулировок вышеуказанных статей становится очевидным, что главное отличие кроется в субъекте преступления – лицо, выполняющее свои профессиональные обязанности, и должностное лицо, удовлетворяющее требованиям, предъявляемым к таковым согласно примечанию 1 к ст. 285 УК РФ.

Также в определенном смысле сбить с толку следователя и послужить причиной ошибочной квалификации могут должностной статус привлекаемого лица и наименования отдельных документов, обязательно приобщаемых к материалам уголовного дела, таких как «должностной регламент» или «должностная инструкция» медицинского работника, где, как правило, вперемежку, отражены как профессиональные требования и обязанности, так и должностные полномочия. Сами медицинские работники не отделяют выполнение ими своих профессиональных обязанностей от должностных, как они поясняют, по причине невозможности надлежащего и качественного выполнения одних без наличия полномочий других (административных возможностей).

Анализируя изложенное, приходим к выводу о том, что для установления виновности лица в халатности должно быть однозначно установлено: 1) какие конкретно обязанности были возложены в установленном порядке на данное должностное лицо; 2) что именно из этих обязанностей не выполнено или выполнено ненадлежащим образом; 3) повлекло ли это (невыполнение или ненадлежащее выполнение) существенные вредные последствия для охраняемых законом прав и интересов граждан либо государственных или общественных интересов; 4) имело ли данное должностное лицо реальную возможность для надлежащего исполнения служебных обязанностей и недопущения вследствие этого существенно вредных последствий. Только совокупность этих условий может служить основанием для признания должностного лица виновным в совершении халатности.

В некоторых случаях правильная квалификация преступлений в сфере медицинской деятельности определяется на конечной стадии расследования, когда проверены и подтверждены все обстоятельства содеянного, установлена вина медицинского работника, выявлены причинно-следственные связи, оценены последствия. Главное – вовремя распознать и исправить ошибочную квалификацию для достижения целей объективного и всестороннего расследования уголовного дела.

Ключевые слова: профессиональная медицинская деятельность, ятрогенные преступления, ошибки квалификации, «медицинская» халатность.

УДК 343.2

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

Пимакова Ольга Геннадьевна,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
уголовного права, криминологии и психологии,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Бадиков Дмитрий Алексеевич,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье рассмотрены проблемные вопросы о криминалистически значимых сведениях, об изготовлении, хранении, перевозки или сбыте поддельных денег или ценных бумаг.

Фальшивомонетничество опасно и само по себе, и как способ криминального перераспределения национального богатства. Прямой вред от него заключается в том, что реальные элементы внутреннего валового продукта (товары, услуги) обмениваются на «денежные» знаки, пустые по своему содержанию. Снижение доверия к денежным знакам на внутреннем и внешнем рынках приводит к снижению уровня управляемости макроэкономическими процессами и искусственному увеличению внешнего государственного долга России. Подделка денег способствует падению авторитета органов государственного управления, вызывает социальное напряжение в обществе и долгосрочные криминальные последствия.

Хотелось бы отметить, что, в общем, само понятие криминалистическая характеристика преступления исследуется различными учеными на протяжении многих лет.

Проанализировав существующие на сегодняшний день дефиниции о криминалистической характеристике преступлений, мы приходим к выводу, что криминалистическая характеристика изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг представляет собой систему данных о криминалистически значимых признаках, закономерно взаимосвязанных между собой и необходимых для организации успешного раскрытия и расследования преступлений данной категории [1].

Для того чтобы лучше понять сущность криминалистической характеристики изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, а

также ее предназначение в теории и практике расследования целесообразно рассмотреть ее структуру. Однако необходимо отметить один важный момент – фальшивомонетничество по замыслу законодателя объединяет в себя несколько самостоятельных преступлений: изготовление, хранение, перевозка и сбыт. Для каждого из этих преступлений характерны свои способы и условия совершения. Их могут совершать и совершают разные люди. Однако объединяет все эти деяния предмет преступного посягательства – фальшивые деньги и ценные бумаги. Поэтому, по нашему мнению, представляется целесообразным выделить общий для всех деяний элемент криминалистической характеристики, а остальные элементы (способ, условия совершения – место, время, личность виновного) – применительно к каждому деянию отдельно.

В соответствии со ст. 186 УК России предметом преступления являются: банковские билеты Центрального банка Российской Федерации; металлическая монета; государственные ценные бумаги; другие ценные бумаги в валюте Российской Федерации; иностранная валюта; ценные бумаги в иностранной валюте.

На наш взгляд, предмет изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг является одним из важнейших элементов криминалистической характеристики и рассматриваемый нами элемент связан с другим его элементом – способом совершения преступления.

Исходя из анализа следственной практики и литературных источников (существующих определений), по нашему мнению, способ изготовления поддельных денег и ценных бумаг можно определить как совокупность последовательных приемов использования различных материалов и технических приспособлений с целью создания предмета, имитирующего соответствующее подлинное платежное средство, находящееся в обращении.

Несмотря на многообразие способов подделки, традиционно выделяют полную и частичную подделку. Некоторые авторы выделяют комбинированный вид подделки, указывая при этом, что при комбинированной подделке одна сторона денежного билета является частью подлинного билета, а другая выполнена способом копирования [2, с. 22]. Под полной подделкой понимают изготовление новой банкноты (ценной бумаги), а под частичной подделкой понимают переделку подлинной банкноты большего достоинства путем внесения соответствующих изменений в ее реквизиты и в обозначение ее номинала.

По нашему мнению, основными распространенными способами полной подделки денежных билетов и ценных бумаг являются: полиграфический способ печати, способ репрографии, анастатический способ и способ рисования. Также следует отметить, что ранее фальшивомонетки изготавливали и поддельные металлические монеты путем литья, штамповки, гальванопластики, переделки подлинных монет, гравирования и чеканки, однако в настоящее время подделка металлических монет практически не встречается.

Проанализировав уголовные дела и статистические данные, мы приходим к выводу, что изготовлением поддельных денежных знаков и ценных бумаг занимаются лица с разным уровнем жизни, образованием и социальным положением в обществе. Также установлено, что многие преступления совершаются лицами, подготовленными к этому образу своей жизни. Специфические черты личности преступников проявляются не только в процессе, но и до совершения преступления. Они обычно выражаются в отношении к труду, учебе, правопорядку [2, с. 19–56]. Некоторую часть преступлений рассматриваемого вида совершают преступники – одиночки, однако сам процесс подготовки, изготовления денежных знаков и ценных бумаг требует вступления в контакт с довольно большим кругом лиц.

Первоначально, перед тем как фальшивомонетчики начинают изготовление поддельных денег или ценных бумаг, они прибегают к изучению специальной литературы. Затем начинается поиск помещения, где можно будет заниматься преступной деятельностью данного направления. Следующим этапом является подбор необходимых материалов: фальшивомонетчиками приобретается копировальная, полиграфическая и т. п., в зависимости от способа изготовления, техника. Затем осуществляется подбор соответствующих сортов бумаги, красителей, фотохимикатов, форматной фотопленки, клише, химикатов для травления.

Под хранением поддельных денег или ценных бумаг понимаются любые умышленные действия, связанные с фактическим нахождением поддельных денег или ценных бумаг во владении виновного (при себе, в помещении, в тайнике, в транспортном средстве и других местах).

При незаконном хранении поддельных денег или ценных бумаг типичными местами их сокрытия являются жилые и подсобные помещения (чердаки, подвалы); предметы мебели (шкафы, мягкая мебель); различные бытовые предметы (теле и аудио аппаратура); одежда (карманы, специальные тайники) и др. Лица, которые занимаются хранением, в основном являются изготовителями.

Перевозка поддельных денег или ценных бумаг – это действие, которое заключается в осуществлении порядка перемещения поддельных денег или ценных бумаг из одного места в другое (в разные населенные пункты) любым видом транспорта. Доставка к месту сбыта производится, как правило, контрабандным или тайным путем.

Сбыт поддельных денег или ценных бумаг выступает следующей составляющей способа совершения преступления. Здесь можно выявить тесную связь с изготовлением. Существующие на сегодняшний день понятия сбыта идентичны, однако, все они нуждаются в изменении и дополнении, так как было сказано выше, диспозиция статьи 186 УК РФ претерпела существенные изменения. Поэтому, по нашему мнению, сбыт – это завершающий этап фальшивомонетничества, сущность которого заключается в умышленной передаче любому лицу, как возмездно так и безвозмездно поддельных денег или ценных бумаг.

Отметим, что в зависимости от места изготовления поддельных денежных средств или ценных бумаг зависит и место сбыта подделок.

Наиболее распространенными способами сбыта поддельных ценных бумаг являются:

- 1) предъявление к оплате;
- 2) продажа или дарение;
- 3) приобретение на них товара;
- 4) получение дохода.

Поддельные ценные бумаги в основном сбываются при покупке товаров и предъявлении их к оплате.

В последнее время широкое распространение получили случаи сбыта иностранной валюты.

Исходя из вышеперечисленных способов, мы приходим к выводу, что все сбытчики преследуют одну цель – это как можно быстрее избавиться от поддельных купюр и как можно больше получить подлинные деньги.

Важную роль при сбыте поддельных купюр и ценных бумаг играет один немаловажный фактор, обеспечивающий успешность сбыта – место сбыта.

Под местом сбыта следует понимать определенный участок местности или помещения, где лицо, умышленно осуществляет действия по внедрению поддельных денег или ценных бумаг в наличное обращение.

Иностранная валюта в большинстве случаев сбывается вблизи обменных пунктов валюты, около крупных торговых центров.

Поддельные ценные бумаги сбываются, как правило, в государственных и коммерческих организациях. Так, местами сбыта поддельных государственных облигаций являются уполномоченные банки, с которыми Министерство финансов заключает соответствующие договора. Поддельные депозитные или сберегательные сертификаты представляются к оплате в коммерческие банки, где хранятся средства [3, с. 59].

При сбыте фальшивой продукции также немаловажную роль играет и время, т. е. определенный промежуток, в течение которого преступник осуществляет деяние по внедрению поддельных денежных знаков в налично-денежное обращение. В основном, преступники стараются сбыть купюры в наиболее подходящее для их преступных целей часы – предпраздничные, праздничные и выходные дни; окончание рабочего дня, когда кассиры утомлены и готовятся к инкассации, а также ночное время [4].

Следующим фактором успешного сбыта поддельных денег или ценных бумаг являются условия, при которых фальшивомонетчиками будет осуществлено преступное намерение. Так, например, отсутствие приборов определения подлинности поддельных денежных знаков и ценных бумаг, отсутствие определенных познаний в признаках защиты, а также отсутствие охраны или сотрудников правоохранительных органов [5].

Проанализировав уголовные дела и статистические данные, нами установлено, что подавляющее большинство лиц, привлеченных по ст. 186 УК РФ, является сбытчиками денежных знаков и ценных бумаг.

В заключение хотелось бы отметить, что в связи с изменениями, которые были внесены в ст. 186 УК России, изучение новых способов совершения фальшивомонетничества (хранение и перевозка) является актуальным направлением научного исследования.

1. Сумникова О. Г., Бадиков Д. А. Криминалистическая характеристика изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг: учебное пособие. Орел, 2012.

2. Пузанков Д. В. Техничко–криминалистическое обеспечение расследования и предупреждения фальшивомонетничества: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.

3. Асатрян Х. А. Расследование и раскрытие фальшивомонетничества, совершенного организованными преступными группами: по материалам Восточной Сибири: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.

4. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. М.: Проспект, 2017. 160 с.

5. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, изготовление, хранение, перевозка, сбыт.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ПРИСМОТРА ЗА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМОМ ИЛИ ОБВИНЯЕМОМ

*Политыко Ольга Евгеньевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66*

В статье рассматриваются проблемы применения такой меры пресечения, как присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Проблема преступности несовершеннолетних длительное время остается актуальной. Несмотря на то, что в последнее время наблюдается незначительное снижение уголовных дел, по которым привлечены к уголовной ответственности лица, не достигшие 18-летнего возраста, отмечается рост доли тяжких и особо тяжких преступлений, а также показателей групповой преступности подростков [1]. В связи с этим, один из основных направлений деятельности государства, в том числе и правоохранительных органов, является профилактика подростковой преступностью. Для предупреждения совершения правонарушений несовершеннолетними исполнительной властью разработан целый комплекс мероприятий.

Одной из форм профилактики является выбор адекватной меры пресечения в отношении несовершеннолетних обвиняемых. Как же правильно следовательно определить ту меру пресечения, которую следует применить в отношении конкретного несовершеннолетнего, чтобы она была наиболее эффективной.

На основании Минимальных стандартов правил отправления правосудия в отношении несовершеннолетних от 10.12.1985 («Пекинские правила»), «судебное разбирательство должно учитывать возрастные особенности несовершеннолетних обвиняемых, отвечать их интересам; осуществляться в атмосфере понимания, что позволит несовершеннолетнему участвовать в нем и свободно излагать свою точку зрения» (п. 14.2); при этом «следует систематически развивать и координировать службы правосудия в отношении несовершеннолетних в целях повышения и поддержания на должном уровне квалификации персонала этих служб, включая их методы, подходы и отношения» [2].

Отличительные признаки процессуального принуждения подчеркивает и М. С. Строгович: «Мера пресечения – это не мера наказания: наказание применяется к лицу, признанному судом виновным в совершении преступления, а мера пресечения – лишь к лицу, обвиняемому в совершении преступления, применение меры пресечения (как и само привлечение в качестве обвиняемого) никоим образом не предпрещает результаты разрешения дела и применения наказания судом» [3].

Подводя итог, следует отметить, что при выборе меры пресечения следовательно обязан учитывать индивидуальные, психологические и возрастные особенности подследственного. Однако он не должен забывать и о создании необходимых условий для быстрого и качественного расследования преступления.

И так, какую же именно следует избирать меру пресечения в отношении подследственного, не достигшего 18-летнего возраста? Анализируя требования уголовно-процессуального законодательства, можно сделать вывод, что при производстве по уголовному делу к несовершеннолетнему обвиняемому может быть применена любая мера пресечения, которая содержится в УПК РФ, за исключением только одной – наблюдение командования воинской части.

При этом, согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 года № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», органам следствия следует установить не только наличие оснований, которые содержатся в ст. 97 УПК РФ, данные о личности обвиняемого (его возраст, наличие судимости, характеристику по месту жительства, учебы и т. д.), но и «условия его жизни, воспитания, отношений с родителями» [4].

Суды требуют от правоохранительных органов при осуществлении предварительного расследования допрашивать родителей несовершеннолетних, либо лиц их заменяющих, а также педагогов и сотрудников ПДН; приобщать к материалам уголовного дела справки о состоянии здоровья подследственного, характеристики его по месту учебы, работы и жительства и т. п. Но как, показывает практика, данные мероприятия проводятся не своевременно, а именно, уже после того, как в отношении несовершеннолетнего будет избрана мера пресечения.

Мы считаем, что перед тем, как определиться с выбором меры пресечения, следователю следует провести необходимые следственные действия и истребовать ряд документов, чтобы установить вышеуказанные обстоятельства, а именно: собрать сведения о личности уголовно преследуемого лица, его родителей (опекунов или попечителей) выяснить их взаимоотношения с несовершеннолетним. Ведь не следует забывать, что решается судьба ребенка, несмотря на то, что он оступился и совершил преступление.

Несмотря на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 года № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», указано, что в первую очередь следует в первую очередь рассматривать возможность отдачи несовершеннолетнего обвиняемого под присмотр, правоприменители указанную меру пресечения не избирают. При этом они негативно отзываются о ней. Это объясняется тем, что должностные лица затрудняются в практическом ее применении, а также недооценивают данную меру пресечения.

Анализируя содержание статьи 105 УПК РФ, согласиться с мнением ученых, которые считают, что, по сути, в ней указаны две меры пресечения: 1) присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым родителями, опекунов, попечителей или иных лиц заслуживающих доверия; 2) присмотр за - несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится.

С. Н. Вергунова полагает, что «присмотр за несовершеннолетним обвиняемым родителями, опекунами, попечителями или другими лицами, заслуживающими доверия, а также должностными лицами специализированных детских учреждений имеет не только частное, но и общее предупреждение (обсуждение преступного поведения, непосредственно с самим обвиняемым, в детском специализированном учреждении) - все это несет в себе значительный профилактический потенциал, который оказывает положительное влияние» [5].

Кроме того, некоторые ученые предлагают упразднить данную меру. Так, Л. Ю. Щербакова и В. Н. Чаплыгина считают, что «мера пресечения «присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым» на сегодняшний день является неэффективной, а потому ее следует упразднить применительно к законным представителям несовершеннолетнего и оставить для должностных лиц специализированных детских учреждений, обеспечивающих надлежащее поведение несовершеннолетнего» [6].

Мы с ее предложением не можем согласиться, поскольку законные представители несовершеннолетних зачастую смогут обеспечить надлежащее поведение и своевременную явку уголовно преследуемого лица. Кроме того данное решение имеет определенный профилактический потенциал, который оказывает положительное влияние. При этом следователь должен избирательно подходить к выбору данной меры пре-

сечения, поскольку есть законные представители, которые оказывают отрицательное влияние на несовершеннолетнего (например, родители не занимаются воспитанием детей, злоупотребляют спиртными напитками). Но в этой ситуации следователь может и не допустить указанных родителей по делу в качестве законных представителей.

Таким образом, при принятии решения об избрании меры пресечения, указанной в ст. 105 УПК РФ, следователь должен принять меры к установлению личности самого подследственного, а именно: допросить родителей, опекунов или лиц их заменяющих, представителей учебного учреждения и сотрудников ПДП, истребовать справки о состоянии здоровья, характеристики по месту жительства, учебы, истребовать акт о проверке бытовых условий жизни несовершеннолетнего. Кроме этого, следует истребовать документы, характеризующие личность законных представителей.

И только при наличии всех этих процессуальных и иных документов следователь может принять решение о целесообразности применения рассматриваемой нами меры пресечения.

1. URL: https://мвд.пф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf.
2. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»): приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Сборник международных стандартов и норм об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних. М.: Перспектива, 1998. С. 51–85.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Издательство «Наука», 1968. Т. 2. 1970. 617 с.
4. О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста (Пункты 6, 7): Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 октября 2009 г. № 22 // Рос. газ. 2009. 11 нояб.; О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (Пункт 6): Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Рос. газ. 2011. 11 февр.
5. Уголовно-процессуальное положение несовершеннолетних при расследовании преступлений органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 20 с.
6. Щербакова Л. Ю., Чаплыгина В. Н. Реализация законным представителем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших (в порядке постановки проблемы) // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник Всероссийской научно-практической конференции / Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. Орел, 2015. С. 380–385.

Ключевые слова: меры пресечения, несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, права и законные интересы личности.

УДК 343.13

ПАМЯТКА ПО РАССМОТРЕНИЮ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ И ПРИНЯТИЮ ПО НЕМУ ИТОГОВОГО РЕШЕНИЯ

Попова Елена Ильинична,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а*

Автор при проведении судебных заседаний по правилам главы 40 УПК РФ предлагает использовать «Памятку по рассмотрению судом уголовного дела в особом порядке и принятию по нему итогового решения», содержание которой излагается на основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства, практики его применения, апелляционной кассационной практики.

Как известно ежегодно в Российской Федерации судами общей юрисдикции и мировыми судьями подавляющее большинство уголовных дел рассматриваются в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (далее – особый порядок). Несмотря на кажущуюся простоту этой формы судебного разбирательства при рассмотрении уголовных дел судом в особом порядке все ее допускаются судебные ошибки, которые в последствии становятся основанием для обжалования приговоров и иных судебных решений, принятых по итогам рассмотрения дела. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, например, за 6 месяцев 2016 года судами по существу с постановлением приговора или вынесением иного решения в особом порядке рассмотрено 320 697 уголовных дел [4], в апелляционном порядке обжаловано 23 984 приговоров и других судебных постановлений по существу дела, что составило почти 7,5 % от числа итоговых судебных решений, принятых при рассмотрении дел в особом порядке. При этом всего отменено и изменено 4 033 (16,8 %) решений, от числа обжалованных в апелляционном порядке. Одним из наиболее распространенных оснований к отмене или изменению приговоров судов первой инстанции, постановленных в особом порядке является существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК РФ) [1].

С учетом изложенного считаем оправданным уделить внимание порядку проведения судебного заседания по уголовным делам в особом порядке. При этом представляется верным основываться на анализе судебной практики судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и обращать внимание на отдельные типичные ошибки, допускаемые судом при рассмотрении дела по правилам главы 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Кроме того считаем возможным структурировать текст и изложить его в виде краткой Памятки, которая, вероятно, может стать опорным материалом судьи при рассмотрении дела в особом порядке.

* * *

Памятка по рассмотрению судом уголовного дела в особом порядке и принятию по нему итогового решения

1. ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ НЕОБХОДИМО:

1.1. Обеспечить участие *подсудимого, его защитника, государственного обвинителя* (ч. 2 ст. 316 УПК РФ, п. 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [2] – (далее – ППВС от 05.12.06 № 60).

1.2. Соблюсти порядок судебного разбирательства, установленный глав 35, 36, 38, 39 УПК РФ с учетом требований статьи 316 УПК РФ.

В начале судебного следствия предоставить слово государственному обвинителю для изложения предъявленного подсудимому обвинения, а по уголовным делам частного обвинения – с изложения обвинения частным обвинителем (ч. 3 ст. 316 УПК РФ).

1.3. Провести **опрос** и выяснить у **подсудимого** следующее:

– **понятно ли ему обвинение**, оглашенное государственным обвинителем (ч. 4 ст. 316 УПК РФ);

– **согласен ли он с обвинением** (ч. 4 ст. 316 УПК РФ);

– **поддерживает ли свое ходатайство** о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства (ч. 4 ст. 316 УПК РФ);

– **заявлено ли это ходатайство добровольно** и (ч. 4 ст. 316 УПК РФ).

При этом следует выяснить у обвиняемого (подсудимого) не оказывалось ли в отношении него психологическое или физическое воздействие со стороны следователя, адвоката или иных лиц в целях побудить воспользоваться правом на заявление ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке. *Отметим, что при проведении анкетирования 72 осужденных, уголовные дела, в отношении которых были рассмотрены судом по правилам главы 40 УПК РФ, 3 (4 %) респондента отметили, что испытывали со стороны адвокатов принуждение к заявлению упомянутого ходатайства;*

– заявлено ли ходатайство **после консультации с защитником, в присутствии защитника** (ч.1 ст. 315 УПК РФ);

– **осознает ли он последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства** (ч. 4 ст. 316 УПК РФ), в частности что:

– исследование и оценка доказательств, собранных по уголовному делу судом не проводится, за исключением обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, и обстоятельств смягчающих и отягчающих наказание (ч. 5 ст. 316 УПК РФ);

– при постановлении обвинительного приговора правило о назначении наказания не более 2/3 применяется только в случае, если суд назначает наиболее строгий из предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК РФ, по которой предъявлено обвинение вид наказания и не распространяется на альтернативные и дополнительные виды наказания (п. 13 ППВС от 05.12.06 № 60);

– приговор, постановленный в особом порядке не может быть обжалован в **апелляционном и кассационном порядке** в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (ст. 317 УПК РФ; п. 15 ППВС от 05.12.06 № 60).

1.4. Выяснить у **государственного обвинителя согласен или не согласен он с ходатайством** обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства (ч. 1, 4 ст. 314 УПК РФ).

1.5. **При участии потерпевшего** в судебном заседании:

1.5.1. **Разъяснить** ему **порядок и последствия постановления приговора** без проведения судебного разбирательства (ч. 4 ст. 316 УПК РФ), в частности следующее:

– уголовное **дело** может быть рассмотрено судом **в особом порядке только при наличии согласия потерпевшего** (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);

– в случае постановления обвинительного приговора суд назначает подсудимому наказание, которое **не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания**, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 5 ст. 62 УК РФ, ч. 7 ст. 316 УПК РФ);

– потерпевший может заявить о своей несогласии на рассмотрение уголовного дела в особом порядке **в любой момент до удаления суда в совещательную комнату**

для постановления приговора (ч. 4 ст. 316 УПК РФ). При этом потерпевший *не должен объяснять мотивы*, по которым возражает против постановления приговора без судебного разбирательства (п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [3] – (далее – ППВС от 29.06.10 № 17);

– **приговор**, постановленный в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением не может быть обжалован **в апелляционном и кассационном порядке** в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (ст. 317 УПК РФ; п. 15 ППВС от 05.12.06 № 60).

1.5.2. Путем опроса **выяснить** у потерпевшего **отношение к ходатайству подсудимого** (ч. 4 ст. 316 УПК РФ, п. 11 ППВС от 5 декабря 2006 № 60).

1.6. Если **потерпевший не присутствует в судебном заседании**:

– установить **был ли он надлежащим образом извещен** о месте и времени судебного заседания, то есть не менее чем за 5 суток до его начала (ч. 4 ст. 231 УПК РФ). Несоблюдение этого нормативного требования должно влечь отложение судебного заседания и устранение указанного нарушения. *Отметим, что подобного рода нарушения достаточно распространены по уголовным делам с большим количеством потерпевших (мошенничество, кражи и пр.);*

– **выяснить отношение потерпевшего к ходатайству подсудимого** (ч. 4 ст. 316 УПК РФ, п. 11 ППВС от 05.12.06 № 60).

Это возможно установить путем изучения материалов дела на предмет наличия заявления потерпевшего, в котором должны быть отражены 1. согласие с ходатайством обвиняемого, отсутствие возражений о рассмотрении дела судом в особом порядке; 2. просьба о проведении судебного разбирательства в отсутствие потерпевшего; 3. указание на то, что особенности рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) ему разъяснены и понятны.

И здесь типичной ошибкой является ненадлежащий способ разъяснения потерпевшему специфики рассмотрения дела судом в особом порядке, особенностей обжалования приговора, установления и фиксации волеизъявления потерпевшего относительно возможности рассмотрения дела в порядке гл. 40 УПК РФ. Эта ситуация типична, когда позиция потерпевшего выясняется секретарем судебного заседания или помощником судьи в телефонной беседе, результаты которой оформляются телефонограммой;

– огласить документ (ы), в котором (ых) выражено согласие потерпевшего. *Изучая такой документ (чаще всего собственноручно написанное заявление/ ходатайство) следует иметь в виду, что при его составлении могут иметь место различного рода ошибки. Для их исключения суду необходимо удостовериться: имеется ли подпись потерпевшего, дата подписания, разборчиво ли написан текст; если заявление / ходатайство передано по факсу, читаемо ли содержание этого документа.*

1.7. исследовать обстоятельства, характеризующие **личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание** (ч. 5 ст. 316 УПК РФ) путем:

– исследования **всех** материалов дела, в которых отражены эти обстоятельства;
– исследования дополнительно представленных в судебное заседание документов;

– допросов свидетелей по этим обстоятельствам (п. 10 ППВС от 05.12.06 № 60).

2. ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ИСКУ

2.1. По каждому предъявленному в уголовном деле гражданскому иску суд обязан принять процессуальное решение (п. 10 ч. 1 ст. 299, п. 5 ч. 1 ст. 305, ч. 1 ст. 306, п. 1 ч. 1, ч. 2 ст. 309 УПК РФ).

2.2. По гражданскому иску суд вправе принять следующие решения:

2.2.1. Удовлетворить полностью или в какой-то части при постановлении обвинительного приговора, при отсутствии обстоятельств, указанных в п. «б», «в» 2.2.3, 2.2.4–2.2.5 настоящей Памятки (ч. 2 ст. 306 УПК РФ).

2.2.2. Отказать в его удовлетворении:

а) при постановлении **оправдательного** приговора (ч. 2 ст. 306 УПК РФ);
б) при вынесении постановления (определения) о **прекращении** уголовного дела в связи с **отсутствием события преступления** либо **непричастностью** подозреваемого обвиняемого, подсудимого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 306 УПК РФ).

2.2.3. Оставить иск без рассмотрения:

а) при постановлении **оправдательного** приговора по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным пунктами 2–6 ч. 1 ст. 24, ст. 25, пунктами 2–6 ч. 1 ст. 27, статьей 28 УПК РФ. Оставление судом гражданского иска без рассмотрения не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 306 УПК РФ);

б) при неявке гражданского истца или его представителя, за исключением случаев, когда 1) они ходатайствовали о рассмотрении иска в их отсутствие; 2) гражданский иск поддерживает прокурор; 3) подсудимый полностью согласен с предъявленным гражданским иском) вправе оставить гражданский иск без рассмотрения (ч. 3 ст. 250 УПК РФ);

в) при прекращении уголовного дела ввиду **отказа государственного обвинителя** от обвинения, равно как и изменение им обвинения (ч. 10 ст. 246 УПК РФ).

2.2.4. Прекратить по нему производство:

а) при **отказе** гражданского истца **от гражданского иска** (ч. 5 ст. 44 УПК РФ);

2.2.5. Оставить гражданский иск без удовлетворения полностью или в какой-то части:

а) при необходимости произвести связанные с гражданским иском **дополнительные расчеты**, требующие отложения судебного разбирательства (ч. 2 ст. 309 УПК РФ);

б) при требовании гражданского истца об **индексации** размера имущественного вреда причиненного преступлением (п. 23 ППВС от 29.06.10 № 17);

в) если расходы на вознаграждение представителю потерпевшего будут включены в гражданский иск, поскольку в этом случае нарушаются требования пункта 1.1 ч. 1 ст. 131 УПК РФ об отнесении такого вознаграждения к процессуальным издержкам по уголовному делу.

2.3. В случаях указанных в пунктах 2.2.3–2.2.5 настоящей Памятки за гражданским истцом может быть сохранено право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства (ч. 5 ст. 44, п. 1.1 ч. 1 ст. 131, ч. 10 ст. 246, ч. 3 ст. 250, ч. 2 ст. 306, ч. 2 ст. 309 УПК РФ, п. 23 ППВС от 29.06.10 № 17).

2.4. Какое бы решение не было принято оно должно быть мотивировано, в противном случае, велика вероятность его отмены.

3. ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУД ВПРАВЕ ПРИНЯТЬ СЛЕДУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ:

3.1. Судья может принять решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ):

3.1.1. При возражении против постановления приговора без проведения судебного разбирательства подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего.

3.1.2. По собственной инициативе, когда:

а) условия постановления приговора в порядке гл. 40 УПК РФ не соблюдены (см. п. 3.3 настоящей Памятки);

б) при производстве по уголовному делу были допущены существенные нарушения требований УПК РФ, повлекшие ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. *Примером такой ситуации является случай, когда на досудебных стадиях переводчик не участвовал в деле, в виду отказа от него обвиняемого, а в суде выясняется, что обвиняемый не в достаточной мере владеет языком уголовного судопроизводства (русским). Поводом для проверки необходимости участия переводчика могут служить данные о национальности обвиняемого, его полное имя, место проживания, а также собственноручно составленные им документы (например, объяснение, написанное на его родном (не русском) языке);*

в) возникает необходимость в исследовании фактических обстоятельств уголовного дела, если:

– собранных доказательств в совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления;

– есть достаточные основания полагать наличие самооговора обвиняемого. *Так, о возможном самооговоре могут свидетельствовать зафиксированные в материалах дела противоречивые, не конкретные показания подозреваемого (обвиняемого), противоречие между его показаниями и показаниями других лиц (потерпевшего, свидетелей и т.п.), протоколами следственных действий, заключениями эксперта (специалиста);*

– возникают сомнения во вменяемости подсудимого;

– между сторонами возник спор, который не может быть решен судом в рамках особого порядка судебного разбирательства. *Примером такой типичной ситуации является случай, когда потерпевший в судебном заседании увеличил сумму гражданского иска, а осужденный с заявленными исковыми требованиями не согласился, посчитав их завышенными.*

3.2. Если не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются:

3.2.1. Содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано (п. 12 ППВС от 05.12.06 № 60):

– с оконченного преступления на неоконченное;

– с содеянного в совокупности преступлений на единичное продолжаемое деяние;

– с основного состава преступления на привилегированный состав преступления;

– с одного состава преступления на другой смежный состав, предусматривающий меньший объем обвинения;

– путем исключения из обвинения излишне вмененных составов преступлений как разновидностей объективного либо двойного вменения.

3.2.2. Уголовное дело может быть прекращено по следующим основаниям (п. 12 ППВС от 05.12.06 № 60):

- истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);
- изменение уголовного закона (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);
- смерть подсудимого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);
- примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ);
- издание акта об амнистии (ст. 84 УК РФ);
- отказ государственного обвинителя от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ);
- в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ);
- в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ).

3.3. Постановить обвинительный приговор (ч. 7 ст. 316 УПК РФ), если устанавливает следующее:

- 1) подсудимый согласен с предъявленным ему обвинением (ч. 1 ст. 314 УПК РФ)
- 2) подсудимому понятно существо обвинения (ч. 4 ст. 316 УПК РФ);
- 3) подсудимый поддержал ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);
- 4) подсудимому предъявлено обвинение, наказание за которое предусмотренное санкцией соответствующей статьи УК РФ не превышает 10 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);
- 5) обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу (ч. 7 ст. 316 УПК РФ);
- 6) подсудимый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства (п. 1 ч. 2. ст. 314 УПК РФ);
- 7) ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства заявлено добровольно, после проведения консультаций с защитником и в присутствии защитника (п. 2 ч. 2 ст. 314, ч. 1 ст. 315 УПК РФ);
- 8) ходатайство заявлено либо в момент ознакомления с материалами уголовного дела, либо на предварительном слушании, когда оно является обязательным (п. 2 ст. 315 УПК РФ), до назначения судебного заседания (п. 4 ППВС от 05.12.06 № 60);
- 9) государственный (частный) обвинитель и потерпевший согласны с заявленным ходатайством о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);
- 10) нет оснований для прекращения особого порядка судебного разбирательства и назначения рассмотрения уголовного дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ);
- 11) отсутствуют основания для прекращения уголовного дела (ст. 24, 25, 27–28.1 УПК РФ).

4. ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПОРЯДКУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЮ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

4.1. При постановлении приговора должны быть соблюдены требования статей 296, 297, 298, п. 1–12, 14, 17 ч. 1, ч. 2 ст. 299, ч. 1, 4–8 ст. 302 УПК РФ.

4.2. При составлении приговора суд руководствуется следующими требованиями:

- статьями 303, 304, 307, 308, 309 УПК РФ;
- описательно-мотивировочная часть должна содержать описание преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился подсудимый, а также выводы суда о соблюдении условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства (ч. 8 ст. 316 УПК РФ);
- анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре не отражаются (ч. 8 ст. 316 УПК РФ).

– процессуальные издержки, предусмотренные статьей 131 УПК РФ, взысканию с подсудимого не подлежат (ч. 10 ст. 316 УПК РФ);

– каждое принятое судом и изложенное в приговоре решение должно быть мотивировано (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

4.3. После провозглашения приговора судья разъясняет сторонам право и порядок его обжалования, предусмотренный главой 45.1 УПК РФ. А именно то, что **приговор**, постановленный в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением **не может быть обжалован в апелляционном и кассационном порядке в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции** (ст. 317 УПК РФ, п. 15 ППВС от 05.12.06 № 60).

4.4. Если был заявлен гражданский иск, который оставлен без удовлетворения (без рассмотрения) полностью или в какой-либо части гражданскому истцу должно быть разъяснено право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства (ч. 1 ст. 11, ч. 1 ст. 19, п. 18 ч. 4 ст. 44, ч. 1 ст. 123, ч. 1 ст. 127, ч. 2 ст. 306, ч. 9 ст. 316 УПК РФ).

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 12 мес. 2015 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru>.

2. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2007. № 2.

3. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2010. № 9.

4. Сводные статистические отчеты о деятельности судов общей юрисдикции за 2015 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru>.

Ключевые слова: особый порядок принятия судебного решения, суд, судебное заседание.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ГРАБЕЖАХ И РАЗБОЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ

Ретюнских Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

В статье рассматриваются проблемные вопросы первоначального этапа расследования уголовных дел о грабежах и разбоях, совершенных в условиях неочевидности

Содержание первоначального этапа расследования грабежей и разбоев обусловлено характером следственной ситуации. На первоначальном этапе расследования в зависимости от объема информации о лицах, совершивших грабежи или разбои, может возникнуть одна из следующих типичных следственных ситуаций, определяющие общее направление расследования.

1. Имеется достаточно полная информация относительно события преступления и лицо задержано на месте преступления, вещи изъяты (Преступник задержан с поличным).

2. Имеется достаточно полная информация относительно события преступления, и имеется информация о лице, его совершившем, но оно не задержано и вещи не изъяты.

3. Имеется недостаточно полная информация относительно события преступления; информации о лицах, совершивших преступление крайне мало или отсутствует совсем. Иными словами преступник неизвестен, но о нем есть неполные данные (признаки внешности, одежда, имя, кличка, места регулярного появления). Третья ситуация характеризует преступление как совершенное в условиях неочевидности. Данная следственная ситуация представляется наиболее сложной и проблемной [1, с. 106].

При этом следует отметить, что единого алгоритма действий, как в первых двух следственных ситуациях, в третьей ситуации нет и быть не может. Вместе с тем основные методические рекомендации по разрешению ситуации информационной неопределенности можно свести к следующим:

1) использовать сведения, сообщенные потерпевшими и свидетелями-очевидцами, а также следы и предметы – вещественные доказательства, обнаруженные при осмотре. Нередко информация, полученная следователем из этих источников, позволяет ему с большей или меньшей степенью вероятности наметить тот круг лиц, среди которых следует искать лицо или лиц, совершивших расследуемое преступление;

2) допросить всех лиц, на которых ссылаются в своих показаниях потерпевшие и свидетели;

3) установить, не совершались ли в данной местности или в соседних районах другие нападения, которые еще не удалось раскрыть, и в положительном случае тщательно изучить материалы этих дел для выяснения того, не осуществлены ли они, судя по способу и приметам нападавших, одними и теми же лицами. Этот прием позволит получить новые сведения о преступниках и тем самым сузить круг лиц, среди которых их нужно искать;

4) принять меры к выявлению и проверке проживающих в данной местности лиц, поведение и образ жизни которых свидетельствуют об их внезапном обогащении, которое могло явиться результатом совершения преступления. Кроме того, следует выяснить, не появлялись ли в данной местности в период совершения нападения какие-либо посторонние лица (например, посещение родственников, приезд в гости или в отпуск), поведение которых носило подозрительный характер;

5) при наличии данных, указывающих на то, что в момент нападения преступник получил или мог получить те или иные телесные повреждения, следует произвести соответствующую проверку в находящихся в данной местности лечебных учреждениях куда преступник мог обращаться за медицинской помощью,

6) принять меры к выявлению возможных свидетелей из числа лиц живущих недалеко от места нападения или систематически бывающих в этом месте (например, ежедневное хождение на работу и с работы и т. п.);

7) провести соответствующую проверку в местах возможного сбыта или хранения похищенного в целях установления, не находятся ли там похищенные у потерпевшего вещи (на рынках, в комиссионных магазинах, ломбардах, в скупочных пунктах, у

часовых мастеров, в камерах хранения ручной клади) и не поступали ли они туда (проверить по приемным документам поступление предметов с индивидуальными номерами). Если проверка даст положительный результат, следует допросить работника, купившего или принявшего данную вещь на комиссию или на хранение, о приметах принесшего ее лица, а также изъят приемную квитанцию на эту вещь с распиской сдатчика. Кроме того, следует сообщить работникам указанных учреждений номер или приметы похищенных вещей с тем, чтоб, они при появлении граждан с подобными вещами известили об этом работников полиции;

9) с помощью работников ГИБДД (ГАИ) принять меры к розыску автотранспортных средств, если по обстоятельствам дела видно, что нападавшие располагали такими средствами;

10) широко использовать данные уголовной регистрации и криминалистических учетов, имеющиеся в органах внутренних дел, а именно:

а) предъявить потерпевшим фотографии или видеозаписи лиц, привлекавшийся ранее к уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений;

б) проверить лиц, чьи прошлые преступные связи позволяют предположить их возможную причастность к расследуемому нападению, причем особое внимание должны привлечь лица, недавно освобожденные из мест лишения свободы, и, в первую очередь, те из них, которые не ведут антиобщественный образ жизни;

в) при обнаружении на месте нападения следов рук проверить их по дактилоскопической картотеке;

г) при обнаружении на месте нападения пуль или гильз проверить их по пулегильзотеке;

11) использовать помощь общественности путем обращения к населению через средства массовой информации;

12) направить в места возможного появления преступников (бары, казино, рестораны, центры досуга и пр.) поисковые группы оперативных работников милиции с включением в их состав потерпевшего или свидетеля — очевидца, запомнившего внешность нападавших;

13) поручить органам дознания провести специальные мероприятия, направленные на выявление лиц, совершивших нападение, и на обнаружение похищенного. Выбор и последовательность проведения перечисленных выше мероприятий определяется следователем или оперативными работниками, исходя из конкретных обстоятельств расследуемого нападения.

Таким образом, к первоначальным следственным действиям относятся осмотр места происшествия и допросы потерпевшего, свидетелей.

Осмотр места происшествия имеет большую ценность, так позволяет установить: обстановку места происшествия, пути подхода и ухода преступника с места происшествия, количества лиц, участвующих в нападении, продолжительность пребывания преступника на месте происшествия, следов преступника, транспортных средств и т. д.

При расследовании дел о грабежах и разбоях необходимо иметь в виду, что способ совершения преступления, точное место нападения преступника и направление, в котором он скрылся, может показать, как правило, только сам потерпевший (либо свидетель очевидец происшествия). В случае совершения грабежа или разбоя в условиях неочевидности задача следователя затрудняется, поскольку потерпевший не видел преступника и не может назвать его приметы, однако важные сведения относительно места нападения, похищенных вещей потерпевший может указать, поэтому очень важно ис-

пользовать любую возможность его выезда на место происшествия или участия в начальной стадии осмотра непосредственно на месте происшествия [2].

В подавляющем большинстве случаев осмотр места преступления начинается с места нападения на потерпевшего или места обнаружения вещей, орудий преступления и др. Затем поиск расширяется, захватывает прилегающую территорию, включающую направление движения преступника до и после совершения преступления. Эти участки нередко являются значительными по протяженности, но с точки зрения обнаружения следов не менее информативны, чем место совершения нападения.

При осмотре места происшествия могут быть обнаружены различные виды следов: обуви (ног), рук, биологического происхождения (например, запаха), микрообъекты и др. Сложность заключается в том, что их могли оставить не только потерпевший, преступник, но и случайные лица, особенно если место связано с постоянным движением людей.

Особенностями отличается и допрос потерпевшего. Основной вопрос, возникающий с самого начала расследования дел о грабежах и разбойных нападениях, кто совершил данное преступление. Поэтому особое внимание сосредотачивается не столько на выяснении причин расследуемого преступления, сколько на том, кто совершил данное преступление.

При допросе потерпевшего необходимо учитывать его восприятие случившегося и воспроизведение во время получения объяснения и при допросе. Особенность заключается в том, что потерпевший после внезапного нападения находится в состоянии фрустрации и не может вспомнить большинство деталей совершения преступления.

Допрос потерпевшего должен вестись в трех направлениях: выяснение обстоятельств ограбления, выяснение примет лиц участвовавших в ограблении, характера и примет предметов и ценностей, похищенных преступниками. У потерпевшего выясняется время приобретения каждой из похищенной вещи и ее стоимость. Должное внимание уделяется выяснению вида и индивидуальных признаков упаковки, в которой находилось похищенное. Это необходимо для дальнейшего опознания вещи или предмета, поскольку часто встречается на практике, что при опознании предмета потерпевший называет массу примет, по которым он опознает предмет, но их не оказывается в протоколе допроса потерпевшего. Естественно, в этом случае результаты опознания будут признаны недопустимыми [3].

Круг вопросов, который необходимо выяснить у потерпевшего:

- где, когда и при каких обстоятельствах имело место нападение;
- в связи с чем потерпевший оказался на месте события, а также обстоятельства предшествовавшие нападению;
- кто находился в это время на месте события;
- в каких условиях наблюдалось лицо и его приметы, т.е. ночью или днем, на улице или в подъезде, в квартире или на улице, при искусственном освещении;
- откуда появились нападавшие;
- число нападавших и с максимальной точностью указать приметы каждого участника ограбления в целях получения полного и точного представления о личности преступника. Однако в рассматриваемой следственной ситуации задача выяснения примет преступника затруднена, поэтому важная любая информация;
- последовательность и в чем выразились насильственные действия и угрозы со стороны каждого из нападавших. Если потерпевший заявляет, что у преступников было оружие, то следует поинтересоваться, какое оно, на основании чего он решил, что это оружие и выяснить детали, которые запомнил потерпевший;
- как называли преступники друг друга;

- наличие транспортных средств, используемых нападавшими: подробно описать модель, цвет, возможно номерные знаки и иные признаки;
- как обращались нападавшие друг к другу;
- характер действий потерпевшего и других лиц, находившихся на месте происшествия;
- какие телесные повреждения и следы остались на теле или одежде потерпевшего и могли остаться на теле и одежде нападавших;
- данные о физическом и психическом состоянии потерпевшего;
- какое конкретно имущество, наименование, количество, индивидуальные признаки и стоимость похищенного, принадлежало ли это имущество заявителю или другому лицу;
- кто мог знать о наличии ценного имущества;
- кому первому сообщил о случившемся, предпринимал ли меры по преследованию и установлению нападавших;
- может ли опознать преступников, похищенное имущества, по каким признакам;
- не сохранились ли у потерпевшего документы на эти вещи (паспорт, гарантийный талон) либо принадлежности к ним (запасная пуговица, футляр), выяснить, что находилось в карманах одежды, которую похитили;
- в каком направлении удалились нападавшие и использовались ли технические средства (автомобиль, троллейбус и т. п.);
- причины несвоевременного обращения с заявлением в полицию;
- кто мог совершить нападение и чем вызвано это подозрение.

Если потерпевший заявляет, что были похищены деньги или предметы, которые ему не принадлежали, следует подробно выяснить: откуда, когда, в каком количестве, для какой цели и при каких обстоятельствах они были им получены; где хранил, почему они казались при нем в момент ограбления. Выясняется, что было известно преступникам о принадлежности данного имущества. Особо следует осветить вопрос об имеющихся или имевшихся у потерпевшего документах (расписках, товарных чеках и т. п.), относящихся к данному имуществу, а также о лицах, могущих описать или опознать похищенное. Это важно не только для проверки достоверности показаний допрашиваемого, но и для последующего розыска и идентификации похищенного.

Особенностями обладает также допрос свидетелей по факту грабежа и разбоя.

Наиболее значимая категория свидетелей это свидетели-очевидцы, которым известны какие-либо обстоятельства дела.

В свою очередь, они подразделяются на активных и пассивных свидетелей-очевидцев, соответственно, на тех, которые не только наблюдают, но и пытаются пресечь криминальное событие, и тех, которые только наблюдают его.

Допрос свидетелей-очевидцев. Это свидетели преступления, сотрудники полиции, задержавшие преступника, работники медицинских учреждений, куда был доставлен потерпевший, дворники, работники киосков, собаководы и т. п. Их ценность значительно возрастает в том случае, если ограбленный в момент совершения преступления находился в состоянии сильного опьянения. Если свидетель находится под влиянием сильных эмоций, то подробный допрос необходимо произвести через два-три дня. В целях оперативного раскрытия преступления можно провести краткую беседу, при которой выяснить основные вопросы.

К группе свидетелей, способных дать необходимые сведения о потерпевшем, относятся лица, видевшие его перед самым преступлением (родственники, друзья, знакомые, сослуживцы). Они могут сообщить данные о поведении потерпевшего в быту, интимных связях и склонностях. С одной стороны с помощью этих сообщений пред-

ставляется некоторая возможность установить грабителей, с другой – выявляется инсценировка ограбления. У них выясняется:

- где видели потерпевшего, в каком состоянии, что делал, что намеревался делать, кто с ним был, поскольку среди лиц, находившихся вместе с потерпевшим, может быть грабитель.

Свидетели, которые отрицают очевидный факт знакомства с потерпевшим и встреч с ним, позволяет выдвинуть версию, что он причастен к совершению грабежа или разбоя. В этом случае следователь дает отдельное поручение оперуполномоченному проверить его на причастность к совершению преступления оперативными способами.

1. Криминалистическая методика: учебное пособие для академического бакалавриата / под ред. Л. Я. Драпкина. М.: Издательство Юрайт, 2015. 386 с.

2. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

3. Криминалистика. Углубленный курс: учебник / под общ. ред. А. Г. Филиппова. М.: ДГСК МВД России, 2012. 592 с.

Ключевые слова: первоначальный этап, расследование, уголовное дело, грабеж, разбой, следователь, допрос.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Решняк Ольга Александровна,

*преподаватель кафедры организации следственной работы УНК по ПС в ОВД,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

Ковалев Сергей Александрович,

*кандидат юридических наук, профессор РАЕ,
Заслуженный работник науки и образования РАЕ,
доцент кафедры криминалистической техники УНК ЭКД,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

В данной статье рассмотрены проблемы, возникающие в деятельности правоохранительных органов, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений совершенных с использованием современных компьютерных технологий. А также предлагаются варианты решения существующих проблем.

Появление новых средств и способов совершения преступлений на современном этапе развития человечества, зачастую становится препятствием на пути правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Развитие современных технологий представляет широкое поле преступной деятельности для лиц склонных к совершению преступлений. Сегодня наиболее модным становится совершение ряда преступлений с ис-

пользованием достижений науки и техники, бесконтактным способом. То есть в реальности преступник и потерпевший даже не встречаются при совершении преступления. С появлением компьютерной техники, современных информационных телекоммуникационных сетей, практически все становится компьютеризованно. Все организации, предприятия, частные лица переходят в электронный режим хранения информации. Но в настоящее время инновационные достижения не достаточно хорошо изучены, а точнее сказать стоят в начале пути изучения, поэтому возникает много возможностей у лиц, ведущих преступный образ жизни к похищению электронной информации, а в дальнейшем хищении чужой собственности.

Преступность в сфере использования компьютерных технологий с каждым днем все больше развивается, но специалистов на службе в правоохранительных органах для борьбы с такой преступностью совершенно не имеется. Практически все сотрудники органов внутренних дел применяют компьютеры на уровне пользователя и, к сожалению больше половины из них не представляют даже что такое IP-адрес. Проблема расследования преступлений совершенных с использованием компьютерных технологий состоит не только в отсутствии соответствующих специалистов, но и в том, что у нас практически не имеется литературы, методических рекомендаций либо обучающих пособий которые бы помогали следственным органам и органам дознания в раскрытии и расследовании преступлений данного рода.

Можно перечислить ряд преступлений, которые совершаются с использованием компьютерных технологий, например, мошенничества различного рода, нарушение авторских прав, сбыт наркотических средств, клевета, оскорбление и экстремистские действия в сети, вербовка для совершения террористических актов, хищение денежных средств со счетов, путем взлома и запуска вредоносных программ и т. д. Тем не менее, изучение ряда материалов уголовных дел, статистики возбужденных уголовных дел по рассматриваемым видам преступлений и направленных дел в суд показало, что специальных знаний в области раскрытия и расследования компьютерных преступлений у сотрудников правоохранительных органов очень мало. Практически все преступления остаются не раскрытыми.

Другим показателем можно считать наличие общественных или межведомственных ассоциаций, обществ, иных профессиональных объединений компьютерных криминалистов или судебных экспертов. Приведем в качестве примера ассоциацию *international Association of Computer Investigative Specialists» (IACIS)*. Это общественная организация, располагается в США, в нее входят сотрудники правоохранительных органов которые занимаются преимущественно обучением и просвещением в области форензики. Подобных общественных организаций в мире существует несколько. В нашей же стране нет ни одной, нет даже отделения зарубежной. Соответственно, что свидетельствует о том, что специалистов в данной области у нас пока мало [1].

В связи с тем, что преступлений совершаемых с использованием компьютера и сети «Интернет» становится все больше, а рассчитывать на возможность их раскрытия и расследования практически нельзя, стоит задуматься над тем, что реальной проблемой в России стало отсутствие обучения в области использования компьютерных технологий для раскрытия и расследования преступлений. Поэтому автор приходит к мнению, что необходимо на базе образовательных организаций высшего и дополнительного образования создавать специализированные факультеты, которые будут заниматься исследованием проблем использования компьютерных технологий в области раскрытия и расследования преступлений и обучением сотрудников правоохранительных органов по данной специализации.

С развитием современных инновационных технологий у преступников расширилось поле действия для совершения противоправных действий. Хотя способы совер-

шения преступлений стали новыми, с использованием сети интернет, тем не менее, суть и предмет посягательства остались неизменными. Изменились лишь орудия совершения преступления, это веб-сайты, электронная почта, платежная система. В той же мере, естественно прогресс способствует появлению новых способов раскрытия преступлений.

Уже в 1996 году начали зарождаться преступления, которые совершались с использованием компьютера и сети «Интернет», в свою очередь учеными стали исследоваться новые способы совершения преступлений и разрабатываться методики их расследования. Так в своей работе В. Б. Вехов исследует и анализирует понятие «компьютерные преступления», изучает практику расследования таких преступлений и предлагает свою методику расследования [2].

Исследования показывают, чем больше людей овладевают навыками работы на компьютерах, тем больше становится компьютерных преступлений. Анализ, выполненный в 1998–1999 гг. сотрудниками ГУЭП МВД России при содействии службы безопасности одного из крупных банков Москвы, показал, что только за один месяц в нем пресекается более 200 попыток оплаты товаров через Интернет по фиктивным пластиковым картам на сумму около 20 тыс. дол. США.

Страны Запада столкнулись с проблемой компьютерной преступности значительно раньше (около четверти века назад) и успели накопить определенный опыт ее решения.

Однако существенные различия в правовой системе, а также специфика правового статуса и деятельности правоохранительных органов, занимающихся выявлением и расследованием преступлений в сфере компьютерной информации иностранных государств и Российской Федерации, привели к тому, что накопленный опыт борьбы с этой категорией преступлений в полной мере не может быть востребован в нашей стране [3]. Все это привело к тому, что правоохранительные органы оказались не готовы эффективно противостоять преступлениям в сфере компьютерной информации, впервые зафиксированным в главе 28 УК РФ, принятого в 1996 году. По результатам проведенного социологического опроса более 88 % следователей и оперативных работников правоохранительных органов отметили, что они не готовы к расследованию этого вида преступлений [4].

Рост компьютерных преступлений, их высокая латентность, а также значительность ущерба от таких преступлений, ставит задачу разработки методов борьбы с данными видами преступлений как приоритетное направление в деятельности правоохранительных органов. Актуальность проблем связанных с отсутствием четких методик пресечения и расследования компьютерных преступлений, обуславливается потребностями дальнейшего развития криминалистической теории и совершенствования научных знаний

1. Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М.: Издательство «Юридический мир», 2007. С. 230–232.

2. Вехов В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / под ред. акад. Б. П. Смагоринского. М.: Право и Закон, 1996.

3. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей : учебное пособие / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. М.: Проспект, 2017. 160 с.

4. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический аспект. Воронеж, 2001.

Ключевые слова: компьютерные технологии, раскрытие и расследование преступлений, сотрудники органов внутренних дел, компьютерные преступления, специальные знания.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ КОМПЛЕКСНОСТИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Ростовцев Александр Васильевич,

*кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики,
Московский областной филиал*

*Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево*

Рассмотрены методы решения экспертных задач на основе интеграции специальных знаний на современном этапе научно-технической революции. Комплексный подход в судебной экспертизе проявляется во взаимосвязи и взаимодействии знаний, различных по предмету исследования и типу наук.

Теоретические и методические разработки в области судебной экспертизы, с одной стороны, и потребности следственно-судебной практики, с другой, стали основанием для разработки новых методов решения экспертных задач на основе интеграции специальных знаний.

Одной из основных тенденций развития судебной экспертизы на современном этапе является увеличение количества задач, требующих проведения комплексной экспертизы. Проблемы комплексности, её уровней, категорий активно обсуждаются в экспертном сообществе. Особое внимание последние годы уделяется логике комплексного подхода и логической связи между выводами экспертов. Как указывал В. С. Митричев, «комплексность является научной характеристикой исследования, которое основывается на данных, составляющих предмет профессиональной подготовки представителей различных отраслей науки, техники, производства, в т. ч. и экспертов разных специальностей или профилей работы» [4, с. 355].

Экспертная практика показывает, что в процессе производства экспертиз физик, химик, биолог, ботаник, иной специалист, владея знаниями в «своей» области, осваивает также и знания в области криминалистики, теории доказывания, судебной экспертологии и пр. Это связано, в первую очередь, с тем, что невозможно провести правильную оценку результатов какого-либо экспертного исследования без учета положений теории криминалистической идентификации, диагностики, ситуационного анализа, учения о механизме слеодообразования, причинно-следственных связях и т. п. [7, с. 7, 9].

Развивая эту мысль, следует отметить, что практически все виды комплексных экспертиз составляют определенные уровни решения интеграционных задач, основанных на междисциплинарном подходе, когда происходит взаимопроникновение элементов и рождается новая междисциплинарная парадигма.

Комплексный подход в судебной экспертизе проявляется во взаимосвязи и взаимодействии знаний различных по предмету исследования и типу наук; возникновении на стыке разных отраслей знаний их пограничных областей; комплексах судебных экспертиз, проводимых по одному делу в пределах предмета доказывания; комплексах исследований в одной области, но разных направлениях специальных знаний; комплексной судебной экспертизе.

Например, при расследовании и рассмотрении дел о словесном экстремизме специальные знания могут использоваться комплексно путем проведения комплексной экспертизы, комплекса экспертиз или комплексного исследования [5, с. 92]. При этом мы считаем, что более подробное деление, которое приводится в литературе, излишне: например, иногда выделяют последовательное, последовательно-параллельное и параллельное комплексирование [6, с. 53].

Вопрос о разграничении понятий «комплексная экспертиза», «комплекс экспертиз» и «комплексное исследование» долгое время оставался спорным. Неоднозначность в теории влекла за собой проблемы и в практике назначения и производства судебных экспертиз. К комплексной экспертизе часто ошибочно относили и комплекс независимых экспертиз, назначенных одним постановлением/определением. Чаще всего такие ошибки встречались при расследовании/рассмотрении сложных уголовных дел, которые требовали производства экспертиз разных родов. Некоторые следователи/судьи, назначали экспертизы и поручали их производство одному экспертному учреждению, ошибочно полагая, что не требуется оформлять назначение каждой экспертизы отдельным постановлением/определением. Правильно же, по нашему мнению, в отношении каждого рода исследований ставить отдельные вопросы, в отдельном постановлении/определении, поскольку при производстве комплекса экспертиз результаты исследования должны оформляться самостоятельными заключениями.

Однако за долгие годы научных дискуссий учеными была выработана единая точка зрения относительно вышеуказанных понятий.

В настоящее время определен статус и место комплексной экспертизы в системе судебных экспертиз в качестве самостоятельного вида, отличающегося от других видов судебных экспертиз. Это подтверждается процессуальной регламентацией, постановлением Пленума Верховного суда «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28, ФЗ о ГСЭД «О государственной судебно-экспертной деятельности» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ и другими законодательными актами, определяющими особенность порядка их назначения и проведения. Комплексная экспертиза должна проводиться экспертами разных специальностей либо специалистом, обладающим знаниями в различных областях.

Комплексность исследования, как отмечает Н. П. Майлис [3, с. 201], реализуется в отношении одного и того же объекта, благодаря чему достигается всесторонность его изучения. Характерной особенностью комплексной экспертизы является решение с ее помощью сложной интеграционной задачи, поставленной субъектом доказывания перед экспертом. Эта задача отличается от задачи моноэкспертизы несколькими свойствами. Прежде всего, она ставится и решается только при условии комплексирования знаний разных специальностей, ее решение невозможно в рамках каждой из них, взятых в отдельности, и ей присущ интеграционный характер.

Наиболее наглядно это отражается на примере решения задач судебно-портретной экспертизы. В период становления судебно-портретной экспертизы в конце XIX и начале XX вв. при решении идентификационной задачи использовался метод описания признаков внешности. Признаки элементов лица анализировались путем их визуального изучения и сопоставлялись по методике словесного портрета, разработанной и предложенной французским криминалистом А. Бертильоном.

Объективизации оценки признаков способствовал вероятностно-статистический метод, который дополнял уже имеющиеся. Достоинством этого метода является опора на результаты изучения значительных массивов фотоизображений лиц одной и той же антропологической группы. К недостатку относится тот факт, что значения признаков внешности при вероятностно-статистическом подходе рассчитаны на стандартное по-

ложение головы человека при его фотографировании, которое представлено на так называемых документных фотокарточках.

Приемы использования возможностей фотографического процесса позволили использовать более широко возможности метода сравнения путем совмещения частей фотоизображений, наложения изображений друг на друга, сопоставления одноименных половин лица, либо его фрагментов. В конечном счете они позволили расширить методический арсенал эксперта.

По мнению А. М. Зинина, все вышеперечисленные методы позволяют решать экспертную задачу лишь при комплексном их использовании, когда результаты их применения дополняли друг друга и позволяли эксперту убедиться в правильности решения задачи [1, с. 129–130]. Попытки придать тому или иному методу автономное значение, дающему возможность, якобы, самостоятельно решить идентификационную задачу, оказывались неудачными. Разнообразие видов носителей информации о признаках внешнего облика человека требует именно комплексного применения методов исследования признаков. Такое применение дает возможность подойти к выделению той совокупности признаков, которая является индивидуализирующей данного, конкретного человека, и позволяет эксперту быть уверенным в тождестве изображенных лиц.

Мы разделяем мнение О. Г. Кузнецова, что современные потребности следственной и судебной практики по вопросам широкого внедрения комплексности в новые отрасли судебной экспертизы определили следующее положение: комплексная экспертиза и комплексное исследование являются одним из главных каналов, через который достижения научно-технического прогресса попадают в сферу уголовного, гражданского и административного процесса. Таким образом, формирование теоретических основ правоприменительной практики по вопросам использования комплексности на сегодняшний день особенно актуально и требует инновационных подходов к решению этой проблемы [2, с. 233].

Актуальной проблемой комплексной экспертизы, по мнению Н. П. Майлис, в настоящее время остается ее методическое обеспечение, несмотря на многие публикации на эту тему [3, с. 203]. Методика комплексной экспертизы, как любая экспертная методика, должна быть общепринятой, прошедшей валидацию, и сертифицированной. Исходя из интеграционного характера решаемых с помощью комплексной экспертизы задач, требуется разработка, как общих методологических основ, так и частных методик применительно к комплексированию конкретных экспертных специальностей.

1. Зинин А. М. Комплексирование методов – основа решения задач судебно-портретной экспертизы // Методические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: матер. межд. конф. М., 2014.

2. Кузнецов О. Г. Судебная экспертиза: актуальные проблемы и перспективы развития в республике Казахстан. Алматы: Глобус, 2008.

3. Майлис Н. П. Процессуальные и организационные ошибки при назначении и производстве комплексных экспертиз // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: матер. конф. М., 2016.

4. Митричев В. С. Труды по судебной экспертизе. М.: Наука, 2006.

5. Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

6. Сафуанов Ф. С. Гуманитарная экспертология: актуальные проблемы и перспективы // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М., 2006.

7. Тишков С. А. Порядок назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз: учебное пособие. Орел: ОрЮИ МВД России, 2012.

Ключевые слова: комплексный подход, судебная экспертология, специальные знания, интеграционный характер.

УДК 343.98

ПРИМЕНЕНИЕ ФОТОГРАФИИ И ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сибилькова Анна Васильевна,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики,

Московский областной филиал Московского университета

МВД России имени В. Я. Кикотя,

143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево

Статья посвящена проблемам более широкого применения видеофиксации в работе следственных органов, при осмотре места происшествия и других следственных действиях, в том числе в качестве альтернативы привлечению понятых.

Технические достижения на современном этапе развития общества не только предъявляют все более высокие требования к работе правоохранительных органов за счет появления новых способов совершения преступлений, но и позволяют на более высоком уровне решать вопросы организации и деятельности следственных органов, вооружить следователей новыми средствами обнаружения и фиксации доказательств, исключить необходимость привлечения к участию в следственном действии понятых, как гаранта соблюдения требований закона должностными лицами при проведении следственного действия [2]. Благодаря введению нормы о возможности замены участия понятых видеофиксацией (ст. 2 ФЗ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ), органы следствия могут избежать сложностей в поиске понятых для такого длительного следственного действия, как осмотр места происшествия, которое может производиться в ночное время, при неблагоприятных погодных условиях, быть травматичным для психики неподготовленных людей (например, по делам об убийстве, ДТП со смертельным исходом). Кроме того, при участии в осмотре места происшествия понятых, нельзя исключать возможность утечки важной информации по уголовному делу, несмотря на то, что они предупреждаются об ответственности за ее разглашение.

Анализ практики расследования преступлений показывает, что в протоколах, а особенно в протоколах осмотра места происшествия, не всегда удается описать все действия следователя, все, обнаруженное при осмотре, в той последовательности, в которой проводился осмотр, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра, а видеозапись позволяет это зафиксировать. В качестве преимущества применения средств видеофиксации, можно отметить, что доказательственная информация, полученная с их помощью, отличается объективностью, наглядностью, отсутствием искажений под воздействием времени и многократного воспроизведения.

Однако до настоящего времени видеозапись при производстве следственных действий, в том числе и при осмотре места происшествия, в должной степени не используется. Этому есть много объяснений. Одно из них заключается в том, что сотрудники правоохранительных органов не в полной мере умеют применять видеозапись при производстве следственных действий.

Место происшествия – это источник получения криминалистически значимой информации, определяющей перспективу дальнейшего расследования дела. Неквалифицированное проведение осмотра места происшествия приводит к невозможности утрате информационных возможностей установления всех обстоятельств совершенного преступления. Применение криминалистической видеозаписи способствует повышению объективности и эффективности осмотра места происшествия.

При наличии видеозаписи у следователя появляется возможность неоднократно, наглядного воспроизведения обстановки места происшествия с целью анализа произведенного осмотра и детального изучения его результатов. В некоторых случаях важное значение приобретают и обстоятельства, которые непосредственно не относятся к исследуемому месту происшествия. Например, видеокамера «случайно» запечатлела лица любопытных, толпящихся вокруг места происшествия, среди которых, в ходе дальнейшего расследования выявлено лицо, причастное к совершенному преступлению. В связи с этим еще в 1892 году основоположник криминалистики Ганс Гросс писал: «Прежде чем покинуть место совершения преступления, должно установить наблюдение за этим местом, если обвиняемый еще не задержан. Не знаю, есть ли суеверие преступника, случайность ли это или действительность, но несомненно, что преступника, особенно убийцу, тянет с особой силою к месту преступления» [1, с. 168].

Видеозапись особенно полезна, если дело в дальнейшем принимает к производству не тот следователь, который проводил осмотр, а другой, что в практике работы органов внутренних дел происходит довольно часто.

Решая вопрос о применении видеозаписи при осмотре места происшествия, необходимо иметь в виду, что это следственное действие, если оно проводится тщательно в соответствии с рекомендациями криминалистики, требует много времени. Даже опытный следователь затрачивает на него (включая составление протокола и планов, схем) не менее трех-четырех часов. Использование видеосъемки еще более увеличивает временные затраты следственно-оперативной группы, но в то же время повышает ответственность следователя при организации и производстве данного следственного действия, поскольку все возможные нарушения уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики могут быть зафиксированы и обнаружены при изучении видеозаписи заинтересованными лицами.

Большинство практических работников (согласно проведенному нами опросу 83 %) в настоящее время склоняются все же к участию понятых в осмотре места происшествия, а не видеофиксации данного следственного действия.

Во-первых, в целях экономии времени, во-вторых, для исключения возможности обнаружения недостатков в его проведении стороной защиты и исключения на этом основании из доказательств по уголовному делу. Понятые, как правило, запоминают проведение следственного действия только в общих чертах, без подробностей.

В-третьих, очевидно, что сам следователь не может одновременно производить осмотр и осуществлять видеозапись, поэтому для содействия в применении технических средств, привлекается специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, входящими в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Таким специалистом в органах внутренних дел, как правило, является эксперт-криминалист. Но эксперт-криминалист при осмотре места происшествия занимается поиском, фиксацией и изъятием материальных следов преступления, и совмещение этой деятельности с видеофиксацией всего процесса осмотра места происшествия весьма затруднительно. Для преодоления данной проблемы необходимо введение в следственно-оперативную группу еще одного специалиста, что в современных условиях оргштатных изменений в органах внутренних дел весьма затруднительно. Кроме этого, если говорить о субъектах применения видеозаписи, следует отметить у них зачастую отсутствие навыков приме-

нения средств видеофиксации (именно при проведении следственных действий), психологическое напряжение, возникающее перед работающей видеокамерой у участников следственных действий.

В-четвертых, для осуществления видеосъемки при осмотре места происшествия необходимо обеспечение следственно-оперативных групп видеокамерами, что для многих подразделений органов внутренних дел пока является недоступным по причинам недостаточного финансирования для приобретения этого дорогостоящего оборудования.

Видеозапись имеет преимущества по сравнению с другими техническими средствами фиксации – это одновременная запись сигналов изображения и звука с возможностью контроля их качества, а также возможностью просмотра видеофонограммы до окончания следственного действия. Использование этих возможностей в ходе осмотра должно быть оговорено на этапе подготовки следователем и специалистом.

В начале видеозаписи должны быть запечатлены участники осмотра: обязательные (следователь, специалист – судебный медик и т. д.) и факультативные (другие специалисты, потерпевший, свидетель и т. д.). На видеофонограмме фиксируется, как участникам разъясняются их права и обязанности, как они предупреждаются об уголовной ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей и т. д. В тех случаях, когда осмотру подлежит жилище, следует обратить внимание на соблюдение следователем требований ч. 5 ст. 177 УПК РФ. Специалист должен зафиксировать согласие проживающих лиц на осмотр их жилища. Участникам следственного действия сообщается, что во время осмотра будет применена видеозапись.

Затем, после слов «Осмотром места происшествия установлено», производится ориентирующая и обзорная видеозапись. При этом с более или менее значительного расстояния запечатлеваются место происшествия с прилегающей местностью, ориентиры, с помощью которых осуществляется «привязка» (ориентирование) места происшествия к местности, подходы к нему. На наш взгляд, это является важным преимуществом видеосъемки, поскольку в словесной форме бывает трудно правильно отразить местоположение и ориентиры. По возможности, съемку желательно производить с более возвышенного места или с использованием специальных операторских кранов. Высокая точка съемки позволяет зафиксировать объекты с меньшим перекрытием друг друга и более наглядно представить границы осмотра. Видеосъемка производится с использованием приемов, методов криминалистической фотографии и использованием изобразительных средств, не искажающих восприятие фиксируемых объектов. Для устранения резких толчков во время съемки в движении, для получения более качественного изображения могут использоваться специальные стабилизирующие системы.

После ориентирующей съемки специалист, постепенно приближаясь к месту происшествия, запечатлевает его более крупным планом, уже без окружающей территории. Одновременно записывается звуковое сопровождение, содержащее описание соответствующих объектов.

После этого при необходимости проводится обзорная и узловая видеосъемка.

При обнаружении трупа видеосъемка производится с разных сторон с использованием методов панорамной съемки, наезда, отъезда, статичного кадра и т. д. Видеосъемка должна производиться таким образом, чтобы можно было в последующем восстановить взаиморасположение обнаруженных объектов и следов.

Далее производится узловая съемка с применением приема видеосъемки крупным планом. При необходимости осуществляются и детальная видеосъемка, сопровождающаяся необходимыми комментариями.

Процесс поиска мелких объектов и следов нередко затягивается и сам по себе не представляет интереса (например, осмотр в косопадающем свете и обработка порошка-

ми значительных по площади поверхностей, на которых, в конечном счете, может и не оказаться следов рук; поиск мелких объектов в траве). Фиксировать все подобного рода действия с помощью видеозаписи, на наш взгляд, не всегда целесообразно. Для расследования важны результаты этих действий – они должны быть отображены в видеофонограмме. Следует обратить внимание на выполнение требований ч. 3. ст. 177 УПК РФ и зафиксировать момент изъятия предметов, осмотр которых на месте затруднен, а также в соответствии с п. «а» ч. 2. ст. 82 УПК РФ зафиксировать предметы, которые в силу громоздкости или иных причин, не могут храниться при уголовном деле.

На заключительном этапе осмотра желательно всем участникам просмотреть видеофонограмму, а с отдельных ключевых кадров видеофонограммы изготовить фототаблицу с указанием времени ее изготовления, о чем в протоколе должна быть сделана отметка.

Таким образом, на видеофонограмме может запечатлеваться не весь процесс осмотра места происшествия от начала до конца, а лишь его узловые моменты. В этом случае видеозапись становится компактной и удобной для просмотра [3].

После просмотра записанного осмотра места происшествия всеми участниками камера вновь включается и фиксируются заявления участников о том, что все записано правильно, замечаний и дополнений они не имеют (либо их суждения, замечания и дополнения).

Целесообразно также запечатлеть, как участники осмотра места происшествия ставят свои подписи под протоколом после его прочтения, а также на упаковках с изъятими следами и объектами. При наличии технической возможности желательно прямо на месте производства осмотра места происшествия на заключительном этапе изготовить фототаблицу с видеофонограммы.

Рассмотрение положительных и отрицательных моментов применения фотографии и видеозаписи при фиксации следов преступления подтверждает целесообразность их все более широкого распространения в работе органов внутренних дел, и замены участия понятых.

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: ЛексЭст, 2002.

2. См., напр.: Сретенцев А. Н., Бадиков Д. А. Некоторые аспекты использования современных технических средств фиксации при осмотре места дорожно-транспортного происшествия // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4. С. 79–82.

3. Булыжкин А. В., Бадиков Д. А., Васюков В. Ф. и др. Расследование дорожно-транспортных преступлений: учебное пособие. М.: ДГСК МВД России, 2014.

Ключевые слова: видеофиксация, осмотр места происшествия, понятые.

УДК 343.98

ВИДЕОЗАПИСЬ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Скобелин Сергей Юрьевич,

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий криминалистической лабораторией,
Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12*

В статье раскрываются доказательственные возможности видеофиксации такого следственного действия как следственный эксперимент. Акцентируется вни-

вание на подготовительном и рабочем этапе следственного действия, особенностях его видеозаписи в зависимости от вида эксперимента. Отражаются преимущества подобного способа фиксации и сложные моменты реконструкции обстановки места происшествия.

Необходимость видеозаписи (киносъемки) в криминалистике изначально была связана, помимо прочего с фиксацией такого динамического следственного действия как следственный эксперимент. Словесной фиксации процесса данного следственного действия в протоколе, графических изображений, а также его фотографирования было явно недостаточно. Ещё в 1946 году ведущие советские криминалисты А. И. Винберг и А. А. Эйсмэн писали: «...фильм может стать прекрасной иллюстрацией следственного эксперимента».

Природа данного следственного действия, его наименование по меткому выражению О. Я. Баева генетически предполагают совершение опытов (чаще повторяемых по несколько раз), несмотря на то, что в действующем законе об этом упомянуть забыли [1]. По утверждению Р. С. Белкина, следственный эксперимент представляет собой следственное действие, состоящее в проведении специальных опытов, испытаний с целью получения новых и проверки имеющихся доказательств, а также проверки и оценки следственных версий о возможности или невозможности существования тех или иных фактов, имеющих значение для дела [2].

В соответствии со ст. 181 УПК РФ следственный эксперимент производится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события.

При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов. Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц.

Напомним, что данное следственное действие на основании ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ может производиться без участия понятых. И если по решению следователя понятые в следственном эксперименте не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным.

Особенности подготовки и непосредственной видеозаписи следственного эксперимента зависят от его разновидностей по установлению:

- 1) Возможности наблюдения, восприятия какого-либо факта, явления;
- 2) Возможности совершения какого-либо действия;
- 3) Возможности существования какого-либо явления;
- 4) Механизма события в целом или отдельных его деталей;
- 5) Процесса образования следов события, обнаруженных в ходе расследования;
- 6) Наличия или отсутствия профессиональных или преступных навыков [3].

Также принято разделять данное следственное действие на простое и сложное. Видеофиксация простого следственного эксперимента особых сложностей не вызывает, так как зачастую не связано с реконструированием обстановки проверяемого события, не требует подготовки материалов, макетов, инструментов, манекенов, участия специалистов, дублеров и пр. Это, как правило, эксперименты, которые можно провести в кабинете следователя, например, в ходе которых проверяются навыки лица, его физические способности. В таких условиях привлекать других участников уголовного судопроизводства, а также статистов не требуется.

В подобных случаях крупным и детальным планом фиксируется выполняемые проверяемым лицом действия (завязывание или развязывание узлов, поднятие тяже-

стей, подделка документов, печатей, подписи, укладывание определенных предметов, вскрытие упаковки, конверта, неординарные математические или физические способности, мошеннические действия с деньгами, карточные манипуляции и т. п.). Важно зафиксировать весь инструментарий, используемый лицом, допустим, при изготовлении поддельного документа (бумага, краска, принтер, ксерокс, специальные приспособления и др.), подготовительные действия, сам процесс изготовления и готовый поддельный документ наряду с подлинником (если имеется).

Аналогично снимаются и не сложные опытные действия с выездом на место происшествия, где проверяется возможность проникнуть в помещение, спрятать похищенное (труп), вынести его из помещения, открыть или закрыть замок, отключить сигнализацию и т. п. В подобных ситуациях оператор не привязан к конкретной точке (к примеру месту восприятия субъектом того или иного события, звуков). Единственное требование к такой видеосъемке – это точное отражение всех существенных деталей опытных действий.

К более сложным и самым распространенным можно отнести так называемые эксперименты «на видимость», «на слышимость» и «на возможность совершения определенных действий за определенное время». Последний эксперимент чаще касается установления возможности передвижения из одной точки в другую пешком, бегом или с помощью транспортных средств.

Видеозапись подобных экспериментов требует тщательной подготовки: ознакомление с материалами дела, подробный (при необходимости дополнительный или повторный) допрос проверяемых по поводу данного события, подбор участников (статистов), транспортных средств, ознакомление с местом проведения следственного действия, составление его плана, этапов и сценария. При этом следователь на этой стадии должен обсудить с оператором все детали видеозаписи эксперимента: последовательность и очередность действий каждого участника, вариативность, ключевые моменты, подлежащие обязательной видео фиксации. Эти же вопросы доводятся до участников следственного эксперимента в ходе инструктажа.

Особенность видео фиксации подобных опытных действий заключается, во-первых, в необходимости соблюдения «чистоты» эксперимента, а именно воссоздании той же самой обстановки в которой участник следственного действия воспринимал событие: видел (не видел), слышал (не слышал) либо передвигался в реальной действительности.

Это касается времени года, суток, погодных условий, освещенности, расстояния, естественных или искусственных препятствий (толщина и материал стен, способы освещения, использование лицом наушников, солнцезащитных очков, предметов одежды – шапки-ушанки и др.), а также субъективных факторов (состояние здоровья, психическое состояние, алкогольное опьянение и пр.).

Важно при этом воссоздав обстановку происходящего события зафиксировать на камеру вопрос и ответ участников следственного действия о соответствии условий эксперимента условиям проверяемого события.

Во-вторых, видеозапись подобных экспериментов необходимо производить одновременно с двух точек. Один оператор должен фиксировать действия лиц, чьи особенности восприятия проверяются (свидетель, подозреваемый, потерпевший), а другой – лицо, воспроизводящее воспринимаемое событие (крики, разговор, передвижение, нахождение в определённом месте и пр.). Важно зафиксировать на видео возможность или невозможность визуального восприятия события, узнавания или не узнавания конкретных лиц, их одежды, примет (чаще для этого подбираются знакомые проверяемому лица, о чем первый не извещается). Для слухового восприятия (не восприятия) звуков механизмов, приборов, животных, речи человека целесообразно использовать выносной микрофон.

При этом объектив камеры должен как бы выступать глазами проверяемого лица. Именно поэтому важно определиться с точкой расположения штатива с камерой и высоты ее установления. Это зависит от места, на которое укажет проверяемый и его роста (уровня глаз). Немаловажен и угол обзора, перспектива обзора, которые устанавливаются за счет того, что проверяемому предлагается взглянуть на экран камеры и подтвердить, что именно такую обстановку при идентичных условиях он наблюдал.

Если проверяемый воспринимал событие в движении (шел, ехал на транспорте сам либо двигалось воспринимаемое лицо (объект), двигались оба) следовательно необходимо воссоздать, а оператору зафиксировать данный процесс в динамике. При этом важно восстановить скорость движения самого человека или транспортного средства, направление движения, препятствия, неровности дороги, объезды и пр.

В ходе производства видеофиксации следственного эксперимента в целях установления возможности передвижения из одной точки в другую пешком, бегом или с помощью транспортных средств рекомендуется, во-первых, не прерывать съемку на протяжении всего эксперимента, а, во-вторых, вывести на экран таймер (секундомер) и тем самым обеспечить хронометраж всего следственного действия наряду с секундомером следователя.

Наглядность следственному эксперименту придают составленные следователем планы, схемы, рисунки, которые оператору нужно зафиксировать детально.

Намного сложнее обстоит дело с видеофиксацией следственного эксперимента по установлению механизма образования следов, а также эксперимента, направленного на установление механизма события или явления, факта в целом либо его отдельных частей. Прежде всего, это касается преступлений на транспорте (авиакатастроф, железнодорожных аварий, дорожно-транспортных происшествий), крупных техногенных аварий, нарушений правил техники безопасности и т. д.

В таких случаях по верному замечанию О. Я. Баева обычного плана следственного действия недостаточно ввиду сложности таких опытных действий. Присоединимся к мнению ученого о том, что на подготовительном этапе (автор называет его «кабинетным») следователь должен написать режиссерский сценарий, в котором должно быть учтено:

- где, кем и какие опытные действия будут производиться;
- где должны находиться их участники;
- как должны меняться условия проведения серии опытов;
- каково количество опытов в каждой серии;
- какие технические средства будут использоваться для фиксации процесса следственного эксперимента и его результатов и как (что будет сниматься и с какой точки общим планом, что крупным, где необходима ускоренная, а где замедленная съемка) [4].

Стоит отметить, что целями таких экспериментов является воссоздание полной объективной картины минувшего события не только с качественной стороны, но и установление количественных характеристик минувшего события (измерения пути, массы, времени, скорости и т. п.). Для этого может использоваться различная высокотехнологичная техника, компьютерные программы, создающие трехмерную компьютерную графическую динамическую модель и т. п. [5]

Безусловно, использование такой техники также должно охватываться видеофиксацией.

Кроме того, проведению таких сложных экспериментов всегда предшествует реконструкция обстановки произошедшего события. Поэтому помимо непосредственного следственного действия, необходимо запечатлеть на видео и его подготовку [6]. То есть на записи должна быть зафиксирована как воссозданная обстановка, так и обстановка, предшествующая реконструкции, а также сам процесс реконструкции (основные этапы).

В зависимости от особенностей проверяемого события определяются точки видеосъемки. Порой по делам о дорожно-транспортных происшествиях целесообразна видеозапись одновременно с нескольких точек: с противоположных направлений движения транспорта, а также сверху – с использованием беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров).

Таким образом видеозапись следственного эксперимента позволяет в процессе ее просмотра выявить обстоятельства, которые в ходе самого следственного действия не были зафиксированы, а также назначить и провести по данным записям криминалистические или судебные экспертизы.

1. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013. 456 с.

2. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964. С. 17.

3. Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М., 1959. С. 6.

4. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013. 456 с.

5. Соснин К. В. Тактико-криминалистические основы использования математических методов и компьютерных технологий в следственном эксперименте по делам о дорожно-транспортных происшествиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 15.

6. Шолохов С. В., Коргин А. В., Васюков В. Ф. К вопросу о роли использования технико-криминалистических средств в доказывании по уголовным делам // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Всероссийской конференции, 2015. С. 343–348.

Ключевые слова: следственный эксперимент, видеозапись, участники уголовного судопроизводства, опыты, обстановка преступления.

УДК 343.98

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПРИБРОБРЕТЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Соломатина Елена Анатольевна,

*научный сотрудник отдела тактики и методики расследования
преступлений НИИ криминалистики,*

*Академия Следственного комитета Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12*

Троцанович Александр Викторович,

*заведующий отделом тактики и методики расследования преступлений
НИИ криминалистики,*

*Академия Следственного комитета Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12*

В статье исследованы проблемы привлечения лиц к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств, полученных при совершении налоговых

преступлений. Правоприменительная практика в этом вопросе неоднозначна и подвержена влиянию современных экономических тенденций, влекущих изменения уголовного законодательства и необходимость ее быстрой адаптации к внесенным изменениям.

В России на волне продолжающихся экономических преобразований, влиянии международных экономических и юридических процессов в условиях глобализации происходит динамичное изменение норм права. В таких условиях правоприменителям сложно быстро перестраивать (нарабатывать) практику, в том числе практику привлечения лиц к уголовной ответственности.

В настоящее время к проблемным относятся статьи 174 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления), 174.1 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем) УК РФ, применение которых до 2013 года исключалось при совершении так называемых таможенных и налоговых преступлений, предусмотренных статьями 193 (Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации), 194 (Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица), 198 (Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица), 199 (Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации), 199.1 (Неисполнение обязанностей налогового агента) и 199.2 (Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов) УК РФ, то есть эти преступления законодатель не относил к предикатным (предшествующим) для легализации преступных доходов. Наличие вышеуказанных исключений в этих статьях обосновывалось и в теории уголовного права учеными-юристами, указывавшими, что из буквального толкования статей 174 и 174.1 УК РФ следует, что предметом легализации может быть только то имущество, которое приобретено непосредственно в результате совершения преступления. [3, с. 20–24].

Отмечалось, что невозможно привлечь к ответственности за легализацию денежных средств лицо, например, незаконно переместившее их через границу, так как они не приобретены в результате совершения преступления, а лишь перемещены преступным путем. К этой же категории относятся и денежные средства, полученные лицом в результате законной предпринимательской деятельности, но укрытые от налогообложения.

Однако законодатель произвел «разворот» на 180 градусов в названных нормах уголовного закона, что, естественно, вызвало трудности их применения сотрудниками правоохранительных органов, в первую очередь, следователями.

Как известно, правовое противодействие преступной легализации (отмыванию) «грязных» денег возникло в 20-е годы прошлого столетия в США, где широкое распространение получили организованные преступные группировки, возглавляемые так называемыми «крестными отцами». Власти, понимая, что последних сложно привлечь к уголовной ответственности за основные преступления, такие как убийства, рэкет, наркоторговля, подпольная торговля спиртным, приносивших мафии огромные доходы, нашли возможности для их осуждения за неуплату налогов, что и подтолкнуло заинтересованных в уклонении от уголовной ответственности лиц к легализации преступно нажитых денег. Одновременно с этим и родился термин «отмывание денег», используемый чикагскими гангстерами времен сухого закона, которые специально приобретали прачечные, как вид легальной деятельности, где и «стирались» преступные доходы. Естественно, что налоги с «отмытых» денег уплачивались. Тогда властями и

было принято радикальное решение об объявлении преступлением самого процесса легализации преступных доходов, в каких бы формах это не осуществлялось. Опыт Нового Света с началом процессов глобализации, появления новых крупномасштабных преступных угроз, в первую очередь, экстремистского и террористического толка, был подхвачен всем мировым сообществом. Так в 1989 году была создана группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег – ФАТФ (от англ. The Financial Action Task Force (FATF) – межправительственная организация, которая устанавливает стандарты, разрабатывает и поощряет политику по борьбе с легализацией денег и финансированием терроризма. ФАТФ, кстати, и ввела в юридическую практику термин «отмывание».

В рекомендациях ФАТФ присоединившимся странам предписано «... применять понятие преступления отмывания денег ко всем серьезным преступлениям с целью охватить как можно более широкий круг основных преступлений. Основные преступления можно определить с помощью ссылки на все преступления или на «некий порог», привязанный либо к определенной категории серьезных преступлений, либо к наказанию в виде тюремного заключения, применимому к основному преступлению («пороговый» подход), или на перечень основных преступлений, или на сочетание этих подходов» [2, с. 5]. Там же специально подчеркнуто, что в запросе о взаимной правовой помощи не следует отказывать только на тех основаниях, что предикатное преступление связано с уклонением от уплаты налогов [2, с. 11].

Российская Федерация, подписав Страсбургскую Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. [1] также приняла на себя обязательство рассматривать в качестве доходов от преступной деятельности любую экономическую выгоду, полученную в результате совершения преступлений.

Под выгодой (п. «а» ст. 1 Конвенции) понимается «любое имущество, любого рода, вещественное или невещественное, движимое или недвижимое, а также юридические акты или документы, дающие право на имущество или на долю в этом имуществе». Данное толкование преступного дохода и ратификация Россией международного правового акта обусловили внесение изменений в более чем 20 федеральных законов, включая и УК РФ, в частности, в статьях 174 и 174.1 УК РФ Федеральным законом от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» [6, с. 3207] был расширен круг предикатных преступлений, за счет упразднения исключений в виде статей 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ.

Однако, Российская Федерация, скорректировав под международные правовые акты отдельные статьи Уголовного кодекса, не получила ожидаемого эффекта, ведь с момента вступления в силу названных изменений в законе в правоприменительной практике каких-либо перемен не произошло. На данный момент не известно ни об одном уголовном деле, закончившимся обвинительным приговором суда, в связи с чем следует выяснить причины, препятствующие практической реализации отредактированных норм УК РФ.

Под легализацией доходов, полученных преступным путем, понимается придание правомерного вида денежным средствам или имуществу, полученным в результате совершения преступлений, то есть предшествующих легализации, следовательно, прежде чем установить факт отмывания доходов, необходимо доказать, что они получены в результате совершения предикатного преступления. Вот здесь то и возникает проблема, связанная с установлением оперативным работником правоохранительного органа или следователем факта совершения налогового преступления, и определения в уголовно-процессуальном аспекте наличия достаточного основания для возбуждения

уголовного дела за легализацию доходов, полученных в результате совершённого налогового преступления. Однозначного подхода к решению этой проблемы практиками не выработано, однако установлением такого факта можно считать:

1) наличие обвинительного приговора по уголовному делу за совершение налогового преступления, которым установлено преступное происхождение денежных средств или иного имущества;

2) наличие постановления о прекращении уголовного преследования за совершение налогового преступления по нереабилитирующим основаниям, которым установлено преступное происхождение денежных средств или иного имущества;

3) осуществление уголовного преследования за совершение налогового преступления при наличии в материалах уголовного дела достаточных доказательств, подтверждающих преступное происхождение денежных средств или иного имущества.

Наиболее предпочтительным с правовой позиции является, все-таки, наличие вступившего в законную силу приговора суда, которым не только доказана вина совершившего преступления лица, но и установлен размер ущерба, связанного с неуплатой налогов, что тождественно размеру легализованных денежных средств. Но такой подход вряд ли может быть продуктивно реализован на практике, так как он заведомо неэффективен, растянут во времени, образно говоря, напоминает «отрезание хвоста собаке по частям». Следовательно, более приближенным к реальностям правоприменения является третий вариант, когда в ходе расследования уголовного дела за преступление в налоговой сфере следователь «параллельно» принимает решение о возбуждении уголовного дела за легализацию.

Другой проблемой является весьма противоречивая уголовно-правовая политика государства по отношению к лицам, совершившим преступления в сфере экономики. Как отмечено выше, с момента вступления в действие вышеназванного Федерального закона № 134-ФЗ под действие статей о легализации подпадают не только денежные средства, заведомо добытые преступным путем, но и денежные средства, сбереженные преступным путем (налоговые и таможенные преступления).

В теоретической плоскости применения отредактированных статей 174 и 174.1 УК РФ предполагается, что правоохранительные органы одновременно с возбуждением уголовного дела, например, по ст. 199 УК РФ, должны, все-таки, возбуждать и уголовное дело по ст. 174.1 УК РФ за совершение сделок со сбереженными в результате неуплаты налогов денежными средствами, однако на пути реализации такой схемы возникает проблема, связанная с определением и доказыванием того, какая хозяйственная и финансовая операция произведена с использованием преступно сэкономленных денежных средств и была направлена на легализацию, а какая нет, ведь на расчетном счете организации совершенно невозможно различить легальные денежные средства и преступно сэкономленные. Таким образом, в качестве легализации может быть расценена любая, даже самая необходимая для деятельности предприятия хозяйственная операция.

Кроме того максимальная санкция за легализацию денежных средств (семь лет лишения свободы) превышает максимальную санкцию за совершение налогового преступления (шесть лет лишения свободы), хотя здесь очевидно, что легализация носит сугубо вторичный характер и не является осознанной преступной деятельностью виновного лица.

В результате предусмотренная в настоящий момент в уголовном законе возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших налоговые преступления, при условии полной выплаты сбереженных сумм и штрафов (ст. 76.1 УК РФ – освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности), оказывается неработоспособной, поскольку

прекращение уголовного дела по налоговому преступлению не влечет за собой прекращения уголовного дела по факту легализации денежных средств. Указанные обстоятельства могут привести к существенному давлению на бизнес со стороны недобросовестных работников правоохранительных органов, а возможность применения ст. 174.1 УК РФ будет использоваться ими как инструмент давления. Также у лица, совершившего преступление в сфере экономики, не будет абсолютно никакого стимула загладить причиненный государству вред, что повлечет для государства недополучение доходной части бюджета.

Еще одним препятствием можно считать укоренившуюся в сознании сотрудников правоохранительных органов прежнюю практику расследования и рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 174, 174.1 УК РФ, когда совершению названных преступлений, предшествует совершение таких преступлений как финансовые мошенничества, незаконный оборот наркотических средств, незаконная торговля оружием и боеприпасами, злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии), фальшивомонетничество и другие, т. е. когда лицо получает явно преступный доход. Правоприменитель же на практике ориентирован на то, что при совершении налоговых преступлений лицо не получает преступного дохода в обозначенном выше смысле, а лишь сохраняет прежние размеры своего имущества или имущества организации, в которой он работает. В этом же аспекте обобщена практика правоприменения и высшим судебным органом. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» не рассматривает проблематику привлечения лиц к уголовной ответственности за легализацию денежных средств, полученных в результате налоговых преступлений. Вместе с тем в пункте 5 Постановления судам предлагается приводить доказательства, на которых основывается вывод суда о том, что денежные средства или иное имущество были приобретены преступным путем (в результате совершения преступления), а также о том, что наличествует цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению такими денежными средствами или иным имуществом [4]. Полагаем, что на стадии предварительного следствия именно вопрос доказывания указанной цели и будет являться самым слабым звеном в цепи доказательств.

Нельзя не отметить и проблему, которая в настоящий момент стоит перед практиками и не находит своего разрешения – это конкуренция норм, предусмотренных статьями 199.2 и 174.1 УК РФ, так как по способу совершения эти преступления аналогичны и различаются только целью, т. е. направленностью умысла совершающего преступление, который не всегда находит, как отмечено выше, доказательственное подтверждение.

В этой связи полагаем, что ученым, специалистам и законодателю следует более глубоко проанализировать обозначенные и иные существующие проблемы правоприменительной практики, а также правовые и экономические последствия привлечения лиц, совершивших налоговые преступления, к уголовной ответственности еще и по статьям 174, 174.1 УК РФ. Возможно, решение проблем правоприменения потребует дополнительной корректировки указанных норм уголовного закона, например, включения в них самостоятельными частями предикатных налоговых, таможенных и некоторых других преступлений в сфере экономики.

1. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS № 141 (Страсбург, 8 ноября 1990 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://eurasiangroup.org/ru/restricted/strasburg_conv.pdf.

2. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения. Рекомендации ФАТФ [Электронный ресурс]. URL: http://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/40_recomendations_rus.pdf. С. 5, 11.

3. Яни П. С. Легализация преступно приобретенного имущества: предмет преступления // Законность. 2012. № 10. С. 20–24.

4. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

5. О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23, ст. 2280.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: Федер. закон Рос. Федерации от 28.06.2013 №134-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 26, ст. 3207.

Ключевые слова: правоприменительная практика, предикатные преступления, легализация денежных средств, налоговые преступления.

УДК 343.2

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ С СУДЕБНЫМ КОНТРОЛЕМ

Стольников Павел Михайлович,

адъюнкт,

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье раскрываются отдельные проблемы реализации следователем процессуальной самостоятельности в условиях реализации судебного контроля. Определяются перспективные направления в разработке вопросов соотношения процессуальных функций суда и следователя.

Норму, закрепляющую процессуальную самостоятельность следователя, можно с достаточным основанием отнести к наиболее значимым положениям отечественного уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем необходимо признать и то обстоятельство, что это же положение является одним из самых дискуссионных в науке и проблемных на практике.

В целом тезис о значимости процессуальной самостоятельности следователя не вызывает сомнения у большинства исследователей в рамках науки уголовного процесса. Еще в конце XX в. отечественными учеными-процессуалистами был сформулирован вполне обоснованный тезис: следователю как активному участнику уголовного судопроизводства должны быть «надежно гарантированы процессуальная самостоятельность, независимость и подчинение закону» [1].

Положение о процессуальной самостоятельности следователя закреплено в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, нормы которой предоставляют последнему полномочия по само-

стоятельному определению направления хода расследования, принятию решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Наличие такой специальной нормы является, безусловно, позитивным моментом. Но реализация данной нормы в правоприменительной практике затруднена в силу целого ряда объективных и субъективных причин. В частности, целый ряд проблем возникает в связи с тем, что российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает определенные исключения из правила процессуальной самостоятельности следователя, а производство отдельных процессуальных действий возможно только с судебного разрешения.

Логика законодателя в данном случае понятна и связана с необходимостью защиты базовых конституционных прав граждан, реализацией уголовно-процессуальных принципов. Именно судебный контроль призван обеспечить надлежащее соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса. Но сложность его использования в стадии предварительного расследования связана, в первую очередь, с необходимостью соблюдения разумного баланса между усмотрением следователя, реализующего свою процессуальную самостоятельность, и усмотрением судьи, осуществляющего проверку законности и обоснованности как решений следователя о производстве процессуальных действий, так и самих процессуальных действий.

Ситуация осложняется тем, что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ не получил своего закрепления запрет на участие судьи в рассмотрении уголовного дела, если в ходе досудебного производства им принимались решения, связанные с применением мер пресечения к обвиняемому и рассматривались жалобы участников уголовного судопроизводства на действия (бездействие) следователя. Вместе с тем, необходимость подобного законодательного запрета очевидна, так как без него сложно обеспечить реализацию принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. Пока судебная практика пытается решить эту проблему в условиях правового вакуума самостоятельно за счет реализации полномочий председателя суда по распределению уголовных дел между судьями. Но, наш взгляд, такой подход нельзя признать продуктивным, поскольку степень усмотрения правоприменителя возрастает на порядок, и соответственно возрастает риск нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Согласимся с обоснованным мнением А. П. Гуськовой и Н. Г. Муратовой, отмечающих, что «действующий сегодня судебный контроль в досудебном производстве для российской правовой системы является институтом, предмет, пределы и процедура осуществления которого в значительной мере нуждаются по ряду моментов в уточнении» [2].

Полагаем, что в плане постановки проблемы следует обратить внимание на следующие вопросы.

1. Закрепление на уровне законодательства механизма, позволяющего установить разумный баланс между усмотрением следователя, реализуемым в рамках его процессуальной самостоятельности и усмотрением судьи, рассматривающего жалобы на процессуальные действия (решения), затрагивающие права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, проверяющего законность и обоснованность процессуальных действия следователя (или бездействия), его решений на предмет угрозы конституционным правам и свободам граждан. Весьма актуальным в этой связи является следующий вопрос: все ли процессуальные действия следователя могут быть обжалованы в судебном порядке? Полагаем, что на данный вопрос следует дать отрицательный ответ, поскольку судебный контроль должен распространяться лишь на те процессуальные действия (бездействие) следователя, которые могут причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, а также затруднить доступ граждан к правосудию. В силу этого обстоятельства дискрецион-

ные полномочия судьи не должны порождать необоснованный конфликт с дискреционными полномочиями следователя.

2. Упрощение процедуры получения следователем судебного разрешения (предварительного или последующего) на производство отдельных следственных действий. К сожалению, предложенная законодателем процедура является достаточно сложной в организационном плане и не достаточно оптимальной во временном плане. Более того, полагаем, что суд не имеет возможности надлежащим образом проверить, насколько усмотрение следователя, реализуемое через мотивировку необходимости производства того или иного следственного действия, является законным и обоснованным.

3. Предотвращение дублирования контрольных функций, осуществляемых прокуратурой и судами за процессуальной деятельностью следователя, поскольку такая система существенно ограничивает процессуальную самостоятельность последнего. В этой связи, заслуживает внимания точка зрения А. М. Баранова, допускающего объединения прокурорского надзора и судебного контроля с целью реализации единой контрольной функции [3]. Перспективным направлением для совершенствования уголовно-процессуальных норм видится закрепление процессуального механизма обжалования следователем отдельных решений прокурора. В настоящее время следователь вправе только представить свои возражения с материалами уголовного дела вышестоящему прокурору. К сожалению, как показывает практика, данный механизм крайне не эффективен.

4. Процессуальные действия следователя и его решения могут быть обжалованы в порядке, предусмотренном ст. 125 и 125.1 УПК РФ. Однако права следователя как участника такого разбирательства обозначены в законодательстве достаточно схематично. Следует согласиться с авторами, предлагающими наделить следователя процессуальным правом отстаивать в судебном заседании собственный юридический интерес, определяемый его процессуальной функцией [4].

Приведенный перечень проблем, связанных с соотношением процессуальной самостоятельности следователя и судебного контроля, не является исчерпывающим, но включает в себя наиболее значимые «болевые точки» современной следственной практики. Полагаем, что разработка данных вопросов на теоретическом уровне должна вестись с учётом особенностей российской как следственной, так и судебной практики. Речь не идет о полном отказе от судебного контроля в стадии предварительного расследования, поскольку по справедливому замечанию В. А. Азарова, «феномен судебного контроля в современном российском уголовном процессе уже настолько упрочил свои позиции, что вполне уместно говорить о нём как о самостоятельном направлении судебной деятельности...» [5]. Вместе с тем, при реализации судебного контроля не должно происходить смешение уголовно-процессуальных функций, поскольку иначе невозможно будет обеспечить надлежащую реализацию принципа состязательности.

1. Божьев В. П., Трусов А. И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства. М.: Изд-во Академии МВД СССР. М., 1991. С. 120.

2. Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрист, 2005. С. 69.

3. Баранов А. М. Система средств обеспечения законности в досудебном производстве по уголовным делам // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: материалы межвузовской научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2006. С. 110.

4. Бегиев Х. Б. Судебный контроль и процессуальная самостоятельность следователя в суде по жалобе заявителя в порядке статьи 125 УПК РФ // Общество и право. 2011. № 2. С. 212–218.

5. Азаров В. А. Сущность российского уголовного процесса и судебный контроль // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: сборник статей. Томск: ТГУ, 2002. С. 8.

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность, предварительное расследование, судья, судебный контроль.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Сретенцев Андрей Николаевич,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орёл, ул. Игнатова, д. 2*

Морозова Наталия Владимировна,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Авторами рассмотрены некоторые проблемы, возникающие при производстве следственного освидетельствования. В частности, исследуется возможность принудительного освидетельствования подозреваемых и обвиняемых. Также рассматриваются возможности установления факта опьянения лица в ходе освидетельствования (в порядке ст. 179 УПК РФ).

Вопросы повышения эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений на протяжении многих лет находятся в «основной повестке» Министерства внутренних дел Российской Федерации. В данной связи одним из приоритетных направлений работы МВД РФ является совершенствование правового, научного, методического и технического обеспечения производства следственных действий. Таким образом, на наш взгляд, одни из первых задач, которые необходимо решить – исследование выявленных в ходе правоприменительной практики проблем производства следственных действий, выявление причин их возникновения, а также поиск решений способных привести к их полной или частичной ликвидации.

Одним из следственных действий, требующих в настоящее время внимания со стороны ученых, по нашему мнению является освидетельствование.

Анализ уголовно-процессуального законодательства, специальной литературы, правоприменительной практики и материалов научно-представительских мероприятий позволил обозначить некоторые из наиболее широко обсуждаемых проблемных вопросов.

Вопросы о цели и задачах освидетельствования, возможностях выявления состояния опьянения в ходе освидетельствования, допустимости принуждения при производстве освидетельствования и ряд других все еще требуют ответов.

Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Рядом ученых высказывается мысль о допустимости отказа подозреваемого, обвиняемого от участия в освидетельствовании, ввиду наличия у указанных субъектов уголовного судопроизводства права не свидетельствовать против самого себя, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ. Каковы же пределы данного права, является ли оно абсолютным, и если да, то какие последствия для системы судопроизводства могут возникнуть?

Если лицо вправе отказаться от участия в освидетельствовании по изложенным основаниям, то не влечет ли столь широкое толкование нормы закрепляющей данное право, возможность отказаться от участия в ряде иных процессуальных действий как, например, получение образцов для сравнительного исследования, предъявление для опознания? Такая постановка вопроса заставляет всерьез усомниться в сохранении у правоохранительных органов возможности объективного и всестороннего исследования события преступления, в условиях, когда лицо откажется от участия в перечисленных процессуальных действиях.

Проанализировав различные точки зрения по данному вопросу, согласимся с мнением В. Ю. Стельмаха, который считает, что предоставленное ст. 51 Конституции Российской Федерации право не свидетельствовать против себя нельзя распространять на следственные действия, содержанием которых выступает получение информации не из сознания человека, а с материальных объектов, поскольку природа возникновения, хранения и изъятия такой информации не требует указанной гарантии [1].

Интересно в данном контексте и решение Европейского суда по правам человека, выраженное в постановлении от 17 декабря 1996 г. «Саундерс против Соединенного Королевства», п. 69 которого гласит: «Право не свидетельствовать против самого себя – это в первую очередь право обвиняемого хранить молчание. Как принято считать в правовых системах государств-участников Конвенции и в других странах, данное право не распространяется на использование в уголовном процессе материалов, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его воли принудительным путем, как-то *inter alia*: изъятие по предписанию документов, получение образцов крови, мочи и кожного покрова для проведения анализа ДНК» [2].

В ряде случаев при расследовании преступлений возникает необходимость в установлении факта нахождения лица в состоянии опьянения. В уголовном законодательстве закреплена возможность производства освидетельствования в данных целях. Однако, возможно ли установить факт опьянения соблюдая правовые предписания содержащиеся в ст. 179 УПК РФ? Из сути рассматриваемой нормы следует, что состояние опьянения устанавливается посредством изучения визуальных признаков опьянения у лица [3]. Однако, признаки по которым определяется данное состояние (покраснение кожи лица, связность речи, поведение не соответствующее ситуации) не являются специфичными только для состояния опьянения и их наличие может быть вызвано другими причинами (заболевание, шоковое состояние, иное). В данной связи достоверность результатов такого освидетельствования вызывает сомнения. А поскольку речь идет о решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности, на наш взгляд, необходимы более весомые доказательства, полученные на основе строгих научно-обоснованных методик.

Таким образом, до тех пор, пока в уголовно-процессуальное законодательство не будут внесены соответствующие изменения проведение освидетельствования в порядке ст. 179 УПК РФ для установления состояния опьянения неэффективно и нецелесооб-

разно. Данная задача в условиях действующего законодательства может быть качественно решена только посредством проведения судебно-медицинской экспертизы, либо медицинского освидетельствования (предварительного исследования), то есть тех исследований, которые предполагают использование объективных методик, основанных на познаниях в области медицины и химии при исследовании образцов биологических объектов (моча, кровь).

1. Стельмах В. Ю. Освидетельствование как следственное действие: понятие, процессуальный порядок, отличия от административного освидетельствования // Библиотека криминалиста. 2016. № 4 (27).

2. Судебное решение Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

3. Клевцов В. В. Некоторые особенности производства следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений различных категорий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 157–161.

Ключевые слова: освидетельствование, отказ от освидетельствования, право не свидетельствовать против себя, установление факта нахождения лица в состоянии опьянения.

УДК 343.98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Тишков Сергей Александрович,

*кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Замуруев Андрей Валерьевич,

*слушатель,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье рассмотрены некоторые проблемные моменты организации расследования преступлений в сфере экономической деятельности.

Эффективность расследования преступлений в сфере экономической деятельности напрямую обусловлена уровнем организации взаимодействия органов власти, которые в силу своих полномочий, задач и функций, призваны противостоять преступным посягательствам в экономической сфере.

Сотрудники подразделений по экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБ и ПК) совместно с другими заинтересованными государственными органами борются с коррупционными проявлениями, в том числе совершаемыми должностными лицами высокого уровня, проводят мероприятия по пресечению фактов хищения и нецелевого использования бюджетных средств, оздоровлению ситуации в сфере жилищно-коммунального хозяйства [1].

В период с января по октябрь 2016 года зарегистрировано 99,96 тысяч преступлений данной категории, а их удельный вес в общем числе зарегистрированных составил 5,4 %. Следует отметить, что более 86% от общего массива экономических преступлений выявлено подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) [1].

Приведенные факты свидетельствуют об активной работе специализированных подразделений ОВД РФ в противодействии преступлениям экономической направленности.

Вместе с тем в организации расследования преступлений экономической направленности имеется ряд проблемных моментов, причинами которых могут служить:

- изменение структуры экономических преступлений, появление новых способов совершения и сокрытия преступлений,
- активное противодействие со стороны субъектов противоправной деятельности расследованию,
- имеющиеся недостатки в нормативных правовых актах, которые регламентируют деятельность субъектов расследования в части комплексного использования сил и средств, органов и подразделений ОВД.

В данных условиях достижение положительных результатов возможно только при должной организации взаимодействия следователей с органами, осуществляющими оперативно-разыскную, экспертно-криминалистическую деятельность, и, в пределах своей компетенции, – с другими органами государственной власти.

Указанные выше факты подтверждают необходимость дальнейшего рассмотрения теоретико-правовых вопросов взаимодействия субъектов при расследовании экономических преступлений и актуальность темы исследования в научном и практическом планах.

На протяжении многих десятилетий подследственность данного вида преступлений переходила от одного органа к другому, что соответственно негативно влияет на расследование и раскрытие данных преступлений.

На современном этапе согласно ст. 5 Федерального закона РФ № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 декабря 2009 г. [2] уголовные дела, связанные с уклонением кредитных организаций от уплаты налогов, возбуждаются и расследуются следователями Следственного комитета РФ, у которых зачастую отсутствуют необходимый опыт в расследовании рассматриваемых преступлений.

Расследование преступлений в сфере экономики возможно лишь только при комплексном взаимодействии следствия и оперативных подразделений, которые обладают специфическими, только им присущими средствами и методами раскрытия преступлений. Анализ уголовных дел о преступлениях, связанных экономикой и налоговой сферой, демонстрирует, что производство следственных действий без проведения оперативно-разыскных мероприятий органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, и без совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых и других контрольных органов, как правило, не позволяет получить необходимой информации обо всех значимых обстоятельствах рассматриваемого преступления. О необходимости оперативного сопровождения при доказывании данной категории преступлений упоминает абсолютное большинство (84 %) следователей и оперативных работников [3].

Отметим, что взаимодействие следователя с оперативными работниками может осуществляться в следующих формах [4; 7, с. 177]:

- выполнение письменных поручений следователя о проведении оперативно-разыскных мероприятий и иных поручений;
- своевременный взаимный обмен полученной информацией;
- совместное проведение отдельных следственных действий и криминалистических операций;
- проведение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно;
- совместная деятельность в ходе расследования, осуществляемого группой следователей;
- совместное обсуждение результатов проведения следственной и оперативно-разыскной работы.

Эффективное использование следователем результатов оперативных мероприятий в своей деятельности представляется возможным в условиях взаимодействия с оперативными работниками. В связи с этим В. С. Максимов считает, что каждый следователь в процессе взаимодействия по налоговым преступлениям должен сотрудничать с одним оперативным работником [5]. Но в наших реалиях это практически неосуществимо. В связи с этой ситуацией теряется ряд значимых свойств, таких как оперативность, своевременность, достоверность и осведомленность в значимой для следствия информации, а процесс расследования затормаживается, что играет на руку лицам в этом заинтересованным.

Сегодня необходимы новые подходы к оперативной и следственной работе в борьбе с экономическими преступлениями, отвечающие уровню их опасности, методам сокрытия и противодействия, техническим способам совершения преступлений, а также уровню должностного положения виновных лиц. В первую очередь рационально сочетать гласные (процессуальные) и негласные (оперативно-розыскные) меры, которые могут проводиться как до возбуждения уголовного дела по факту, так и при расследовании коррупционного преступления.

Например, для организации своевременного выявления и раскрытия, полного и всестороннего расследования уголовных дел, относящихся к категории коррупционных, необходимо:

1. Обеспечить взаимодействие на первоначальном этапе в целях качественной подготовки материалов проверки, задействуя при этом силы и средства компетентных органов, включая налоговые органы и контрольно-ревизионные органы Министерства финансов Российской Федерации.

2. В целях недопущения преждевременного и необоснованного возбуждения уголовных дел, органам предварительного следствия в ходе рассмотрения поступившего в порядке ст. 144 УПК РФ материала, проводить тщательную проверку фактических обстоятельств совершенного коррупционного преступления, выяснять должностное положение виновного лица, его полномочия, а также устанавливать последствия преступления и умысел.

3. Особое внимание уделять вопросам взаимодействия ОВД с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) по вопросам выявления преступных доходов, а также сокрытию вышеуказанных средств от возмещения ущерба, причиненного гражданам, организациям и государству.

4. Отслеживать и обобщать судебно-следственную практику по рассмотрению в судах уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности.

5. Проработать обоснование правовых предпосылок для более широкого использования в оперативной работе «фирм-ловушек», согласование соответствующих позиций, подходов к оценке результатов таких оперативных мероприятий с прокуратурой.

6. Продумать возможности активизации работы по оперативному обслуживанию налоговых инспекций в целях повышения эффективности выявления как коррупционных преступлений, совершаемых работниками налоговых органов, так и экономических и налоговых преступлений.

В заключении следует сказать, что данный блок преступлений наносит колоссальный вред бюджету государства, местному бюджету, а субъекты преступления зачастую занимают высокие должности. Поэтому в ходе расследования целесообразно использовать такую меру пресечения как отстранение субъекта преступления от занимаемых должностей для ограничения их возможностей в плане противодействия расследованию. Следует более детально подходить к изучению доходов лиц, участвующих в преступной деятельности, соотносить их доходы с образом жизни, изучать доходы близких родственников и окружения.

1. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru>.
2. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 1, ст. 4.
3. Лукашевич С. В. Взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов при выявлении и доказывании налоговых преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 2.
4. Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2008.
5. Максимов В. С. Взаимодействие следователя с оперативными работниками милиции при производстве следственных действий на предварительном следствии // Рос. следователь. 2011. № 1. С. 4–7.
6. Табакова Н. А. О взаимодействии следственных и оперативно-розыскных подразделений при расследовании налоговых преступлений // Вестник КРУ МВД России. 2011. № 4 (14). С. 27–33.
7. Тишков С. А, Ильин И. В., Замуруев А. В. Некоторые организационные аспекты взаимодействия при расследовании налоговых преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 29 мая 2015 г. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. С. 176–180.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, расследование, организация взаимодействия.

УДК 343.1

**ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ ИВАНОВОЙ ЕЛЕНЫ
ВЯЧЕСЛАВОВНЫ НА ТЕМУ: «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ
И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОПАСНЫМИ
ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ВЕЩЕСТВАМИ»**

Файзрахманов Наиль Фаильевич,
*кандидат юридических наук, следователь контрольно-методического
и информационно-аналитического отдела
Следственного управления МВД по Республике Марий Эл,
424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлёвская, д. 16*

В работе автором приводится отзыв на автореферат диссертации, посвященной концептуальным основам использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами.

Диссертационное исследование Е. В. Ивановой посвящено важной и актуальной теме, имеющей не только научное, но и социальное значение.

Расширение масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, проблема фальсификации лекарственных препаратов, распространение новых потенциально опасных психоактивных веществ, их влияние на уровень заболеваемости ВИЧ-инфекцией, вирусными гепатитами, а также другие опасные последствия этих деяний представляют серьезную угрозу здоровью нации, экономическим и социальным интересам и, в целом, безопасности нашего государства.

Актуальность и востребованность рассматриваемой работы обусловлена, в том числе, осложнением оперативной обстановки в стране и мире из-за угроз террористических актов и диверсий, обусловленных активизацией деятельности международных террористических преступных групп, участием России в проведении антитеррористических операций за рубежом (Сирия), ослаблением дипломатических контактов в связи с введением взаимных санкций и «охлаждением» политических отношений с рядом государств (США, Украиной, отдельными странами Евросоюза).

Научная новизна диссертации определена отсутствием до настоящего времени в юридической науке системных исследований теоретических и организационно-методических проблем использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами.

Судя по автореферату, тема диссертации в полной мере соответствует ее содержанию, а правильно сформулированные объект и предмет исследования позволили автору достичь поставленной цели, выражающейся в разработке теоретических основ криминалистического исследования опасных для здоровья веществ, механизмов криминальной деятельности, связанной с ними, и проблем использования специальных знаний в процессе выявления и расследования преступлений данной категории.

Сформулированные в работе выводы основываются на внушительной теоретической базе, тщательном анализе многочисленных нормативных правовых актов, личном опыте работы автора в сфере судебно-экспертной деятельности (с. 9 автореферата).

Важное теоретическое значение, по нашему мнению, имеют положения диссертации, связанные с формулировкой основных понятий и определением признаков опасных для здоровья веществ, классификацией видов деятельности, связанных с такими веществами (с. 10–11).

Особую практическую ценность, с нашей точки зрения, представляют положения №№ 2, 8–9, выносимые на защиту (с. 11, 14–15), а именно, положение о разработке основных направлений совершенствования нормативно-правовой регламентации легального оборота опасных для здоровья веществ; положение о технико-криминалистическом обеспечении расследования преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, включающее: обязательное участие специалиста в производстве процессуальных действий при расследовании данных преступлений; классификацию исследований, проводимых при выявлении и расследовании преступлений; основные направления совершенствования нормативно-правового регламентирования предварительных исследований при расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами. Высокий практический интерес вызывает также положение о судебно-экспертном обеспечении деятельности по расследованию преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, включающее: классификации компетенций судебного эксперта (функциональную и профессиональную; операционные и гносеологические компетенции; базовую и дополнительные); основные направления совершенствования нормативно-правового регламентирования и организации производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами.

С положительной стороны следует отметить масштабы апробации результатов диссертационного исследования: соискателем опубликовано 57 научных работ, в том числе 4 монографии, 22 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России. Основные выводы и предложения автора были представлены на 20 международных и 5 всероссийских научно-практических конференциях (с. 17).

Исходя из содержания автореферата, результаты проведенного диссертационного исследования в целом заслуживают положительной оценки. Вместе с тем, ряд выводов и предложений автора носят спорный характер и нуждаются в дополнительной аргументации. В частности, к ним относятся следующие.

1. По всему тексту автореферата соискатель использует формулировку «преступления, связанные с опасными для здоровья веществами», однако ни исчерпывающий перечень, ни классификация таких преступлений по статьям и главам УК РФ не приводится, не указывается их подследственность, что усложняет понимание того, какие именно составы преступлений исследовались автором и каким органам расследования преступлений они подследственны.

2. Освещая научную разработанность проблемы (с. 4–6), автором в большей степени сделан акцент на исследованиях проблем оборота наркотических средств и психотропных веществ. При этом остались без внимания важные достижения ученых в области судебной медицины и токсикологии, например труды профессоров В. Г. Гуляева, С. Ф. Лянцевич и др., анализ которых, на наш взгляд, повысил бы научную ценность диссертации.

3. В разделе «Эмпирическая основа исследования» (с. 9) автор указывает общее количество изученных уголовных дел и заключений экспертов, но не раскрывает период их изучения, видовой состав преступлений, территорию их совершения и расследования, виды проведенных экспертиз и изученных заключений экспертов, в ряде случаев не указывает период анализируемых статистических данных. Отсутствие конкретики порождает вопросы о достаточности и репрезентативности эмпирической базы исследования.

Кроме того, перечисляя правоохранительные органы, занимающиеся расследованием преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами (с. 9, 16), автором, по всей видимости ошибочно, не указан Следственный комитет Российской

Федерации, которому подследственна значительная доля рассматриваемых деяний. В тексте автореферата данной информации не содержится.

4. Принимая во внимание, что в автореферате соискатель не дифференцировал рассматриваемые преступления на умышленные и неосторожные, в ходе публичной защиты автору предлагается высказать свою позицию на этот счет, а также пояснить – относит ли она к опасным для здоровья веществам ошибочно промаркированные, либо ошибочно помещенные в другую тару (упаковку) лекарственные препараты (БАДы) или иные товары, способные, исходя из своих свойств, причинить вред здоровью человека в результате их применения? Допускает ли автор отнесение ошибочной или умышленной фальсификации препарата в качестве самостоятельного свойства (признака) опасных для здоровья веществ? Если нет, то к какому из свойств (признаков), выделенных на с. 10–11, 18, автор относит фальсификацию?

Кроме того, органами предварительного следствия системы МВД России расследуются уголовные дела о преступлениях, связанных с реализацией биологически активных добавок, не содержащих контролируемых веществ и действующих ингредиентов, способных оказать лечебный эффект на организм человека, но, из корыстных побуждений, промаркированных и позиционируемых преступниками в качестве высокоэффективных лекарственных средств. Относит ли диссертант подобные биологически активные добавки к опасным для здоровья веществам?

5. В разделе «закключение» (с. 36), автор ограничилась одним предложением, что в заключении «подводятся итоги и формулируются его основные выводы и положения», не раскрывая – к каким именно основным выводам научно-теоретического и прикладного характера соискатель пришла в результате своего диссертационного исследования.

Сделанные замечания носят частный, возможно дискуссионный характер и не влияют на общий положительный вывод о научной и практической значимости проведенного исследования.

По результатам изучения автореферата резюмируем, что диссертация Ивановой Елены Вячеславовны на тему: «Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами», является самостоятельным научным трудом, имеющим важное значение для развития науки криминалистики и судебной экспертизы, содержит комплекс новых научно-обоснованных решений проблем борьбы с преступлениями отдельных видов, что соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (в ред. Постановлений Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 723, от 21 апреля 2016 г. № 335, от 2 августа 2016 г. № 748, с изм., внесенными Решением Верховного Суда РФ от 21 апреля 2014 г. № АКПИ14-115), а ее автор – Иванова Елена Вячеславовна – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Ключевые слова: использование специальных знаний, выявление и расследование, преступления, связанные с опасными для здоровья веществами, отзывы, диссертация.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Федосеева Елена Леонидовна,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66*

Литвин Илья Ильич,

*адъюнкт,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66*

В статье рассматриваются вопросы применения электронных технических средств при расследовании уголовных дел.

При расследовании преступлений особое значение имеет выявление и закрепление следов их совершения, которые после соответствующего процессуального оформления могут приобрести значение доказательств. Для фиксации следов и формирования доказательств в уголовном процессе при производстве следственных действий используются технические средства. Это обусловлено их возможностью объективно фиксировать и хранить сведения, необходимые для разрешения дела.

Особое место в системе таких средств занимают технические средства осуществляющие фиксацию, обработку, хранение и передачу сведений в электронном виде. Сведения, полученные с их помощью, могут быть закреплены в качестве вещественных доказательств в виде электронных носителей информации (статья 82 УПК РФ) или в качестве иных документов в виде фотоматериалов, аудио- и видеозаписей, а так же иных носителей информации (статья 84 УПК РФ).

Сведения, полученные с помощью технических средств, несмотря на объективность фиксации, должны соответствовать требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законодательством. Анализируя данный аспект, ряд авторов приходит к выводу, что электронные доказательства не могут в полной мере соответствовать указанным требованиям. Прежде всего, вследствие того что существует возможность коррекции электронной информации, составляющей суть таких доказательств [5, с. 31–32]. Замена цвета либо перестановка объектов на изображении и видеозаписи, синтезирование речи либо наложение шумов на аудио- и видеозапись, иные способы внесения изменений. Но корректировать можно и результаты традиционной фотографии. Видеомонтаж применялся и на аналоговых устройствах. Однако как справедливо отметили И. Б. Тутынин и С. Н. Коваль, возможность использования традиционного фото в доказательственном процессе никто не подвергает сомнению [11, с. 11].

Представляется, что при решении данного вопроса следует исходить не из эффективности степени защищенности результатов применения тех или иных технических средств, а из степени реальной возможности внесения изменений. Так для осуществления монтажа требуется специальное программное обеспечение и соответствующие навыки, уровень которых должен быть достаточно высоким, чтобы корректировка не выглядела явной. При этом следует учитывать, что современный уровень развития информатики предоставляет возможность удостоверения подлинности информации, содержащейся на материальном носителе в цифровом виде, и полученной с помощью специальных технических средств [9, с. 25].

Вполне разумно так же установить субъект применения технических средств либо источник предоставленных сведений. Получены были сведения в ходе применения технических средств специалистом (следователем) либо были предоставлены третьим лицом (свидетелем, стороной защиты)? В первом случае установлено лицо, ему разъясняется ответственность, известно использованное оборудование. Во втором существует необходимость установления подлинности сведений. В связи, с чем возникает резонный вопрос, является ли документ, запись и фотография на электронном носителе информации оригиналом? И будут ли сведения, скопированные на другой носитель информации считаться подлинными?

Ю. Н. Соколов считает, что на данный вопрос следует отвечать положительно. При этом приводит пример с фотографией и негативом, когда каждая последующая фотография, отпечатанная с одного негатива, будет являться оригиналом [10, с. 136]. Аналогично обстоит дело и с электронным носителем информации, при копировании информации на другой носитель (бумагу, диск, карту памяти и т. д.). Поэтому при оценке таких доказательств необходимо установить, каким образом был создан файл, в результате человеческой манипуляции (так как в промежутке между созданием и копированием может быть произведена коррекция либо проявлен субъективный фактор) или в результате работы программ и техники (например, видеозапись камер наружного наблюдения, которая была скопирована с жесткого диска). В первом случае подлинность электронного файла может оказаться под сомнением и потребует проведения дополнительной экспертизы для проверки достоверности. Во втором, видеозапись осуществлялась без человеческого вмешательства, а, следовательно, если при выемке не было допущено процессуальных нарушений, сомнения в ее достоверности не должны иметь место. Также не следует забывать, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, и проверка доказательств производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос соотношения протокола следственного действия и материалов, полученных с помощью технических средств, использованных при проведении следственного действия.

Согласно части 2 статьи 166 УПК РФ, протокол следственного действия может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись, носители которых, в соответствии с частью 8 указанной статьи УПК РФ, являются приложением к протоколу. В силу положений статьи 74 УПК РФ доказательством по делу является именно протокол следственного действия [2].

Ряд авторов, также приходит к мнению, что в настоящий момент статус сведений, полученных с помощью технических средств – приложение к протоколу следственного действия, а роль технических средств при проведении следственных действий сведена к получению иллюстративного материала, который не имеет самостоятельного доказательного значения [4, с. 368; 8, с. 376].

Такое положение вещей не соответствует техническим возможностям аудио- и видеозаписи, как наиболее объективной форме фиксации, по сравнению с письменной протокольной. Предложения о применении аудиозаписи при расследовании уголовных дел предлагали еще А. И. Винберг и А. А. Эйсмэн [1, с. 34]. При этом в свете современных технических возможностей более перспективным выглядит вариант осуществления видео фиксации, как более эффективного способа запечатления информации, предоставляющего визуальные данные о ходе следственного действия.

Исходя из этого, в уголовно процессуальной науке существуют мнения по замене письменного протокола на аудио- или видеозапись и введения электронного документооборота [7, с. 5–8]. Процесс введения видео- и аудиофиксации судебных заседаний уже имеет место [3, с. 18–29]. Тем не менее, при наличии безусловных плюсов аудио/видео протокола, требуется отметить невозможность исключения протокольной формы как таковой. Безусловно, объективность и полнота фиксации это неоспоримое преимущество аудио-, видеозаписи, в числе которого еще и сокращение бумажного документооборота. Однако объективность такова, что для полного перехода на электронный документооборот отсутствует организационно-правовая и техническая среда. В настоящее время законодательные требования только усложняют процедуру внедрения электронных технологий. А использование записи вместо протокола, в действительности лишь затянет процесс изучения и исследования материалов дела, как и само судебное разбирательство.

Оптимальным видится вариант, при котором основную доказательственную силу будет иметь аудио-, видеозапись, тогда как традиционный протокол с необходимым количеством реквизитов и кратким содержанием будет иметь статус приложения. В таком случае при исследовании доказательства можно будет подчеркнуть обстоятельства указанные в нем без увеличения времени. А в случае установления дополнительных обстоятельств или разрешения спорных моментов можно изучить аудио-, видеозапись. При этом главенствующее доказательственное значение будут иметь более полные и объективные результаты использования технических средств.

В завершение хотелось бы отметить, что в настоящее время процессуальные нормы, регламентирующие способы применения технических средств, не образуют единую целостную систему и рассредоточены по тексту УПК РФ. Более того, в уголовно-процессуальном законе отсутствует понятие «технических средств», не определены цели и задачи их применения, а также не установлены субъекты их использования и статус сведений, полученных с помощью них. В тоже время в УПК РФ они предстают в качестве средств фиксации следственного действия в статье 170, средств для протоколирования в статье 166, средств исследования материалов уголовного дела в статье 58, и средств контроля в статье 107 [6, с. 83]. Такое неоднородное понимание в совокупности с отсутствием соответствующего регламентирования сдерживает эффективное применение технических средств в борьбе с преступностью и сводит практическую значимость сведений, полученных с их помощью до статуса приложения к протоколу. Поэтому важно обеспечить процессуальный порядок обнаружения, закрепления, изъятия, сохранения и исследования сведений с помощью технических средств, чтобы использовать их в доказывании по уголовному делу.

1. Винберг А. И., Эйсман А. А. Фототелеграфия и звукозапись в криминалистике. М., 1946. С. 34.

2. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 апреля 2008 г. № 50-о07-47. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. К концу года системы видеозаписи судебных заседаний будут работать в 200 залах судов Москвы: Интервью с заместителем председателя Московского городского суда Д. А. Фоминым // Уголовный процесс. 2016. № 5. С. 18–29.

4. Лонщикова А. Р. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы использования современных научно-технических средств при производстве допроса // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 5. С. 368.

5. Малюка А. А. Возможности и пределы использования графических редакторов при работе с цифровыми изображениями – носителями доказательственной информации // Эксперт-криминалист. 2012. № 4. С. 31–32.

6. Назаров С. Д., Казначей И. В. Особенности нормативного регулирования участия понятых и использования технических средств при производстве следственных действий в свете изменений в УПК России // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2013. № 2. С. 83.

7. Пастухов П. С. К вопросу о создании процедуры использования «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 5–8.

8. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. С. 376.

9. Соколов Ю. Н. Использование результатов электронного наблюдения в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 25.

10. Соколов Ю. Н. Электронное наблюдение в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности. Екатеринбург, 2006. С. 136.

11. Тутынин И. Б., Коваль С. Н. О применении цифровой фотографии при производстве по уголовному делу // Эксперт-криминалист. 2006. № 4. С. 11.

Ключевые слова: электронные технические средства, расследование, уголовное дело, вещественные доказательства, следователь.

УДК 343.14

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ

Харатишвили Антон Георгиевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 190000, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 96

Массовая трудовая миграция граждан стран входящих в так называемое ближнее (а в некоторых регионах) и дальнее зарубежье порождает различные проблемы, в том числе связанные с криминальной составляющей этого явления. Эти миграционные процессы оказывают значимое влияние на криминогенную ситуацию в регионах и по всей России в целом. В статье акцентируется внимание на ряде аспектов, возникающих в процессе привлечения к уголовной ответственности иностранных граждан, перечислены факторы, на которые следует обращать особое внимание при расследовании преступлений совершенных такими лицами. Также обращается внимание на важность комплексной профилактической работы, обосновывается необходимость четкого и слаженного взаимодействия всех служб и ведомств, как России, так и сопредельных стран в вопросах противодействия преступности, связанной с миграционными процессами, как явления, угрожающего геополитической и военной безопасности страны.

Массовое перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства на российскую территорию и через неё можно уверенно назвать одной из серьёзных проблем,

стоящих сегодня перед страной. Однако особую остроту этой проблемы придаёт незаконная и криминальная миграция.

Мигрант – это лицо, меняющее место жительства внутри государства или переезжающее на постоянное место жительства в другое государство по причине экономической, политической и национально-правовой нестабильности.

На сегодняшний день Российская Федерация занимает третье место в мире по притоку мигрантов [1, с. 121]. С учётом численности населения России, интенсивность миграционных процессов в нашей стране не знает мировых аналогов. Однако, если, ранее миграция была преимущественно позитивным внутренним явлением, способствовавшим социально-экономическому и культурному развитию страны и почти не имела международного аспекта, ограничиваясь масштабами СССР, то в XXI веке факторы, стимулирующие миграцию и ее характер существенно изменились. На первое место выходит так называемая экономическая или трудовая миграция, связанная, в том числе, с теневым сектором экономики. Возникла особая индустрия криминального бизнеса по поставке и трудоустройству иностранной рабочей силы. В результате расширились масштабы нелегальной и криминальной миграции [2, с. 925–926].

Спектр совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства преступлений достаточно широк – преступления против личности, корыстные, корыстно-насильственные, незаконный оборот наркотиков и многие другие преступления (в т.ч. организованные их формы; мигранты являются базой для пополнения этнических общеуголовных и экстремистских группировок).

Криминальная активность мигрантов, по данным статистики и криминологических исследований, чаще всего стимулируется организованным криминальным бизнесом. Этнические организованные преступные группы вносят решающий вклад в преступность мигрантов; формируясь по клановым и родовым признакам, они налаживают связи с соответствующими диаспорами на территории России, в ближнем и дальнем зарубежье; осуществляют контакты с субъектами криминальной и легальной экономической деятельности; с помощью подкупа государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов беспрепятственно расширяют и укрепляют криминальную деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, нелегальной миграции и др. [3, с. 930].

Первенство среди нарушителей закона принадлежит узбекам, таджикам, киргизам и молдаванам. Из стран дальнего зарубежья криминальными лидерами являются китайцы, турки, вьетнамцы, поляки и афганцы. По данным статистики, около 3 % неправомерных действий иностранцев направлены против их же соотечественников.

Анализ показывает, что преступность иностранных граждан тесно связана с уровнем социально-экономического развития регионов. Почти половина всех правонарушений регистрируется в Москве и Подмосковье, более четверти – в индустриально развитых центрах: Санкт-Петербурге, Иркутской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областях, Ханты-Мансийском автономном округе. Пятая часть всех преступлений с участием мигрантов совершается в приграничных районах – Карелии, Приморском и Хабаровском краях, Калининградской, Астраханской и Амурской областях. Высокий уровень преступности мигрантов отмечается также в Краснодарском крае и Новосибирской области [4].

При расследовании преступлений совершенных мигрантами следователем помимо основных обстоятельств дела обязательно следует выяснять: где, когда, с какой целью и каким способом лицо пересекло Государственную границу Российской Федерации, на основании каких документов. В случае предъявления или изъятия документов, послуживших основанием для пересечения Государственной границы Российской

Федерации, необходимо проводить их исследование на предмет подлинности (назначать экспертизу, направлять запрос в орган, выдавший документ, и т. п.).

При наличии в документах отметок (штампов, записей) сотрудников пограничных органов ФСБ России, МВД России, ФТС России, проверять подлинность этих отметок путем истребования образцов из соответствующих территориальных органов и подразделений пограничных органов ФСБ России, МВД России, ФТС России, назначения сравнительных экспертных исследований, направления поручений в пункты пропуска о допросе должностных лиц, ставивших исследуемым отметки в документах о пересечении Государственной границы Российской Федерации, направлять фотокарточки подозреваемых (обвиняемых) для опознания. При получении данных, указывающих на пересечение подозреваемым (обвиняемым) Государственной границы Российской Федерации без документов либо без надлежащего разрешения, рассматривать вопрос о наличии в его действиях признаков состава преступления, предусмотренного ст. 322 УК России «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации», и принимать решение с учетом подследственности данного преступления (ФСБ России).

Данные, полученные из вышеуказанных правоохранительных органов Российской Федерации, позволяют получить дополнительные доказательства виновности лиц, совершивших преступления. Предоставляемая пограничными органами ФСБ России, МВД России и ФТС России информация может использоваться следователями в качестве доказательной базы.

При допросе лиц, осуществлявших пропуск через Государственную границу Российской Федерации, а также таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, следует выяснять, положениями каких нормативных правовых актов Российской Федерации регламентируется порядок пропуска и осуществления при этом пограничного, таможенного, миграционного и других видов контроля. Выясняя причины и условия совершенного иностранным гражданином преступления, необходимо устанавливать, выполнялись ли должностными лицами пограничных органов ФСБ России, МВД России, ФТС России требования законодательства и ведомственных инструкций. При установлении фактов нарушения перечисленными должностными лицами действующего порядка пропуска в Российскую Федерацию иностранных граждан, принимать процессуальное решение о наличии признаков состава должностного преступления в их действиях. Одновременно следует рассматривать вопрос о направлении представлений в порядке ч. 2 ст. 158 УПК. Так, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, например, нарушение миграционного законодательства должностными лицами, следователь вносит представление (например, руководителю Управления по вопросам миграции МВД России) для принятия мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения.

В ходе расследования уголовных дел в отношении мигрантов, необходимо использовать центральный банк данных по учету иностранных граждан, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации. Следователи могут, а в ряде случаев обязаны, получать сведения о передвижении мигрантов с помощью баз данных ПТК «Розыск-Магистраль» и системы «Сирена-Тревел», в частности об оформлении авиа и железнодорожных билетов, о расписании движения авиа и железнодорожного транспорта, а также получать сведения о пересечении государственной границы (по данным отметок в паспорте).

Также в ходе расследования необходимо:

- подвергать проверке обстоятельства пребывания на территории Российской Федерации иностранного гражданина, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступлений;

- выяснять законность и обоснованность получения им регистрационных документов, документов, предоставляющих право на учебу, работу, проживание (патентов, санитарных книжек, разрешений на торговлю, удостоверений, договоров аренды жилых и производственных помещений);

- допрашивать лиц, осуществлявших регистрацию и выдававших соответствующие документы, предоставляющие право на нахождение, проживание, работу иностранному гражданину на территории Российской Федерации. При этом выяснять соответствие действий указанных должностных лиц и граждан, оформлявших подозреваемому (обвиняемому) разрешительные документы, нормативным правовым актам, ведомственным инструкциям, регламентирующим названную сферу деятельности;

- представленные, истребованные или изъятые документы подвергать тщательной проверке в целях установления в действиях лица, признаков преступления, предусмотренного ст. 327 УК России «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков».

В случае установления фактов несоблюдения лицами, ответственными за осуществление контроля за нахождением, регистрированием, работой, проживанием иностранных граждан на территории Российской Федерации, требованиям законодательства и ведомственных инструкций, решать вопрос о направлении представлений в соответствующий орган, а при наличии признаков преступлений принимать процессуальное решение в соответствии со ст. 145 УПК.

Необходимо учитывать при расследовании уголовных дел в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации и задержанных на территории России, возможное применение ч. 3 ст. 12 УК России (в ред. Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153). Данная статья позволяет привлекать лиц к уголовной ответственности в случае совершения преступления вне пределов Российской Федерации, если преступление направлено против интересов Российской Федерации, а также в случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации, если иностранные граждане и лица без гражданства не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации.

Когда в процессе расследования уголовных дел устанавливаются факты нарушений законодательства при приеме в гражданство Российской Федерации лиц, причастных к совершению преступлений, то органами следствия иницируются процедуры лишения гражданства в порядке, установленном российским законодательством. С этой целью документы, содержащие сведения о допущенных нарушениях законодательства, направляются в территориальные органы Управлений по вопросам миграции МВД России. При наличии признаков преступлений в действиях сотрудников МВД необходимо принимать процессуальное решение по этим материалам.

Участие переводчика

Участие переводчика в некоторой степени может помешать установлению взаимопонимания между следователем и допрашиваемым, возможности установления с ним психологического контакта, порой может возникнуть опасность искажения вопросов и ответов в случае плохой квалификации переводчика или наличия в языке слов, имеющих несколько различных значений. Отрицательно сказывается на результатах допроса то обстоятельство, когда подозреваемый знает язык, на котором ведется судопроизводство, но скрывает это.

Кроме того, допрашиваемый получает возможность объяснить наличие противоречий в его показаниях тем, что его «неправильно поняли», что его ответы неточно переведены и т. п.

Участие переводчика замедляет темп допроса, что даёт допрашиваемому больше времени на обдумывание своих показаний. Также необходимо учитывать, что при переводе на другой язык некоторые слова, словосочетания могут не иметь то смысловое выражение, которое им присуще в русском языке. Так, например, в грузинском языке нет слова «виновен», и вина употребляется только в уголовно-правовом понимании. Вместо русского слова «виновность» грузинские коллеги и законодатель говорят «преступен», «совершил преступление», «наличествует состав преступления». Незнание этих особенностей может привести к трудностям в случае предъявления обвинения преступнику грузину по национальности в тот момент, когда следователь будет разъяснять в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, а переводчик – переводить фразу об отношении к предъявленному обвинению: признаю вину полностью, признаю вину частично или не признаю. В словаре таджикского языка отсутствует слово «сбыт», а есть «фурухт» – продавать (отсюда – фрукты – товары для продажи) и применительно к преступлениям, связанным со сбытом наркотиков, лицо таджикской национальности не поймет вопрос следователя (оперативника) о сбыте наркотиков, если они не были проданы [5, с. 458].

При разработке тактики допроса подозреваемого необходимо обязательно учитывать эти специфические обстоятельства, подбирая переводчика, хорошо владеющего данным языком, могущего осуществлять синхронный перевод. Показания подозреваемого в данном случае желательно фиксировать с помощью аудио- или видеотехники.

Направление запроса о правовой помощи

При расследовании преступлений, совершенных трудовыми мигрантами часто возникает проблема получения характеризующего материала в отношении иностранного гражданина (в контексте выполнения требований п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК).

В соответствии с п. 4 ст. 304 УПК и постановлениями Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 г. № 55 и «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г. № 58 к обстоятельствам, характеризующим личность обвиняемого относят установление: фамилии, имени, отчества; даты и места рождения; места жительства; места работы; рода занятий; образования; семейного положения; уровня его развития; условий жизни и воспитания; морально-психологических качеств; его прошлого и связей; наличия или отсутствия жизненного и профессионального опыта; факта наличия или отсутствия инвалидности; нахождения на иждивении несовершеннолетнего, престарелых родителей; фактов отрицательного поведения в семье; поведения после совершения преступления, отношения к содеянному; факта наркомании или алкоголизма и т. п.

Средний срок исполнения зарубежными коллегами запроса о правовой помощи составляет 6-8 месяцев, что значительно превышает сроки следствия.

В этой связи П. А. Литвишко отмечает, что закрепление в ст. 455 УПК, а также в международных договорах порядка получения доказательств, находящихся за границей, не означает, что документы и предметы, поступившие к следователю, дознавателю из-за рубежа по другим каналам, не будут обладать доказательственной силой. Возможность использования внепроцессуальных каналов приобретает особую актуальность в свете положений ч. 1 ст. 453 УПК в условиях, когда требуемые действия не связаны с необходимостью производства выемки и иных процессуальных действий на территории иностранного государства, а также при проведении «доследственных» проверок [6, с. 56].

Здесь необходимо отметить, что возможность направления запроса о правовой помощи в рамках проверки сообщения о преступлении предусмотрена приказом СК России от 30 октября 2015 г. № 97 «Об организации в Следственном комитете Российской Федерации направления запросов о правовой помощи по уголовным делам в компетентные органы иностранных государств, а также исполнения запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам».

Примерами получения информации с использованием внепроцессуальных каналов могут служить:

1. Предоставление в рамках межправительственных договоров, международных соглашений СК России межведомственного характера.

2. Получение (в т. ч. органом, осуществляющим оперативное сопровождение уголовного дела) по каналам НЦБ Интерпола при МВД России или его региональных филиалов, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ; через офицеров связи правоохранительных органов иностранных государств, аккредитованных при дипломатических представительствах в России, иных должностных лиц представительств, занимающихся вопросами полицейского сотрудничества (например, в составе консульских, политических отделов); через представителей правоохранительных органов России в иностранных государствах.

3. Получение из заграничных учреждений МИД России.

4. Получение непосредственно от находящегося за рубежом физического или юридического лица, выразившего готовность к добровольному сотрудничеству, по переданной телефонной или электронной связью просьбе следователя. Так могут быть получены, например, материалы о характеристике личности; копии не составляющей коммерческую тайну финансово-хозяйственной документации; оформленные в виде заверенных справок ответы фирм на переданные им перечни вопросов следствия.

Критерием допустимости добытых таким путем доказательств является степень уверенности следователя, дознавателя в источнике их происхождения. Так, согласно ст. 17 УПК судья, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. В качестве процессуального закрепления собранных документов и предметов применяются их осмотр, приобщение к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, а также допросы в качестве свидетелей лиц, от которых эти материалы поступили, по обстоятельствам их аутентичности, обеспечения их сохранности, целостности и т. д.

Однако очевидно, что приведенными способами не могут быть собраны показания, протоколы следственных действий и иные документы и предметы, получение которых требует проведения процессуальных действий, а также содержащие охраняемую законом тайну.

Традиционно, в соответствии с международными договорами и российским законодательством Генеральная прокуратура Российской Федерации является компетентным органом Российской Федерации в вопросах выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам.

Однако в связи с утратой функцией по осуществлению предварительного расследования, а также других изменений в уголовном процессе России происходит тенденция смещения «центра тяжести» международного сотрудничества по уголовным делам от центрального органа – Генеральной прокуратуры России к органам предварительного расследования и определенной деформализации взаимодействия в рамках международной правовой помощи.

1. Цит. по: Голик Ю., Балашова Т., Дук Ю., Балашов З. Нелегальная и криминальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Уголовное право. 2008. № 2.

2. См.: Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2010.

3. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2010.

4. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=29440 (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

5. Харатишвили А. Г. Процессуальные и криминалистические аспекты участия переводчика в следственных действиях / Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Н. С. Алексеева / под ред. Н. Г. Стойко. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015.

6. Литвишко П. А. Производство процессуальных действий по уголовным делам в загранучреждениях и в отношении лиц, пользующихся международно-правовым иммунитетом: методическое пособие / под ред. А. Г. Волеводз. М., 2013.

Ключевые слова: мигранты, преступление, расследование, нелегальные мигранты, этническая преступность, участие переводчика, направление запроса о правовой помощи.

УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ И НАВЫКОВ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБОБЩЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ)

Хмелева Алла Владимировна,

*кандидат юридических наук, доцент, директор НИИ криминалистики,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12*

В статье рассматриваются вопросы использования следователем помощи специалистов различных профилей при расследовании коррупционных преступлений. Положения статьи основаны на результатах обобщения опубликованной следственной практики.

При расследовании преступлений коррупционной направленности следователь используют специальные знания, навыки и умения не только судебных экспертов, но и специалистов.

Так, для подтверждения или опровержения алиби подозреваемого, или его нахождения в определенном месте в интересующий следствие период специалистами проводится анализ «биллинговых соединений» средств его мобильной связи. Контакты подозреваемого с потерпевшим или с соучастниками преступления могут быть подтверждены в ходе соответствующего исследования гаджетов подозреваемого, например, с применением специальных устройств, например, мобильного комплекса по сбору и анализу цифровых данных «UFED».

В ходе расследования посредничества во взяточничестве (Ханты-Мансийский автономный округ) при обыске у подозреваемого Ф. были изъяты три сотовых телефона. При помощи аппаратного комплекса «UFED» из телефонов специалисту удалось извлечь информацию о контактах подозреваемого с сообщниками и установить всех участников преступления. На одной из фотографий, извлеченной из телефона, запечатлена была крупная сумма денежных средств, явившейся предметом взятки (получивший деньги взяточполучатель поспешил «похвастаться» и направил фото пачек с 5-тысячными купюрами супруге).

Эффективно применялся комплекс при осмотре сотовых телефонов по уголовному делу в отношении С., состоявшего в должности заместителя руководителя Средне-Поволжского Управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору РФ, который в составе организованной группы в течение длительного времени вымогали взятки от руководителей экспертных организаций, имеющих лицензии на проведение экспертизы промышленной безопасности производственных объектов. Сообщения, извлеченные из телефона обвиняемого, подтвердили его вину.

Извлеченные из сотовых телефонов SMS-сообщения позволили доказать корыстный умысел в действиях задержанных при совершении преступления директора Ульяновского физкультурно-спортивного техникума Олимпийского резерва Б. и его подчиненной А., неоднократно получавших взятки в крупном размере от директора ООО «Галеас» М. за заключение государственных контрактов на оплату питания для студентов, обучающихся в группах олимпийского резерва.

Нередко для решения возникающих вопросов следователь привлекает специалистов-филологов. Известно, что при совершении преступления предполагаемые взяткодатели и взяточполучатели зачастую употребляют разные слова-заменители, чтобы скрыть предмет и детали обсуждения. В качестве примера приведем следующее. В отношении лесничего Надымского лесхоза Ямало-Ненецкого автономного округа Б., получившего от предпринимателя взятку в размере 2 млн руб. за непринятие мер реагирования на нарушения природоохранного законодательства было возбуждено уголовное дело. Прослушав аудиозапись переговоров взяткодателя и взяточполучателя, специалист-филолог (преподаватель вуза) пояснила в своем заключении, что основное содержание диалогов – передача денежных средств за разрешение на разработку земельного участка. «Для обозначения предмета взятки собеседники используют такие слова, как «фантики», «лимон». Первое слово – для обозначения денег, жаргонное слово «лимон» – как «миллион рублей». Кроме того, один из них прерывает речь другого в тех случаях, когда тот начинает открыто обсуждать вопрос о передаче денег. Так, он употребляет междометие «ну», не имеющее конкретного содержания, но реализующее функцию понимания» [1, с. 109–110]. Суд принял данное заключение в качестве одного из доказательств вины подсудимого, был вынесен обвинительный приговор.

Задачей для органов следствия при анализе коммуникаций участников коррупционных отношений является, во-первых, установление смысла каждого высказывания, и во-вторых, установление намерений участников диалога, проявляемых при помощи таких высказываний, в том числе выявления того участника диалога, который является инициатором темы обсуждения. С подобной задачей органы следственного управления Следственного комитета РФ столкнулись, в частности, при расследовании уголовного дела, возбужденного по факту получения взятки в 2007 году главой Чебаркульского сельского поселения Н. в виде двух снегоходов. Стороной защиты была выдвинута версия, согласно которой никаких коррупционных проявлений со стороны подзащитного не было, в ходе переговоров с представителями коммерческой организации о выделении

земли он высказал шутку о любви к активному зимнему отдыху, требований передаче снегоходов не выдвигал. Эта версия была основана на буквальном толковании фраз, произнесенных обвиняемым при обсуждении с представителями коммерческой организации. [4, с. 258–259].

Поскольку выявление реальных коммуникативных намерений не входит в предмет лингвистической экспертизы, по таким делам целесообразно назначать комплексные психолого-лингвистические экспертизы. В задачи эксперта-лингвиста будут входить ответы на следующие типовые вопросы:

1. Каковы основные темы разговоров, зафиксированные на аудиозаписи?
2. Какова степень (активность) участия каждого из участников разговора?
3. Каков смысл конкретных высказываний?»

К компетенции эксперта-психолога относятся ответы на типовые вопросы: «В каких отношениях находятся между собой участники разговоров, исходя из содержания анализов их разговоров?», а также ретроспективная диагностика психического состояния участников коммуникации, вопросы об «эмоциональном спектре» состояния каждого из них в динамике на различных стадиях развития исследуемой ситуации, об индивидуальных психологических особенностях их личности и речевого поведения, о возможном наличии в разговоре высказываний, искаженно описывающих действительное положение вещей [5]. К комплексным могут быть отнесены следующие типовые вопросы:

1. Кто из участников является инициатором обсуждения тем, зафиксированных на аудиозаписях?
2. Исходя из анализа разговоров, имеется ли со стороны кого-либо из их участников побуждение других участников разговоров или иных лиц к активным действиям (воздержанию от действий)? Если да, то какими фрагментами разговоров это подтверждается?
3. Одинаково ли участники диалога понимают его смысл?

Подобная экспертиза была назначена и по отмеченному выше челябинскому уголовному делу, в результате комиссия экспертов пришла к однозначным выводам об инициативном участии обвиняемого в диалоге и выдвижении им требования передачи взятки как условия положительного разрешения вопроса. По делу Челябинским областным судом вынесен обвинительный приговор.

Специальные знания в области филологии могут быть использованы соответствующими лицами как при выполнении судебных экспертиз, так и при подготовке заключения специалиста (в соответствии со ст. 74 УПК РФ и заключение эксперта и заключение специалиста являются равноценными доказательствами).

В специальной литературе высказываются сомнения относительно расширения сферы психолого-лингвистических экспертиз на тексты, полученные в ходе ОРД по «нетрадиционным» для этой экспертизы делам [3, с. 189]. Основой этих возражений является утверждение, что следователь и суд путем назначения подобных экспертиз подменяют свою обязанность дать непосредственную правовую оценку собранным доказательствам стремлением «переписать» в обвинительное заключение и в приговор готовые формулировки, данные экспертами по правовым вопросам.

Вместе с тем, практика Европейского суда по правам человека придерживается обратной позиции, выдвигая в качестве основного критерия справедливости судебного разбирательства не непосредственное толкование конкретных заявлений сторон, зафиксированных в ходе ОРД, а их исследование экспертом [2].

Таким образом, использование специальных знаний судебных экспертов и специалистов является необходимым средством установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и объективизации процесса расследования.

1. Лелеко А. С. Привлечение специалиста-филолога к участию в производстве по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности // Предварительное следствие. М., 2009. Вып. 1 (3). С. 109–110.

2. Параграфы 103 и 104 Постановления ЕСПЧ по делу «Быков против Российской Федерации» от 10 марта 2009 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинов Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / под ред. А. Р. Ратинова. М., 2005. С. 189.

4. Смолин М. С. Возможность использования психолого-лингвистических экспертиз в доказывании по уголовным делам о коррупции // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года). С. 258–263.

5. Булыжкин А. В. Некоторые проблемы расследования уголовных дел о взяточничестве // Закон и право. 2015. № 1. С. 133–134.

Ключевые слова: коррупционные преступления, специалист, заключение специалиста, следственная практика.

УДК 343.98

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ФАКТА НАЛИЧИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО ОТСТАВАНИЯ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ, НЕ СВЯЗАННОГО С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ

Храмцова Василина Васильевна,

*кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИИ криминалистики,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12*

В статье рассмотрены особенности установления следователем факта наличия (отсутствия) у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. Уделено внимание обстоятельствам, подлежащим доказыванию, по данной категории уголовных дел, а также особенностям подготовки материалов для судебной экспертизы.

В 1996 году в Российской Федерации впервые на законодательном уровне было закреплено основание прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего обвиняемого – в связи с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством.

Если несовершеннолетний достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, то он, согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, не подлежит уголовной ответственности. Уголовное преследование в отношении такого лица

должно быть прекращено в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Целый ряд вопросов возникает у следователей в ходе установления и доказывания факта наличия или отсутствия у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством.

Отсутствие четкого законодательного регулирования в указанной области приводит к тому, что в настоящее время в правоприменительной деятельности прекращение уголовного преследования по данному основанию весьма ограничено.

Итак, для того чтобы принять решение о прекращении уголовного преследования в отношении лица в связи с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, необходимо, чтобы по делу были установлены и доказаны следующие обстоятельства:

- несовершеннолетний возраст лица;
- достижение лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность;
- наличие у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (медицинский критерий);
- неспособность такого лица во время совершения общественно опасного деяния в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (юридический критерий);
- уголовная наказуемость деяния.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, научной литературы позволяет прийти к однозначному выводу, что для установления уровня психического развития несовершеннолетнего, а равно – отставания в психическом развитии, и его способности в момент совершения запрещенного уголовным законом деяния осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, требуется назначение судебной экспертизы [1 с. 14, 2 с. 479–480].

Это, в том числе, может вытекать из ч. 3 ст. 196 УПК РФ, которая определяет, что установление психического состояния обвиняемого (подозреваемого), когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, сопровождается обязательным назначением судебной экспертизы. Прямого же указания законодателя на необходимость проведения судебной экспертизы в рассматриваемом случае (в соответствии со ст. 20 ч. 3 УК РФ), не имеется и требует внесения соответствующих изменений в законодательство [6 с. 22].

Однако, представляется, что вид назначаемого экспертного исследования должен быть определен следователем, исходя из сложившейся ситуации по конкретному уголовному делу.

Для констатации у несовершеннолетнего обвиняемого отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, необходимо в первую очередь исключить наличие психического расстройства (компетенция эксперта-психиатра), а затем установить наличие или отсутствие непатологического отставания в психическом развитии (компетенция эксперта-психолога). Это и предопределяет предпочтительность назначения не однородных судебно-психологической или судебно-психиатрической экспертиз, а комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Однако при невозможности организации комплексной экспертизы в исключительных случаях допускается последовательное проведение сначала судебно-психиатрической, а затем судебно-психологической экспертизы [3 с. 3–4].

В то же время, необходимо учитывать, что при последовательном проведении экспертиз мнение экспертов различных специальностей может существенно противो-

речить друг другу. Данная ситуация в свою очередь повлечет необходимость проведения дополнительной экспертизы.

Так, следователем МУ МВД России Свердловской области в ходе расследования по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, были последовательно назначены судебно-психиатрическая и судебно-психологическая экспертизы. В ходе судебно-психиатрического исследования констатировано отсутствие у испытуемого какого-либо психического расстройства, но указано, что во время совершения деяния обвиняемый был способен к осознанно-волевому поведению. Однако при проведении судебно-психологической экспертизы у несовершеннолетнего выявлено отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством. Следствием указанного отставания явилось ограничение способности лица к осознанно-волевому поведению. Противоречивость экспертных выводов налицо. Тем не менее, данное уголовное дело было прекращено на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ, ч. 3 ст. 27 УПК РФ. В постановлении о прекращении уголовного дела следователь сослался только на заключение судебно-психологической экспертизы, даже не проанализировав и не оценив выводы эксперта-психиатра.

Существенное значение для полноты и всесторонности экспертного исследования, объективности выводов экспертов, а в дальнейшем – и оценки экспертного заключения, имеет деятельность следователя по собиранию процессуально значимой информации в рамках подготовки судебной психолого-психиатрической экспертизы, материалов, подлежащих экспертному исследованию. Самостоятельно собирать материалы, необходимые для всестороннего исследования, эксперты неправомочны. Эти действия вправе совершать только орган, назначающий экспертизу.

Следователь запрашивает сведения из психиатрического и наркологического диспансеров (кабинетов) по месту жительства обвиняемого о состоянии его на учете у психиатра и нарколога. Кроме того, собираются сведения об оказании психиатрической и наркологической помощи в других лечебных учреждениях, включая стационарные. В отдельных случаях полезной для психиатра-эксперта бывает медицинская документация учреждений общесоматического профиля: поликлиник, больниц, медицинских пунктов и т. д. (в том случае, если в случае отсутствия психиатра первичную психиатрическую помощь оказывал врач другой специальности). Также обвиняемый мог госпитализироваться в общесоматическую больницу в связи с различными заболеваниями головного мозга – инсультом, травмой черепа, энцефалитом и др. [4, с. 118]. Подлинники указанных медицинских документов изымаются следователем в полном объеме (история болезни, амбулаторная карта и т. п.) и предоставляются судебным экспертам. При этом, необходимо учитывать, что выемка медицинских документов, содержащих сведения о наличии у гражданина психического расстройства, фактах обращения за медицинской (в том числе – психиатрической) помощью и лечения в учреждении, оказывающем такую помощь, а также иные сведения о состоянии здоровья, являются врачебной тайной. А значит, требуют получения решения суда на проведение указанных следственных действий. В исключительных случаях при объективной невозможности предоставления оригиналов указанных материалов истребуются их копии и выписки. Акты ранее проводимых в отношении обвиняемого судебных экспертиз предоставляются в копиях.

Кроме того, в ходе производства допроса лиц, знавших обвиняемого, требуется выяснить характеризующую личность несовершеннолетнего информацию: сведения о задержке или искажении психического развития и развития речи в детстве, неадекватных замкнутости или расторможенности в поведении с суетливостью, приставучестью, нарушением произношения букв, многословием, чрезмерной боязливостью, дневными

и ночными страхами, нарушениями сна, приступами головокружений, судорог, обмороков, непереносимостью духоты, жары, езды в транспорте. Важно обратить внимание на наличие беспричинных расстройств настроения, их длительность и частоту, появление склонности к садизму, жестокости, нелепым поступкам, безудержному фантазированию и лжи, попыткам самоубийства, сведений о внезапном изменении отношения подростка к близким, нежелании посещать школу и общаться со сверстниками [5, с. 394–395]. Указанные сведения являются особенно значимыми в тех случаях, когда обвиняемый не обращался ранее за психиатрической помощью. Кроме того, необходимо устанавливать где, в каких жизненных и социокультурных условиях, кем воспитывался несовершеннолетний, уровень его образования, круг общения.

В ходе проведения следственных действий с участием несовершеннолетнего обвиняемого (например, допросов, проверок показаний на месте, следственных экспериментов) следователь непосредственно может наблюдать особенности его личности: насколько несовершеннолетний контактен или подавлен, возбужден или безразличен, неспособен к абстрактному мышлению, анализу, плохо запоминает, не может сосредоточиться на теме разговора, обнаруживает малый словарный запас, плохо читает, стремиться к общению с младшими по возрасту, обнаруживает детскость поведения, внушаемость, неспособность к самостоятельным решениям, нецеленаправленность поступков и т. п. Указанные сведения целесообразно отражать в протоколах следственных действий, производимых с участием несовершеннолетнего, а также в постановлении о назначении судебной экспертизы.

Исходя из вышеизложенного, можно предложить следующую классификацию сведений об уровне психического развития несовершеннолетнего, которые следователь получает в ходе собирания доказательств: 1) сведения, полученные из документальных источников; 2) сведения, полученные в ходе производства допроса лиц, ранее знакомых с несовершеннолетним (его родителей, друзей, соседей, коллег, соседей и т. п.); 3) сведения, основывающиеся на личном восприятии несовершеннолетнего следователем.

Собрав необходимые для производства экспертизы материалы, следователь оценивает их с точки зрения полноты, достоверности, точности, непротиворечивости. Основным недостатком подготовки материалов для судебной психолого-психиатрической экспертизы является их неполнота, которая ведет к затягиванию сроков производства экспертизы, а также сложности всестороннего исследования личности несовершеннолетнего.

Направление лица на психолого-психиатрическую экспертизу допускается при наличии достаточных данных, указывающих, что именно это лицо совершило общественно опасное деяние, по поводу которого возбуждено уголовное дело и ведется расследование. Это является своеобразной гарантией защиты лица от необоснованного направления на судебно-психиатрическую экспертизу. Кроме того, противоречивые данные следствия о совершенном деянии могут существенно затруднить экспертам решение исключительно психолого-психиатрических вопросов.

В результате оценки всей совокупности доказательств по уголовному делу следователь делает вывод о наличии или отсутствии медицинского и юридического критериев отставания несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, их взаимосвязи между собой.

Представляется возможным сделать следующие выводы:

- проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего обвиняемого предпочтительно для установления отставания несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством;

- каждая назначаемая экспертиза должна быть тщательно подготовлена следователем, от полноты материалов, предоставляемых экспертам, зависит качество и всесторонность экспертного исследования, достоверность его выводов;
- направление несовершеннолетнего обвиняемого на психолого-психиатрическую экспертизу допускается при наличии достаточных данных о том, что именно указанное лицо совершило общественно опасное деяние;
- заключение эксперта, как и другие доказательства по уголовному делу, должны быть подвергнуты тщательной проверке и оценке со стороны следователя.

1. Гецманова И. В. Особенности предварительного следствия по делам о преступлениях несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 180 с.
2. Коротков А. П., Тимофеев А. В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных органов по применению УПК РФ: комментарий. М., 2004. 537 с.
3. Информационное письмо Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения РФ «О применении ч. 3 ст. 20 УК РФ». М., 2004. С. 3–4.
4. Шишков С. Н. Назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы // Судебная психиатрия: учебник / под ред. проф. А. С. Дмитриева, проф. Т. В. Клименко. М.: Юристъ, 1998. 406 с.
5. Дмитриева Т. Б., Гурьева В. А. Организация судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних // Судебная психиатрия: учебник / под ред. проф. А. С. Дмитриева, проф. Т. В. Клименко. М.: Юристъ, 1998. 406 с.
6. Храмцова В. В. Особенности прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего в связи с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 28 с.

Ключевые слова: несовершеннолетний обвиняемый, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, следователь, прекращение уголовного преследования, заключение эксперта.

УДК 343.98

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ КОЖНОГО ПОКРОВА ЧЕЛОВЕКА С РЕЛЬЕФНЫХ ПОВЕРХНОСТЕЙ

Часовской Юрий Павлович,

*преподаватель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

В данной статье путем ряда экспериментов подробно рассмотрены возможности изъятия следов кожного покрова человека с поверхности окрашенной древесины, декоративных рельефных покрытий и т. п.

Изучение практики работы с такими следами на месте происшествия выявило ряд проблемных аспектов. В частности, при выявлении потожировых следов кожного покрова человека с использованием традиционного порошкового метода, нередко воз-

никают трудности при их копировании на слеδοкопировальные пленки, обусловленные различными обстоятельствами.

Следы кожного покрова человека, образованные потожировым веществом, изымаемые при осмотрах мест совершения преступлений, являются наиболее распространенным и ценным источником розыскной информации о личности преступника. Это обусловлено рядом свойств, позволяющих использовать их в процессе расследования преступлений.

К таким свойствам относятся: индивидуальность узора кожного покрова, устойчивость (относительная неизменяемость) на протяжении всей жизни человека, отображаемость узора в следах во время следового контакта с различными поверхностями. Даже по истечении длительного периода времени с момента совершения преступления следы кожного покрова человека дают возможность их использования в раскрытии преступления, результативность которого во многом зависит от качества изымаемых следов [1].

Полноценное использование дактилоскопической информации ограничивается рядом причин, одной из которых является низкая профессиональная подготовка сотрудников экспертных подразделений в плане эффективности применения средств и методов работы с вещественными доказательствами [2].

Методы обнаружения и выявления следов кожного покрова человека подразделяются на визуально-оптические, физические, химические, физико-химические и микробиологические. Все перечисленные методы имеют свои преимущества и недостатки.

Качество выявления потожировых следов зависит от характера поверхности объекта следоносителя, ее цвета, наличия посторонних веществ, давности образования следа и других факторов, влияющих на выбор того или иного метода. Так называемый «порошковый» – наиболее распространенный физический метод, применяемый в экспертной практике, содержанием которого является выявление слабовидимых и невидимых потожировых следов кожного покрова с использованием дактилоскопических порошков, позволяющих изменить цветовую тональность и контраст следов по отношению к поверхности объекта следоносителя. Чаще всего для выявления следов кожного покрова на месте происшествия специалистами криминалистами используются магнитные дактилоскопические порошки, наносимые магнитной кистью, с последующим копированием на слеδοкопировальные пленки. Процесс этот достаточно простой и не вызывает особых затруднений у подготовленных специалистов.

Значительные трудности могут возникнуть при изъятии поверхностных следов, расположенных на неровных поверхностях: окрашенной древесине, декоративных покрытиях, ребристом кафеле, рифленом линолеуме и т. п. Фотографическая фиксация таких следов на месте происшествия во многих случаях затруднительна, а копирование связано с вероятностью их порчи.

Для этого можно воспользоваться хозяйственными липкими пленками (скотч), обладающими большой пластичностью, но при этом необходимо учитывать их повышенную липкость, обуславливающую копирование не только порошка со следом, но и частично поверхности некоторых объектов. Лучших результатов при копировании таких следов помогают достичь полимерные слепочные средства (компаунды).

Может возникнуть ситуация, когда условия окружающей среды не позволят применить данное средство, либо его просто не окажется в экспертном чемодане, а обнаруженный след невозможно доставить в экспертную лабораторию с объектом следоносителем.

В этом случае я предлагаю произвести копирование выявленного следа следующим образом: после выявления следа, располагающегося на рельефной поверхности магнитным дактилоскопическим порошком, нужно приложить к нему дактилоскопиче-

скую пленку или любую другую липкую пленку, имеющуюся в распоряжении специалиста-криминалиста, эмульсионным слоем к следу. При этом нет необходимости плотного контакта эмульсионного слоя следокопировальной пленки с элементами рельефа следовоспринимающей поверхности, после чего необходимо поднести так называемый постоянный магнит к внешней стороне пленки, на которую осуществляется копирование следа. Вследствие взаимодействия частиц магнитного дактилоскопического порошка с полем, создаваемым постоянным магнитом, происходит осаждение частиц порошка на эмульсионный слой следокопировальной пленки и происходит копирование следа.

В качестве постоянного магнита можно использовать:

- магнитный искатель-подъемник подковообразной формы, предназначенный для поиска металлических предметов. Подъемная сила магнитного искателя от 12 кг и выше. (В двадцатом веке входил в комплект технических средств передвижной криминалистической лаборатории);

- магнитный подъемник «ТИТАН-1» . Подъемная сила от 70 кг (входит в комплект технических средств некоторых криминалистических чемоданов);

- неодимовый магнит – постоянный мощный редкоземельный магнит, состоящий из сплава неодима, бора и железа. Магнит обладает высокой мощностью притяжения и стойкостью к размагничиванию. Подъемная сила до 400 кг. Минимальная цена такого магнита с площадью контактной поверхности 4 см² 40-60 рублей.

Анализ папиллярных узоров следов, откопированных таким способом, показывает, что почти все признаки папиллярного узора копируются с минимальными искажениями. Искажения возникают в случае расположения детали папиллярного узора на элементе рельефной поверхности, имеющем большой угол наклона по отношению к плоскости следокопировального материала. Даже, несмотря на это обстоятельство, эксперт в состоянии определить действительный вид детали.

Вследствие простоты процесса копирования, дешевизны и доступности расходных материалов, данный метод позволит быстро и эффективно проводить изъятие следов кожного покрова с рельефных поверхностей в ходе осмотра места происшествия.

1. Криминалистика. Углубленный курс: учебник / под общ. ред. проф. А. Г. Филиппова. М.: ДГСК МВД России, 2012. 592 с.

2. Криминалистика. Практикум: учебное пособие / под ред. А. Г. Филиппова, В. В. Агафонова. 1-е изд. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 360 с.

Ключевые слова: следы кожного покрова, магнитные порошки, постоянный магнит.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МОБИЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ

Чухнин Дмитрий Александрович,

*преподаватель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

В статье рассмотрены особенности назначения и проведения судебной компьютерной экспертизы мобильного устройства при расследовании преступлений, связанных с хищениями, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ.

Основной формой использования специальных знаний при расследовании уголовных дел, связанных с хищением денежных средств с использованием компьютерных вредоносных программ, является производство судебной экспертизы.

Стоит отметить, что после внесения Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ изменений в часть 4 статьи 195 УПК РФ [1], назначение и производство судебных экспертиз стало возможным до возбуждения уголовного дела, в рамках процессуальной проверки в порядке статей 144–145 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

По мнению Е. А. Зайцевой, «введение судебной экспертизы в перечень средств процессуальной проверки имело целью ликвидировать практику предварительных исследований, отнимавших значительное время и материально-технические ресурсы экспертных подразделений, чьи сотрудники вынуждены после возбуждения уголовного дела повторно проводить исследования тех же самых объектов, но уже в рамках судебной экспертизы» [2].

В случае необходимости экспертного исследования мобильного сотового устройства (планшетного компьютера, смартфона), проблемным вопросом, с которым может столкнуться следователь (дознатель) при назначении судебной экспертизы, является правильное определение ее рода (вида) [3, с. 130].

Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», четко определяет перечень родов (видов) судебных экспертиз, проводимых в экспертных подразделениях МВД России, а также виды проводимых в их рамках исследований [4].

Основным типом экспертиз, проводимых по уголовным делам рассматриваемой категории, является судебная компьютерная экспертиза, в рамках которой проводится исследование компьютерной информации. При расследовании преступлений, связанных с использованием компьютерных вредоносных программ, основным объектом исследования является как раз компьютерная информация, хранящаяся на мобильном устройстве. Таким образом, до октября месяца 2015 года проблем с определением типа судебной экспертизы не возникало.

Однако Приказом МВД России от 27 октября 2015 г. № 1012, в рассматриваемый Перечень был внесен новый тип судебной экспертизы – радиотехническая, в рамках которой проводится исследование радиоэлектронных устройств [5].

Учитывая, что объектом экспертного исследования при расследовании хищений, совершаемых с использованием компьютерных вредоносных программ, также являют-

ся мобильные устройства, назначение данного типа судебной экспертизы в определенных случаях также является допустимым.

Выбор типа судебной экспертизы в каждом случае зависит от целей и задач конкретного исследования, а также от того, какой объект исследования является основным.

Принимая во внимание, что основной задачей судебной экспертизы при расследовании преступлений рассматриваемой категории является изучение структуры и алгоритма функционирования компьютерной вредоносной программы, автором предлагается рассмотреть особенности назначения и проведения компьютерной судебной экспертизы.

Учитывая особенности объекта исследования, необходимо верно обозначить цели и задачи назначаемой экспертизы, а также четко представлять для себя ее результат. Важное значение для этого имеет правильная формулировка вопросов, адресованных эксперту.

Так, поставленные перед экспертом вопросы должны отвечать следующим критериям:

- правильно сформулированы с технической и правовой точек зрения;
- соответствовать компетенции и фактическим возможностям эксперта (экспертного учреждения);
- в своей совокупности в полном объеме, четко и понятно отражать цель, задачи и необходимый результат исследования.

Для полного достижения целей исследования при назначении компьютерной экспертизы предлагается перечень следующих вопросов:

1. Имеется ли на представленном компьютерном устройстве файлы, которые антивирусная программа атрибутирует как компьютерные вредоносные программы?

2. Если да, то к какому типу компьютерных вредоносных программ они относятся?

3. Каков источник появления вредоносной программы на представленном устройстве?

4. Какой алгоритм функционирования данной вредоносной программы; какие цели и задачи она решает?

5. Обладает ли данная вредоносная программа возможностью удаленного администрирования компьютерным устройством? Если да, то каков источник удаленного администрирования?

6. Имеется ли связь работы вредоносной программы с работой других программных приложений, установленных на устройстве (в частности, приложений мобильного банкинга)? Если да, то в чем заключается воздействие вредоносной программы на работу данных приложений?

7. Какой адресат отправки вредоносной программой результатов своей работы (сетевой адрес ресурса)?

8. Имеются ли на представленном мобильном устройстве иные сведения об удаленном администрировании?

Данный перечень примерный и не является исчерпывающим. Однако, в случае получения ответов на указанные вопросы, следователь будет иметь полную картину о способе совершения хищения, источнике распространения вредоносной программы, адресате ее администрирования, а также способе и адресате несанкционированных денежных переводов со счета потерпевшего.

Следует отметить, что экспертно-криминалистические подразделения системы МВД России, даже при наличии в них экспертов, специализирующихся на компьютерных экспертизах, проводят исследования на начальном уровне, в ходе которого не изу-

чается программный код и заданный алгоритм функционирования вредоносной программы.

Проведение экспертизы на более качественном уровне возможно в ранее упомянутых организациях ООО «Доктор Веб», ЗАО «Лаборатория Касперского», «Group-IB».

Так, деятельность компании «Group-IB» воплощена в экосистеме «Bot-Trek» – линейке высокотехнологичных продуктов для мониторинга, обнаружения и предупреждения киберугроз, основанной на самых актуальных данных киберразведки и глубоком анализе реальных хакерских атак.

Согласно сведениям, размещенных на официальном интернет-портале компании, Лаборатория компьютерной криминалистики и исследования вредоносного кода данной организации занимается сбором и оформлением цифровых доказательств более 10 лет. Для поиска и изъятия доказательств используется самое современное оборудование и программное обеспечение, признанные зарубежные и передовые отечественные продукты по компьютерной форензике.

При выезде на место инцидента и проведения оперативно-розыскных мероприятий используются мобильные криминалистические комплексы, которые позволяют изымать сведения без нарушения целостности (что сохраняет носитель информации в доказательной базе) и проводить их экспресс-исследования на месте [5].

Помимо самой информации для криминалиста важна хронология ее создания, доступа к ней и ее использования. Компания обладает собственными разработками, которые позволяют посекундно восстановить цепочку действий злоумышленника и обнаружить не детектируемые антивирусами вредоносные файлы.

Исследованием последних занимается специальное подразделение вирусной аналитики, задача которого – установить и зафиксировать следы, ведущие к разработчикам и операторам атаки [6].

Параллельная работа криминалистов и вирусных аналитиков обеспечивает быстрое, полное и, самое главное, качественное производство исследования. Высокое качество экспертиз Лаборатории заслужило доверие не только корпоративных клиентов, но и госструктур.

Лаборатория Group-IB – единственная в России, в которой специалисты имеют сертификаты GIAC по Digital Forensics и Malware Analysis. Результаты экспертиз гарантированно принимаются в качестве доказательств не только в российских, но и в иностранных судах [7].

В заключении следует отметить, что только в результате проведения компьютерной экспертизы на необходимом качественном уровне, возможно установление полного механизма совершения преступления, а также всех лиц, причастных хищения, в том числе распространивших и использовавших компьютерную вредоносную программу, а не только конечное звено цепи – обналщиков.

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ: ред. от 28 декабря 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Зайцева Е. А. Применение специальных познаний сквозь призму Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [Электронный ресурс] // Законодательство и экономика. 2013. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Барина О. А. Криминалистические исследования реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016. 290 с.

4. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511: ред. от 27 октября 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О внесении изменений в приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 27 октября 2015 г. № 1012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. М.: Проспект, 2017. 160 с.

7. Group-Ib.расследования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.group-ib.ru/investigation.html#lab> (дата обращения: 25 декабря 2016 г.).

Ключевые слова: судебная компьютерная экспертиза, процессуальная проверка, компьютерная информация, компьютерная вредоносная программа, мобильное устройство, мобильный банкинг, Group-IB.

УДК 343.98

ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДАННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В АППАРАТАХ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Шеметов Алексей Константинович,

*доцент кафедры криминалистики Второго факультета
повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург),
Институт повышения квалификации Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
620142, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18*

В статье рассмотрены некоторые аспекты использования технических средств для извлечения и исследования сведений, содержащихся в аппаратах мобильной связи, с помощью программно-технического комплекса извлечения информации UFED. Определяются основные направления применения извлеченных сведений для разрешения задач расследования и раскрытия преступлений.

В современном мире мы не можем представить свою жизнь без использования мобильных технических устройств связи, которые решают значительное число задач. Основным представителем такого рода аппаратов, бесспорно, является сотовый телефон, сопровождающих его пользователя постоянно, хранящий огромное число сведений о владельце и выполняемых им действиях. В ряде случаев устройства такого рода являются средством преступной деятельности, инструментом в руках злоумышленника, преследующего свои противоправные цели. В этой связи широкое распространение в последнее время получает необходимость решения задачи исследования сведений, содержащихся в памяти сотовых телефонов [1, с. 23]. Названные задачи позволяет решать универсальное устройство извлечения судебной информации UFED (Universal Forensic Extraction Device), находящееся на вооружении территориальных и специализированных подразделений Следственного комитета Российской Федерации, экспертных и оперативных подразделений органов внутренних дел и других ведомств.

Практика использования названного устройства для решения задач раскрытия и расследования преступлений находит все большее применение в деятельности Следственного комитета Российской Федерации. С помощью UFED все большее число преступных посягательств находит свое логичное завершение в виде справедливо вынесенного уголовного наказания виновным лицам. Из содержащихся в памяти мобильного устройства данных устанавливаются характер и содержание события преступления, время и место его совершения, лица, причастные к его реализации, и другие фактические данные.

Думается, отсутствует необходимость в отдельном рассмотрении процессуальных вопросов реализации использования названного технического средства в уголовном процессе. Проблематика такого рода ни один раз поднималась в значительном числе научно-методических публикаций [2, с. 218–219; 3, с. 28–33]. Большой интерес представляют технические возможности UFED, позволяющие работать с извлекаемыми данными в различных направлениях, получать их из памяти устройств на различном программном уровне (от простого содержимого телефонной книги и папок с сообщениями абонента, до физического копирования всех содержащихся на носителях сведений и возможного восстановления удаленных данных).

Так, с помощью UFED имеется возможность получения следующих доказательственных или ориентирующих данных:

- сведения о телефоне и SIM-карте, установленной в него (номера IMEI/ESN, ICCID, IMSI);
- журналы вызовов, использования интернет-браузера;
- временные файлы Интернета и закладки сайтов;
- записи телефонной книги, SMS, MMS, голосовые сообщения;
- сообщения чатов и электронной почты, переписка с использованием различных приложений (Viber, WhatsApp, Twitter, Facebook и т. д.);
- изображения, видео- и аудиофайлы, тестовые документы;
- пароли и т. д. [4, с. 20]

Несомненно, большинство задач, возникающих перед органами расследования, могут быть разрешены при реализации простых операций с использованием названного аппаратного комплекса. При этом извлекаются сведения, хранящиеся в телефонной книге пользователя устройства мобильной связи, текстовые, графические или мультимедийные сообщения, пересланные и принятые им, сохраненные в памяти устройства файлы различного расширения, хранящие в себе информацию самого разнообразного толка.

Ряд современных аппаратов мобильной связи автоматически и на постоянной основе сохраняют сведения о геолокации нахождения абонента даже в отсутствии разрешения на это владельца устройства. Определение положения пользователя может осуществляться не только с использованием GPS-датчика, но и в привязке к расположенным вблизи него вышкам WIFI и положению базовых станций операторов связи. В ряде случаев, сведения подобного рода могут формировать более точную картину положения абонента связи в пространстве, нежели при получении традиционного биллинга [5, с. 35]. При этом, извлеченные из устройства мобильной связи сведения, содержащие данные такого рода систематизированы и включаются в отчет о проведенном исследовании в едином разделе. Все это позволяет оперативно и эффективно обобщать и анализировать полученную информацию об участках местности и помещениях, где находился аппарат связи и его владелец в конкретный промежуток времени.

В последнее время достаточное распространение получило общение пользователей с помощью различных мессенджеров. Переписка, хранящаяся в памяти устройства, в ряде случаев содержит прямые переговоры злоумышленников об условиях совершае-

мых ими операций, времени и месте планируемых и осуществленных действий, составе и личности подельников. В ряде ситуаций сведения такого рода позволяют выдвигать и проверять версии о серийной преступной деятельности, реализуемой пользователем мобильного устройства, конкретных фактах ее совершения [6].

Кроме того, программно-технический комплекс позволяет работать с памятью значительного числа моделей телефонов, доступу к которым препятствует графический или символьный код пользователя или PIN-код устройства [7].

Одновременно с этим, массив извлеченных сведений зачастую представляет собой значительный объем информации о различных операциях, совершаемых пользователем. Среди названных данных субъектом расследования ведется поиск доказательств совершения интересующим лицом конкретных действий. В целях облегчения задачи подобного анализа программные средства UFED позволяют систематизировать их в обобщенном виде, работать с конкретными массивами сведений об определенных операциях или типах информации. Последнее в свою очередь значительно упрощает и делает более продуктивной деятельность следователя по изучению такого предмета как мобильное устройство связи. Особую актуальность решение названной задачи приобретает в условиях наличия в распоряжении следствия значительного числа устройств мобильной связи, ряд которых не имеет к расследуемому событию никакого отношения.

В ряде случаев в распоряжении органов расследования появляется и возможность восстановления удаленных сведений. Подобного рода трудности возникают как вследствие противоправных действий самого пользователя устройства, так и необходимости обращения к давно оставленным, сохраненным данным.

Следует учитывать, что полученные сведения могут быть различным образом использованы в зависимости от следственной ситуации и объективных данных, имеющих в распоряжении субъекта расследования, об отдельных обстоятельствах расследуемого события. В прочем, судебно-следственная практика показывает, что устанавливаемые с помощью UFED сведения все чаще и эффективнее используются в доказывании по уголовным делам различных категорий.

1. Скобелин С. Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. № 2 (3). С. 22–27.

2. Батоев В. Б. Особенности применения UFED в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1 (3). С. 216–219.

3. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Актуальные вопросы применения криминалистической техники для получения информации, содержащейся в мобильных электронных устройствах // Вестник криминалистики. 2013. № 4 (48).

4. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Получение информации, содержащейся в электронных устройствах с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED): методические рекомендации. М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013.

5. Шампаров А. В. Получение информации о соединениях между абонентами в доказывании по уголовным делам: история и современное состояние // Органы предварительного расследования в системе МВД России: история, современность, перспективы: сб. материалов Всерос. научно-практич. конференции: в 2 ч. М., 2013. Ч. 1. С. 130–138.

6. Шолохов С. В., Коргин А. В., Васюков В. Ф. К вопросу о роли использования технико-криминалистических средств в доказывании по уголовным делам // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего

реформирования: сборник материалов Всероссийской конференции. Орел, 2015. С. 343–348.

7. Васюков В. Ф., Булыжкин А. В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Рос. следователь. 2016. № 6. С. 3–8.

Ключевые слова: мобильные устройства сотовой связи, программно-технический комплекс UFED, извлечение данных, исследование сведений, восстановление информации, расследование преступлений.

УДК 343.98

ОБНАРУЖЕНИЕ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Шувалов Михаил Николаевич,

старший преподаватель кафедры криминалистики

Четвертого факультета повышения квалификации

(с дислокацией в городе Нижний Новгород),

Институт повышения квалификации

Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,

603104, г. Нижний Новгород, ул. Красnozвездная, д. 5

Шувалова Анастасия Михайловна,

старший преподаватель кафедры криминалистики

Четвертого факультета повышения квалификации

(с дислокацией в городе Нижний Новгород),

Институт повышения квалификации

Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,

603104, г. Нижний Новгород, ул. Красnozвездная, д. 5

В статье рассмотрены некоторые особенности объектов биологического происхождения, способность их к самоуничтожению, что негативно отражается на получении как поисковой, так и доказательственной информации, необходимой для следствия. Основным рассматриваемым вопросом является – изучение средств обнаружения следов биологического происхождения с помощью предварительного исследования на месте происшествия.

Вопросы, связанные с приемами, методами и средствами поиска, фиксации и изъятия объектов биологического происхождения, достаточно подробно освещены в специальной литературе.

Однако анализ следственно-судебной практики выявил типичные ошибки и упущения в работе со следами биологической природы. Так, при осмотре мест происшествий, связанных с насилием, следствием явно недостаточно внимания уделяется выявлению и изъятию этих объектов, и в дальнейшем их исследованию. Среди изъятых преобладают следы крови (в основном потерпевших); редко – волосы, пот в следах рук (обычно отпечатки узора для дактилоскопической экспертизы), еще реже выявляют слюну и другие выделения, запаховые следы человека и прочие микрообъекты [4, с. 3–4].

Неэффективные результаты проводимых осмотров мест происшествий связаны с имеющимися пробелами в специальных познаниях некоторых сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, неверно выбранными тактикой и методикой следственного действия со стороны следователей, а также несоблюдением ими требований уголовно-процессуального законодательства.

Следы биологического происхождения несут существенную розыскную информацию, направленную на установление подозреваемых. Они могут быть образованы кровью, спермой, потом, слюной, вагинальными выделениями, мочой, калом. К ним относятся также волосы, органы и ткани человеческого организма, кости и их фрагменты. И здесь следует подчеркнуть, что практические работники недооценивают значение следов таких выделений предполагаемого преступника для целей розыска лиц [1, с. 18]. Особое место среди объектов биологического происхождения занимают запаховые следы человека.

Источником следов биологического происхождения является тело человека, его органы.

Все жидкие ткани и выделения человеческого организма на негигроскопических поверхностях при высыхании образуют корочки, а на гигроскопических – пятна.

Особенностью объектов биологического происхождения является то, что установление источника их происхождения основано на анализе компонентов, биологическая активность которых утрачивается под воздействием: временного фактора; контакта с внешней средой (влажность, температура, солнечный свет и пр.). Претерпевая деструктивные (в том числе гнилостные) изменения, такие объекты утрачивают видовые, групповые, индивидуализирующие, половые и иные признаки. Это делает невозможным их использование и для решения идентификационных задач, стоящих перед судебно-биологической экспертизой.

При решении идентификационных задач в идентифицируемом (отождествляемом) и идентифицирующем (с помощью которого производится отождествление) объектах выявляются общие (групповые) и частные признаки, производится их сопоставление и на основе совпадения совокупности частных признаков устанавливается индивидуально-конкретное тождество [2, с. 102].

Способность к самоуничтожению объектов биологического происхождения негативно отражается на получении как поисковой, так и доказательственной информации, необходимой для следствия.

Таким образом, от того, насколько правильно и своевременно проведены осмотр места происшествия, поиск, фиксация и изъятие объектов биологического происхождения, зависит их пригодность для дальнейшего исследования и возможность использования для решения идентификационных задач.

Ввиду того, что рассмотреть все проблемные вопросы в рамках одной статьи невозможно, мы остановимся на основных средствах обнаружения следов биологического происхождения с помощью предварительного исследования на месте происшествия.

Предварительное исследование – изучение объектов, еще не имеющих статуса вещественных доказательств, но могущих таковыми стать при наступлении определенных процессуальных условий [3, с. 234].

Предварительные исследования объектов биологического происхождения – это способ установления (диагностики) с помощью научно-технических средств родовой принадлежности обнаруженных следов крови, спермы без их уничтожения.

В настоящий момент используют предварительные пробы для установления присутствия двух видов объектов биологического происхождения, а именно – крови и спермы.

Для обнаружения других объектов биологического происхождения используется лишь оценка внешнего вида (например, волосы), цвета (потожировые наслоения, слюна, моча), запаха (моча, запаховые следы), характера наслоений (потожировые наслоения) и ситуационные особенности (запаховые следы).

Выявленные в ходе предварительных исследований предполагаемые следы биологического происхождения в дальнейшем должны быть направлены на судебно-биологическую экспертизу.

Выявление следов крови

Следы крови имеют различные оттенки бурого, коричневого, красно-оранжевого цветов, иногда с сероватым оттенком. В случае загнивания – имеются включения черного, зеленого, серого и белого цветов.

При визуальном осмотре предметов в целях обнаружения следов крови следует учитывать, что кровь на предмете может находиться в виде наслоений-«жорочек», которые легко отделяются от поверхности и могут быть утеряны вследствие неаккуратного обращения с предметом осмотра. Кроме того, обнаружение крови на предмете может быть затруднено не только необычной окраской самого пятна крови, но и окраской предмета-носителя. Пятно крови может сливаться по цвету с предметом, на котором оно находится. Иногда сложно вычленить пятно крови из общего рисунка поверхности. Оно как бы сливается с рисунком предмета-носителя. Наиболее часто такие ситуации случаются при поиске небольших по размеру пятен в виде брызг на стенах, оклеенных обоями со сложными многоэлементными рисунками, или на обивочной ткани мягкой мебели.

Нельзя упускать из виду и тот факт, что преступник часто пытается уничтожить следы крови на собственной одежде на месте происшествия. Поэтому при осмотре особое внимание необходимо уделять тем участкам поверхности, где возможно скопление крови, в результате ее замыывания, например, щели между половыми досками; углубления, трещины поверхности; стыки, соединения предметов обстановки; материал-утеплитель одежды; нитки швов обуви.

При поисках объектов биологического происхождения огромную помощь могут оказать как раз показания очевидцев и потерпевшего, а также данные экспертов-медиков о характере повреждений и орудии преступления. Так, если имеются данные о том, что потерпевшему, лежащему на полу (земле), наносились удары ногами, то следует с особой тщательностью осмотреть нижние поверхности предметов, располагающихся в зоне осмотра. Часто на нижней стороне столов, стульев, подоконников, батарей могут быть обнаружены следы крови, которые не были уничтожены преступниками.

Для выявления следов крови на месте происшествия используют:

- 3 % раствор H_2O_2 наносят на самый край исследуемого пятна. При наличии крови наблюдают появление «бугорка» пены белого цвета, как результат действия фермента каталазы, содержащейся в форменных элементах крови;

- 1 % раствор бензидина в этаноле, затем 5 % раствор H_2O_2 наносят на частичку крови или нить из пятна крови. Появляется синее окрашивание. На этой реакции основана проба Воскобойникова;

- реакцию с гемофаном. На край пятна предполагаемой крови накладывают полоску с реагентом гемофан, предварительно увлажненную водой. Окрашивание полоски в синий цвет считается положительным результатом реакции;

- в лучах УФ-света пятно крови приобретает коричневый цвет и не флуоресцирует. Если на нить из пятна крови или частичку крови нанести каплю концентрированной серной кислоты, то появляется ярко-красное свечение в УФ-лучах. Гемоглобин

крови под воздействием серной кислоты переходит в гемопорфирин, который дает флуоресценцию красного цвета;

- реакцию хемолюминесценции с применением раствора люминола и 3% раствора H_2O_2 . При взаимодействии люминола с кровью наблюдается хемолюминесценция голубого цвета.

При применении предварительных методов исследования следов, подозрительных на наличие крови, необходимо знать следующее:

- обработка пятна крови перекисью водорода не влияет на последующее определение антигенов АВ0 и др. серологических систем. Фермент каталаза нестойкий и реакция проходит только со свежими пятнами крови;

- применение серной кислоты, бензидина и люминола делает невозможным последующее исследование крови, поэтому предварительному исследованию подвергают только незначительную часть следа (пятна) крови. С микроследами эти исследования не проводят, их сразу направляют в лабораторию.

В выборе той или иной пробы на кровь лицо, проводящее осмотр, должно руководствоваться данными о чувствительности пробы к концентрации вещества крови, ее специфичности, ее влиянию на вещество крови (разрушающее или щадящее воздействие) и ситуационными особенностями осмотра.

Индикаторные полоски «Гемофан» (hemoPHAN®) представляют собой промышленно выпускаемый препарат в виде полимерной пластинки, на одном крае которой располагается индикаторная полоска. Данный препарат прост в использовании – увлажнив индикаторную зону чистой водой, ее накладывают на несколько секунд на край пятна, в котором подозревают наличие крови. Положительным результатом на присутствие крови является окрашивание индикаторного слоя в синий цвет различных оттенков – от светло-голубого до темно-синего. Интенсивность окраски зависит от концентрации вещества крови и стадии распада крови, а точнее – гемоглобина. Указанный тест основан на способности гемоглобина катализировать окисление индикатора органическим гидропероксидом, содержащимся в зоне индикации. В качестве реагентов в зоне индикации используют о-толидин и гидропероксид.

Достоинством индикаторных пластин «Гемофан» является и то, что с их помощью возможно исследовать не только большие пятна, но и работать с малыми количествами крови. Если пятно, в котором подозревают наличие крови мало по размерам, то отделяют часть пятна путем соскоба или отделения нити размерами от 0,1 см, помещают образец на индикаторную зону и смачивают его чистой водой. При наличии крови в образце будет происходить окрашивание участка индикаторной зоны, контактирующего с образцом.

Однако следует иметь в виду, что препарат «Гемофан» дает неспецифическую реакцию при контакте с некоторыми поверхностями, с гнилостно измененными препаратами.

Отдельно от остальных стоит проба на кровь с применением раствора люминола. Это – прежде всего обусловлено условиями ее применения. Если необходимо осмотреть большие по площади помещения или осуществить поиск старых замытых следов крови, то использование раствора люминола является наиболее оптимальным решением проблемы.

Данная проба обладает высокой чувствительностью и достаточно высокой специфичностью. Положительный результат наблюдается при взаимодействии раствора люминола с кровью при разведении ее до 1:500 000.

При обработке поверхностей раствором люминола его положительным качеством также является и то, что характерное свечение вещества крови после обработки

наблюдается по всей поверхности следа и полностью повторяет его форму, что в ряде случаев имеет дополнительное психологическое значение.

Применение раствора люминола требует дополнительной подготовки – осмотр с его использованием проводится в затемненном помещении. При неполном затемнении возможно не заметить слабое свечение.

Выявление следов спермы

Следы спермы имеют белый цвет с желтоватым оттенком. На ощупь участок ткани, пропитанный веществом спермы, более плотный (жесткий), чем сама ткань. При осмотре в целях обнаружения следов спермы следует особое внимание уделять предметам обстановки, на которых по данным потерпевших или свидетелей был совершен акт изнасилования. Сперма часто вытекает из влагалища жертвы, и если ограничиться одним освидетельствованием жертвы и взятием у нее образца содержимого влагалища, то можно получить отрицательный результат на наличие спермы, так как основное ее количество останется на месте происшествия. В связи с этим следует внимательно осмотреть одежду и белье потерпевших, а также те предметы, которые находились под жертвой в момент преступления. В УФ-лучах сперма флуоресцирует ярко-голубым светом за счет содержащегося в ней флавина. Следы спермы, смешанные с кровью, не флуоресцируют.

Предварительная проба на сперму основывается на выявлении в пятнах кислой фосфатазы. Для этого используют индикаторные полоски – «Фосфотест». Индикаторный слой, пропитанный реагентом, смачивают водой и прижимают с краю исследуемого пятна. При наличии спермы через 20–30 сек. наблюдается ярко-фиолетовая окраска подложки.

Выявление следов слюны

Следы слюны имеют сероватый или желтоватый оттенок. Однако окурки сигарет, папирос и фрагменты бумаги, которыми закрывают дверные «глазки», следует всегда изымать и направлять на дальнейшее исследование, даже если нет видимых следов слюны.

Выявление следов мочи

Следы мочи окрашены в желтый цвет различных оттенков и интенсивности и имеют характерный запах.

Выявление потожировых следов

О наличии потожировых наслоений свидетельствуют блестящие участки ткани – так называемые участки засаленности, а также обнаруженные дактилоскопическими методами следы рук или иных частей тела. Необходимо иметь в виду, что существуют различные дактилоскопические методы обнаружения следов рук или иных частей тела. Из них неразрушающими для вещества потожировых наслоений являются только методы специального освещения и оптического увеличения, осаждения копоты и метод опыления цветными порошками и их смесями, в то время как другие методы оказывают на вещество потожировых наслоений то, или иное разрушающее воздействие, исключающее возможность дальнейшего биологического исследования данных следов. Также при обнаружении на месте происшествия таких предметов, как расчески, нательное белье, они в обязательном порядке должны направляться на биологическое исследование в целях установления на них потожировых наслоений.

Выявление волос и волокон

Если при осмотре места происшествия или предметов обнаруживаются наложения в виде волокон, то они обозначаются как «объекты волокнистой природы», изымаются и направляются на исследование с целью установить их принадлежность к волосам.

1. Комиссаров В. И., Левченко Е. В. Биологические следы человека как объект криминалистического исследования. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. 176 с.
2. Методика расследования отдельных видов преступлений против личности: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под общ. ред. В. Н. Карагодина. М.: Юнити-Дана, 2015. 503 с.
3. Словарь по криминалистике. 1250 терминов и определений / [авт.-сост. А. М. Багмет и др.]; под ред. А. И. Бастрыкина. М.: Юнити-Дана, 2015. 383 с.
4. Шамонова Т. Н. Следы человека на месте преступления, их роль в доказывании (биологический аспект). М.: МосУ МВД России. Издательство «Щит-М», 2009. 153 с.

Ключевые слова: объекты биологического происхождения, осмотр места происшествия, поиск, фиксация и изъятие объектов биологического происхождения, предварительное исследование на месте происшествия, поисковая и доказательственная информация

УДК 343.98

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСА О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО О НАЗНАЧЕНИИ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Шутько Светлана Алексеевна,
*адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье указывается актуальность исследования производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности, рассмотрены точки зрения ученых относительно целесообразности введения в законодательство названного производства.

Федеральным законом Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ в одноименное российское законодательство введены новая мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и новый вид уголовно-процессуального производства, который, согласно главе 51.1 УПК РФ, получил название «производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности». При этом в ст. 446.1 УПК РФ законодатель более подробно регламентирует, какое именно производство регулируется названной главой: «прекращение уголовного дела или уголовного преследования и назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» [1].

Как и любое нововведение, введение в уголовно-процессуальное законодательство института прекращения уголовного дела или уголовного преследования и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа среди ученых и практических сотрудников вызвало неоднозначную реакцию. С одной стороны, очевидны положительные факторы, сопутствующие такому производству по уголовному

делу, а именно: наиболее быстро восстанавливаются нарушенные преступлением права и законные интересы потерпевших, наиболее положительные для обвиняемого последствия применения такого особого производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, срок производства в целом по уголовному делу значительно сокращается. С другой стороны, в российском уголовном и уголовно-процессуальном праве уже имеются меры уголовно-правового характера, которые могут быть применены при условии полного признания обвиняемым вины в совершенном преступлении и полном возмещении причиненного преступлением ущерба, что может привести к несправедливому, субъективному принятию решения следователем, дознавателем или судом при производстве по уголовному делу, а также при применении нововведенного производства, как, например, отмечает Т. В. Трубникова, «возможно злоупотребление правом со стороны потерпевшего, или злоупотребление полномочиями со стороны следователя, дознавателя, суда (так как не установлен порядок решения вопроса о том, был ли возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный преступлением вред) [4, с. 368].

Целью введения производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, в соответствии с пояснительной запиской к Законопроекту, является исключение негативных последствий, свойственных для «традиционной» уголовной юстиции, а также нецелесообразность применения в ряде случаев уголовного наказания [3].

Практика применения производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности только начинает формироваться, однако, уже сегодня мнения ученых о целесообразности введения названного института разделились и данный вопрос является дискуссионным.

Так, Т. В. Трубникова считает, что производство по назначению меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа введено непродуманно и крайне неудовлетворительно урегулировано в действующем уголовно-процессуальном законе. По её мнению, в производстве о назначении меры уголовно-правового характера отсутствуют признаки и условия, необходимые для того, чтобы признать названное производство альтернативой уголовному преследованию, уголовной ответственности или даже уголовному наказанию, а, следовательно, производство о назначении меры уголовно-правового характера представляет собой разновидность основного производства по уголовному делу, процессуальная форма которого должна быть такой, чтобы обеспечивать его участникам возможность реализации их права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, гарантировать, что отказ от этих прав будет носить исключительно добровольный характер, содержать механизм, который исключал бы предсказуемые возможности злоупотребления правом со стороны участников процесса – физических лиц и злоупотребления дискреционными полномочиями – со стороны государственных органов и должностных лиц. Однако такая процессуальная форма не создана [4, с. 370].

Н. Н. Апостолова, наоборот, указывает, что «есть все основания считать судебный штраф, назначаемый судом при освобождении лица от уголовной ответственности, альтернативой уголовной ответственности. При наличии указанных в ст. 76.2 УК РФ условий лицо освобождается от уголовной ответственности. Полномочия суда о прекращении уголовного дела по указанным в ст. 25.1 УПК РФ основаниям закреплены в ч. 1 ст. 29 УПК РФ, предусматривающей принятие решений по существу дела. Неуплата назначенного судом судебного штрафа в установленный судом срок влечет его отмену в соответствии со ст. 446.5 УПК РФ и продолжение производства по уголовному делу в общем порядке.

Судебный штраф, налагаемый сверх предусмотренной законом обязанности возмещения или заглаживания причиненного преступлением вреда, в определенной мере содержит в себе и элемент наказания за совершенное преступление. Его применение подразумевает восстановление социальной справедливости и такое исправительное воздействие на лицо, которое бы удерживало его от совершения новых преступлений. Обвиняемый или подозреваемый, помимо позитивного посткриминального поведения в форме возмещения или заглаживания причиненного преступлением вреда, подвергается еще и определенному материальному наказанию «рублем» взамен на освобождение от уголовной ответственности.

Таким образом, институт судебного штрафа является своеобразным симбиозом альтернативного разрешения уголовного правового конфликта и наказания» [2].

Как уже отмечалось ранее, практика применения производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности только начинает формироваться, в связи с чем сделать вывод о том, насколько успешно оно будет применяться, можно лишь через несколько лет. Но, несмотря на это, уже сегодня можно сделать вывод о том, что для обеспечения необходимости и эффективности его применения необходима более усовершенствованная, уточненная правовая основа, нежели имеющаяся в настоящее время. Изложенное подчеркивает необходимость на основе глубокого анализа российского и зарубежного опыта, современной правоприменительной практики правоохранительных органов и суда исследовать уголовно-процессуальный порядок производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности с целью определения путей совершенствования законодательства для его дальнейшего эффективного применения в практической деятельности соответствующих должностных лиц.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (часть II), ст. 4256.

2. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Рос. юстиция. 2016. № 10. С. 34–37.

3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 14 декабря 2015 г.).

4. Трубникова Т. В. Производство о назначении меры уголовно – правового характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной конференции, 20–21 октября 2016 г. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. С. 366–372.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела, судебный штраф, мера уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности.

УДК 343.15

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК ОДНА ИЗ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Шутько Светлана Алексеевна,
*адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Статья посвящена проблемам, возникающим при наложении ареста на имущество в целях возмещения причиненного преступлением ущерба.

Конституция Российской Федерации провозглашает право потерпевших от преступлений на компенсацию причиненного ущерба [1]. Ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации объявляет возмещение вреда, причиненного преступлением, одним из назначений уголовного судопроизводства, а также предусматривает такую форму обеспечения права потерпевшего на возмещение ущерба, причиненного преступлением, как гражданский иск [2].

Гражданский иск представляет собой письменное требование гражданина или юридического лица о возмещении ущерба, причиненного преступлением или запрещенным уголовным кодексом общественно опасным деянием невменяемого, предъявленное по уголовному делу к обвиняемому или к лицам, несущим по закону имущественную ответственность за действия обвиняемого или невменяемого.

Для того, чтобы положительно решить вопрос о возмещении ущерба при заявлении потерпевшим гражданского иска, должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно принять все меры к установлению местонахождения и изъятию похищенного имущества, а также имущества, за счет которого может быть возмещен материальный ущерб. При установлении в ходе расследования уголовного дела имущества, за счет которого может быть возмещен материальный ущерб потерпевшему, в целях обеспечения его сохранности и невозможности дальнейшего отчуждения, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на такое имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Если на момент установления имущества, за счет которого может быть возмещен материальный ущерб потерпевшему, гражданский иск потерпевшим еще не заявлен, то следователь, дознаватель, все равно обязан наложить арест на обнаруженное имущество.

Так в чем же заключается наложение ареста на имущество? Какие плюсы и минусы существуют на практике в применении наложения ареста на имущество, как меры обеспечения права потерпевшего на возмещение ущерба?

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение. Арест может быть наложен на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, а также иных лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организо-

ванной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Таким образом, исходя из буквы закона, наложить арест на имущество следователь, дознаватель может только в рамках возбужденного уголовного дела [2]. Зачастую, по уголовным делам экономической направленности, где суммы материального ущерба составляют более 100 000 рублей, сроки сбора проверочного материала органом дознания превышают 30 суток и длятся неопределенное количество времени, прежде чем попадают к следователю, дознавателю. В таких случаях, на момент возбуждения уголовного дела, лицо, совершившее преступление («потенциальный» подозреваемый), уже заранее знает, что его могут привлечь к уголовной ответственности, и, не желая «расставаться» с нажитым имуществом, а также возмещать причиненный материальный ущерб, потенциальный подозреваемый за время проведения проверки сообщения о преступлении принимает все меры к сокрытию имеющегося у него имущества, за счет которого может быть возмещен материальный ущерб. Данные факты приводят к трудностям в установлении сокрытого имущества, к увеличению сроков расследования и, как следствие к минимализации возможности полного возмещения материального ущерба. Пресечь данные негативные факты возможно путем внесения изменений в российское законодательство, а именно:

1) Расширить перечень лиц, имеющих право возбуждать ходатайство о наложении ареста на имущество, дополнить его перечень сотрудниками органа дознания, в производстве которых находится материал проверки сообщения о преступлении, в ходе которого причинен материальный ущерб.

2) Предоставить должностным лицам право обращения в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество «потенциальных» подозреваемых до возбуждения уголовного дела.

По уголовным делам, в ходе расследования которых был наложен арест на имущество, и подлежащим приостановлению в порядке ст. 208 УПК РФ предусмотрена обязанность следователя до приостановления предварительного следствия установить обстоятельства, подтверждающие основания наложения ареста на имущество, а также рассмотреть возможность изменения ограничений, связанных с владением, пользованием и распоряжением арестованным имуществом, либо об отмене ареста, наложенного на имущество. В случае, если основания для применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, не отпали, то следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о продлении срока наложения ареста на имущество [2].

С одной стороны, названные положения закона расширяют права и возможности следователя, дознавателя по обеспечению возмещения материального ущерба, позволяя удерживать под контролем имущество, на которое в последствие, при установлении подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу, возможно будет обратить взыскание потерпевшего. (При условии изъятия следователем, дознавателем арестованного имущества и помещения его в камеру хранения, данное положение закона является положительным аспектом). Но, с другой стороны, возникает вопрос, если имущество передано на хранение владельцу или иному лицу, то кто и как будет отслеживать целостность и сохранность арестованного имущества. Что будет с арестованным имуществом по истечении сроков давности по уголовному делу? Будет ли оно обращено в пользу потерпевшего как в счет возмещения ущерба по уголовному делу, если лицо, совершившее преступление так и не будет установлено? Кто будет принимать решение по уголовному делу в части имущества, на которое наложен арест по истечении сроков давности расследования уголовного дела? А в случае, если следователь примет реше-

ние изменить ограничения, связанных с владением, пользованием и распоряжением арестованным имуществом, где гарантия, что арестованное имущество не скроется или уничтожится к моменту установления лица, совершившего преступление?

Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации, хотя и предусматривает как гарант сохранности переданного на хранение имущества соответствующую запись в протоколе, однако никаких санкций за нарушение этого условия не предусматривает. Представляется, что наиболее качественной гарантией соблюдения сохранности арестованного имущества, переданного на хранение владельцу или иному лицу, явилась бы соответствующая подписка, в которой оно обязуется хранить в целостности и сохранности арестованное имущество до решения суда. А в случае нарушения данной подписки, в адрес названного лица должны быть приняты соответствующие санкции материального характера. Обязательным условием такого обеспечения права потерпевшего на возможное возмещение ущерба в будущем должна являться реальная и действительная реализация санкций материального характера в случае нарушения подписки о сохранности имущества.

1. Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела, судебный штраф, мера уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ НЕЗАКОННОЙ ОПЛАТЫ ЗАКАЗЧИКОМ ТОВАРА, СОВЕРШЕННОЙ ДО ЕГО ОТГРУЗКИ

Яшков Сергей Александрович,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права

Второго факультета повышения квалификации

(с дислокацией в городе Екатеринбурге),

Институт повышения квалификации

Академии Следственного комитета Российской Федерации,

620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

В настоящей статье анализируется следственно-судебная практика квалификации преступлений в сфере осуществления государственных закупок, а именно – уголовно-правовая оценка незаконной оплаты заказчиком товара, совершенной до его отгрузки.

Анализ мировой практики показывает, что государственные закупки являются важным инструментом регулирования рынка, поддержки экономической и социальной стабильности, обеспечения роста экономики [1].

Существующая на сегодняшний день процедура закупок призвана обеспечить не только государственные нужды, но и снизить уровень коррупции.

Согласно законодательству Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [2] приобретаемые товары, работы, услуги должны оплачиваться заказчиком после их отгрузки, выполнения работ, оказания услуг. В случае, если в предусмотренные контрактами сроки товары, работы или услуги не поставлены, не выполнены или не оказаны, должностные лица заказчика не имеют права подписывать товарные накладные, счета-фактуры, акты выполненных работ или услуг.

В противном случае, подобное деяние подлежит уголовно-правовой оценке по нормам гл. 30 УК РФ.

Вместе с тем в следственно-судебной практике возникают сложности с квалификацией преступлений, связанных с незаконной оплатой заказчиком товара, совершенной до его отгрузки.

Например, между ФГУ «Земельная кадастровая палата по ЯНАО» и ООО «СЦ Ямал» 22 декабря 2008 г. был заключен государственный контракт на поставку автотранспортного средства – микроавтобуса. Сторонами в договоре был указан срок поставки – 25 декабря 2008 г. Заведомо зная, что автобус не поставлен, руководитель ФГУ «Земельная кадастровая палата по ЯНАО» Д. подписал товарную накладную от 22 декабря 2008 г., подтверждающую получение микроавтобуса от ООО «СЦ Ямал» стоимостью 1 200 000 р. и произвел оплату за поставленный автобус.

Следствие считало, что в данном случае руководитель ФГУ «Земельная кадастровая палата по ЯНАО» Д. совершил злоупотребление служебными полномочиями. Судебные органы согласились с данным мнением и приговором Салехардского городского суда от 6 августа 2010 г. Д. был осуждён по ч. 1 ст. 285 УК РФ [3].

В другом случае А., являясь должностным лицом, заключил от имени МВД по Республике Бурятия (далее – МВД по РБ) государственный контракт с ООО «Редут» на поставку автомобилей для нужд МВД по РБ на сумму 2 895 000 р. Согласно условиям контракта ООО «Редут» обязано было поставить три автомобиля «Форд Мондео» стоимостью 965 000 р. каждый в срок до 15 декабря 2009 г., а МВД по РБ должно было производить оплату товара по контракту за счет средств республиканского бюджета путем перечисления денежных средств на расчетный счет ООО «Редут» по факту поставки товара.

8 декабря 2009 г. ООО «Редут» во исполнение обязательств по контракту поставило в автохозяйство МВД по РБ два автомобиля «Форд Мондео», а МВД по РБ перечислило ООО «Редут» 1 930 000 р.

Вместе с тем ООО «Редут» к предусмотренному контрактом сроку 15 декабря 2009 г. так и не поставило в МВД по РБ оставшийся автомобиль, пояснив, что из-за поломки автовоза сможет обеспечить поставку третьего автомобиля только в 2010 г. Одновременно руководитель ООО «Редут» предложил временно предоставить в МВД по РБ другой автомобиль, который возможно будет укомплектовать до предусмотренного контрактом уровня комплектации.

В ответ на это предложение А. единолично принял решение и дал указание об оплате 965 000 р. за третий автомобиль по контракту на счет ООО «Редут» до момента его фактической поставки и о получении автохозяйством МВД по РБ до такой поставки от ООО «Редут» автомобиля «Форд Мондео» и хранении последнего в автохозяйстве МВД по РБ.

Во исполнение данных договоренностей ООО «Редут» поставило в автохозяйство МВД по РБ автомобиль «Форд Мондео» стоимостью 765 071,18 р., а МВД по РБ перечислило ООО «Редут» 965 000 р.

Органами предварительного следствия действия А. были квалифицированы как превышение должностных полномочий при исполнении контракта в части приобрете-

ния третьей автомашины «Форд Мондео». Советский районный суд г. Улан-Удэ от 30 ноября 2011 г. осудил А. по ч. 1 ст. 286 УК РФ [4].

Как видно, приведенные примеры практически схожи и заключаются в нарушении должностными лицами порядка оплаты государственных контрактов по поставке автомобилей. Вместе с тем, достаточно интересной является столь разная квалификация деяний, связанных с незаконной оплатой заказчиком товара, совершенной до его отгрузки, – в одном случае по ст. 285 УК РФ, а в другом – по ст. 286 УК РФ.

Согласно действующему уголовному закону объективная сторона злоупотребления должностными полномочиями заключается в использовании должностным лицом своих служебных полномочий, совершенном вопреки интересам службы. Под превышением должностных полномочий понимается совершение действий, явно выходящих за пределы этих полномочий.

По мнению следствия в первом случае руководитель ФГУ «Земельная кадастровая палата по ЯНАО» Д. подписал товарную накладную, подтверждающую получение микроавтобуса от ООО «СЦ Ямал», заведомо зная, что автобус не поставлен. Таким образом, он использовал свои служебные полномочия вопреки интересам службы. Во втором А., являясь должностным лицом, превысил свои должностные полномочия при исполнении контракта в части приобретения третьей автомашины «Форд Мондео», совершив действия, которые он не вправе был совершать ни при каких обстоятельствах.

Поскольку данные составы преступления по конструкции являются материальными, оба деяния должны повлечь за собой наступление последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

В случае с ФГУ «Земельная кадастровая палата по ЯНАО» в качестве таковых были указаны причинение федеральному бюджету ущерба в размере 1 200 000 р. за непоставленный микроавтобус от ООО «СЦ Ямал». В примере с МВД по РБ – дискредитация и подрыв авторитета внутренних дел Республики Бурятия в глазах общественности, причинение бюджету республики материального ущерба, а также дезорганизация работы правоохранительных органов МВД по РБ, поскольку автомашина «Форд Мондео» в МВД по РБ так и не была поставлена, а денежные средства в бюджет не возвращены.

Таким образом, как видно, в одном случае следственные органы пришли к выводу, что в действиях должностного лица имеет место злоупотребление должностными полномочиями, а в другом – превышение. Вместе с тем, объективная сторона данных составов преступлений, а именно – такой ее признак как деяние, являются разными. По ст. 285 УК РФ должностное лицо должно действовать в пределах своих полномочий, а по ст. 286 УК РФ – выйти за их пределы. Это является основой разграничения данных составов.

В связи с этим есть необходимость более подробно разобраться с тем, что представляет собой деяние – злоупотребление служебными полномочиями, а что – превышение должностных полномочий.

Однако прежде следует обратить внимание на то, что, помимо объективных признаков, для квалификации деяний лиц в приведенных примерах огромное значение имеют также субъективные, а именно – субъективная сторона преступления. Более конкретно – мотив совершения преступления.

Так, для злоупотребления должностными полномочиями мотивы – корыстная или иная личная заинтересованность – являются обязательным признаком субъективной стороны. Для квалификации превышения должностных полномочий мотивы значения не имеют, однако в большинстве случаев органами предварительного следствия доказываются.

Во-первых, потому что этого требует уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, относящее мотивы совершения преступления к обстоятельствам, подлежащим обязательному доказыванию при производстве по любому уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). Во-вторых, для возможности судебной переквалификации преступления со ст. 286 УК РФ на ст. 285 УК РФ.

Вряд ли можно признать, что в рассматриваемых случаях должностные лица руководствовались корыстной заинтересованностью, поскольку они лично не получали для себя каких-либо материальных выгод (в том числе и для своих близких). Таким образом, можно предположить, что они действовали из иной личной заинтересованности.

Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [5] иная личная заинтересованность – это стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.

К другим примерам иной личной заинтересованности можно отнести стремление установить меркантильные связи, месть, ревность, зависть, стремление скрыть упущения по работе, карьеристские соображения, желание угодить начальству [6].

Если виновный руководствовался иными мотивами, например, ложно понимаемыми интересами службы, его действия не могут быть квалифицированы по ст. 285 УК РФ [7].

В силу специфики обстановки, в которой совершается преступление, а именно – исполнение государственных контрактов на закупку товаров, работ или услуг, зачастую трудно доказать, что должностное лицо действовало из личной заинтересованности.

На практике органами следствия достаточно часто доказывается, что мотивами совершения подобных деяний является желание должностного лица приукрасить действительное положение о его деятельности по развитию материально-технической базы подведомственного государственного органа (учреждения), «освоить» бюджетные средства в текущем финансовом году.

Вместе с тем, имеет место судебная практика, не признающая данные мотивы иной личной заинтересованностью.

Так, в приведенном примере с ФГУ «Земельная кадастровая палата по ЯНАО» Салехардским городским судом Д. был осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ. Однако Постановлением Президиума суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 10 ноября 2010 г. приговор был отменен, а уголовное дело в отношении Д. по ч. 1 ст. 285 УК РФ прекращено в связи с отсутствием в действиях лица состава преступления.

Президиум указал, что из установленных обстоятельств дела следует, что инкриминируемые Д. действия осуществлены исключительно с целью приобретения микроавтобуса для использования в служебной деятельности учреждения. Такие действия сами по себе не могут быть расценены как совершенные из личной заинтересованности и фактически направлены на надлежащее исполнение Д. своих должностных обязанностей, в силу которых он обязан обеспечивать высокоэффективную и устойчивую работу руководимого учреждения, его производственное и социальное развитие, обеспечение развития материально-технической базы. Вывод суда о том, что Д. пытался приукрасить действительное положение вещей, не основан на каких-либо доказательствах. Личная заинтересованность в какой-либо другой форме Д. в вину не ставилась и по делу не установлена [8].

В примере с МВД по РБ А. вменялось не просто превышение должностных полномочий, а совершение их из иной личной заинтересованности – желания своевременно освоить средства республиканского бюджета в сумме 965 000 р. до конца финансового года.

Как указывалось выше, Советский районный суд г. Улан-Удэ осудил А. по ч. 1 ст. 286 УК РФ. Однако иную личную заинтересованность он из обвинения исключил.

Верховный Суд Республики Бурятия согласился с данной позицией, указав в своем определении следующее. Как установлено судом, у МВД по РБ в 2009 г. имелась объективная необходимость в приобретении автомобилей. То, что А. желал своевременно освоить средства республиканского бюджета в сумме 965 000р. до конца финансового года не свидетельствует о его личной заинтересованности в приобретении автомобилей [8].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что судебными органами желание должностного лица приукрасить действительное положение о его деятельности по развитию материально-технической базы подведомственного государственного органа (учреждения), «освоить» бюджетные средства в текущем финансовом году не рассматриваются в качестве иной личной заинтересованности, что еще раз подтверждает тот факт, что данный мотив совершения преступлений в сфере государственных закупок является наиболее сложным для доказывания.

В связи с этим, поскольку мотивы преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, являются конструктивным признаком состава преступления, не усмотрев их, суд Ямало-Ненецкого автономного округа приговор в отношении Д. отменил.

Учитывая, что мотивы превышения должностных полномочий не являются конструктивным признаком состава преступления, суды Республики Бурятия признали, что в действиях А. содержится состав преступления, предусмотренный ст. 286 УК РФ, даже исключив мотивы.

Анализ мотивов совершения преступления не позволяет определиться с квалификацией деяний, связанных с незаконной оплатой заказчиком товара, совершенной до его отгрузки, поскольку в случае их установления и доказывания, они имели бы значение только для ст. 285 УК РФ.

Если предположить, что в приведенных примерах они все же были приняты судами, возникает вопрос – какое преступление было совершено?

В связи с этим есть необходимость вернуться к анализу объективной стороны злоупотребления должностными полномочиями и их превышения?

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы понимается совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями. В частности, злоупотреблением должностными полномочиями признаются совершение входящих в круг должностных полномочий должностного лица действий при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения (п. 15).

В соответствии с этими же разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации превышение должностных полномочий может выражаться, например, в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, кото-

рые: относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу); могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц); совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать (п. 19).

Учитывая, что и в первом приведенном случае, и во втором, у должностных лиц были полномочия по исполнению государственного контракта, следует признать, что в законном русле они могли его исполнить только при условии поставки соответствующих товаров ведомствам. Поскольку они поставлены не были, можно предположить, что должностное лицо выходит за пределы предоставленных ему полномочий. Именно поэтому органы следствия вменяли А. превышение должностных полномочий при исполнении контракта в части приобретения третьей автомашины «Форд Мондео», признав, что он совершил действия, которые не вправе был совершать ни при каких обстоятельствах. И Верховный Суд Республики Бурятия согласился с данной позицией.

1. Попова О. А. Государственные закупки как эффективный инструмент регулирования развития экономики региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 6 (90). С. 61.

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон Рос. Федерации от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Рос. газ. 2013. 12 апр. № 80.

3. Обзор практики рассмотрения судом Ямало-Ненецкого автономного округа уголовных дел в кассационном и надзорном порядке за 12 месяцев 2010 года: утв. Постановлением президиума суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 2 февраля 2011 г. (дело № 4У-116/2010) [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=185.

4. Кассационное определение Верховного Суда Рес. Бурятия по делу № 22-474 [Электронный ресурс]: от 20 марта 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 // Рос. газ. 2009. 30 окт. № 207.

6. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. редакторы д. ю. н., проф. И. Я. Козаченко и д. ю. н., проф. З. А. Незнамова, к. ю. н., доцент Г. П. Новоселов. М., 1998. С. 598.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2012. С. 810; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, д-ра юр. наук, проф. А. И. Рарога, д-ра юр. наук, проф. А. И. Чучаева. М., 2011. С. 610; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: курс лекций / А. И. Рарог, Г. А. Есаков, А. И. Чучаев, В. П. Степалин; под ред. А. И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. С. 441 и др.

8. Обзор практики рассмотрения судом Ямало-Ненецкого автономного округа уголовных дел в кассационном и надзорном порядке за 12 месяцев 2010 года: утв. Постановлением президиума суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 2 февраля

2011 г. (дело № 4У-116/2010) [Электронный ресурс] // URL: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=185.

9. Кассационное определение Верховного Суда Рес. Бурятия по делу № 22-474 [Электронный ресурс]: от 20 марта 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: государственные закупки, товар, отгрузка, злоупотребление служебными полномочиями, превышение служебных полномочий.

УДК 343.2

Сборник статей

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 1516 от 11.11.2015 г.

Подписано в печать 10.04.2017 г. Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 17,25. Тираж 29 экз. Заказ № 934.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Орел, Игнатова, 2.